

Інститут психології імені Г.С. Костюка НАПН України
Лабораторія екологічної психології

ЕКОЛОГІЯ ЖИТТЕВОГО ПРОСТОРУ ЛЮДИНИ

*вибрані праці Ю.М. Швалба
(до 65-річчя від дня народження)*

Київ
2020

УДК 159.9
ББК 88.4
Ш 43

**Екологія життєвого простору людини. Вибрані праці Ю. М. Швалба. –
Видання друге, перероблене й доповнене – К. : Інститут психології імені
Г.С.Костюка НАПН України, 2020. – 308 с.**

*Друкується за рішенням
засідання Вченої ради Інституту психології
імені Г.С. Костюка НАПН України (№ 8 від 25.06.2020)*

До книги увійшли праці різних років чудового українського
психолога Ю.М. Швалба, присвячені дослідженню проблеми
екологізації та гармонізації взаємодії людини з просторами її розвитку і
самоздійснення. В якості одного з ключових механізмів, що забезпечує
екологічність життєвого простору, виступає суб'єктність людини в
організації власної життедіяльності і способу життя.

Монографія розрахована на широке коло читачів, які цікавляться
проблемами сучасної психологічної теорії і практики.

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА	5
------------------------	----------

РОЗДІЛ 1. ТЕОРЕТИЧНІ ПРОБЛЕМИ ЕКОЛОГІЗАЦІЇ ЖИТТЕВОГО ПРОСТОРУ ЛЮДИНИ

1.1. Просторово-психологічна організація середовища буття і життєдіяльності	7
1.2. До визначення понять середовище і простір в життєдіяльності людини (рос.)	15
1.3. Теоретичні проблеми структурування сфер життєдіяльності особистості (рос.)	24
1.4. До проблеми визначення екопсихологічних систем (рос.)	37
1.5. Екопсихологічні виміри образу життя (рос.)	45
1.6. Еволюційна метафора в психологічній структурі образу життя	54
1.7. Еколо-психологічний підхід до визначення категорії «якість життя» (рос.)	72
1.8. Психологічні механізми оцінки ситуації (рос.)	85

РОЗДІЛ 2. ПРОСТОРИ РОЗВИТКУ ЛЮДИНИ

2.1. Психологічні моделі соціалізації особистості.....	95
2.2. Простір становлення соціальних здібностей особистості (рос.)	108
2.3. Культурно-психологічний (знаково-символічний) простір гри	125
2.4. Становлення механізмів цілепокладання в дошкільному віці (рос.)	135
2.5. Особистість у просторі неперервної освіти: від необхідності до потреби	150
2.6. Складні життєві обставини як об'єкт психологічних практик .	157
2.7. Ресоціалізація особистості як задача соціально-психологічної практики (рос.)	169

РОЗДІЛ 3. ПРОСТОРИ САМОЗДІЙСНЕННЯ ЛЮДИНИ

3.1. Повернення до забutoї теми: проблема волі в психології (рос.)	178
3.2. Функції уяви в просторі життя особистості (рос.)	194
3.3. Людина-маніпулятор (рос.).....	204
3.3. Соціальна агресія як предмет дослідження в екологічній психології (рос.)	218
3.4. Переживання успіху та успішності в структурі образу життя особистості (рос.)	227
3.5. Економічна культура як проблема образу життя (рос.)	242
3.6. Соціально-психологічні механізми общинної соціалізації: позиційна модель.....	257
3.7. Проблема суб'єктивного благополуччя особистості у просторах розвитку і самоздійснення	271
ПРО АВТОРА	303
ПІСЛЯМОВА	306

ПЕРЕДМОВА

Швидкоплинність подій у сучасному світі руйнує усталені традиції, суспільні стандарти, норми та стереотипи, які упродовж століть виступали як базові регулятори індивідуальної поведінки. Можливість особистого вибору у більшості сфер буття, орієнтація на власні запити та здібності у розбудові життя стає повсякденністю і все більше заохочує людину до пізнання себе, своїх життєвих сенсів та можливостей їх втілення у навколошньому природному, предметному, соціальному оточенні.

Довкілля у процесах його опанування індивідуальним суб'єктом набуває все більшої багатовимірності, все важче піддається науковим класифікаціям та типізаціям. Суспільні простори тяжіють до мінімізації, «підгонки» під запити окремої людини, психологічно привласнюються та зрощаються із нею. Цей тип зв'язків сучасної людини з її оточенням потребує збагачення та наповнення більш глибоким суб'єктним змістом категорій, які у ХХ столітті органічно увійшли до «тіла» наукової психології. Мова йде про категорії життєвого простору, життєвого середовища, способу та образу життя людини.

На наш погляд, саме орієнтація на екологізацію вже усталених у психології понять, розробка нових методологічних та теоретичних зasad їх реалізації для вивчення людини, котра самовизначається, розвивається, самоздійснюється у своїх життєвих просторах, розширюючи їх межі, перетворюючи їх обмеження на ресурси, становить

зміст та пафос праць Ю.М. Швалба у галузі екологічної психології та дисциплін, що із нею межують.

Визначення життєвих просторів розвитку та самоздійснення, зовнішніх та внутрішніх чинників набуття довкіллям статусу, який є невід'ємною частиною творення людиною власного індивідуально-неповторного життя, особистісні феномени переживання благополуччя та задоволеності життям, які супроводжують ці процеси - таким є основний зміст наукових праць, які увійшли до цього видання. Ми вдячні їх автору за чіткі наукові орієнтири, які відкривають нашому колективу нові горизонти в розвитку екологічної психології в Україні.

O.B. Рудоміно-Дусятська

РОЗДІЛ 1. ТЕОРЕТИЧНІ ПРОБЛЕМИ ЕКОЛОГІЗАЦІЇ ЖИТТЄВОГО ПРОСТОРУ ЛЮДИНИ

1.1. Просторово-психологічна організація середовища буття і життєдіяльності¹

Той факт, що буття і життєдіяльність людини здійснюється у певному конкретному середовищі не викликає жодного сумніву і тому його можна прийняти як вихідний постулат усього подальшого аналізу. Питання полягає тільки у тому, що вважати таким середовищем. Надалі ми проведемо детальний аналіз видів і типів середовищ, але зараз можемо стверджувати, що як в історичному, так і в онтологічному аспектах людське буття передбачає наявність двох базових типів середовища існування. З одного боку, це конкретне природне, а точніше, ландшафтно-природне середовище, яке існує як «*natura naturata*» і утворює базові умови побудови і розгортання форм життєдіяльності. З другого боку, це конкретне соціальне, а точніше соціокультурне середовище, яке існує у сукупності норм і правил організації соціальної поведінки, діяльності і взаємодії.

Ці два середовища утворюють певну щільність і саме на їх перетині формується базовий психологічний конструкт свідомості, який можна визначити як «образ життя» і відповідний конструкт практик, який можна визначити як «спосіб життя».

Спосіб життя, у психологічному розумінні, задається й структурується ментальною схемою соорганізації простору

¹ Статтю опубліковано у виданні «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України», том 7 – екологічна психологія, випуск 40, 2015. – Стор. 198-207.

життедіяльності та форм її здійснення. Простір життедіяльності структурується усвідомлюваними умовами й обставинами життя, а форми – переважними цільовими настановами й інтенціями. Цілісність способу життя утворюється й утримується на трьох психологічних рівнях:

- на рівні свідомості як ідея сенсу життя;
- на рівні волі суб'єкта дії як ідея належного в житті;
- на рівні переживання особистості як ідея справедливості й «правильності» життя.

Однак спосіб життя не можна розглядати тільки в структурному плані – він завжди здійснюється й розгортається як процес, а точніше, як сукупність процесів життедіяльності, через які здійснюється «виробництво й відтворення» життя.

Сама життедіяльність може бути представлена як нерозривна єдність трьох діяльнісних процесів (див. рис. 1):

- **життезабезпечення**

Базовий принцип – максимальне накопичення ресурсів. Мир заданий як просторова «карта залягання» ресурсів (своєрідна економічна географія: отут залягають гроші, отут – влада й т.п.). Життя – як нескінченна боротьба за ресурси. Психологічний показник: успішність як максимальна наближеність до ресурсів. Ціннісна типологія ресурсів (гроші, влада, статус, речі, предмети розкоші й т.п.) задає базову мотивацію вибору цільових об'єктів життедіяльності. Базова міфолого-психологічна ідея – ідея справедливості.

- **життеустрій**

Базовий принцип – комфорт. Мир заданий як топологічне середовище, що полягає з топонімів факторів підтримуючих або порушують гомеостаз (соціальна географія: «гори страху», «море насолоди», «вершини задоволення» і т.п.). Життя – як нескінченна середовищна адаптація (асиміляція й акомодація). Психологічний показник: благополуччя як максимальна перевага позитивних факторів. Топологія середовища задає «маршрутну карту» просування до місць комфорту й уникнення джерел дискомфорту, як виражений стиль життя. Базова міфолого-психологічна ідея – ідея щастя.

- **життєреалізація (життебудівництво)**

Базовий принцип – суб'єктність. Мир заданий як ландшафтна карта, на якій розташовується архітектурний проект якогось майбутнього спорудження (від вихідного ландшафту в

процесі реалізації проекту може бути щось і залишиться, але не обов'язково: Мир, лише вихідна умова моєї дії, «ніщо, яке є щось»). Життя – як нескінченний рух до великої мрії.

Близький приклад – А.С.Пушкін «Мідний вершник»:

*«На берегу пустынных волн
стоял он дум великих полн ...
Тут будет город заложен»*

Психологічний показник: здійснення як максимальна реалізованість життєвих цілей і проектів. Базова міфологопсихологічна ідея – ідея творення (див. рис. 1).

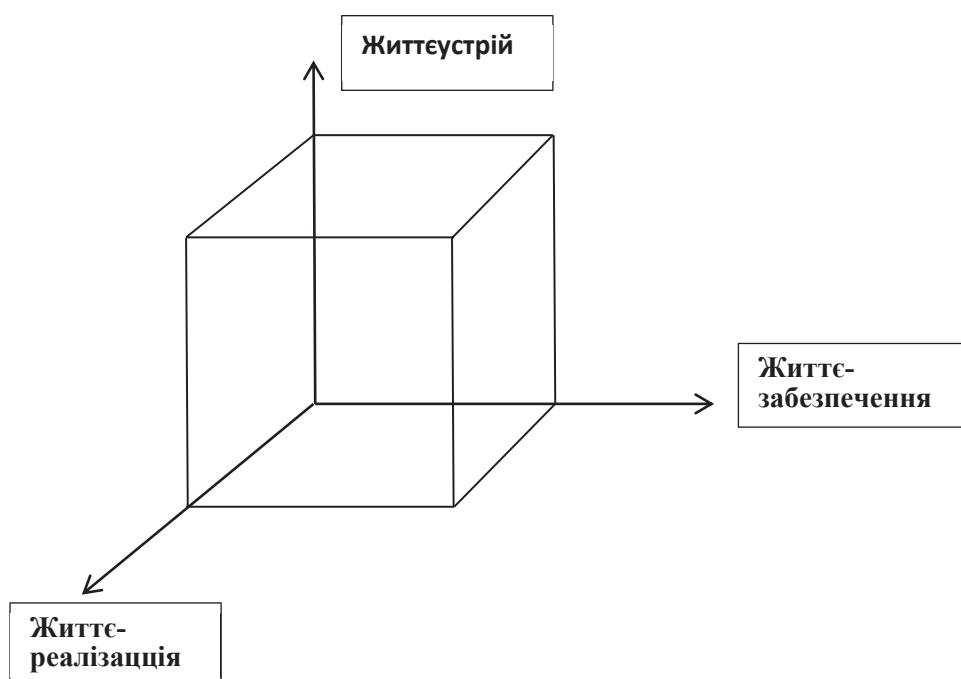

Рис 1. Схема взаємозв'язку процесів життедіяльності

Життезабезпечення є повсякденною формою здійснення життєвих процесів і відносин. Іншими словами, у способі життя людей, незалежно від місця індивіда в соціальній ієрархії й структурі, від розміру й форми власності, усе змушені самостійно вирішувати завдання на забезпечення життедіяльності. Причому, у своїх зовнішніх проявах розв'язок такого завдання завжди виглядає як боротьба за життєві ресурси, за підвищення рівня і якості життя. Вирішення завдання на життезабезпечення становить основу способу життя населення.

У соціально-психологічному плані життезабезпечення може бути презентовано як система ментальних схем організації процесів отримання і використання ресурсів спільнотою, соціальними групами та індивідами.

У процесуальному плані спосіб життя являє собою повністю замкнений цикл, де використання зовнішніх (природних) ресурсів співвіднесене із процесами їх природного існування. Це означає що певна людська спільнота (антропоценоз) і природні умови (біоценоз) утворюють цілісну стійку **антропо-природну екосистему**, а ступінь її збалансованості показує тип і характер екологічності нашої життедіяльності (див. рис. 2).

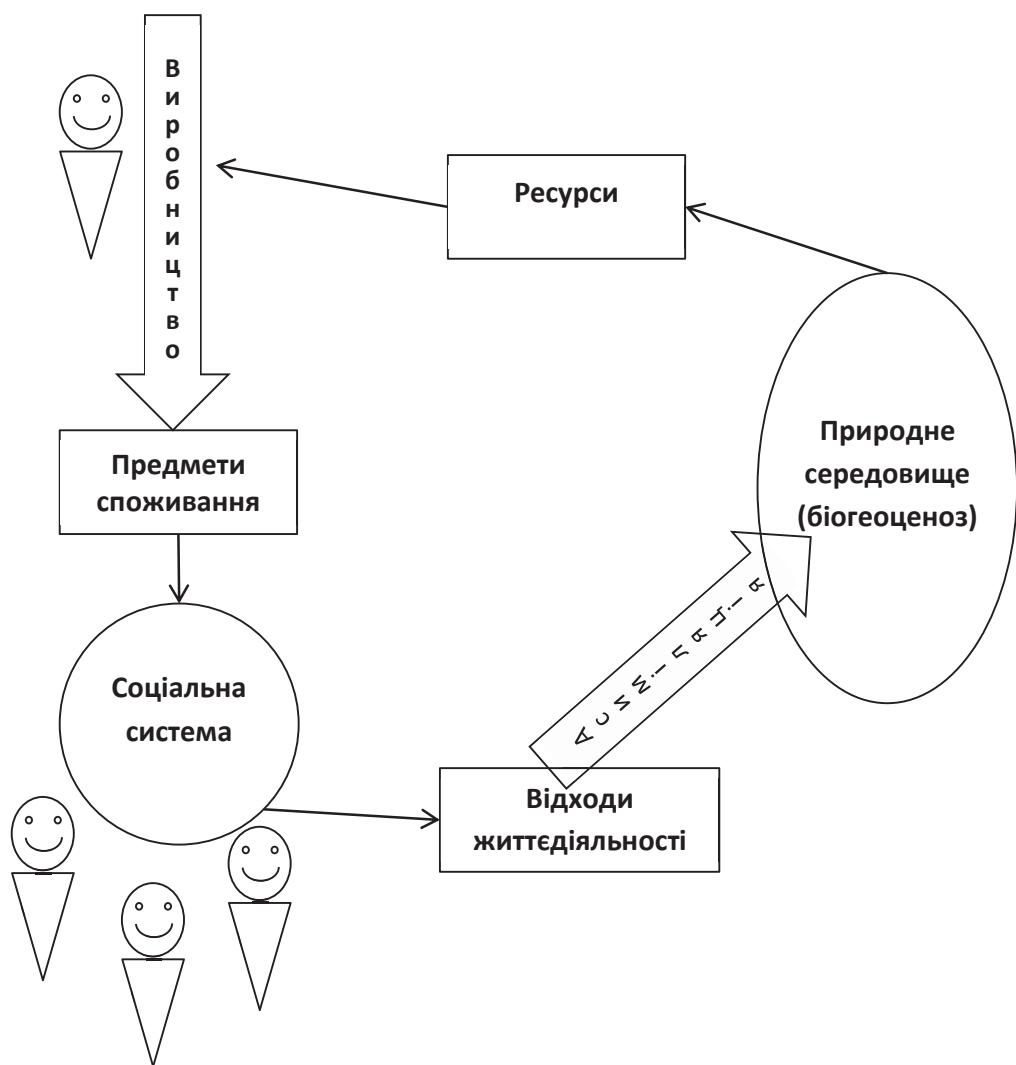

Рис. 2. Модель антропо-природної екосистеми

Доти, поки цей баланс якось зберігався, і вичерпування життєвого матеріалу з біоценозів відновлювалося за рахунок природних механізмів, існування антропоценозів було досить стійким.

Обсяг і засоби вичерпування природного матеріалу, в якості ресурсу життедіяльності соціуму, у сукупності із кількісними та якісними характеристиками продукування відходів утворюють «антропогенний тиск» на природне середовище. Якщо цей тиск перевищує певну межу, то виникає ефект екологічної катастрофи, яка руйнує не тільки природне середовище, а й знищує цілі соціальні антропоценози. Так зі стародавніх часів відомо, що нерозважливе землекористування призвело до виникнення пустель на тих місцях, де колись були квітучі ниви – пустелі Сахара чи Кара-Кум виникли саме таким шляхом. Але для людства більш страшним за своїми наслідками є екологічні катастрофи, пов’язані з відходами життедіяльності. Саме накопичення відходів життедіяльності у такій формі, яка унеможливлює їх природну асиміляцію, протягом багатьох сторіч (і, принаймні, до початку ХХ-го століття) привело до виникнення нищівних епідемій холери, чуми, віспи, морової язви тощо, які у прямому сенсі спустошували величезні території.

Проте, до останнього часу самі способи природокористування і тип відходів були такими, що протягом 1-3 поколінь людського життя природа відновлювалась чи утворювались нові біоценози. Сьогодні цей баланс зруйновано остаточно, і природне відтворення біоценозів стає усе більш проблематичним. Справа в тому, що ми, з одного боку, стали непоправне багато ресурсів вичерпувати із природи, і, з іншого боку, антропоценози стали продукувати такі відходи, які біоценози не можуть асимілювати в якості своїх ресурсів харчування, росту й розмноження. Це призводить до двох кардинальних наслідків:

1. Те, що не може бути асимільоване не просто «забруднюює» середовище існування – воно його змінює й робить непридатним для існування біоценозів, що за законом негативної петлі зворотного зв’язку автоматично приводить до катастрофічного зниження наших можливостей вичерпувати життєві ресурси.

2. Те, що не може бути асимільоване стає часткою самого середовища, тобто ми починаємо жити не у природному середовищі, а у «відходному» середовищі.

Таким чином, ми можемо констатувати, що відбулася зміна самого природного середовища життєдіяльності і всієї антропо-природної екосистеми. Ці зміни можна зафіксувати на запропонованій моделі (див. рис. 3).

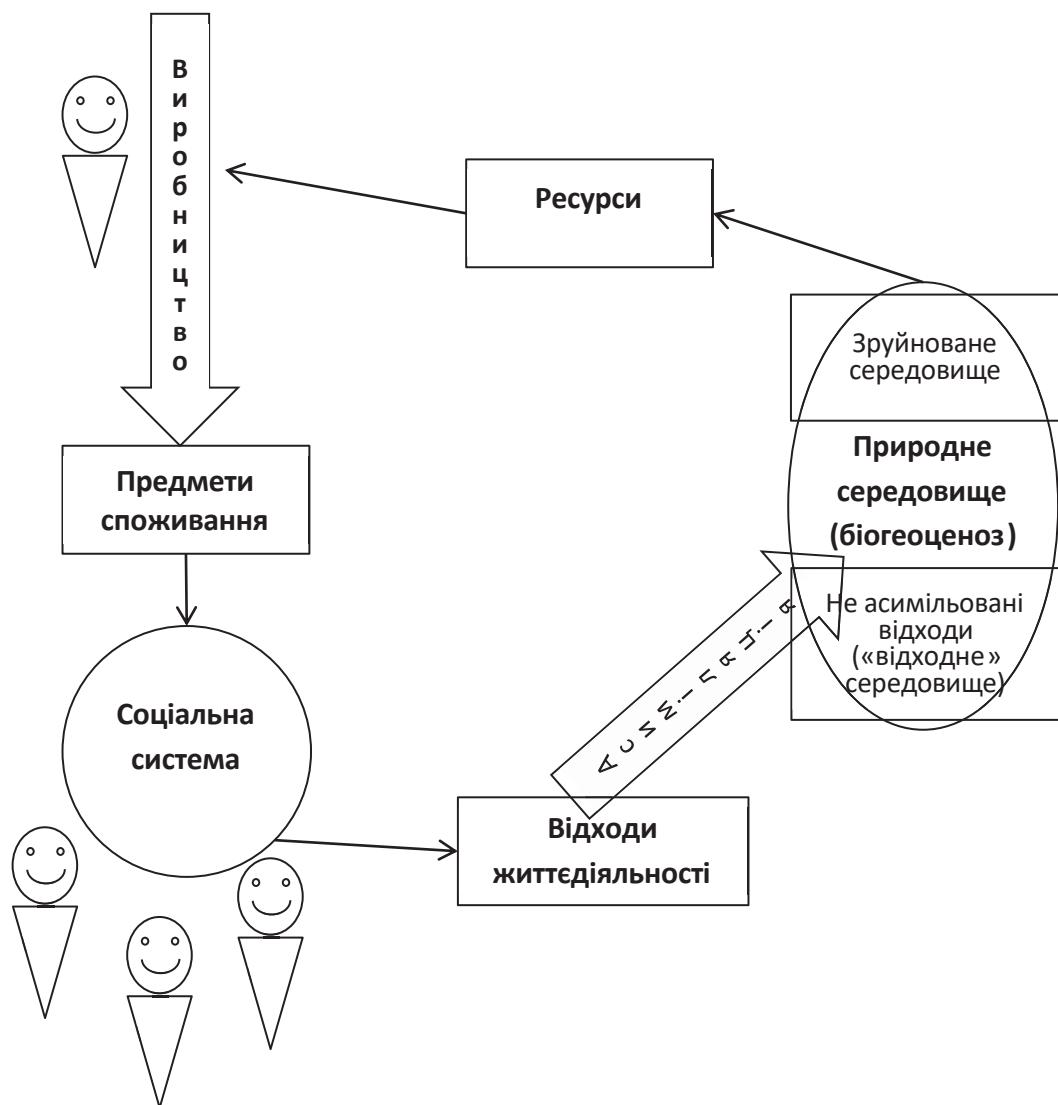

Рис. 3. Модель порушення антропо-природної екосистеми

На моделі чітко видно, що саме природне середовище зазнало **системно-структурних** змін і питання полягає тільки в тому, чи може природа відновитися за рахунок власних механізмів, чи ми реально стоїмо на порозі глобального зміню-

вання усієї екосистеми Землі, тобто на порозі глобальної екологічної катастрофи. Порушення балансу способу життя сьогодні усвідомлюється як глобальна екологічна катастрофа, причина якої лежить у кардинальній зміні форм і засобів життезабезпечення, тобто в типі еколого-економічної культури нашої життедіяльності.

Тому сьогодні ми зобов'язані порушувати питання, що життезабезпечення повинне розглядатися не стільки по параметрах організації нашої діяльності, скільки по параметрах її сумісності із природними процесами життя біоценозів. Іншими словами ми повинні змістити акцент аналізу й розуміння із внутрішніх процесів виробництва й відтворення предметів задоволення наших потреб на їхню сумісність із процесами життя, росту й відтворення природних систем. Саме в цьому напрямку відбуваються основні зміни в змісті екологічної свідомості й, відповідно, у напрямку сучасних технологічних розробок. Ці зміни означають, що ми вже фактично живемо в новій системі життезабезпечення, де прямий зв'язок антропоценоза й біоценозу послабляється, з'являються нові, опосередковуючі ланки й, що найголовніше, з'являються нові види діяльностей, що забезпечують ці зміни. У цьому плані базовим буде розрізнення збалансованих і незбалансованих типів життезабезпечення. Збалансовані культури характеризуються споживанням за рахунок відновлюваних природних ресурсів і повною природною асиміляцією відходів життедіяльності. Незбалансовані культури – споживанням не відновлюваних (по якості, кількості й часу) ресурсів і продукуванням неасимілюємих відходів. Незбалансовані культури ведуть до порушення екосистемності- антропо- і біоценозів, що запускає механізм їх руйнування й самознищення.

Розвиток екологічної культури йде шляхом усвідомлення штучно-природної сутності антропо-природних екосистем і розробки технологій, що знижують антропонічний тиск на природні системи.

Принципово важливо, що ці характеристики екологічної культури безпосередньо стосуються й глобального рівня існування Людини на Землі, і макросоціального рівня соціально-економічних політик держав, і мезорівня підприємницької й бізнес-діяльності, і мікросоціаль-ного рівня моделей групової

поведінки, і, наприкінці-кінців, життєдіяльності й поведінки кожного конкретного індивіда.

Принцип екологічності задає базову інтенцію для культури суспільства: тільки через розвиток навколошнього середовища ми створюємо повноцінні умови власного існування й розвитку. Світова спільнота шукає виходу із екологічної кризи у трьох напрямках. По-перше, це розробка й впровадження виробничих технологій, заснованих на використанні так званих «невичерпних» джерел енергії та матеріалів, які лежать у сфері «космосу». По-друге, це розробка й впровадження виробничих технологій переробки і вторинного використання відходів, тобто їх технологічної, а не природної асиміляції. По-третє, це відновлення самого природного середовища як біогеоценозу планети. Фактично тут ми маємо справу із глобальним проектом, реалізація якого призведе до значної зміни у провідному способі життя людства.

Проте, реалізація такого проекту передбачає кардинальні зміни у свідомості людей, у їх ставленні до себе й до оточуючого середовища. Мабуть можна стверджувати, ступінь реалізує мості цього проекту залежить не тільки і, навіть, не стільки від фінансових чи технічних можливостей людства, скільки від зміни ціннісних орієнтацій і екологізації свідомості кожної окремої людини, спільнот і суспільства у цілому.

1.2. К определению понятий среды и пространства жизнедеятельности человека²

Для экологической психологии одним из исходных является понятие “окружающей среды”, и для многих авторов основная проблема заключается в определении специфики взаимодействия Человека и Окружающей среды. При этом мнения исследователей разделились на две большие группы. Одни считают, что предметом экопсихологии является только отношение Человек – Природа и, соответственно, рассматривают окружающую среду только как природную. Другие включают в понятие среды также техногенные и социогенные характеристики условий жизни, сдвигая понятие окружающей среды до всего многообразия конкретных условий существования человека. В процессе изменений взглядов на предмет экологической психологии, постепенно изменяется и само понятие «окружающей среды».

Существенно, что в биологии и в социальных науках базовое определение понятия среды является практически идентичным. Так, в биологическом словаре Н.Ф.Реймерс приводит следующее определение: «Среда, среда обитания – все тела и явления (природные и антропогенные), с которыми организм находится в прямых или косвенных взаимоотношениях. Среда включает все экологические факторы..., – и далее автор уточняет: – *Окружающая человека среда* – вся совокупность природных и социальных условий, в которых живет человек (курсив – автора)» /2; С. 415/.

В энциклопедическом словаре по социологии В.А.Матусевич дает следующее определение понятия среды: «... все то, что окружает предмет, растение, животное или человека и влияет на них непосредственно или опосредовано» /4; С. 469/.

Обращает на себя внимание два принципиально важных момента. Во-первых, в понятие среды вводятся **все** элементы

² Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 2, 2004. – Стр. 183-190.

окружающего мира по признаку прямых или косвенных связей. Очевидно, что при таком подходе вообще размываются границы как самого понятия, так и той онтологии, которая за ним лежит. По-видимому, нельзя до бесконечности расширять само понятие окружающей среды, так как в противном случае оно превращается в Мировой универсум, включающий в себя бесконечную разнообразность природных и социальных компонентов, которые невозможно не только исследовать, но и вообще перечислить. И если экология как наука стремится к описанию системного характера связей естественных объектов любой сложности, вплоть до учения о ноосфере В.Вернадского, то для экопсихологии такое расширение, по крайней мере на нынешнем этапе ее развития, невозможно. Мы считаем, что при экопсихологическом подходе необходимо выделять только те факторы среды, которые прямо включаются в сферы жизнедеятельности человека, причем, включаются как факторы, непосредственно влияющие на способы организации жизни человека. Более того, это должны быть такие факторы, взаимодействие с которыми носит достаточно устойчивый и долговременный характер.

Во-вторых, в приведенных определениях (и во всех других) вводится существенный критерий выделения понятия среды, а именно критерий влияния, воздействия на человека /1/. За этим критерием стоит глобальная методологическая установка, согласно которой внешние силы и процессы по определению являются более мощными, чем человек, и они оказывают решающее влияние на его развитие и существование. В рамках этой методологической установки проведено громадное количество эмпирических исследований различного рода факторов, влияющих на жизнь и функционирование человека. Построено множество теоретических моделей, таких, например, как факторная модель интеллекта Гилфорда или двухфакторная модель биосоциальной природы человека.

Кроме того, эта методологема нашла свое развитие и продолжение и в некоторых вариантах системного подхода, где утверждается, что система всегда первична по отношению к своим элементам, а ее функционирование определяет морфологию, структуру и функции каждого элемента. Типичными примерами такого подхода являются системо деятелностная методология и социология личности.

В системо деятелностном подходе утверждается первичность и примат деятельности как целого над отдельным индивидом, как части этой системы. Отсюда вытекает и весь категориальный аппарат теории деятельности, где ключевыми становятся понятия трансляции, формирования, интериоризации, включения, готовности, оспособленности и так далее.

В социологии личности (так же, как и в социальной психологии личности) утверждается примат социальных связей и взаимодействий по отношению к процессу становления и функционирования личности. Поэтому ключевыми категориями становятся понятия социализации и адаптации личности, а все связанные с ними понятия, фиксируют только позитивный (нормативный, гармоничный и т.п.) или негативный (дезадаптивный, делинквентный, адиктивный и т.п.) характер этого процесса с точки зрения социальных приоритетов.

Данный подход, безусловно, имеет под собой глубокие основания, и при определенных уточнениях он может быть принят в качестве методологической базы для определения понятия «окружающей среды». Первое уточнение мы уже вводили и оно касается принципа непосредственности влияния на жизнь человека, а второе уточнение касается самого понятия влияния. По-видимому, здесь надо исходить из качественной характеристики того или иного воздействия средовых факторов. Для экопсихологического подхода значимыми будут только те факторы, которые, во-первых, осознаются как значимые условия жизнедеятельности и, во-вторых, приводят к изменениям способов действия или организации жизненных условий.

Только при этих дополнительных условиях человек и внешние средовые факторы образуют систему, где все элементы взаимозависимы и теряют свою определенность за рамками этой системы.

Поэтому мы приняли **рабочее определение** понятия **«окружающей среды»** как **системы осознаваемых условий существования, оказывающих непосредственное влияние на способы организации жизнедеятельности людей.**

Данное определение позволяет перевести понятие окружающей среды в эмпирическую психологическую плоскость, но при этом возникает два чрезвычайно сложных методологических вопроса.

Первый вопрос связан с тем, что заданные критерии определения окружающей среды явно недостаточны для классификации видов сред или выделения их типов. Очевидно, что и само количество факторов, непосредственно влияющих на формы организации жизнедеятельности человека, и количество возможных способов их объединения в системы чрезвычайно велико. Проблема заключается в том, что одни и те же объекты или процессы могут входить в разные системы, в зависимости от того, как мы устанавливаем основания и границы самой системы.

Методология социологического и системодеятельностного подходов предлагает брать в качестве исходной системы понятие среды и поэтому различные типологии и классификации строятся на основании выделения независимых от индивида признаков. Так, в социологии предлагаются классификации сред по типам ведущих социально-экономических процессов или по уровням социальной организованности, в деятельностном подходе – по ведущим типам деятельности и так далее.

В этом плане особый интерес представляет культурологический подход, который разрабатывается В.М.Розиным. Рассматривая социум как глобальную систему органического типа, В.М.Розин ставит вопрос о генезисе и функционировании систем жизнеобеспечения социума. Он пишет: «Они двояки: с одной стороны, эти системы, вероятно, должны обеспечить **воспроизводство и существование** человека как биологического существа, с другой — собственно **культурные функции** (смыслообразования, освоения действительности, развития и др.)» /3; С. 55/. Автор вводит 8 основных систем жизнеобеспечения социума как организма: “базисные культурные сценарии и картины мира (для сознания социума); социальные институты (социальная организация); сфера образования и воспитания (воспроизведение, выделывание “человеческого материала”); хозяйство и экономика (производство, распределение, разного рода обмены, балансы и т.п.); власть (способы соединения человека с системами управления); общество (сфера, определяющая отношение человека ко всем остальным социальным процессам); профессиональные и другие сообщества; личность” /там же/.

Нам представляется, что системы жизнеобеспечения социума должны в максимальной степени осознаваться людьми

как значимые условия своей жизнедеятельности. В этом плане данные системы должны в максимальной степени соответствовать определению понятия окружающей среды, хотя эти понятия и не являются тождественными по своему логическому и содержательному наполнению. Основные типы систем жизнеобеспечения социума можно представить как основные типы социальных сред существования личности. В этом смысле нам представляется необходимым говорить также об информационной системе, без которой невозможно представить существование социума и, соответственно, об информационной среде. Кроме того, необходимо говорить о природно-географической (природно-ландшафтной) системе, которая сама по себе не является системой жизнеобеспечения социума, но является той естественной средой, в которой возникает, развивается и существует каждый конкретный социум.

Итак, мы видим, что решение вопроса о классификации или типологизации сред существования человека может лежать вообще за рамками собственно экопсихологического категориального аппарата. При этом сохраняется основной критерий среды как системы, в которую человек включен как ее компонент и которая влияет на процессы жизнедеятельности самого человека.

И здесь мы переходим ко второму вопросу, который связан с проблемой активности индивида (личности) по отношению к среде собственного существования. Рассмотренное выше системное (социологическое, культурологическое, деятельностное) понимание среды является вполне осмысленной научной абстракцией, которая «ухватывает» только одну сторону отношения, но не отражает активность самого субъекта. В то же время, для экологической психологии именно вопрос об активности человека, направленной на преобразование и трансформацию собственной среды существования является, безусловно, кардинальным. Влияние каждого отдельного человека или групп на все компоненты среды существования от естественно-природных до социально-политических и социально-экономических стало настолько сильным и очевидным, что игнорировать его уже просто невозможно. Более того, само воздействие человека на окружающую социоприродную среду оказалось весьма разрушительным и отнюдь не таким благотворным, как можно было бы надеяться. Но, как мы уже убе-

дились, наличный категориальный аппарат не позволяет адекватно описывать это влияние.

В рамках экологической психологии только представители инвайроментального (средового) подхода предприняли попытку разрешить указанное противоречие /7/. Сторонники этого подхода в качестве исходной системы рассматривают не «окружающую среду», а отношение «Человек – Среда». При этом само отношение «растягивается» по биполярной шкале активности, где на одном полюсе активность лежит на стороне субъекта, а на другом – на стороне средовых факторов, а сама окружающая среда рассматривается как трехуровневая система (макро-, мезо- и микро-среда).

При этом подходе окружающей средой становится комната или квартира, в которой живет человек, подъезд, дом, двор, улица, микрорайон, поселение и так далее, вплоть до Земли и Мирового универсума. Качественную определенность системе «человек – среда» задает степень субъектной активности и личностной ответственности.

В рамках данного средового подхода было сформулировано две ведущие идеи. Во-первых, это простая и ясная для каждого метафора «дом» – окружающий мир есть твой дом, в котором живешь ты и будут жить твои дети, и о котором ты должен заботиться. Во-вторых, это идея экологичности как самой окружающей среды, так и отношения к среде со стороны личности. Идея экологичности в этом подходе очень близка к идее дома и наполняется соответствующим содержанием – представлением о комфорте, заботе, благополучии и т.д. Такой подход имеет по крайней мере два очевидных плюса. С одной стороны, достаточно легко вычленяются объекты эмпирических исследований, с другой стороны, хорошо формулируются лозунги для массовых экологических движений.

Однако, в самой исходной метафоре заложено и принципиальное ограничение данного подхода – метафору невозможно перевести в плоскость научного понятия и развертывания соответствующих теоретических моделей. Очевидность метафоры, легкость ее наполнения обыденным смыслом стала препятствием в разработке категориального аппарата экологической психологии, аналогично тому, как в общей психологии исходные метафоры сознания как потока или луча прожектора были преодолены только через 50 лет.

Что же можно противопоставить средовому подходу? Нам представляется, что такой альтернативой может выступить понятие **пространства** или **сферы** жизнедеятельности личности. Конечно же, понятие пространства мы берем не в физикалистском смысле, а как совокупность идеализованных социоприродных объектов, на которые направлен интенциональный вектор усилий личности³. Надо отметить, что термин «пространство» достаточно активно используется и в современной социологии, как «социальное пространство» /4; С. 431-434/. Для нас важным является то, что и в психологических, и в социологических теориях утверждается, что сами по себе объекты пространства не образуют. Для этого необходимо специфическое «наложение» вектора личностных или социальных отношений, которые и структурируют объекты относительно друг друга, то есть создают «пространство».

Пространство, таким образом, это место приложения усилий человека, направленных на осмысленное и целевое изменение условий собственного существования. Нам представляется, что последние десятилетия ознаменованы широкомасштабной трансформацией общего человеческого подхода к окружающему миру и к себе как личности. Человек как личность все более становится соразмерным всем основным социоприродным процессам, он не только зависит от них, но и стремится активно их изменять и трансформировать сообразно своим целям и ценностям.

Этот тезис можно проследить при анализе тех же основных систем жизнеобеспечения социума, о которых мы упоминали при анализе средовых подходов. Так, например, система образования традиционно рассматривалась как социальный механизм трансляции необходимых обществу норм и ценностей путем формирования у индивидов определенных знаний, умений и навыков. В этой системе индивид выступал как объект и материал педагогических преобразований, а его собственная активность в расчет практически не принималась. Г.П.Щедровицкий /5/ предложил замечательный образ системы образования как трубы с разными боковыми окошками. Дети «втягиваются» во входное отверстие этой трубы и по мере

³ Очевидно, что такое понимание пространства достаточно близко к понятию поля, введенному К.Левиным.

их «протаскивания» по ней кто-то «выталкивается» в окошко неполного среднего образования и попадает на неквалифицированные рабочие места, кто-то добирается до окошка высшего образования и попадает на соответствующее рабочее место и т.д. Очевидно, что при такой системе основные психологопедагогические проблемы концентрировались вокруг таких вопросов, как: эффективность формирующих воздействий; готовность к обучению и уровень способностей к усвоению (уровень обучаемости), дисциплинированность и профориентация.

Совершенно парадоксально и непонятно звучали слова Д.Б.Эльконина, что учебная задача есть задача на саморазвитие /6/. И только в последние два десятилетия ситуация начала меняться. Распространение теории учебной деятельности (развивающего обучения), идей инновационного и непрерывного образования (и, конечно же, общее изменение социальной ситуации) показали возможность принципиально иного понимания и описания системы образования. Система образования все более становится пространством осмыслиенного выбора субъектом форм и содержания собственного образования, более того, ученик только тогда может эффективно включиться в систему образования, когда он сам становится активным субъектом построения и развития самой системы образования. Поэтому изменяется и вся психолого-педагогическая проблематика, которая начинает концентрироваться вокруг вопросов развития и саморазвития личности, учебных интересов и учебного целеполагания субъекта учебной деятельности, личностной рефлексии и способности к ответственному выбору и т.п.

Аналогичным образом можно рассмотреть различия в отношении «Человек – природа». Отношение человека к природе как к «окружающей среде базируется на двух основных установках: адаптации и использования. Причем с развитием технологий эти установки меняются только по своему внешнему, предметному наполнению, а не по содержанию (индивидуальная адаптация сменяется идеей техногенной защиты, а использование порождает проблемы исчерпания ресурсов и захоронения отходов). Независимо от этих изменений сами исходные установки приводят к постоянному ухудшению состояния окружающей среды.

Двадцатый век ознаменовался возникновением принципиально нового отношения к природно-ландшафтной системе –

она стала осознаваться не просто как ценность, а как самостоятельный субъект, с которым надо вступать диалог, а не в борьбу на уничтожение. И сейчас начинают складываться новые установки, основанные на идеях защиты, поддержки, развития, сохранения и невмешательства.

Эти примеры показывают, что понятие «пространство» становится противоположным понятию «среда» по критерию отношения индивида (личности) к системам жизнеобеспечения и к окружающему миру как таковому.

Отношение «Личность – Окружающая среда» строится на принципах адаптации и использования, а отношение «Личность – Жизненное пространство» строится на принципах личной идентичности и трансформации.

Понятия среды и пространства, таким образом, оказываются взаимодополнительными, и только в этом качестве они раскрывают полноту отношений человека к системам собственной жизнедеятельности.

Литература

1. Попов С. Сознание и социальная среда – М., Прогресс, 1979, - 232 с.
2. Реймерс Н.Ф. Популярный биологический словарь – М., Наука, 1991, - 538 с.
3. Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // В кн. Человек как субъект культуры – М., Наука, 2002, с. 42 – 112
4. Социологія: короткий енциклопедичний словник – К.: Укр. Центр духовн. культури, 1998, - 736 с.
5. Щедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблем обучения и развития в рамках теории деятельности // Избр. труды. – М., 1995, с.197-227.
6. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника – М.: Знание, 1974, - 64 с.
7. Hawley A. Human ecology // International encyclopedia of the social sciences. N.Y., 1968< Vol. 4, p. 328-337.

1.3. Теоретические проблемы структурирования сфер жизнедеятельности личности⁴

Отношение человека к миру является чрезвычайно сложным психологическим конструктом, в котором сочетается внутренняя целостность и дифференцированность. В экологической психологии, как правило, обсуждается только один из аспектов этого отношения, а именно, отношение Человек – Природа. Исключение составляет инвайроментальный подход, где в качестве исходной системы рассматривается отношение «Человек – Среда» /10/. При этом само отношение «растягивается» по биполярной шкале активности, где на одном полюсе активность лежит на стороне субъекта, а на другом – на стороне средовых факторов, а сама окружающая среда рассматривается как трехуровневая система (макро-, мезо- и микро-среда).

При этом подходе окружающей средой становится комната или квартира, в которой живет человек, подъезд, дом, двор, улица, микрорайон, поселение и так далее, вплоть до Земли и Мирового универсума. Качественную определенность системе «человек – среда» задает степень субъектной активности и личностной ответственности.

В рамках данного средового подхода было сформулировано две ведущие идеи. Во-первых, это простая и ясная для каждого метафора «дом» – окружающий мир есть твой дом, в котором живешь ты и будут жить твои дети, и о котором ты должен заботиться. Во-вторых, это идея экологичности как самой окружающей среды, так и отношения к среде со стороны личности. Идея экологичности в этом подходе очень близка к идее дома и наполняется соответствующим содержанием – представлением о комфорте, заботе, благополучии и т.д. Такой подход имеет, по крайней мере, два очевидных плюса. С одной стороны, достаточно легко вычленяются объекты эмпирических ис-

⁴ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 10, 2007. – Стр. 439-450.

следований, с другой стороны, хорошо формулируются лозунги для массовых экологических движений.

Однако, в самой исходной метафоре заложено и принципиальное ограничение данного подхода – метафору невозможно перевести в плоскость научного понятия и развертывания соответствующих теоретических моделей. Очевидность метафоры, легкость ее наполнения обыденным смыслом стала препятствием в разработке категориального аппарата экологической психологии, аналогично тому, как в общей психологии исходные метафоры сознания как потока или луча прожектора стали препятствием для разработки теории сознания почти на 50 лет.

Кроме того, эмпирический характер самого понятия среды приводит к неразрешимым теоретическим и эмпирическим противоречиям. Так, например, когда человек приходит на работу, то само рабочее место оказывается его микро-средой, а когда он приходит домой, берет газету, садится перед телевизором и думает о том, что он устал на работе, то это же рабочее место становится мезо-средой, или макро-средой, если он вообще о работе больше не думает.

По-видимому, само понятие «окружающей среды» должно быть структурировано и типологизировано на каких-то более общих основаниях, чем представление отдельного индивида о том, что его окружает. На сегодняшний день и екopsихология, и социальная экология опираются, по-преимуществу, на понятие окружающей среды, сформированное в рамках биологии. Так, в биологическом словаре Н.Ф.Реймерс приводит следующее определение: «Среда, среда обитания – все тела и явления (природные и антропогенные), с которыми организм находится в прямых или косвенных взаимоотношениях. Среда включает все экологические факторы...», – и далее автор уточняет: – *Окружающая человека среда* – вся совокупность природных и социальных условий, в которых живет человек (курсив – автора)» /6; С. 415/. А в энциклопедическом словаре по социологии В.А.Матусевич дает следующее определение понятия среды: « ... все то, что окружает предмет, растение, животное или человека и влияет на них непосредственно или опосредовано» /8; С. 469/.

Обращает на себя внимание два принципиально важных момента. Во-первых, в понятие среды вводятся **все** элементы

окружающего мира по признаку прямых или косвенных связей. Очевидно, что при таком подходе вообще размываются границы как самого понятия, так и той онтологии, которая за ним лежит. По-видимому, нельзя до бесконечности расширять само понятие окружающей среды, так как в противном случае оно превращается в Мировой универсум, включающий в себя бесконечную разнообразность природных и социальных компонентов, которые невозможно не только исследовать, но и вообще перечислить. Мы считаем, что при экопсихологическом подходе необходимо выделять только те факторы среды, которые прямо включаются в сферы жизнедеятельности человека, причем, включаются как факторы, непосредственно влияющие на способы организации жизни человека. Более того, это должны быть такие факторы, взаимодействие с которыми носит достаточно устойчивый, долговременный и, что принципиально важно, осознаваемый характер.

Во-вторых, в приведенных определениях (и во всех других) вводится существенный критерий выделения понятия среды, а именно критерий влияния, воздействия на человека /4/. За этим критерием стоит глобальная методологическая установка, согласно которой внешние силы и процессы по определению являются более мощными, чем человек, и они оказывают решающее влияние на его развитие и существование. В рамках этой методологической установки проведено громадное количество эмпирических исследований различного рода факторов, влияющих на жизнь и функционирование человека, в том числе в рамках экологической психологии.

Однако, очевидно, что такие критерии, как: «все, что окружает человека» и «прямо или косвенно влияет на человека», – являются принципиально неоперационализируемыми и, следовательно, не могут выступить основанием хоть сколько-нибудь валидного метода исследования.

Исходя из приведенных соображений, нами был введен ряд дополнительных критериев определения понятия «среды». Для экопсихологического подхода значимыми будут только те факторы, которые, во-первых, осознаются как значимые условия жизнедеятельности и, во-вторых, приводят к изменениям способов действия или организации жизненных условий. Только при этих дополнительных условиях человек и внешние средовые факторы образуют систему, где все элементы взаи-

мозависимы и теряют свою определенность за рамками этой системы. Поэтому, мы приняли рабочее определение понятия “окружающей среды” как системы осознаваемых условий существования, оказывающих непосредственное влияние на способы организации жизнедеятельности людей.

При таком подходе конкретизация понятия «окружающая среда» должна осуществляться через формы организации жизнедеятельности людей или, что то же самое, через категорию образа жизни. Так, в социологии предлагаются классификации сред по типам ведущих социально-экономических процессов или по уровням социальной организованности, в деятельностином подходе – по ведущим типам деятельности и так далее.

В этом плане особый интерес представляет культурологический подход, который разрабатывается В.М.Розиным. Рассматривая социум как глобальную систему органического типа, В.М.Розин ставит вопрос о генезисе и функционировании систем жизнеобеспечения социума. Он пишет: «Они двояки: с одной стороны, эти системы, вероятно, должны обеспечить **воспроизведение и существование** человека как биологического существа, с другой — собственно **культурные функции** (смыслообразования, освоения действительности, развития и др.)» /7; С. 55/.

Нам представляется, что системы жизнеобеспечения социума должны в максимальной степени осознаваться людьми как значимые условия своей жизнедеятельности. В этом плане данные системы должны в максимальной степени соответствовать определению понятия окружающей среды, хотя эти понятия и не являются тождественными по своему логическому и содержательному наполнению. Основные типы систем жизнеобеспечения социума можно представить как основные типы социальных сред существования личности.

Нам представляется, что при определении типов сред существования личности надо учитывать ряд методологических принципов. Во-первых, каждый тип должен обладать системными признаками, то есть функционировать как самодостаточная система жизнеобеспечения. Во-вторых, каждый тип должен быть некоторым образом связан с другими и именно характер их связей будет определять пространство жизнедеятельности личности. В-третьих, по отношению к каждому типу

среды у людей должны складываться относительно устойчивые формы организации жизнедеятельности, которые в своей совокупности должны создавать целостный образ жизни, как отдельной личности, так и социальных групп.

Исходя из этих методологических принципов, мы можем предположить, что наиболее общую предметную «рамку» жизнедеятельности человека будет образовывать оппозиция систем по признаку искусственное – естественное /9/. Такую оппозицию составляют сфера культуры, как максимальна выраженная искусственная система и сфера природно-ландшафтных условий жизни человека, как исходно естественная система. Эти гранитные рамки существования человека не только противоположны, но их оппозиция осмыслена и каждый раз осуществляется только через бытие конкретного человека. С этой точки зрения человек является скорее не биосоциальным существом, а «естественной культурой» (или «окультуренным естеством»). Такой подход хорошо согласуется с теорией генезиса личности С.Д.Максименко, в которой через категорию нужды утверждается единство естественно-природного и культурного начал в осуществлении личности /3/.

Процесс урбанизации привел к постановке новой проблемы: к какому типу среды отнести пространство жизни города – является оно искусственным или остается для человека естественным? Мы считаем, что городская среда во всех ее параметрах (от размера города до его внутренней архитектоники) для индивида лежит в сфере естественного, что находит отражение в известных метафорах, типа «каменные джунгли» и т.д. Но при этом надо учитывать, что природно-ландшафтная сфера становится сложно структурированным и опосредованым феноменом, который включает в себя как городскую архитектонику, так и собственно природные компоненты, которые, в свою очередь, частично включены в саму городскую среду, а частично являются природным окружением (средой) существования самого города. Причем, с развитием современных транспортных средств и резким возрастанием мобильности населения, психологическая структура природно-ландшафтной среды существенно изменяется в направлении ее расширения и дифференциации.

Сфера культуры, как и сфера природно-ландшафтных условий, существуют как протяженные во времени жизни по-

колений людей только благодаря наличию особых механизмов их поддержки и деятельностного осуществления. Традиционно считается, что универсальным механизмом трансляции норм культуры является система образования. При этом само образование является искусственной системой, которая существует и функционирует только за счет специальных деятельности людей. Однако, образование является также и механизмом трансляции природно-ландшафтных условий жизни, если их понимать не в натуралистическом залоге, а в системо-деятельностном, именно как осознаваемые и культивируемые условия жизнедеятельности. Хотя данный тезис звучит необычно и даже парадоксально, однако этот аспект проблемы в настоящее время все больше осознается и становится предметом специальных исследований. В этом плане можно указать на чрезвычайно интересную работу польского автора А.Налясковского, которая имеет очень точное и символичное название: «Дикость и одичание как контекст образования» /3/.

С культурологической точки зрения образование является универсальным и единственным механизмом трансляции норм и ценностей культуры, но если в качестве отправной точки принять оппозицию искусственное/естественное, то мы можем говорить о существовании еще одного механизма трансляции, который складывается и осуществляется на основе естественных процессов. Таким механизмом мы считаем сферу быта и бытовой деятельности человека.

В социокультурном плане бытовая сфера выделяется как особая деятельность по «ведению домашнего хозяйства», которая имеет свои традиции, нормы и правила осуществления. В проведенном под нашим руководством исследовании /5/ было показано, что в социально-психологическом плане бытовая деятельность является значимой составной частью образа жизни людей, которая характеризуется четко выраженными содержательными и стилевыми особенностями. В обыденном сознании бытовая деятельность определяется тремя устойчивыми конструктами: повседневность, необходимость и возобновляемость (повторяемость). В психологическом плане бытовая деятельность характеризуется наличием ряда устойчивых мотивов, набором фиксированных целей, системой способов ее осуществления и осознаваемыми критериями оценки.

Сфера быта складывается, по-преимуществу, стихийно, ориентируясь на природно-ландшафтные условия, и фиксируя нормы культуры непосредственно в способах организации жизнедеятельности людей. В отличие от сферы образования, где транслируемые нормы культуры обязательно претерпевают рефлексивную и методическую обработку, в сфере быта они трансформируются через мифолого-метафорические формы сознания, обретая устойчивость в архетипических (по терминологии Г.Юнга) конструктах.

Таким образом, при рассмотрении систем жизнеобеспечения личности в оппозиции искусственное/естественное по признаку их предметного наполнения, мы выделили четыре типа систем. Из них две системы (сфера культуры и природно-ландшафтных условий) являются ведущими в существовании человека, а две – механизмами, обеспечивающими их трансляцию, воспроизведение и устойчивость (сфера образования и быта).

Однако, проведенный анализ будет далеко неполным, если мы ограничимся рассмотрением только предметной составляющей систем жизнеобеспечения личности. Не менее важной составляющей являются системы жизнеобеспечения, основанные на отношениях личности к другим людям, которые выражены в разных формах коллективности.

Существенно, что базовые отношения личности раскладываются на системы в оппозиции искусственное/естественное так же, как и предметные. С этой точки зрения мы можем предположить, что наиболее общую «рамку» отношений жизнедеятельности человека будет образовывать оппозиция сферы социальных отношений, как максимально выраженная искусственная система и сферы межличностных отношений человека, как исходно естественной системы.

Сфера социальных отношений построена на приоритете социальных правил, которые образуют систему социальных институтов. В этом плане жизнь человека развертывается как перманентный процесс социализации, то есть как процесс освоения индивидом все новых правил социального взаимодействия и последовательного включения в функционирование социальных институтов. При благоприятном развертывании этого процесса общество, через свои институции поощряет индивида, предоставляя ему различные блага и возможности

существования. При неблагоприятном развертывании социализации общество может либо направить усилия на его восстановление, либо на пресечение деятельности, а в некоторых случаях и самой жизни индивида. Сфера социальных отношений «надстраивается» на предметные сферы, образуя инфраструктуру жизнедеятельности индивида и общества.

Противоположный конструкт – полюс «естественного» – образует сфера межличностных отношений, которая строится на идеи «родства». Само по себе родство охватывает очень широкий круг явлений от кровного до духовного, но в любом случае оно опирается на некое нерасторжимое внутреннее единство двух или более людей. Если в основе социальных отношений лежит рационализм норм и правил, то основу межличностных отношений составляют эмоции и переживания, которые плохо поддаются сознательному контролю и целенаправленной регуляции. Наполненность жизни личности сильными эмоциями и устойчивыми межличностными отношениями, причем независимо от их полярности, дает человеку переживание полноценности и осмысленности собственного существования.

Сфера социальных и межличностных отношений не только противоположны по базовому системному признаку, но они также взаимодействуют и взаимопересекаются. Эти взаимосвязи возникают не прямо, а опосредованно, через две дополнительные системы. С одной стороны, это система профессиональной деятельности, с другой стороны – информационная система.

Сфера профессиональной деятельности возникает как структурирование социальных отношений и является формой отношений личности и социума. Если профессиональную деятельность рассматривать с этой точки зрения системы отношений, а не предметного содержания, то становится очевидным, что в этой сфере ведущими являются способы включения индивида в различные профессиональные сообщества и профессиогенез личности. В онтогенетическом плане сфера профессиональной деятельности исходно является чем-то внешним и извне заданным для индивида, но по мере вхождения в нее происходит своеобразное «оестествление» и она становится сферой самоидентификации и самореализации личности (при благоприятном стечении обстоятельств и позитивном профессиогенезе).

Информационная сфера, напротив, возникает на основе естественных процессов общения и, формализуясь, становится формой социальных отношений. В этом смысле информационная сфера является формой отчужденных межличностных отношений, где непосредственное взаимодействие замещается социальной значимостью ее предметного наполнения. Но даже в этой форме информационная сфера оценивается по критерию «доступности», который выражает характер отношений и взаимодействия.

Таким образом, мы выделили восемь основных сфер жизнедеятельности человека, которые могут быть интерпретированы как основные типы сред существования. Каждая сфера выделяется по ведущему системному признаку искусственное/естественное и по дополнительному признаку предметность/отношение. Каждая сфера относительно самостоятельна, но они могут быть сгруппированы в два конструкта по четыре системы в каждом.

Конструкт предметных систем образуют:

- 1) культурная среда, как система культурных сценариев и картин мира, которые образуют сферу сознания созиума (то, что О.И.Генисаретский /1/ называет схематизмами сознания);
- 2) природно-ландшафтная среда, как система естественных условий, непосредственно влияющих на организацию жизнедеятельности, образ жизни и мышления людей;
- 3) образовательная среда, как система обучения и воспитания, обеспечивающая процессы воспроизведения и «выделывания человеческого материала»;
- 4) бытовая среда, как система непосредственного жизнеобеспечения.

Взаимосвязь этих сред можно отобразить схематически.

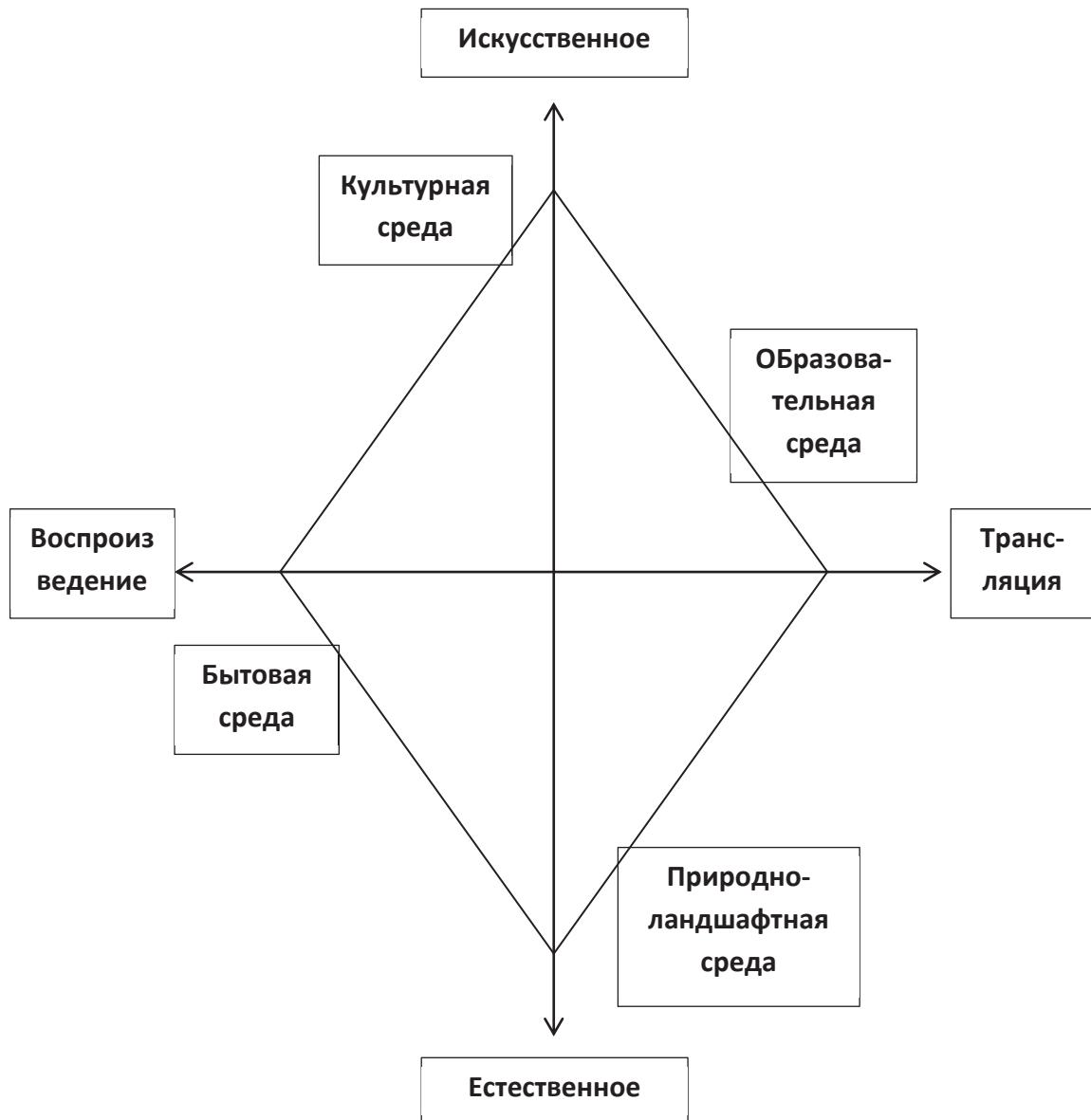

Рис.1. Схема взаимосвязей предметных сред жизни личности

Конструкт систем отношений образуют:

- 1) социальная среда, как общество, то есть система социальных институтов и отношений человека ко всем остальным социальным процессам;
- 2) межличностная среда, как система устойчивых непосредственно эмоциональных связей личности;
- 3) профессиональная среда, как система включение человека в различные профессиональные сообщества, обеспечивающая профессиогенез личности;
- 4) информационная среда, как система социально значимых и отчуждаемых от личности форм общения.

Взаимосвязь этих сред можно отобразить схематически.

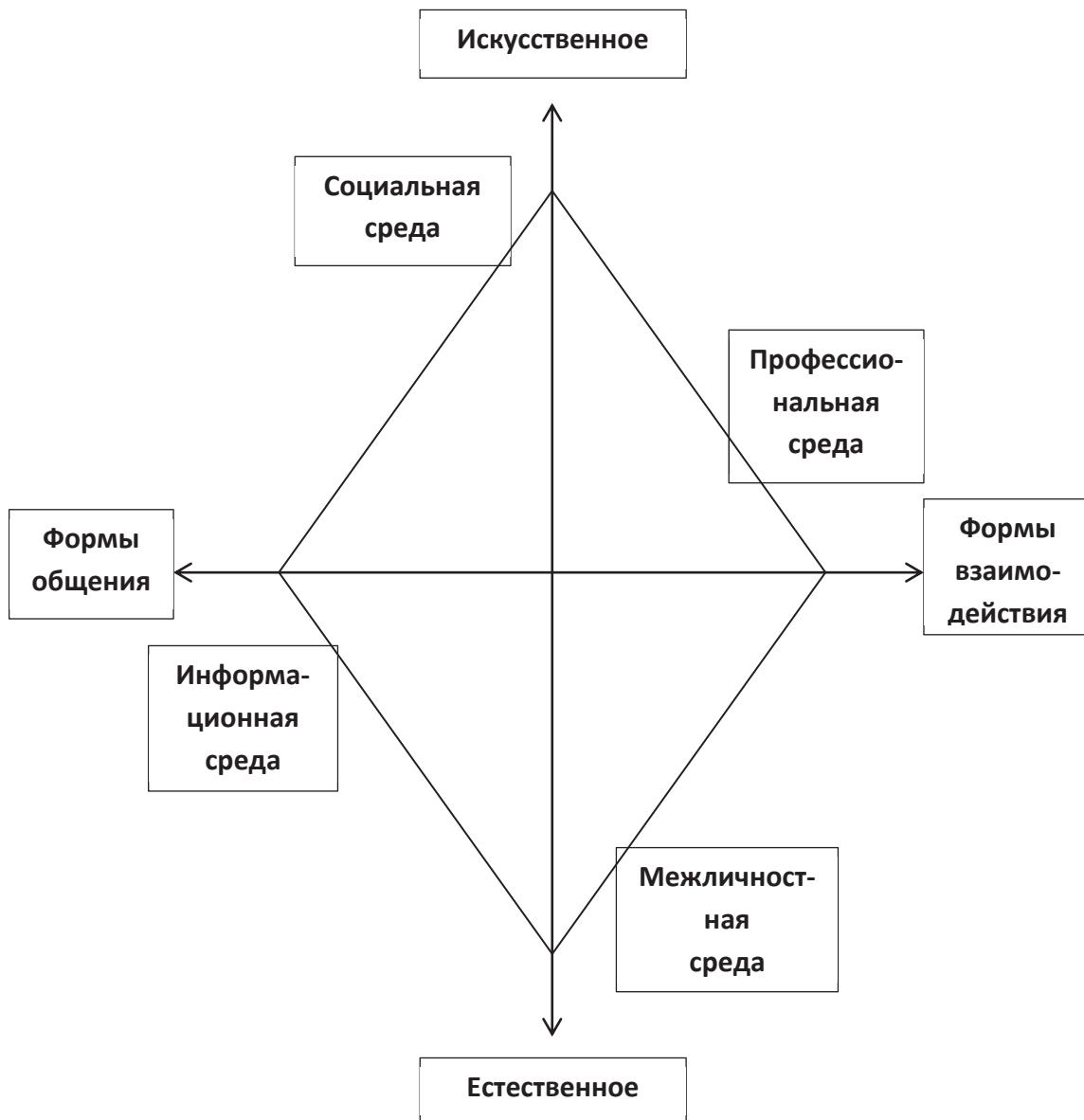

Рис.2. Схема взаимосвязей сред отношений личности

Так как в обеих типологиях есть по одному общему основанию, то их можно совместить в одну целостную схему.

Предложенный способ схематизации является не единственным возможным⁵, но он достаточно четко показывает два принципиально важных момента. Во-первых, в своей совокупности различные сферы образуют целостное пространство

⁵ Обсуждение способов схематизации и относительные преимущества каждого из них составляют отдельный предмет исследования.

жизни личности. В то же время, надо учитывать, что при выборе других оснований мы можем получать и другие типологии или классификации сфер жизнедеятельности личности. Так, например, можно выделять сферы занятого и свободного времени, но в нашем подходе это будут определенные подсистемы социальной организации жизненного пространства, а не самодостаточные системы.

Во-вторых, предложенный способ схематизации показывает открытость данных систем для содержательного наполнения, которое будет отображать конкретную уникальность средовых условий жизни каждой отдельной личности и социальных групп.

Рис. 3. Схема взаимосвязей предметных сред и сред отношений личности

Литература

1. Генисаретский О.И. Схематизмы сознания // В кн. Навигатор: методологические расширения и продолжения – М.: Путь, 2002.с. 93 – 97.
2. Максименко С.Д. Генезис существования личности.: - К.: Изд-во ООО «КММ», 2006, - 240 с.
3. Налісковський А. Дикість і одичання як контекст образування. – Каменец-Подольський: Абетка, 2006. – 84 с.
4. Попов С. Сознание и социальная среда – М., Прогресс, 1979, - 232 с.
5. Редько В.В. Психологічні механізми прийняття рішень у побутовій діяльності. /Автореф. дис. на зд. н. ст. канд. психол. наук // Рукопис. – К., 2003, - 17 с.
6. Реймерс Н.Ф. Популярный биологический словарь – М., Наука, 1991, - 538 с.
7. Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // В кн. Человек как субъект культуры – М., Наука, 2002, с. 42 – 112
8. Социологія: короткий енциклопедичний словник – К.: Укр. Центр духовн. культури, 1998, - 736 с.
9. Швалб Ю.М. Еколо-психологічні виміри способу життя //Актуальні проблеми психології: Зб. наук. праць Інституту психології імені Г.С.Костюка АПН України – К.: Мілленпум, 2005, т. 7, вип. 5, ч. 2. – С. 294-301
10. Hawley A. Human ecology // International encyclopedia of the social sciences. N.Y., 1968< Vol. 4, p. 328-337.

1.4. К проблеме определения экопсихологических систем⁶

Одним из признаков развития современной цивилизации является процесс дальнейшей техненизации всей общественной и индивидуальной жизни. Кроме положительных сторон, этот процесс имеет и довольно значительные отрицательные аспекты. В первую очередь, это существенное изменение качества и количества взаимовлияния человека и природы. В отечественной и мировой литературе большей частью освещается вопрос усиления влияния человека на естественную среду по мере возрастания технологических возможностей. Но современные технологии сами по себе становятся фактором риска и источником опасности для жизни самого человека в силу того, что они начинают включать в себя все более энергетически мощные естественные процессы и материалы.

После целого ряда техногенных катастроф (разливы нефти, ртути, отравляющих веществ, Чернобыльской аварии и т.д.) всем стало понятно, что техногенные катастрофы могут приобретать страшную разрушительную силу не только для самого человека, но и для окружающей среды. Но и естественные катаклизмы приобрели другой смысл – влияние землетрясения на жителей высотных домов принципиально другое, чем на жителей одноэтажных домов из самана.

Сейчас мы можем однозначно утверждать наличие принципиально нового феномена – **техногенного опосредствования взаимодействия человека и природы**. Причем это опосредование выражается не только в изменении способов воздействия человека на природу, но и в изменении характера влияния естественных факторов на жизнь людей. Наверное, надо признать, что современный человек живет в социо-природном окружении, где невозможно разделить сугубо социальное и сугубо естественное. Поэтому сегодня мы должны пересмотреть базовые модели взаимодействия человека и

⁶ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 1, 2003. – Стр. 423-430.

окружающей среды вообще и, соответственно, те подходы, которые сложились в экологической психологии.

Характеризуя сегодняшнее состояние экологической психологии, надо особо рассмотреть три вопроса, определяющих методологию всей этой области знаний. Следуя классической схеме, ключевыми являются вопросы определения основной **проблемы, объекта и предмета** научного исследования.

1. Определение основного круга проблем экопсихологии.

Все авторы единодушны в том, что основная проблема состоит в особенностях **отношения** человека к природе, а разногласия касаются определения специфики взаимодействия Человека и Окружающей среды. В отечественной экопсихологии утвердилось представление, что основная проблема заключается в необходимости смены **антропоцентрического отношения к природе на экоцентрический**. Исходя из этой парадигмальной установки, определяется круг конкретных экопсихологических проблем, и строятся все остальные теоретические и исследовательские схемы. К числу таких проблем, в основном, относятся эмоциональные, мотивационные и когнитивные компоненты отношения.

Однако нам представляется, что такой способ выделения проблемы не является единственным возможным, и отражает скорее утопические, а не гуманистические идеалы исследователей. По-видимому, **антропоцентризм является и должен являться базовой установкой человеческого сознания и жизни**. Нарушение этого принципа всегда приводит к печальным последствиям для жизни не только отдельных людей, но и целых социумов, исторических эпох и даже цивилизаций. Этот факт показан во многих работах, и можно напомнить хотя бы замечательную работу В.П.Зинченко, который показал, как техноцентризм порождает технократическое мышление и отношение к жизни, и фактически становится противостоящим всем принципам гуманизма. Наверное, в отношении человека к природе можно провести условную параллель с детским развитием. Мы давно прошли фазу естественно-стихийной слитности с окружающей средой (и, наверное, к ней нет и не должно быть возврата) и сейчас находимся в фазе детского эгоцентризма. Мы

считаем, что надо говорить о преодолении **антропологического эгоцентризма**, а не антропоцентризма как такового.

Ключевой характеристикой антропологического эгоцентризма в отношении к природе является установка на **использование**. Причем использование, как ведущая установка, осуществляется в чрезвычайно широком диапазоне. Его можно представить как шкалу, образованную полюсами «уничтожение» – «рациональное природопользование».

Преодоление антропологического эгоцентризма началось в XX веке и можно надеяться, что этот процесс станет ведущим и необратимым в XXI веке. Ключевыми точками этого процесса являются: учения В.И.Вернадского и Тейяра де Шардена; возникновение экологии как науки и сферы общественной практики; возникновение и распространение экологических «зеленых» движений; возникновение экопсихологии как науки (пока еще, к сожалению, не ставшей практикой); ориентация на создание природосообразных (экологичных) технологий и энергий; создание административно-государственных структур типа министерства экологии.

Что же может прийти на смену антропологическому эгоцентризму? Дать однозначный ответ, конечно же, невозможно – предсказания, вещь не только неточная, но и неблагодарная. Однако можно попытаться выделить некоторые базовые характеристики зарождающегося **экологически ориентированного мышления и сознания**.

Во-первых, это системность как принцип и способ отношения.

Экология и экопсихология по определению имеют дело с системами, и в их основе может лежать только методология системного подхода. Хотя в рамках системного движения существует довольно большое количество разных точек зрения и теоретических конструктов, нам представляется, что для экопсихологии наиболее близкой и продуктивной является системомыследеятельностная методология, которая успешно разрабатывалась в 70-80-х годах Г.П.Щедровицким, О.И.Генисаретским, В.Л.Глазычевым и другими.

Для экологически ориентированного мышления этот подход дает, по крайней мере, три базовые идеи. Первая – это различие искусственных и естественных систем, и выделение соответствующих типов человеческой деятельности по

отношению к этим системам. Вторая – возможность развития и изменения систем через проектирование новых процессов. Третья – идея сферной организации системомыследеяльностных объектов и процессов.

Если мы принимаем идею сферной организации систем, то мы должны принять и то положение, что в такой сфере нет и не может быть одной единственной правильной точки центрации. Каждая значимая точка при определенном ракурсе становится центром системы, а все другие компоненты – ее периферией. Такие системы принципиально децентрированы или, точнее, они поликентрированы и гетерархичны. Именно в этом, на наш взгляд, состоит кардинальное отличие экопсихологических систем от всех других деятельностных систем.

Во-вторых, ориентация на создание природосообразных (экологичных) технологий и энергий.

До сих пор развитие технологий строилось на идее создания искусственных систем с использованием в них естественных процессов. Это приводило к фактическому уничтожению природных ресурсов и катастрофическому изменению в экосистемах всех уровней, вплоть до глобально земного. В последние десятилетия все более четко прослеживается изменение в базовой идее. На первое место начинает выходить идея создания таких технологий, которые позволяют «вписывать» искусственные системы в естественные процессы, не нарушая сами естественные системы. Особенно наглядно такой подход проявляется в новых технологических разработках в области энергетики, транспорта, связи и других.

В-третьих, это принцип развития.

Как мы уже говорили, культурно-историческая установка на использование природы фактически уже изжила себя. Ей на смену должна прийти новая базовая установка, и мы считаем, что таковой может стать установка на развитие. Она предполагает широкий диапазон форм и способов отношения человека к природе, которые можно расположить по условной шкале с полюсами «поддержка» – «формирование». Полюс «поддержки» предполагает, что естественно-природные компоненты систем Человек – Природа обладают достаточным потенциалом самостоятельного существования, но нуждаются в поддержке для «вписывания» в новую систему, а полюс «формирования» предполагает, что новая система не может

возникнуть без особых деятельности по проектированию и созданию своих компонентов, в том числе и природных.

Таким образом, основная проблематика экопсихологии связана не столько с проблемой отношения человека к природе (хотя это, конечно же, очень важная проблема), сколько с определением **форм и способов взаимодействия человека с окружающей средой**. Соответственно сдвигается и весь круг конкретных проблем. На первое место начинают выдвигаться проблемы, связанные с образом жизни людей, исследованием ситуаций, проектированием и управлением системами, способами формирования и развития систем.

2. Объект экопсихологических исследований.

Все сходятся на том, что экопсихология должна заниматься взаимодействием человека и окружающей среды, а поэтому одной из исходных является категория "окружающей среды", по поводу которой и ведутся основные споры. Позиции исследователей разделились на две большие группы. Одни считают, что объектом экопсихологии является только отношение Человек – Природа, а другие включают в понятие окружающей среды также техногенные и социогенные характеристики условий жизни.

В нашей работе мы придерживаемся второго, более широкого взгляда на объект экопсихологии. В то же время, нельзя до бесконечности расширять само понятие окружающей среды, поскольку в этом случае оно превращается в Мировой универсум, который включает в себя бесконечное разнообразие естественных и социальных компонентов, которые невозможно не только исследовать, но и вообще перечислить. И если экология как наука стремится к описанию системного характера связей естественных объектов любой сложности, вплоть до учения о ноосфере В.Вернадского, то для экопсихологии такое расширение, по крайней мере, на нынешнем этапе ее развития, невозможно. Поэтому мы считаем целесообразным принять рабочее определение **понятия окружающей среды как системы условий существования, которые непосредственно влияют на способы организации жизнедеятельности людей**.

Иначе говоря, мы считаем, что при экопсихологическом подходе необходимо выделять только те факторы среды, ко-

торые, во-первых, прямо и непосредственно включены в сферы жизнедеятельности человека и, во-вторых, осознаются людьми как значащие факторы, то есть как те, которые надо учитывать при организации жизнедеятельности. Кроме того, это должны быть такие факторы, взаимодействие с которыми носит довольно устойчивый и долгосрочный характер. Человек и эти факторы образуют систему, где все элементы взаимозависимы и теряют свою определенность за рамками этой системы.

Эти положения очень важны, и для их объяснения приведем один пример. Понятно, что питьевая вода всегда была и есть значимым фактором жизни человека, но до последнего времени мы пили воду, не осуществляя никаких дополнительных действий или мероприятий по этому поводу. Но после значительного ухудшения общей экологической ситуации, многих публикаций относительно загрязнения водохранилищ и низкого качества городских водоочистных сооружений, настойчивой рекламы чистой питьевой воды, появления в торговой сети большого количества разновидностей питьевой воды и так далее, отношение людей к потреблению воды существенно изменилось. Люди стали активно использовать разные средства очищения воды, употреблять родниковую или минеральную воду. Можно констатировать, что только в последние годы вода стала постоянным фактором организации жизнедеятельности людей, изменяя формы и средства бытовых действий.

Таким образом, нам представляется, что основным **объектом** экопсихологических исследований должны выступать **формы и способы организации окружающей среды человеком**.

3. Определение **предмета** экопсихологических исследований.

Предложенный подход позволяет конкретизировать базовое понятие по нескольким основным направлениям и, в первую очередь, в определение типов систем, образующихся в процессе взаимодействия человека с окружающей средой.

Один из возможных вариантов типологизации заключается в выделении **уровней систем**. Достаточно очевидно, что, например, отдельные индивиды вступают во взаимодействие

с одним набором факторов, а государство – совсем с другим. В биологии устойчивые экосистемы принято называть “ценозами” и, чтобы подчеркнуть природную составляющую систем (в частности, чтобы отличать их от других типов систем, например, Человек – Машина) и не выдумывать новые термины, мы будем его использовать с соответствующим уточнением.

Так, устойчивые системы «Индивид - Окружающая среда» можно назвать **“Антрапоценозом”**.

Устойчивые системы «Сообщество - Окружающая среда» можно назвать **“Группоценозом”**.

Устойчивые системы «Государство - Окружающая среда» можно назвать **“Социоценозом”**.

Таким образом, предметом экопсихологических исследований могут выступать **разного уровня антропонические системы, возникающие в процессе непосредственного взаимодействия отдельных индивидов, групп и сообществ с окружающей средой**.

Разработанная категориальная модель позволяет сформулировать ведущий **принцип экопсихологического подхода: экопсихологический подход направлен на разработку моделей включения индивида, групп и общества в разные системы, которые образуют разнообразные среды жизни самого человека**. Это позволяет, во-первых, выделять такие системы, в которые индивид или группа включены по принципу непосредственности-опосредованности. Во-вторых, указанный подход заставляет нас рассматривать не только влияние разных систем и сред на жизнь индивидов, но и обратную связь: влияние индивида на становление и бытие разных систем.

Указанный принцип показывает принципиальную изменчивость самой «окружающей среды», позволяет довольно четко структурировать объекты экопсихологических исследований и задает методологические основы рассмотрения этих объектов. Сейчас можно с уверенностью говорить о разных типах сред существования человека. Так, на наших глазах информационное пространство превратилось в информационную среду, а система образования стала образовательной средой жизни личности.

Как мы старались показать, экологическая психология должна строиться на принципах системного подхода, но они задают только внешние рамки, а поэтому системные принципы должны быть дополнены **принципом экологичности**. Мы считаем, что принцип экологичности отражает содержательный характер взаимовлияния в системе “Индивид – Среда”.

Сугубо экологичным будет такое взаимодействие, которое создает двусторонние условия для развития всех значащих (системообразующих) компонентов системы. Если характеристики среды приводят к улучшению условий развития человека, то это, безусловно, экологически положительная связь. Но она становится действительно экологичной, если сам человек своими действиями приводит к улучшению условий функционирования и развития компонентов самой среды.

Можно предположить, что **наиболее высоким уровнем экологичности** будет такая деятельность человека, которая благодаря развитию элементов окружающего создает среду собственного развития. Безусловно, в этом случае мы будем иметь стабильную антропогенную и антропоморфную экосистему, способную к саморазвитию.

1.5. Эколого-психологические измерения образа жизни⁷

Отношение Человека к Окружающему миру является исторически меняющейся формой деятельности и сознания, которую можно определить через категорию «образ жизни». Образ жизни является одной из предельных категорий, отражающих деятельностьную сторону отношения человека к миру.

Хотя понятие образа жизни было введено в научный оборот уже более 150-ти лет тому назад, однако его использование в исследованиях до сих пор вызывает значительные затруднения. О.И.Вишняк справедливо указывает, что эти трудности связаны с невозможностью полной операционализации самого понятия «образ жизни», что приводит к искажениям и неоднозначности в интерпретации получаемых данных.

В середине 70-х годов была предпринята попытка проведения объемных социологических и психологических исследований образа жизни, но полученные результаты фактически не продвинули проблему – достаточно сказать, что социологи предложили более 250 индикаторов образа жизни, что сделало невозможным дальнейшие разработки. Тем не менее, в имеющихся немногочисленных работах показана ее первостепенная значимость для оценки состояния общества. В то же время понятия образа жизни имеет и важное прикладное значение, раскрывая динамику изменений социально-психологических норм и предпочтений людей и групп населения.

Нам представляется, что одной из основных причин неудач в использовании категории образа жизни является традиционная для классической социологии и психологии опора на объектно-онтологическую методологию. В рамках этой методологии образ жизни предстает как некий естественный объект, который можно описать через перечисление его составляющих. Любопытно то, что описания образа жизни в социологии и психологии опираются скорее на биологическую

⁷ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 5, ч.2, 2005. – Стр. 294-301.

модель описания поведения животных, чем на социокультурную модель описания деятельности. Так для биолога нормальным и приемлемым является характеристика образа жизни животного через такие предикаты как: хищный-растительноядный, дневной-ночной и так далее. Очень сомнительно, что такой подход может быть продуктивным при описании форм жизнедеятельности человека. Если все-таки исходить из представления, что понятие образа жизни должно отражать характер деятельности (точнее, жизнедеятельности) человека, то неизбежно возникает как минимум два вопроса.

Во-первых, это вопрос о том, какая из имеющихся методологических установок наиболее полно описывает саму категорию деятельности. Нам представляется, что в качестве такой методологии может выступить системомыследеяностный подход, разработанный Г.П.Щедровицким, который позволяет с предельной четкостью различать естественные и искусственные процессы и объекты, и строить по отношению к ним разные системы знаний и практических действий.

Во-вторых, это вопрос о выборе тех специфических характеристик деятельности, которые составляют содержание понятия образа жизни. Проведенные нами на протяжении почти двадцати лет исследования изменений образа жизни в кризисных постчернобыльских сообществах, позволяют выдвинуть гипотезу, что таким **специфическим содержанием понятия образа жизни выступают формы организации жизнедеятельности индивида или групп людей**.

Существенным является то, что в культурно-историческом плане формы организации всегда существуют только как идеализированные объекты, то есть как организационные схемы, обеспечивающие развертывание конкретных процессов мышления (сознания) и деятельности. Поэтому, если некоторые организационные схемы остаются неизменными для того или иного периода времени, для определенного индивида или группы, то независимо от конкретного содержания мышления и деятельности, мы можем говорить о стабильности форм жизнедеятельности, об устойчивом образе жизни. Отсюда следует еще один важный методологический вывод: для разных наук, пользующихся одним и тем же категориальным аппаратом, содержательное наполнение понятия будет принципиально различным и, поэтому, понятие образа жизни в культу-

рологии, экономике, социологии и психологии должны строиться на разных основаниях и «ухватывать» разные организационные формы.

Каковы же собственно психологические основания для выделения и описания форм организации жизнедеятельности?

Вроде бы достаточно очевидно, что в качестве таких оснований должны выступить те или иные психологические механизмы регуляции деятельности. Но проблема как раз и заключается в том, что сами механизмы чрезвычайно разнообразны, а научные модели, описывающие их, противоречивы. Выбор оснований и их соорганизация в модель должны опираться на некоторые исходные, базовые определения понятия образа жизни.

Во-первых, образ жизни является совокупностью устойчивых способов и форм организации социокультурной жизни людей. Понятие образа жизни должно распространяться на все уровни социальности. Оно одинаково успешно должно применяться к индивиду, к стабильной малой группе типа семьи или коллектива, к организации или социальному институту, к большим социальным группам с явно выраженным субкультурными признаками, к этнической группе или к обществу в целом.

Во-вторых, в социокультурном плане образ жизни представляет собой объективную характеристику способов социального взаимодействия в наиболее значимых сферах жизни общества – в производстве, потреблении, управлении, обеспечении защиты и т.п. В психологическом плане образ жизни представляет собой набор ценностей и норм, которые детерминируют распространение и передачу от поколения к поколению определенных моделей поведения.

В-третьих, образ жизни представляет собой определенную целостную характеристику бытийности индивида и социума. Однако эта внутренне дифференциированная целостность, содержание которой определяется по линиям или параметрами основных отношений личности, в которых она получает возможность деятельностной реализации своего видения мира, и отношение к нему. Теоретическая модель образа жизни должна отвечать следующим методологическим требованиям:

А) образ жизни должен быть представлен как внутренне дифференциированная целостность;

Б) имманентными образу жизни должны быть некоторые системы отношений, которые образуют его структуру;

В) образ жизни в целом и каждый ее структурный элемент должны иметь социокультурные и психологические стороны (составные);

Г) каждый структурный элемент образа жизнь должен выступать как самостоятельное основание отношения личности или социальной группы к жизни;

Д) структурные элементы должны быть способными образовывать разнообразные композиционные организованности;

Е) образ жизни в целом, каждый его структурный элемент и их композиционные организованности должны иметь потенциальную возможность бесконечных изменений и трансформации как в сторону усложнения содержания образа жизни, так и в сторону его упрощения;

Ж) психологическая модель образа жизнь должна иметь разъяснительный потенциал, который дает возможность типологизировать стили жизни и оценивать изменения образа жизни, как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне сообществ, охватывая многообразие форм поведения.

Анализ психологических моделей регулятивных механизмов деятельности позволяет утверждать, что в рамках изложенных выше критериев, наиболее соответствующими будут те, которые «ухватывают» единство сознания и деятельности. К таким механизмам мы можем отнести **процессы постановки целей деятельности и принятия ответственности за результаты деятельности**. Выбор именно этих процессов связан также с тем соображением, что процессы постановки целей «открывают» любой акт деятельности, а процессы принятия ответственности за результаты «закрывают» каждый конкретный акт деятельности.

Остановимся на характеристике этих процессов более подробно.

Психологические механизмы целеполагания задают не содержание конкретных целей деятельности индивида, а способ постановки целей, то есть как раз и являются схемами соорганизации внутренних интенций личности и внешних условий деятельности. Все известные психологические теории целеполагания показывают наличие специфической «растяжки» процесса постановки цели в диапазоне «внешнее-внутреннее».

На философском уровне эта проблема рассматривается как дихотомия «свобода – необходимость», на психологическом – как проблема направленности детерминации деятельности. Достаточно вспомнить известную дискуссию между С.Л.Рубинштейном и А.Н.Леонтьевым, которая сводилась к противопоставлению движения «от внутреннего к внешнему» или «от внешнего к внутреннему». В теории учебной деятельности она представлена как оппозиция «постановка – принятие» учебной задачи и т.д.

Итак, психологическая модель образа жизни должна начинаться с определения схемы соорганизации внутренних интенций личности и внешних условий деятельности, которая выражается в формах целеполагания. Но сами формы целеполагания должны рассматриваться не в их психологическом содержании, а как способы организации жизнедеятельности по шкале «свобода – необходимость». Причем, «свобода» должна пониматься как исключительно внутренняя детерминированность процесса выбора цели и принятия решения, то есть как произвольность, вплоть до произвола личности. «Необходимость» в этом случае надо рассматривать как ситуацию заданности целей деятельности неким внешним субъектом, или квазисубъектом, как **вынужденность** индивида или группы следовать внешне положенным и определенным нормам, правилам, традициям, заповедям, приказам и т.д.

Психологические механизмы принятия ответственности за результаты собственных действий изучены значительно в меньшей степени, чем механизмы целеполагания. Известная концепция Роттера дает развертку данного понятия только в одном измерении – через атрибуцию ответственности и локус контроля. Безусловно, это очень важный психологический аспект проблемы ответственности, но он не дает возможности эксплицировать те организационные схемы, которые позволяют субъекту завершить акт деятельности. Дело в том, что акт деятельности завершается не получением целевого продукта, как результата, а оценкой последствий совершенного действия. В социальных системах любое действие и его результат всегда получает некое ответное действие, значимое для субъекта, которое и является последствием. Причем, эти последствия всегда реальны и жизненны и не зависят от того,

принимает субъект на себя психологическую ответственность за них или нет.

Принятие ответственности также может быть представлено в виде двухвекторной оси.

Один полюс этой оси образуют различные **угрозы и риски**. С этой точки зрения риск, это всегда прогнозируемое негативное последствие собственных действий – риск всегда следует за действием, и только его прогнозирование предшествует действию.

Второй полюс образуют различные **защиты**, но не в психоаналитическом смысле, а как система безопасности и защищенности личности. Защищенность, в этом отношении, есть состояние безответственности и безнаказанности.

Итак, психологическая модель образа жизни должна дополняться схемой соорганизации ценности получаемого результата и степени рисковости самого действия, как проявления возможных ответных действий, которая выражается в формах принятия ответственности за последствия собственных действий.

Психологические механизмы целеполагания и принятия ответственности являются взаимодополнительными и образуют наиболее общую рамку регулятивных оснований каждого конкретного акта деятельности. Их взаимодействие задает оси координат образа жизни, то есть задают предельные психологические схемы организации жизнедеятельности. Точка пересечения образует идея целесообразности, как соотнесения значимости цели и цены затрат на ее достижение.

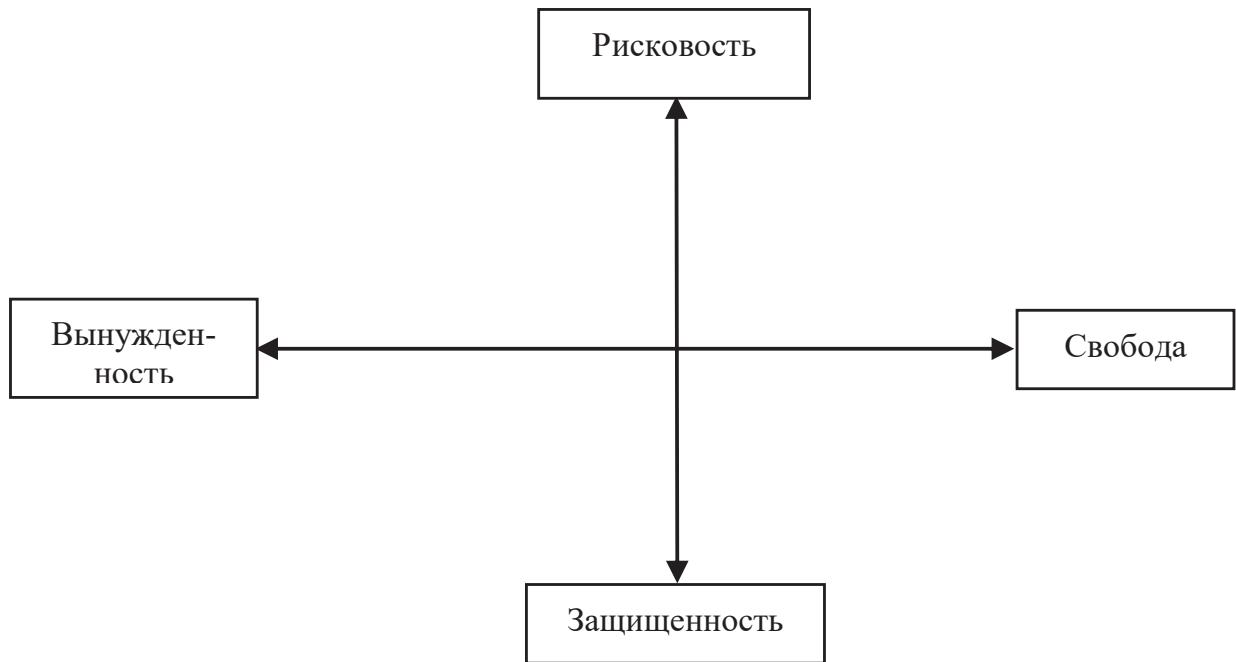

Рис.1. Схема координат образа жизни

Теперь мы можем вернуться к экологической тематике и показать на данной схеме как типологизируется отношение Человек – Природа, как компонент целостного образа жизни людей.

1. Известно, что первичная форма жизни людей характеризуется максимальной близостью человека к природе. Жизнедеятельность в основном протекает как естественный процесс существования, а природа является естественной средой существования. Отношение человека к природе очень жестко регламентировано мифами и ритуалами, произвольность практически отсутствует, но сама природа обеспечивает существование человека всем необходимым и является условием полной защищенности человека и рода. Таким образом, «первобытная» жизнь полностью вписывается в левый нижний квадрант.

2. Развитие отношения Человек – Природа идет по пути со-здания человеком относительно независимых от окружающей среды источников питания и существования. Скотоводство и земледелие уже являются искусственными процессами, которые начинают опосредовать отношение человека к природе. Природа становится «окружающей средой», причем средой не-

сущей в себе постоянную угрозу источнику существования. Сознание становится религиозным политеистическим, а деятельность приобретает магический характер. Целеполагание еще лежит в сфере внешней заданности и необходимости, а результаты деятельности попадают в зону абсолютного риска. Такой образ жизни охватывает левый верхний квадрант схемы.

3. Однако, прямое производство средств существования быстро истощает собственно природные ресурсы – окружающая среда становится непригодной для продолжения уставившегося образа жизни. Вследствие этого начинает складываться новый тип отношений человека к природе, основанный на экстенсивном освоении все новых регионов жизнедеятельности при незначительном росте технических средств освоения природных ресурсов. Такой образ жизни связан с постоянным и очень высоким уровнем риска, но возникает свобода в выборе целей деятельности и принятии решений. Сознание остается религиозным, но начинает обретать черты монотеизма, деятельность утрачивает магический характер и становится целеустремленной. Человек становится активным субъектом, а природа – предметом физического освоения. Существенно, что именно в рамках этого образа жизни складывается наука, как способ освоения природы. Естествознание, естественные науки стали еще одной, теперь уже интеллектуальной формой освоения, а сама природа превращается в объект познавательной деятельности. На схеме этот тип образа жизни занимает правый верхний квадрант.

4. Возникшие на основе науки инженерия и массовое производство еще раз кардинально изменили отношение Человек – Природа. Источником существования человека становится производство, как искусственный процесс. Причем, производство как процесс охватывает всю жизнь человека: от производства потребностей, до производства предметов потребления. Само производство или, точнее, искусственные процессы становятся средой существования человека. Природа окончательно превратилась в «окружающую» среду как систему факторов, влияющих на искусственно организованную жизнь и стала «природными ресурсами» производства. Целеполагание по отношению к природе стало абсолютно произвольным, а

жизнь абсолютно защищенной от природы техническими средствами.

Сознание стало технократическим, а деятельность целесустримленной. Человек стал свободным и безответственным.

Производственно-технократический образ жизни окончательно оторвал человека от природы и этот факт в разных формах был осознан более ста лет назад (наверное, одним из первых симптомов такого осознания стал роман Г.Торо «Жизнь в лесу»). Очень важным компонентом этого образа жизни является то отношение к природе стало двойственным. С одной стороны, как уже говорилось, природа стала абсолютным материалом, по отношению к которому допустим любой произвол, с другой стороны, природа эстетизируется и становится источником «наслаждения», «отдохновения», «вдохновения» и т.д.

Этот тип образа жизни занимает на схеме правый нижний квадрант. Круг замкнулся и все сегодняшние проблемы связаны с исчерпанием тех оснований по которым строилось и изменялось отношение к природе человека на протяжении нескольких тысяч лет. Возврат к прежним типам образа жизни, по-видимому, невозможен, а их романтизация в современном искусстве является всего лишь иллюзией. Принцип целесообразности организации жизни исчерпал свой энергетический потенциал.

Осознание нашей ответственности и формирование этического отношения является первым симптомом необходимости смены всей системы координат, то есть формирования новых схем организации жизнедеятельности, соразмерных Природе как Партнеру по жизнедеятельности.

1.6. Еволюційна метафора в психологічній структурі способу життя⁸

Логіка наукового пошуку й дослідження природи психічного виявляє одну суттеву закономірність – чим ретельніше ми вивчаємо психічні функції, тим скоріше ми починаємо розуміти, що сама психіка і свідомість особистості є функцією Життя, а не «мозку» або «тіла», або «соціуму», або ще не знаю чого. Життя, а точніше, життя людини, стає справжнім об'єктом психології як науки. Причому, життя береться тут не у фізичному або біологічному змісті, а у філолофсько-психологічному, як Буття, як процес розгортання життя у формах усвідомлення і переживання.

Таке представлення об'єкта веде до цілого ряду кардинальних наслідків.

По-перше, поняття людини втрачає якусь абстрактно-універсальну «сущність», але знаходить індивідуальне «особа», своє «Я». Поняття людини, принаймні, для психології, перестає бути тільки одиницею статистики, а наповнюється пристрасністю діючого індивіда. Тому змінюється й предмет психологічних досліджень, який треба бачити в пошуку загального й закономірного в індивідуально-унікальному, а не в середньостатистичному.

По-друге, поняття життя втрачає свій чисто біологічний зміст й отримує соціальне, психологічне й діяльнісне наповнення. Життя перестає бути фактом існування, а стає особистісним фактом – воно «мое» («твоє», «наше», «його», «чуже» і т.д.). Більше того, індивід вступає в глобальне відношення з життям – він його живе (а іноді – навпаки – життя його живе). Відношення людини до життя знаходить психологічну «щільність» і якісну визначеність: «Я» не просто «живу», «Я живу це життя» і більше того, «Я живу своє життя». І тут уперше з'являється проблемність існування людини: «Я-то, звичайно, живу, але чи своє життя я живу, я взагалі, навіщо я його живу?». Екзистенціаль-

⁸ Статтю опубліковано у виданні «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологічна психологія, випуск 45, 2018. – Стр. 317-333.

на філософія й психологія дуже точно схопила це питання й поставила його в центр усього існування людини.

Таким чином, ми можемо стверджувати, що феноменологія життя представлена у свідомості індивіда двічі: як невід'ємна властивість універсуму живої природи і як переживання власного існування. У першому випадку кожний індивід є лише часткою цього загального універсуму життя і він нібіто «занурений» у цей нескінчений потік життєвих процесів і циклів. А у другому випадку – це суто внутрішній процес індивідуального існування, де людина, певною мірою, контролює, керує і несе відповідальність за його розгортання і здійснення. Проте, це не два окремих «життя», не два різних процеси – вони пов'язані між собою і є певним відображенням одного одним: кожне індивідуальне життя є часткою загального природного універсуму життя, а природне життя є органічною часткою життя людини. Цей факт було добре осмислено ще з давньогрецьких часів у вченнях Демокрита і Геракліта, які з певними варіаціями дійшли до наших часів.

У методологічному контексті такий спосіб зв'язку фіксується у так званій «матрьошечній» моделі, де кожний процес може бути представлений як вбудований в такий же за своїми законами функціонування, але більший за масштабами існування (див. рис.1).

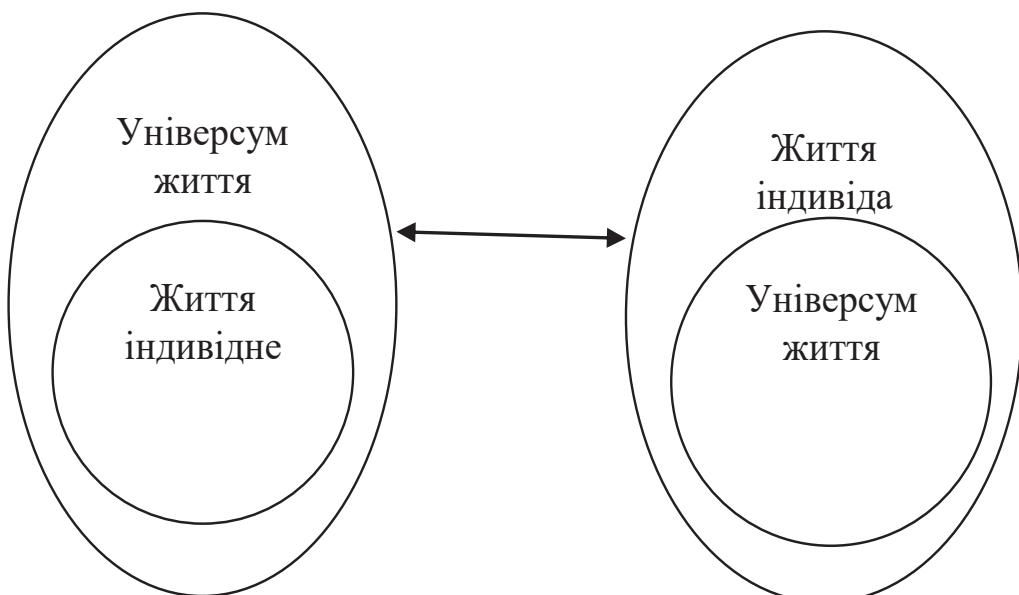

Рис. 1. «Матрьошечна» модель зв'язку макро- і мікрокосму

Такий спосіб моделювання наочно показує, що існування кожного індивідного життя є тільки проявом загального універсуму, але універсум життя існує тільки у індивідних формах життя.

На біологічному рівні тваринного існування цей зв'язок процесів встановлюється безпосередньо, як закон існування, але на людському рівні ця безпосередність зникає і виникає опосередкована система, де зв'язки стають скритими і не очевидними. Такою ланкою опосередкування постає наша свідомість⁹, де існування універсуму природи і людське існування представлені як дві різні сутності. Це означає, що ми вимушенні кожного разу встановлювати такий зв'язок, встановлювати на свідомому рівні відповідність нашого власного існування і існування природного світу (див. рис.2).

Ми можемо виокремити, принаймні, два способи встановлення такого зв'язку:

- на соціокультурному рівні через затвердження певної світоглядної картини Світу, яка відображує переважний для даного суспільства спосіб усвідомлення єдності існування;
- на індивідуальному рівні через уявлення особи про природу і людську сутність, які відображують особистісну ідею того, як «правильно» має розгорнатися процес життя і життедіяльності.

Світоглядна картина Світу (незалежно від того, у якій формі свідомості вона зафіксована: міфологічній, релігійній, містичній, науковій тощо) обов'язково містить у собі дві моделі – модель законів існування Світу і модель законів існування Людини, та вказує на спосіб їх зв'язку у певну несуперечливу цілісність. Освоєння індивідом цієї картини світу і відбувається через формування особистої впевненості у тому як «правильно» існує світ і як «правильно» має жити людина. Внутрішня узгодженість цих двох моделей «правильності» задає особистості базові принципи розуміння організації загального простору життя та побудови власної життедіяльності у цьому просторі.

⁹ Якщо бути біль точним і коректним, то опосередкування здійснюється через подвійний конструкт «свідомість//діяльність», але у даному контексті, на нашу думку, можна не обговорювати специфіку його будови і функціонування.

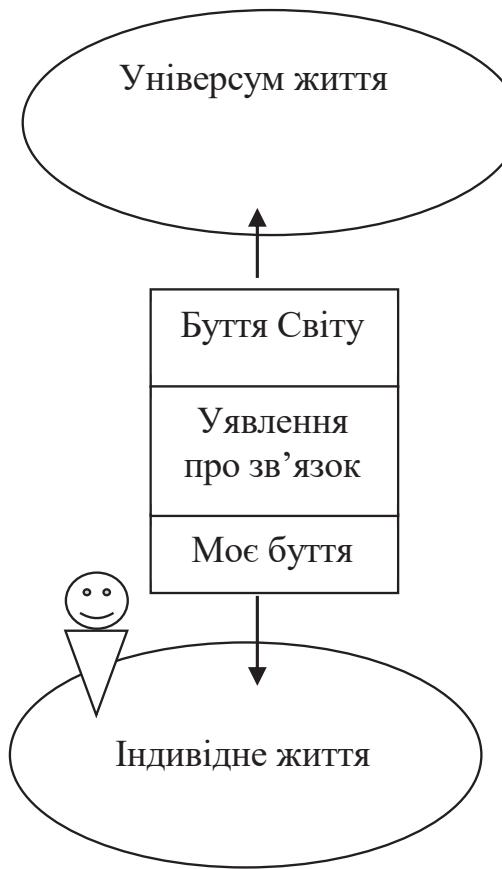

Рис. 2. Модель опосередкування зв'язку універсуму життя та індивідного життя

Хоча в індивідуальній буденній свідомості водночас можуть бути актуалізованими різні культурні форми свідомості, проте, все ж таки за останні три століття переважною стала спрощена форма наукової раціональності. В цій науковій раціональності природа і Світ взагалі представлено не тільки через моделі певних предметностей, але й через моделі змінюваності Світу. На відміну від міфологічних уявлень про циклічну незмінність світу, наукові моделі затверджують змінюваність як його атрибутивну властивість. Стосовно універсуму природи, як частини загального Світу, у науковій парадигмі ця змінюваність зафіксована через концепції еволюції, в першу чергу, біологічної еволюції.

Саме концепція еволюції є найближчою для нашого буденого розуміння моделлю законів змінюваності (мінливості) світу природи і саме через неї ми будуємо власний закон при-

родності нашого буття. При цьому, із всієї цілісної наукової концепції ми «висмикуємо» те чи інше окреме положення, і в нашій буденній свідомості воно функціонує як одна з базових метафор розуміння світу в цілому. Спираючись на цю метафору ми починаємо конструювати наш власний принцип «правильної» організації процесу життя і життєдіяльності. Через таку метафору ми й досягаємо необхідного і достатнього рівня узгодженості наших уявлень про природний світ і про себе як його частину, що відображується нами у переживанні конгруентності і адекватності. І тому ця метафора стає своєрідною «точкою відліку» для нашого сприйняття і оцінки власного життя як «правильного» та «нормального».

Тобто, еволюційна метафора, з одного боку, виступає у якості психологічного інструменту сприйняття навколошнього середовища, виокремлюючи із всього розмаїття об'єктивних змін тільки ті, які відповідають уявленню про «закономірність» життя і, з іншого боку, стає основою нашої психологічної готовності діяти певним чином, стає психологічною основою поведінкових установок (див. рис. 3).

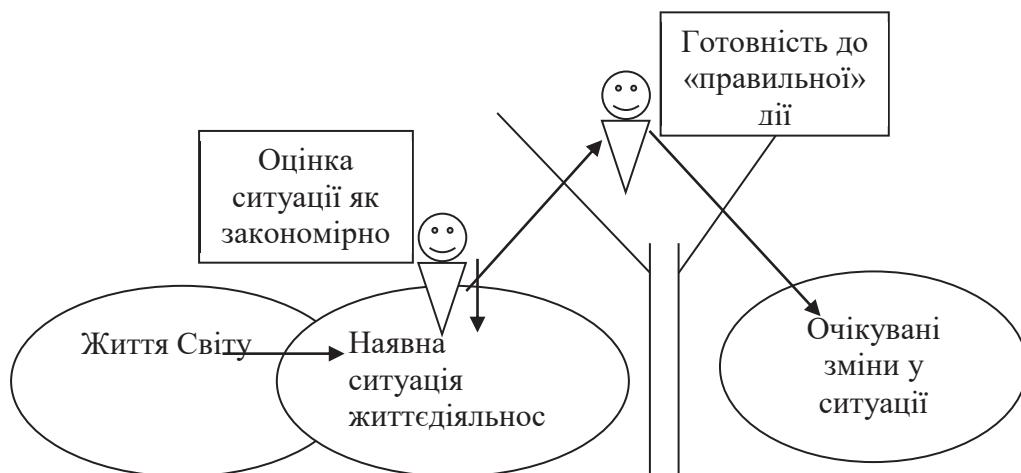

Рис. 3. Психологічні функції уявлення про «правильність» буття»

Як відомо, у XIX-му столітті склалося чотири наукові концепції еволюції живої природи¹⁰, які з тими чи іншими варіаціями досі обговорюються та розвиваються науковою спільнотою.

¹⁰ Варто зазначити, що у цей же період часу склалися й теорії змінювання як розвитку в інших галузях знань: економіці, соціології, антропології, лінгвістиці, етнографії тощо.

тою. Проте, треба зауважити, за цей час ці теорії стали не тільки предметом наукового дискурсу, але й невід'ємною частиною буденної свідомості людей. Більш того, у суспільній свідомості реально присутні усі чотири наукові картини еволюції природи, кожна з яких активно підтримується і просувається через усі засоби масової комунікації та трансляції культури.

У філософсько-гуманістичному плані наявні чотири теорії еволюції, на наш погляд, можна поділити на дві групи за базовою парадигмальною основою. Першу групу утворюють теорії Ж.Кюв'є та Ч.Дарвіна, які вважають рушійною силою розвитку природи наявні у самій природі певні загрози для існування живих організмів чи їх видів, а механізми подолання цих загроз і описуються як механізми еволюції. Другу групу утворюють теорії Ж.-Б. Ламарка та П.Кропоткіна, які вважають рушійною силою розвитку природи наявні у самій природі позитивні взаємодії як у міжвидовому, так і в популяційному просторі.

Коротко зупинимось на кожній з них.

Перша теорія – це теорія природних катастроф Ж.Л.Кюв'є, яка стверджує, що періоди стабільності форм життя завершуються із настанням глобальної катастрофи, яка знищує переважні види і «розчищає» середовище для тих видів, що якимось чином змогли вижити у цьому катаклізмі. І хоча цю теорію було створено більш ніж два століття тому, а її автор дуже рідко згадується, але її місце у буденній свідомості є дуже значним. Достатньо згадати нескінченну кількість «наукових» прогнозів глобальної екологічної чи техногенної катастрофи – від глобального потепління до ядерної зими, – які змінять увесь вигляд існування на землі, що так полюбляють ЗМІ, чи буденну метафору чорно-білої смугастості життя. Зauważимо також, що ідея катастрофізму, хоча й у більш м'якому формулюванні, займає одне з провідних місць й у психологічних теоріях і практиках, де стверджується, що розвиток відбувається тільки внаслідок життєвих криз (вікових, особистісних, екзістенційних тощо). На цьому фоні дуже популярним став вислів Ф.Ніцше: «Все що нас не вбиває робить нас сильнішим», – хоча його справедливість чи істинність є дуже й дуже сумнівними. Якщо до цього поставитися більш вдумливо, то, мабуть, треба визнати, що те, що нас не вбило, те нас покалічило. Сильнішим нас робить тільки наша спроможність

подолати наслідки каліцтва, але саме каліцтво залишається з нами на все наше життя¹¹.

У психологічному плані особистісна орієнтація на таку модель «правильності» життеустрою приводить до формування двох типових установок. Перша заснована на відвертому страху перед невідворотним катастрофічним майбутнім до якого треба готоватися вже зараз і бути готовим завжди (будувати бункер чи, хоча б, створити запас грошей, солі, сірників, мила тощо). Цей страх перед катастрофічним майбутнім формує життеву стратегію готовності до виживання, що стає перешкодою для усіх інших форм самореалізації особистості та блокує можливість повноцінного переживання будь-яких радісних чи щасливих моментів буття: «Не радуйся, бо завтра буде горе». Друга типова установка – це загальна орієнтація на отримання усіх можливих радощів від життя сьогодні при відмові від власного майбутнього. Вона виражается у простій формулі: «Отримай все від життя сьогодні, бо завтра тебе вже може й не буде». Ця установка підкріплюється псевдо-філософською настановою «жити тут і тепер», але у рамках цієї життєвої стратегії вона приводить тільки до обернення індивіда на власні вітальні потреби, без переходу до вищих соціальних та культурних потреб. Така установка набуває особливо масового розповсюдження у часи реальних значних катаклізмів, що виникають у житті суспільства – війни, голод, епідемії тощо. Численні соціологічні і психологічні дослідження наслідків Чорнобильської катастрофи показали, що найбільш негативну роль відіграво уявлення про близьку і неминучу смерть від радіаційного ураження, яке заблокувало орієнтацію особистості на власне майбутнє. Так, за нашими даними, отриманими у період 1992 – 1996 р.р., серед постраждалих підлітків панувала впевненість, що ніхто з них не доживе навіть до 25 років і, тому, планувати власне майбутнє взагалі безглуздо //. Аналіз показав наявність прямої значущої кореляції між ступенем розповсюдженості такого погляду на життя та сплеском підліткового алкоголізму, наркоманії, злочинністю, ранніми статевими зв'язками із небажаною вагітністю тощо.

¹¹ Проте, якщо визнати оцю правду життя, то багато психотерапевтів, гуру та інших «вчителів життя» залишаться без заробітків.

Таким чином, катастрофна метафора життя породжує такі моделі життедіяльності, які у соціальному вимірі набувають майже протилежних форм поведінкового прояву, але у психологічному вимірі в їх основі лежить єдиний механізм переживання страху перед майбутнім.

Друга теорія – це теорія Ч.Дарвіна, яка стверджує, що еволюційний розвиток природи відбувається завдяки виникненню генетичних мутацій, які виявляються у морфологічних змін в будові індивідуального організму, та закріплюються і накопичуються на популяційному рівні, якщо ці зміни дають перевагу у конкурентній боротьбі за виживання. Ч.Дарвін стверджував, що на популяційному рівні виживання дорівнює спроможності залишити потомство, що залежить від двох чинників: ступеню пристосованості індивіда до всього комплексу середовищних умов існування і наявності будь-яких переваг однієї особі порівняно з такими ж властивостями осіб того ж виду у тій же популяції.

Теорія Ч.Дарвіна одразу ж набула не аби якої популярності завдяки двом чинникам. З одного боку, вона максимально відповідала ідеалу прийнятої наукової раціональності, а, з другого боку, в ній побачили можливість побудови «природного» пояснення соціальних відносин і психологічних властивостей людини. Виниклий тоді соціал-дарвінізм зберігає свою популярність і досі. Саме у руслі соціал-дарвінізму на поверхні буденної свідомості більшості людей в якості еволюційної метафори лежить споторена теорія Ч.Дарвіна, що «в еволюційному розвитку перемагає сильніший». Дарвінівська модель еволюції закріпилася й у психологічних теоріях: у явному вигляді вона стає основою психоаналізу З. Фрейда, а у прихованому – у всіх поведінкових теоріях психології.

Прийняття ідеї природного відбору у соціологічних та психологічних поглядах породжує тільки одне питання: «У чому полягає сила?». В значній кількості наукових робіт та у масовій свідомості відповідь виявилася дуже простою: у соціально-му просторі буття сила полягає у грошах і владі. Усі спроби ввести інші критерії – етичні, інтелектуальні тощо – розбиваються об простий аргумент буденної свідомості: «Якщо ти такий розумний, то чому ти такий бідний?».

Розгортка конкурентної метафори у соціальну площину буття особистості визначає дві базові підстави побудови життедіяльності індивіда.

По-перше, це нескінченне прагнення до накопичення і концентрації життєвих ресурсів. Ресурс втрачає своє значення як засобу досягнення певної життєвої мети, а набуває самостійного смыслового навантаження як символ і кінцева мета життедіяльності. Такий «зсув цілі на засіб» призводить до виходошення самої життедіяльності і втрати смыслу життя, що, наприклад, знайшло своє відображення у знаковій роботі Е.Фромма «Мати чи бути?».

По-друге, оволодіння певним ресурсом стає окремою і провідною задачею життедіяльності, а її реалізація передбачає боротьбу з іншими суб'єктами, які також намагаються оволодіти тим же ресурсом. Всі інші суб'єкти автоматично отримують статус «конкурентів», а единий спосіб взаємодії з ними – це «конкурентна боротьба¹²». Індивід, таким чином, втрачає статус суб'єкта життедіяльності і набуває статусу суб'єкта конкурентної боротьби, а провідним показником його життєвої ефективності стає «успіх». Сама людина тепер вимірюється за одним единственим параметром: «успішний – невдаха», де критеріями виступають кількість накопичених ресурсів та кількість знищених конкурентів¹³. Тобто, якщо у тваринному світі конкурентна боротьба стає умовою розвитку біологічних видів, то у людському суспільстві конкурентна боротьба потребує зовнішнього контролю та регулювання, бо інакше вона стає ідеологією взаємознищення.

Втрата внутрішніх обмежень поведінкових реакцій та необхідність у зовнішньому контролі й регулюванні породжує особливу проблему розбіжності моралі і етики, що на філософському рівні зафіксував ще І.Кант через поняття «категоричного імперативу». На психологічному рівні ця проблемність відо-

¹² В літературі часто плутають конкуренцію і змагання, хоча реально це зовсім різні форми взаємодії. Конкуренція відбувається як боротьба за реальний предмет як життєво значущий ресурс де найкращим засобом боротьби є фізичне знищенння конкурента. Змагання відбувається як демонстраційна дія показу наявності певної переваги, а результат фіксується виключно у символічній формі – «лавровий вінок» переможця.

¹³ В одному з романів Олді головний герой так і формулює свою життєву позицію: «Всех убью, один останусь».

бражена у різних формах в різних теоріях, наприклад, у З.Фрейда у вигляді боротьби Єго та Супер-Єго, в соціальній психології в теорії М.Шеріфа у вигляді протилежності конформізму і нонконформізму тощо. У цьому контексті особливої популярності набули різноманітні конфліктологічні концепції в психологічних теоріях і в психотерапевтичних практиках, де стверджується не тільки наявність «позитивної ролі конфліктів», але і те що «розвиток відбувається тільки через конфлікт». При цьому конфлікт стає не тільки простором зовнішньої взаємодії, але й внутрішньо особистісним станом, який тепер видається за нормальній стан особистості.

Прийняття еволюційної моделі Ч.Дарвіна як базової метафори способу життя робить нас носіями і джерелом нескінченних конфліктів у боротьбі за накопичення непотрібних ресурсів без усвідомлення їх щільового призначення, і розплачуючись ми за це втратою сенсу життя.

Третя теорія – це теорія Ж.-Б. Ламарка, яка стверджує, що еволюційний розвиток природи відбувається завдяки виникненню (знаходженню) нових способів взаємодії тварини з елементами оточуючого середовища, які призводять до змінювання у морфологічній будові тих органів, які забезпечують цей спосіб дії. За Ж.-Б.Ламарком змінювання способу дії детермінується внутрішньою потребою у найкращому задоволенні органічних потреб, яку він назвав «прагненням до досконалості¹⁴». Якщо новий (удосконалений) спосіб задоволення потреби виявляється більш ефективним, то він закріплюється як поведінкова звичка, а та нова напруга, яку він накладає на морфологічний орган, призводить до його трансформації і «підстроювання», підлаштовування під цей спосіб дій.

Треба відмітити, що теорія Ж.-Б.Ламарка, незважаючи на періоди гострої критики, була і залишається однією з найбільш впливових у самих різних галузях біологічної науки. Тут достатньо вказати, наприклад, на відому теорію мікро- і макроеволюції О.М.Северцова, у якій доводиться, що функціональні зміни у структурі поведінки (способах дій) викликають відповідні морфологічні зміни (ароморфоз), а необхідність

¹⁴ У своїй провідній роботі «Філософія зоології» Ж.-Б.Ламарк неодноразово звертається до ідеї Бога, для пояснення цього прагнення, що, власне, і стало провідною причиною негативного сприйняття його теорії науковою спільнотою.

змінювання цілісного способу організації життєдіяльності викликає зміни у ієрархії загальної будови організмів даного виду (ідіоадаптація в разі ускладнення та деградація в разі спрошення). На сьогодні ламаркізм (неоламаркізм) набуває все більше відвертих прихильників серед біологів і знаходить серйозні підтвердження на біохімічному та молекулярному рівнях експериментальних досліджень. Окрім того, значна частина теорій у галузі екології та етології ґрунтуються саме на теорії Ж.-Б.Ламарка і, мабуть, можна взяти на себе сміливість та стверджувати, що саме ламаркізм став підґрунтям усіх сучасних системних поглядів на живу природу і теорій органічних систем.

Стосовно наукової психології треба відмітити, що прямі посилення на Ламарка зустрічаються доволі рідко, але використання базової моделі розвитку, навпаки, зустрічається дуже часто. Вкажемо тільки на декілька, найбільш відомих підходів.

В першу чергу треба вказати на культурно-історичну концепцію Л.С.Виготського , де механізми розвитку описуються через процеси оволодіння індивідом культурних засобів побудови нових дій, що призводить до формування нових органів психіки у вигляді вищих психічних функцій. Провідною умовою розвитку постає наявність «зони найближчого розвитку», яка описується як така, де людина ще не може, але вже намагається виконати нову дію. Тобто саме намагання¹⁵ як внутрішній стан докладання зусиль для того, щоб щось зробити, як спрямованість дій і постає внутрішньою рушійною силою розвитку. У принципі можна стверджувати, що всі теорії, які базуються на постулаті, що навчання веде за собою розвиток (розвиток відбувається через навчання) фактично відповідні еволюційній метафорі ламаркізму. До цього ж типу теорій відносяться й ті, які стверджують провідну функцію ідеалів у процесі становлення і розвитку особистості: це й теорії морального ідеалу і естетичного ідеалу і особистісні теорії перфекціонізму тощо.

¹⁵ Відмітимо, що у російській мові найближчий термін до «намагання» це «попытки», але цей термін відображує не внутрішній стан особи, яка прикладає зусилля для того щоб щось зробити, а фіксує лише зовнішню результативність, тобто наявність спроб.

У буденній свідомості ця теорія еволюції відображеня значно слабше, ніж дві розглянуті попередньо. Справа у тому, що самі поняття досконалості і бездоганності виявляють тільки наше оцінне ставлення до результатів діяльності, тобто є визначенням якості певного предмету чи виконаної дії, але вони не мають мовної форми, щоб характеризувала особистість, яка прагне цієї досконалості та бездоганності, а англомовні «перфекціонізм» та «перфекціоніст» так і не прижилися. У нашій ментальності перфекціонізм пов'язується скоріше із надмірною педантичністю та схильністю особистості «копиратися у дрібницях», ніж з досконалістю.

Проте, це не означає, що ця теорія не відображена у ментальному просторі буденого життя. Наші дослідження показали, що прагнення досконалості традиційно у буденній свідомості відображене у поняттях «майстер» і «майстерність». Стати майстром означає не просто набуття певної кваліфікації, а отримання визнання спроможності індивіда робити щось таке і так, як цього не може зробити інша людина. Майстерність поєднує у собі і досконалість виробу, і його певну унікальність, і наявність якогось тайнства, якоє магії створення, якій неможливо навчити іншу людину, яку кожна людина тільки може віднайти у самій собі. Дуже важливим є те що сама ідея майстерності існує не у формальному просторі нормативних діяльностей (там існує тільки формальна посада майстра), а у просторі життедіяльності спільнот, де продукти діяльності однієї людини стають значущими для всіх інших людей. Тому ми можемо додати, що стати майстром – це не тільки отримати визнання з боку значущої спільноти, але й значна мета, яка надає сенс усьому життевому шляху особистості. У буденній свідомості та життедіяльності майстерність часто пов'язують з особливим Божим даром, який особистість ще має віднайти в собі та виростити, довести до досконалості.

Таким чином, еволюційна метафора «прагнення до досконалості» у психологічному просторі життедіяльності особистості виражена у трьох провідних формах. По-перше, при переважній орієнтації на культурні зразки ця метафора задає розвиток особистості через специфічну форму освіти, яка на сьогодні описується як «розвивальне навчання». Його сенс полягає у тому, що нові здатності як психологічні новоутворення формуються і виникають у такому навчанні, де індивід сам

становиться суб'єктом власного розвитку, суб'єктом саморозвитку. По-друге, при переважній орієнтації на нормативну сферу соціального буття ця метафора задає взірці «бездоганності» як вищої, ідеальної форми організації життедіяльності. Її сенс полягає у тому, що затверджується прямий зв'язок між якістю виконання дії та якістю самої особистості – бездоганність дії постає як бездоганність особи. Перфекціонізм стає визначенням життевого принципу буття особистості. По-третє, при переважній орієнтації на досягнення індивідуальної унікальності у певному виді діяльності ця метафора задає ідеал майстерності як безкінечного шляху удосконалення. Його сенс полягає у тому, щоб віднайти власне життєве покликання і поєднати талант із живою магією творіння – стати Майстром.

Четверта теорія – це теорія П.О.Кропоткіна, яка стверджує, що еволюційний розвиток природи відбувається завдяки виникненню і ускладненню форм спільноті в структурі життедіяльності живих організмів. Сам П.О.Кропоткін¹⁶ визначив свій погляд на еволюцію через поняття «взаємодопомога».

На жаль ця теорія не отримала широкого розповсюдження, але внаслідок ідеологічних та політичних умов, а не у зв'язку з її науковою цінністю. Формат статті не дозволяє зробити детальний аналіз, тому обмежимо тільки наведенням кількох цитат та власним коментарем.

У першу чергу слід відмітити, що П.О.Кропоткін не відкидав теорію Ч.Дарвіна, але вважав, що принцип боротьби за існування є другорядним серед механізмів еволюції: «Если же принять во внимание бесчисленные факты, которые все говорят в поддержку этого взгляда, то с уверенностью можно сказать, что взаимная помощь представляет такой же закон животной жизни, как и взаимная борьба. Более того. Как фактор эволюции, т. е., как условие развития вообще — она, по всей вероятности, имеет гораздо большее значение, чем взаимная борьба, потому что способствует развитию таких привычек и свойств, которые обеспечивают поддержание и дальнейшее развитие вида, при наибольшем благосостоянии и наслаждении жизнью для каждой отдельной особи, и в то же время, при наименьшей бесполезной растрате ею энергии, сил» /с. 11/.

¹⁶ Автор у передмові вказує, що кожний розділ цієї книги спочатку публікувався в журналі «» у період з 1890. по 1896 р.р. , і тільки у 1902 р. вийшла уся робота цілком.

По-друге, дуже важливим є те, що П.О.Кропоткін вводить поведінкові і психологічні характеристики виду як значущі ознаки їх еволюційного розвитку. При цьому особливий акцент ставиться на взаємозв'язку схильності до спілкування (товариськості) та рівня розвитку розумових здібностей: «Поэтому хотя и признавая вполне, что сила, быстрота, предохранительная окраска, хитрость и выносливость к холоду и голоду, упоминаемые Дарвином и Уоллесом, действительно представляют качества, которые делают особь или вид наиболее приспособленными при некоторых известных обстоятельствах, — мы вместе с тем утверждаем, что общительность является величайшим преимуществом в борьбе за существование при всяких, каких бы то ни было, природных обстоятельствах. Те виды, которые волей или неволей отказываются от неё, обречены на вымирание; тогда как животные, умеющие наилучшим образом объединяться, имеют наибольшие шансы на выживание и на дальнейшую эволюцию, хотя бы они и оказались ниже других в каждой из особенностей, перечисленных Дарвином и Уоллесом, за исключением только умственных способностей. Высшие позвоночные, и в особенностях человеческий род, служат лучшим доказательством этого утверждения. Что же касается до умственных способностей, то каждый дарвинист согласится с Дарвином в том, что они представляют наиболее могущественный фактор дальнейшей эволюции; он согласится также и с тем, что умственные способности, еще более всех остальных, обусловливаются в своём развитии общественною жизнью. Язык, подражание другим и накопленный опыт — необходимые элементы для развития умственных способностей, и именно их бывают лишены животные не общественные. Поэтому-то мы и находим, что на вершине различных классов стоят такие животные, как муравьи и термиты, попугаи, обезьяны, у которых высоко развиты как умственные способности, так и общительность. «Наиболее приспособленными», наилучше приспособленными для борьбы со всеми враждебными элементами, оказываются, таким образом, наиболее общительные животные, — так что общительность можно принять главным фактором эволюции, как непосредственно, потому что она обеспечивает благосостояние вида, вместе с уменьшением бесполезной растраты енер-

гии, так и косвенно, потому что она благоприятствует росту умственных способностей» /там же, с. 37/.

По-третє, П.О.Кропоткін вважає, що взаємна допомога є природною формою етики, яка базується на відчутті справедливості. Така точка зору суттєво відрізняється від доволі розповсюджених уявлень про альтруїзм, як вихідну форму моральності. З нашої точки зори, принциповим є те, що справедливість завжди є показником способу взаємодії між різними суб'єктами, тобто є суспільним почуттям, а альтруїзм є індивідуально-психологічною властивістю, яка проявляється у ставленні одного індивіда до іншого, тобто є тільки переживанням та мотивом поведінки. «Кроме того, очевидно, что жизнь сообществами была бы совершенно невозможна без ответственного развития общественных чувств, и в особенностях если бы известное коллективное чувство справедливости (начало нравственности) не развивалось и не обращалось в привычку. Если бы каждый индивидуум постоянно злоупотреблял своими личными преимуществами, а остальные не заступались бы за обиженного, никакая общественная жизнь не была бы возможна. Поэтому у всех общительных животных, в большей или меньшей степени, развивается чувство справедливости.» /там же, с.38/.

По-четверте, взаємна допомога як усталений спосіб взаємодії, потребує виникнення і закріплення відповідної форми організації сумісності. Більш того саме ця організаційна форма має відтворюватися у кожному поколінні і, в той же час, бути достатньо гнучкою, щоб відповідати процесу змін у стані навколошнього середовища. Їх ускладнення призводить до еволюційного прогресу, а спрощення – до інволюції, до регресу і в морфологічному, і у функціональному аспектах життедіяльності певного виду. П.О.Кропоткін переконливо доводить, що еволюційне зникнення певних видів тварин пов'язано з розпадом цих організаційних форм взаємної допомоги, що спроби індивідуального пристосування до змінюваних умов існування завжди приречені на поразку та вимирання всієї популяції чи, навіть, виду.

По-п'яте, відчуття нашої людської єдності з усім природним світом, як ми намагалися показати на початку цієї статті, можливе тільки у тому випадку, коли є спільна еволюційна ознака і для тваринного, і для людського світу. З.Фрейд нама-

гався знайти цю ознаку у потягу до продовження роду, у сексуальності, але це занурює нас у метафору індивідуальної боротьби кожного з усіма іншими, з неминучими наслідками індивідуалізму і ворожнечі, які звідси випливають. П.О.Кропоткін пропонує таку загальну ознаку, як взаємодопомога, котра надає гуманістичного сенсу і існуванню природи, і існуванню людини. Еволюційний «стрибок» людини він пов'язує з винаходом принципово нових форм організації сумісності, а подальшу історію людства з їх ускладненням і посиленням ролі взаємної допомоги та захисту і турботи о слабких членах спільноти. П.О.Кропоткін наполегливо стверджує, що історію людства неможна зводити до історії війн та знищення одного одним, що дійсна історія людства – це історія форм сумісності, а звідси – історія розвитку етики і розуму.

Слід підкреслити, що незважаючи на відсутність підтримки і популяризації еволюційних поглядів П.О.Кропоткіна, вони завжди мали своїх прихильників, а на сьогодні їх актуальність стала просто очевидною. Політики і економісти можуть скільки завгодно тлумачити про користь конкуренції, але на рівні буденної свідомості ми добре розуміємо, що боротьба призводить тільки до удосконалення засобів життедіяльності, але не надає розвитку і зростання а ні індивіду, а ні спільноті, а ні людству. Більш того, орієнтація на загальну боротьбу привела до такого накопичення засобів знищення і природи, і людей, що ми всі постали на межі існування.

Доповідь Римського клубу 2017р. під назвою «Come on!» вказує на два ключові елементи подальшого прогресу і виживання людства. Це, з одного боку, необхідність зміни глобальної установки конкурентності на установку взаємної підтримки і допомоги, та, з другого боку, – необхідність зміни базових орієнтирів екологічної свідомості людства.

Ми вважаємо, що саме ідея еволюції через взаємодопомогу відкриває перспективи формування такого нового погляду на нашу взаємодію з оточуючим світом і світом живої природи. Епоха прямого використання природи як ресурсу для виробництва, її знищення і забруднення має закінчитися. І ніякі призиви до «раціонального природокористування» не вирішать наявну проблему, бо залишається незмінним сам принцип користування. Також недостатньою є й ідея «захисту» природи, бо, наприкінці кінців, ми маємо захищати її від нас

самих же. Зовсім нездійсненним здається заклик до змінення людино-централізованого ставлення до світу на «природоцентроване», бо таке ставлення є просто неприродним для людини.

Проте, ми можемо відмовитися від егоцентричного ставлення до світу, ми можемо почати, хоча б, з повагою поставитися до нього, тобто визнати Природу повноцінним суб'єктом життя, у всім її різноманітті, і визнати її право на прагнення до життя. Більше того, ми можемо визнати себе самих як частку життя природи та природу як частку нашого життя. При цьому, таку частку, яка свого часу (і кожного разу знову і знову) надала нам життя, та такою, яка сьогодні потребує від нас допомоги та цілеспрямованих зусиль для подовження і розвитку її життя. Принцип взаємодопомоги забезпечує еволюцію живої природи, він же зробив нас наймогутнішою силою в природі і він же має забезпечити наше подальше поєднання з природою у таку форму сумісності, яку В.І.Вернадський визначив дивним поняттям «Ноосфера».

Література

1. Вернадський В.И. Биосфера и ноосфера. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 576 с.
2. Виготский Л.С. Мышление и речь. – М. : ГосСоцЭкономИзд, 1934. – 362 с.
3. Дарвин Ч. Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. — Перевод с шестого издания (Лондон, 1872). — Санкт-Петербург: Наука, 1991. — 270 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М. : Эксмо, 2015. – 620 с.
5. Кропоткин П.А. Взимопомощь как фактор эволюции. Редакция журнала «Самообразование», М. 2007. – 161 с.
6. Кювье Ж. Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара и об изменениях, какие они произвели в животном царстве. – МОСКВА : БИОМЕДГИЗ, 1937. Ел. ресурс:
<http://evolbiol.ru/cuvier.htm>
7. Ламарк Ж.-Б. Философия зоологии. Том 1. – М.: БИОМЕДГИЗ, 1935. – 495 с. Ел. ресурс: <http://padaread.com/?book=49062>
8. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. – М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 462 с.
9. Северцов О.М. Основы теории эволюции. - М.: Изд-во МГУ, 1987. — 320 с.

10. Спенсер Г. Недостаточность естественного подбора. – С.-Петербург : Приложение к журналу «Научное обозрение», 1894. – 120 с.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ. – СПб.: Питер, 1999. – 430 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. – М. : Академический проект, 2008. – 256 с.
13. Швалб Ю.М. К определению понятий среды и пространства жизнедеятельности человека / Юрий Швалб // Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка, Том 7: Екологічна психологія, вип. 2. – К. : «Сталкер», 2003. – С. 183-191.
14. Sherif, M. (1936). The psychology of social norms. Oxford, England: Harper. – 225 p.
15. von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. — 220 p. Ел. ресурс: <http://pr-portal.com.ua/come-on-doklad-rimskogo-kluba-2758.html>
16. Margulis, Lynn and Dorion Sagan, 2007, *Dazzle Gradually: Reflections on the Nature of Nature*, Sciencewriters Books, ISBN 978-1-933392-31-8
17. «Come on!» Доповідь Римського клубу 2017р

1.7. Эколого-психологический подход к определению категории «качество жизни»¹⁷

Исследование качества жизни является общепринятым в международной практике, высокоинформативным, чувствительным и экономичным методом оценки социального благополучия как населения в целом, так и отдельных социальных групп общества. Качество жизни – это интегральная характеристика физического, психологического, эмоционального и социального функционирования человека.

Существующие концепции оценки качества жизни были применены в следующих областях:

- определение средних нормативных показателей качества жизни для населения города в целом и для различных социальных групп;
- оценка качества жизни в группе риска;
- оценка эффективности социальных программ, направленных на реабилитацию социально дезадаптированных людей и онкологических больных;
- разработка общих методических рекомендаций по поддержке принятия решений в области социального планирования, анализа результатов социальных и экономических реформ и программ.
- оценка деятельности общественных организаций с точки зрения эффективности их мероприятий в социальной сфере;
- поддержка разработки реабилитационных программ, мер социальной адаптации и помощи неблагополучным социальным группам населения.

Реализация такого рода проектов позволяет внедрить и распространить концепцию оценки качества жизни, открывая таким образом новый перспективный подход независимой экспертизы эффективности мероприятий, проводимых для улучшения социального благополучия населения. Органы

¹⁷ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 15, 2008. – Стр. 313-320.

власти, политические, общественные, некоммерческие и другие заинтересованные организации могут использовать рекомендации, основанные на анализе качества жизни различных категорий населения, для поддержки принятия решений в области социального планирования и прогнозирования, ретроспективного и перспективного анализа результатов социальных и экономических реформ и программ.

В последнее время все больше осознается тот факт, что качество жизни является не только объективным показателем уровня социально-экономического благополучия общества, сколько субъективной оценкой людьми особенностей изменения условий жизнедеятельности и способов их взаимодействия с окружающим социо-природным миром. Очень показательной в этом отношении является точка зрения известного российского экономиста и специалиста в области теории измерения качества жизни С.Айвазяна. он пишет, что основные свойства качества жизни населения формируются и проявляются в его взаимодействии с «внешними объектами» и друг с другом, в его способности адаптироваться к окружающему миру, выжить, воспроизводиться, удовлетворять свои потребности. С.Айвазян рассматривает человека одновременно как *существо биологическое* (функционирующее в соответствии со всеми законами биологического гомеостаза) и как *существо социальное* (реализующее себя только в социуме, в системе процессов и механизмов, функционирующих по специфическим «социальным правилам»). На этом основании автор выделяет пять базовых компонентов, образующих среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения:

1. *Качество населения*, интегрирующее в себе такие его свойства как ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования, квалификация, рождаемость и смертность, брачность и т.п.;
2. *Благосостояние населения*, интегрирующее в себе основные показатели уровня жизни и отражающее степень удовлетворения его материальных и духовных потребностей (реальные доходы, их дифференциация, уровень потребления благ и услуг, уровень здравоохранения, культуры и т.п.);
3. *Социальная безопасность* (или *качество социальной сферы*), отражающая уровень условий труда, социаль-

- ной защиты, физической и имущественной безопасности члена общества, криминогенности и социально-политического здоровья самого общества и т.п.;
4. *Качество окружающей среды* (или *качество экологической ниши*), аккумулирующее данные о загрязнении воздушного пространства, почв и воды (заметим, что человеческая популяция - это единственная земная популяция, не обеспечивающая утилизации отходов своей жизнедеятельности, опасных для окружающей среды и не включенных в естественные природные технологии – «трофические цепи биосферы»);
 5. *Природно-климатические условия*, характеризующиеся составом и объемами природно-сырьевых ресурсов, климатом, частотой и спецификой форс-мажорных ситуаций.

Однако в рассмотренном подходе совершенно непонятной остается логика выделения систем жизнеобеспечения и сред существования людей. По-видимому, само понятие «окружающей среды» должно быть структурировано и типологизировано на каких-то более общих основаниях, чем представление отдельного индивида о том, что его окружает. Исходя из приведенных соображений, нами был введен ряд дополнительных критериев определения понятия «среды». Для экопсихологического подхода значимыми будут только те факторы, которые, во-первых, осознаются как значимые условия жизнедеятельности и, во-вторых, приводят к изменениям способов действия или организации жизненных условий. Только при этих дополнительных условиях человек и внешние средовые факторы образуют систему, где все элементы взаимозависимы и теряют свою определенность за рамками этой системы. Поэтому, мы приняли рабочее определение понятия “окружающей среды” как системы осознаваемых условий существования, оказывающих непосредственное влияние на способы организации жизнедеятельности людей.

При таком подходе конкретизация понятия «окружающая среда» должна осуществляться через формы организации жизнедеятельности людей или, что то же самое, через категорию образа жизни. Так, в социологии предлагаются классификации сред по типам ведущих социально-экономических процессов или по уровням социальной организованности, в

деятельностном подходе – по ведущим типам деятельности и так далее.

В этом плане особый интерес представляет культурологический подход, который разрабатывается В.М.Розиным. Рассматривая социум как глобальную систему органического типа, В.М.Розин ставит вопрос о генезисе и функционировании систем жизнеобеспечения социума. Он пишет: «Они двояки: с одной стороны, эти системы, вероятно, должны обеспечить **воспроизведение и существование** человека как биологического существа, с другой — собственно **культурные функции** (смыслообразования, освоения действительности, разви-
тия и др.)» /7; С. 55/.

Нам представляется, что системы жизнеобеспечения социума должны в максимальной степени осознаваться людьми как значимые условия своей жизнедеятельности. В этом плане данные системы должны в максимальной степени соответствовать определению понятия окружающей среды, хотя эти понятия и не являются тождественными по своему логическому и содержательному наполнению. Основные типы систем жизнеобеспечения социума можно представить как основные типы социальных сред существования личности.

Нам представляется, что при определении типов сред существования личности надо учитывать ряд методологических принципов. Во-первых, каждый тип должен обладать системными признаками, то есть функционировать как самодостаточная система жизнеобеспечения. Во-вторых, каждый тип должен быть некоторым образом связан с другими и именно характер их связей будет определять пространство жизнедеятельности личности. В-третьих, по отношению к каждому типу среды у людей должны складываться относительно устойчивые формы организации жизнедеятельности, которые в своей совокупности должны создавать целостный образ жизни, как отдельной личности, так и социальных групп.

Исходя из этих методологических принципов, мы можем предположить, что наиболее общую предметную «рамку» жизнедеятельности человека будет образовывать оппозиция систем по признаку искусственное – естественное /9/. Такую оппозицию составляют сфера культуры, как максимально выраженная искусственная система и сфера природно-ландшафтных условий жизни человека, как исходно естествен-

ная система. Эти граничные рамки существования человека не только противоположны, но их оппозиция осмыслена и каждый раз осуществляется только через реальное бытие конкретного человека. С этой точки зрения человек является скорее не биосоциальным существом, а «естественной культурой» (или «окультуренным естеством»). Такой подход хорошо согласуется с теорией генезиса личности С.Д.Максименко, в которой через категорию нужды утверждается единство естественно-природного и культурного начал в осуществлении личности /3/.

Процесс урбанизации привел к постановке новой проблемы: к какому типу среды отнести пространство жизни города – является оно искусственным или остается для человека естественным? Мы считаем, что городская среда во всех ее параметрах (от размера города до его внутренней архитектоники) для индивида лежит в сфере естественного, что находит отражение в известных метафорах, типа «каменные джунгли» и т.д. Но при этом надо учитывать, что природно-ландшафтная сфера становится сложно структурированным и опосредованным феноменом, который включает в себя как городскую архитектонику, так и собственно природные компоненты, которые, в свою очередь, частично включены в саму городскую среду, а частично являются природным окружением (средой) существования самого города. Причем, с развитием современных транспортных средств и резким возрастанием мобильности населения, психологическая структура природно-ландшафтной среды существенно изменяется в направлении ее расширения и дифференциации.

И сфера культуры, и сфера природно-ландшафтных условий существуют как протяженные во времени жизни поколений людей только благодаря наличию особых механизмов их поддержки и деятельностного осуществления. Традиционно считается, что универсальным механизмом трансляции норм культуры является система образования. При этом само образование является искусственной системой, которая существует и функционирует только за счет специальных деятельности людей. Однако, образование является также и механизмом трансляции природно-ландшафтных условий жизни, если их понимать не в натуралистическом залоге, а в системообразующем, именно как осознаваемые и культивируемые условия

жизнедеятельности. Хотя данный тезис звучит необычно и даже парадоксально, однако этот аспект проблемы в настоящее время все больше осознается и становится предметом специальных исследований. В этом плане можно указать на чрезвычайно интересную работу польского автора А.Налясковского, которая имеет очень точное и символичное название: «Дикость и одичание как контекст образования» /3/.

С культурологической точки зрения образование является универсальным и единственным механизмом трансляции норм и ценностей культуры, но если в качестве отправной точки принять оппозицию искусственное/естественное, то мы можем говорить о существовании еще одного механизма трансляции, который складывается и осуществляется на основе естественных процессов. Таким механизмом мы считаем сферу быта и бытовой деятельности человека.

В социокультурном плане бытовая сфера выделяется как особая деятельность по «ведению домашнего хозяйства», которая имеет свои традиции, нормы и правила осуществления. В проведенном под нашим руководством исследовании /5/ было показано, что в социально-психологическом плане бытовая деятельность является значимой составной частью образа жизни людей, которая характеризуется четко выраженными содержательными и стилевыми особенностями. В обыденном сознании бытовая деятельность определяется тремя устойчивыми конструктами: повседневность, необходимость и возобновляемость (повторяемость). В психологическом плане бытовая деятельность характеризуется наличием ряда устойчивых мотивов, набором фиксированных целей, системой способов ее осуществления и осознаваемыми критериями оценки.

Сфера быта складывается, по-преимуществу, стихийно, ориентируясь на природно-ландшафтные условия, и фиксируя нормы культуры непосредственно в способах организации жизнедеятельности людей. В отличие от сферы образования, где транслируемые нормы культуры обязательно претерпевают рефлексивную и методическую обработку, в сфере быта они трансформируются через мифолого-метафорические формы сознания, обретая устойчивость в архетипических (по терминологии Г.Юнга) конструктах.

Таким образом, при рассмотрении систем жизнеобеспечения личности в оппозиции искусственное/естественное по при-

знаку их предметного наполнения, мы выделили четыре типа систем. Из них две системы (сфера культуры и природно-ландшафтных условий) являются ведущими в существовании человека, а две – механизмами, обеспечивающими их трансляцию, воспроизведение и устойчивость (сферы образования и быта).

Однако, проведенный анализ будет далеко неполным, если мы ограничимся рассмотрением только предметной составляющей систем жизнеобеспечения личности. Не менее важной составляющей являются системы жизнеобеспечения, основанные на отношениях личности к другим людям, которые выражены в разных формах коллективности.

Существенно, что базовые отношения личности раскладываются на системы в оппозиции искусственное // естественное так же, как и предметные. С этой точки зрения мы можем предположить, что наиболее общую «рамку» отношений жизнедеятельности человека будет образовывать оппозиция сферы социальных отношений, как максимально выраженная искусственная система и сферы межличностных отношений человека, как исходно естественной системы.

Сфера социальных отношений построена на приоритете социальных правил, которые образуют систему социальных институтов. В этом плане жизнь человека развертывается как перманентный процесс социализации, то есть как процесс освоения индивидом все новых правил социального взаимодействия и последовательного включения в функционирование социальных институтов. При благоприятном развертывании этого процесса общество, через свои институции поощряет индивида, предоставляя ему различные блага и возможности существования. При неблагоприятном развертывании социализации общество может либо направить усилия на его восстановление, либо на пресечение деятельности, а в некоторых случаях и самой жизни индивида. Сфера социальных отношений «надстраивается» на предметные сферы, образуя инфраструктуру жизнедеятельности индивида и общества.

Противоположный конструкт – полюс «естественного» – образует сфера межличностных отношений, которая строится на идеи «родства». Само по себе родство охватывает очень широкий круг явлений от кровного до духовного, но в любом случае оно опирается на некое нерасторжимое внутреннее единство

двух или более людей. Если в основе социальных отношений лежит рационализм норм и правил, то основу межличностных отношений составляют эмоции и переживания, которые плохо поддаются сознательному контролю и целенаправленной регуляции. Наполненность жизни личности сильными эмоциями и устойчивыми межличностными отношениями, причем независимо от их полярности, дает человеку переживание полноценности и осмысленности собственного существования.

Сфера социальных и межличностных отношений не только противоположны по базовому системному признаку, но они также взаимодействуют и взаимопересекаются. Эти взаимосвязи возникают не прямо, а опосредованно, через две дополнительные системы. С одной стороны, это система профессиональной деятельности, с другой стороны – информационная система.

Сфера профессиональной деятельности возникает как структурирование социальных отношений и является формой отношений личности и социума. Если профессиональную деятельность рассматривать с точки зрения системы отношений, а не предметного содержания, то становится очевидным, что в этой сфере ведущими являются способы включения индивида в различные профессиональные сообщества и профессиогенез личности. В онтогенетическом плане сфера профессиональной деятельности исходно является чем-то внешним и извне заданным для индивида, но по мере вхождения в нее происходит своеобразное «оестествление» и она становится сферой самоидентификации и самореализации личности (при благоприятном стечении обстоятельств и позитивном профессиогенезе).

Информационная сфера, напротив, возникает на основе естественных процессов общения и, формализуясь, становится формой социальных отношений. В этом смысле информационная сфера является формой отчужденных межличностных отношений, где непосредственное взаимодействие замещается социальной значимостью ее предметного наполнения. Но даже в этой форме информационная сфера оценивается по критерию «доступности», который выражает характер отношений и взаимодействия.

Таким образом, мы выделили восемь основных сфер жизнедеятельности человека, которые могут быть интерпретированы

ны как основные типы сред существования. Каждая сфера выделяется по ведущему системному признаку искусственное // естественное и по дополнительному признаку предметность // отношение. Каждая сфера относительно самостоятельна, но они могут быть сгруппированы в два конструкта по четыре системы в каждом¹⁸.

Конструкт предметных систем образуют:

- 1) культурная среда, как система культурных сценариев и картин мира, которые образуют сферу сознания социума (то, что О.И.Генисаретский /1/ называет схематизациями сознания);
- 2) природно-ландшафтная среда, как система естественных условий, непосредственно влияющих на организацию жизнедеятельности, образ жизни и мышления людей;
- 3) образовательная среда, как система обучения и воспитания, обеспечивающая процессы воспроизведения и «выделывания человеческого материала»;
- 4) бытовая среда, как система непосредственного жизнеобеспечения.

<...>

Конструкт систем отношений образуют:

- 1) социальная среда, как общество, то есть система социальных институтов и отношений человека ко всем остальным социальным процессам;
- 2) межличностная среда, как система устойчивых непосредственно эмоциональных связей личности;
- 3) профессиональная среда, как система включение человека в различные профессиональные сообщества, обеспечивающая профессиогенез личности;
- 4) информационная среда, как система социально значимых и отчуждаемых от личности форм общения.

Предложенный способ схематизации является не единственно возможным¹⁹, но он достаточно четко показывает два принципиально важных момента. Во-первых, в своей совокупности различные сферы образуют целостное пространство

¹⁸ Соответствующие схемы представлены в п. 1.2 этой книги

¹⁹ Обсуждение способов схематизации и относительные преимущества каждого из них составляют отдельный предмет исследования.

жизни личности. В то же время, надо учитывать, что при выборе других оснований мы можем получать и другие типологии или классификации сфер жизнедеятельности личности. Так, например, можно выделять сферы занятого и свободного времени, но в нашем подходе это будут определенные подсистемы социальной организации жизненного пространства, а не самодостаточные системы. Во-вторых, предложенный способ схематизации показывает открытость данных систем для содержательного наполнения, которое будет отображать конкретную уникальность средовых условий жизни каждой отдельной личности и социальных групп.

Каждая среда состоит из большого (безграничного?) набора предметных и виртуальных содержаний, которые могут входить в структуру жизнедеятельности человека в виде различных функциональных мест самой деятельности. Как было показано А.Н.Леонтьевым //, в деятельности фиксированы только функциональные места, а их содержание может достаточно свободно изменяться и переходить из одного места в другое (известные феномены сдвига мотива на цель или трансформации действия в операцию). В работах В.В.Репкина // было показано, что сдвиг цели с предмета действия на средства является одним из базовых механизмов формирования психологической структуры учебной деятельности, а Д.Б.Богоявленская // показала, что сдвиг предмета действия на условия является психологическим механизмом креативности мышления.

С экопсихологической точки зрения это означает, что предложенная типология сред жизнедеятельности является только фиксацией формальных мест, а их реальное наполнение будет зависеть от характера отношения к средовым компонентам и способов их включения в конкретные деятельности. В теоретическом плане проблема заключается в том, что отношения могут структурироваться по самым разным основаниям. Мы считаем, что типы отношений должны выделяться по тем же принципиальным основаниям, по которым выделялись типы сред. Как было показано выше, таким основанием выступило представление об образе жизни как формах организации основных способов деятельности. Поэтому, отношения должны соответствовать базовой структуре деятельности, то есть быть конгруэнтными триаде цель – средство – результат. В то же

время, система отношений должна отображать конструкты обыденного сознания, которое является основной формой регуляции повседневного поведения и деятельности. И, наконец, эта система отношений должна быть не просто эмоционально насыщенной, но иметь явно выраженный оценочный смысл.

Учитывая эти критерии, мы можем предположить, что указанную систему отношений образуют три конструкта: структурному компоненту «цель» отвечает психологический конструкт «субъективная привлекательность»; компоненту «средства» – конструкт «реалистичность»; компоненту «результат» – конструкт «удовлетворенность».

Субъективная привлекательность фиксирует те предметы окружающей среды (или состояния индивида), которые могут занимать место жизненных целей, становятся желаемыми и определяются индивидом как ценные. Причем, «размерность» предмета ни во временном, ни в пространственном измерении не играет принципиального значения.

Реалистичность фиксирует в обыденном сознании те предметы (состояния), которые образуют «зону достижимости», но они, сами по себе, никакой ценности не представляют, а приобретают осмысленность только через соотнесение либо с «желаемым», либо с некоторым ожидаемым значимым результатом. В этом смысле их «средственность» совершенно очевидна. В то же время, необходимо учитывать относительную самостоятельность средств, их социо-культурную и психологическую «способность» становиться в обыденном сознании самодостаточными и даже самодовлеющими предметами.

Удовлетворенность фиксирует общую результативность жизни и конкретных деятельности человека через установления степени соответствия наличного веера целей и получаемых предметных или ситуационных результатов. В отличие от рефлексивных механизмов контроля и оценки, удовлетворенность непосредственно переживается как эмоционально-оценочная характеристика продуктивности образа жизни.

Таким образом, наполнение сфер жизнедеятельности отношением к их содержанию через параметры привлекательности (желаемости), реалистичности (достижимости) и удовлетворенности раскрывает субъективную картину качества

жизни личности. Это соотношение может быть отображено в типологической матрице.

Типологическая матрица оценки качества жизни

Типы сред жизнедеятельности	Параметры отношений		
	Степень привлекательности	Степень достижимости	Степень удовлетворенности
Культурная			
Природно-ландшафтная			
Образовательная			
Бытовая			
Социальная			
Межличностная			
Профессиональная			
Информационная			

Данный подход дает возможность описывать психологическую составляющую категории «качество жизни» за счет введения конкретных составляющих по каждой среде, и их исследовании по параметрам отношений. Кроме того, при введении нормированных оценочных шкал мы получаем возможность вычислять «индексы качества жизни» по каждому параметру. Но самое главное, мы получаем возможность строить статистически достоверные «интегральные индексы качества жизни», которые невозможно получить другим путем.

Речь идет о том, что все три параметра отношений являются хотя и независимыми, но взаимосвязанными. Так, во многих исследованиях показана взаимосвязь уровня привлекательности и уровня удовлетворенности, а в арсенале психодиагностики достаточно широко используется связь привлекательности и достижимости жизненных целей (например, методика Анфаловой).

Соотношение «Индекса привлекательности» и «Индекса реалистичности» дает «Интегральный психологический индекс социальной поддержки».

Соотношение «Индекса привлекательности» и «Индекса удовлетворенности» дает «Интегральный психологический индекс социальных возможностей».

Соотношение «Индекса реалистичности» и «Индекса удовлетворенности» дает «Интегральный психологический индекс социального обеспечения».

Соотношение трех указанных Интегральных Индексов социальной жизни дает «Обобщенный психологический Индекс экологичности образа жизни».

Безусловно, предложенная модель требует дальнейшей проработки и уточнения как в содержательном плане, так и в плане интерпретации получаемых результатов. Однако, уже сейчас понятно, что последовательная развертка принципа психологической экологичности при описании образа жизни дает хорошие основания для оценки качества жизни отдельных индивидов и групп.

Литература

1. Генисаретский О.И. Схематизмы сознания // В кн. Навигатор: методологические расширения и продолжения – М.: Путь, 2002.с. 93 – 97.
2. Максименко С.Д. Генезис существования личности.: - К.: Изд-во ООО «КММ», 2006, - 240 с.
3. Налясковский А. Дикость и одичание как контекст образования. – Каменец-Подольский: Абетка, 2006. – 84 с.
4. Попов С. Сознание и социальная среда – М., Прогресс, 1979, - 232 с.
5. Редько В.В. Психологічні механізми прийняття рішень у побутовій діяльності. /Автореф. дис. на зд. н. ст. канд. психол. наук // Рукопис. – К., 2003, - 17 с.
6. Реймерс Н.Ф. Популярный биологический словарь – М., Наука, 1991, - 538 с.
7. Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // В кн. Человек как субъект культуры – М., Наука, 2002, с. 42 – 112
8. Соціологія: короткий енциклопедичний словник – К.: Укр. Центр духовн. культури, 1998, - 736 с.
9. Швалб Ю.М. Еколо-психологічні виміри способу життя //Актуальні проблеми психології: Зб. наук. праць Інституту психології імені Г.С.Костюка АПН України – К.: Мілленіум, 2005, т. 7, вип. 5, ч. 2. – С. 294-301
10. Hawley A. Human ecology // International encyclopedia of the social sciences. N.Y., 1968< Vol. 4, p. 328-337.

1.8. Психологические механизмы оценки ситуации²⁰

В психологическом плане оценка является способом фиксации отношения индивида к Миру в максимально широком понимании Мира – и как предметного мира, и как мира других людей, и как мира собственного существования. Зафиксированное в оценке отношение перестает быть чисто эмоциональным процессом переживания, а обретает интеллигibleльные черты, то есть становится осознаваемым и артикулируемым. В сознании²¹ оценка фиксируется как оценочное мнение, а в речи – как оценочное суждение.

В то же время, существует исходное несоответствие между суждением и мнением, с одной стороны, и мнением и переживанием, с другой стороны. Это связано с тем, что эмоциональное переживание, в первую очередь является процессом, то есть постоянно изменяется и трансформируется, а сознание и речь стремятся к дискретности и структурной неизменности. Поэтому, если в сознании, за счет процессуальности мышления, еще хоть как-то ухватывается текучесть переживания (на субъективном уровне это фиксируется как невозможность однозначного самоопределения), то в речи оформляются и фиксируются только результаты самого мышления (см. рис. 1). При этом важно учитывать, что в данном случае речь идет о нерефлексивном мышлении – предметом мышления и осознания является само переживание, а не его основания.

²⁰ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 25, 2011. – Стр. 199-207.

²¹ Оценка может осуществляться не только на уровне сознания, но и на более глубоких (ниже лежащих) слоях психического или психофизиологического. Так, оценка является неотъемлемой частью перцепции как определенная «калибровка» органа чувств и дифференцировка объекта восприятия. Зрительное восприятие дает нам не просто образ предмета, а его развернутые параметрические характеристики – линейные оценки по пространству, движению и времени; аудиальное восприятие – по локализации звука, его высотным, тембровым, темпо-ритмическим характеристикам и так далее. Однако эти уровни оценки не входят в предмет данного исследования и мы на них не будем останавливаться.

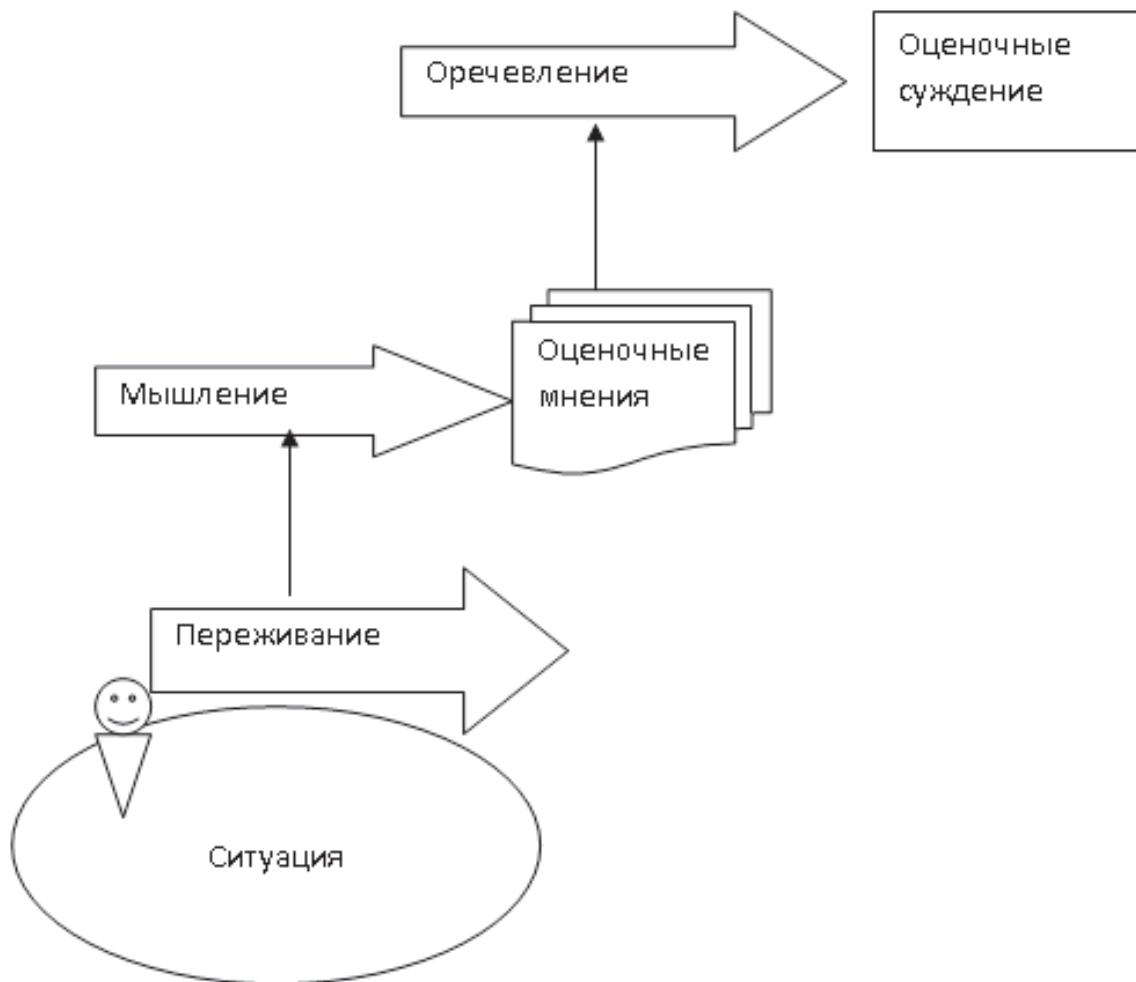

Рис 1. Психологическая структура ситуативной оценки.
Схема соотношения переживание – мнение – суждение

Данная схема показывает, во-первых, что любое мнение и суждение, сформированные на основе переживания отношения к Миру, являются оценочными, а во-вторых, оценочное суждение, по-принципу, не совпадает с самим переживанием.

Таким образом, в своей первичной, базовой форме оценочные мнения и суждения характеризуются;

- исходной ситуативностью,
- эмоциональной насыщенностью,
- изменчивостью,
- нерефлексивностью,
- субъективностью.

В то же время, по-видимому, существуют психологические механизмы, расширяющие или, наоборот, сводящие к минимуму мышление как опосредующее звено. Расширение может происходить за счет рефлексивного усиления и//или детали-

зации самого мышления, а сужение – за счет опыта артикулирования ощущений, которые являются неотъемлемой частью самого переживания²². Если принять за основу положение, что ситуативное переживание всегда непосредственно и в этом смысле оно «является» человеку как данность, то можно предположить, что изменение характера мышления и его предметной направленности определяет усложнение самой оценки и обеспечивающих ее психологических механизмов.

Изменение предметной направленности мышления осуществляется через рефлексивную «сдвигку» предмета сознания с ситуации как таковой на установление ее связи с базовыми компонентами жизнедеятельности человека. В индивидуально-психологическом слое, то есть в слое самосознания индивида, мы можем выделить три базовых компонента: осознавание себя как личности²³, осознавание структур и функций осуществляемых деятельности²⁴, осознавание своей жизни как непрерывной целостности²⁵.

В соответствие с представленной структурой самосознания мы можем выделить и три типа рефлексивной сдвиги предмета мышления. Во-первых, это установление связи между ситуацией и индивидуальными ценностями. Такая связь раскрывает значимость ситуации «для меня», ее личностный смысл. Во-вторых, это установление связи между ситуацией и индивидуальными формами целеполагания – целями, проектами, программами, планами и т.д. Такая связь раскрывает значимость ситуации для осуществляемых деятельности, ее деятельностный смысл. В-третьих, это установление связи между данной конкретной ситуацией и представлениями ин-

²² На этом основании в ряде психологических теорий личности вводятся «рефлексивный» и «интуитивный» («художественный») типы личности и разрабатываются различные психотехники «очищения сознания» - холотропное дыхание, медитация и т.д.

²³ Обычно в психологических исследованиях рассматривается именно этот компонент, который далее дифференцируется либо на «Я-ментальное», «Я-социальное» и «Я-телесное», либо на «Я-реальное» и «Я-идеальное».

²⁴ Этот аспект обычно обсуждается как «Я-профессиональное», хотя понятно, что профессиональная сфера является отнюдь не единственной формой деятельностной реализации личности.

²⁵ Этот аспект обычно обсуждается в контексте проблемы жизненного пути и дифференцируется по временному параметру «Я-прошлое», «Я-настоящее», «Я-будущее».

дивида о его жизненной ситуации в целом (или на данном этапе жизни). Такая связь раскрывает функциональную значимость ситуации «для ситуации», ее метаситуативный (надситуативный) смысл.

Таким образом, рефлексивная оценка²⁶ строится как психологическая функция соотнесения конкретной ситуации (или ее фрагментов) с базовыми осознаваемыми конструктами жизнедеятельности человека и установления характера и уровня значимости данной ситуации для их существования (см. рис. 2).

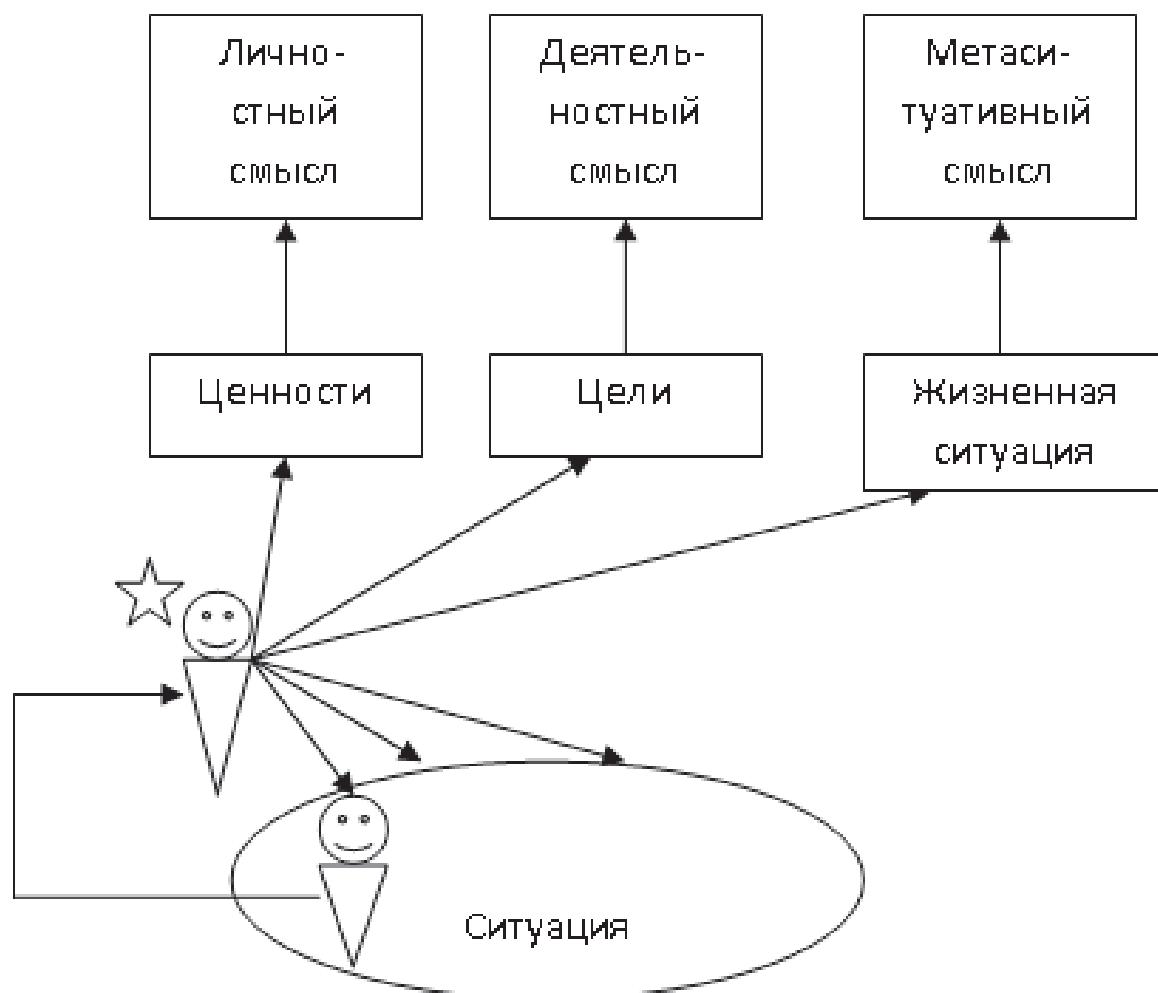

Рис. 2. Психологическая структура рефлексивной оценки

²⁶ Такой тип оценки можно называть «рефлексивным» по характеру ведущего психического процесса, а можно называть «смысловым» по характеру результата.

В то же время, надо учитывать, что рефлексивная сдвигка мышления может осуществляться не только «во внутрь» сознания, в интрапсихологические основания нашего отношения к действительности, но и «во вне» индивидуального сознания, в его надиндивидуальные формы. К таким формам сознания следует, прежде всего, отнести культурные нормы, задающие организационные схемы построения и трансляции видов деятельности, и социальные правила, регулирующие взаимодействия людей в процессах и ситуациях жизнедеятельности²⁷.

Соотнесение конкретной ситуации с социокультурной нормой является сложным, развернутым процессом, который предполагает обязательное осуществление целого ряда мыслительных процедур. Во-первых, это аналитическое описание ситуации, направленное на вычленение тех ее параметров, которые по принципу могут нормироваться. В частности, это предполагает остановку переживания как базового основания оценки и переход к рациональному мышлению. Во-вторых, анализ совокупности социокультурных норм и отбор тех, которые соответствуют номинированной ситуации.

Сложность этого шага связана с тем, что по отношению к любой конкретной ситуации в истории культуры мы всегда можем найти как минимум две различные нормы построения такого рода ситуаций²⁸. Это означает, что любая ситуация может быть типологизирована более чем по одному основанию.

В-третьих, это установление степени отклонения данной ситуации от нормативной модели, что собственно и составляет содержание оценки. Если ситуация соответствует и формальному требованию, и смысловому содержанию нормы²⁹, то она оценивается как «правильная», если частично нарушается

²⁷ Мы не будем здесь останавливаться на дальнейшем различении норм и правил, поэтому в дальнейшем будем употреблять общий термин «социокультурные нормы».

²⁸ Например, добрачные сексуальные связи девушки (в смысле возраста, а не морфологии) могут рассматриваться с точки зрения религиозных норм сохранения целомудрия до вступления в брак, а могут – с точки зрения права личности на поиск любви и сексуальной гармонии или удовлетворения сексуальных потребностей.

²⁹ Типичным примером двойственной структуры нормы может служить вечное сочетание и противоречие «буквы» и «духа» закона.

один из аспектов нормы, то она оценивается как «допустимая», а если выходит за границы нормы, то она оценивается как «разрушительная».

Данная функциональная структура оценки может быть обозначена как «нормативная» оценка, а наличие фиксированных процедур делает ее особым видом практической деятельности.

Здесь мы еще раз должны вернуться к понятию нормы. Дело в том, что нормы существуют не только в виде рафинированных социокультурных текстов, но и в виде социальных представлений, выполняющих нормативную функцию в организации обыденного сознания и повседневного поведения людей. Такого рода обыденные нормативные представления могут черпаться человеком откуда угодно – из газет, рекламы, кинофильмов, прочитанных в детстве книг, высказываний друзей или вообще случайно услышанных слов случайного прохожего. Для нашего анализа важно не то, откуда они появляются, а то, что эти разнородные представления фиксируются человеком как некие образцы того, как должна быть устроена жизнь, то есть как норма долженствования, как идеальная норма.

В зависимости от того, на какой тип норм опирается мышление, можно выделить два типа оценочной практики. В первом случае, когда оценка опирается на культурные нормы, обеспечивающие построение и трансляцию видов деятельности, то она сама строится как особая оценочная деятельность, причем, как правило, она закрепляется в виде особых профессий или форм деятельности. Так, например, в сфере искусства издавна существует профессия «критик», практически во всех сферах деятельности появилась «экспертиза», а в последние годы широкое распространение получила идея «мониторинга». Критика, экспертиза и мониторинг являются институциональными формами такой «культурно-нормативной» оценочной деятельности (см. рис. 3).

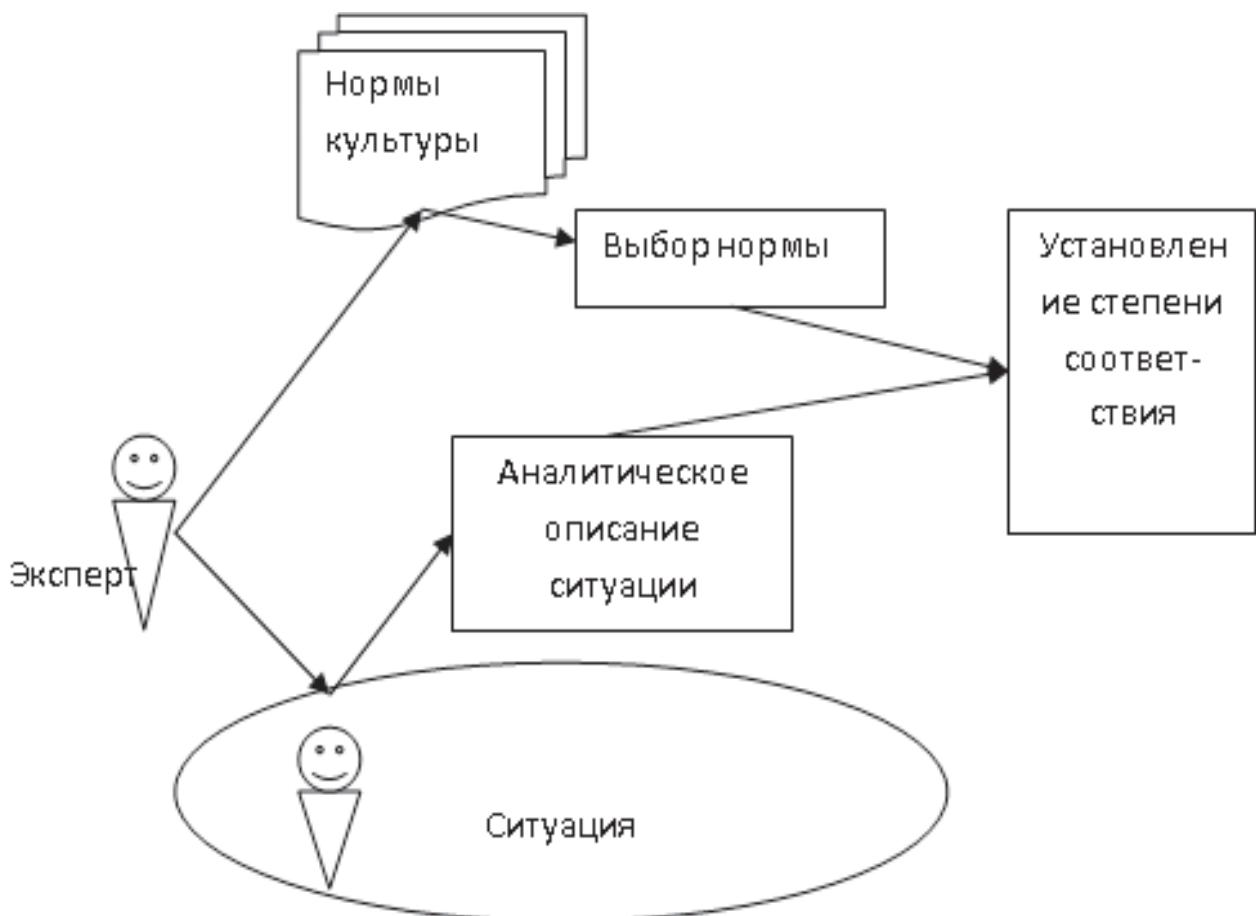

Рис. 3. Психологическая структура культурно-нормативной оценки

Если предметом культурно-нормативной оценки становятся базовые условия жизни людей, то, в зависимости от набора конкретных параметров оценивания, мы получаем оценку уровня или качества жизни людей. Так практически все процедуры оценивания уровня жизни строятся по параметру потребления на основе сравнения эмпирических данных по конкретному региону или группе людей с выбранным эталоном или образцом. Очень важным является то, что эксперт всегда находится во внешней позиции по отношению к ситуации (отсюда требование на «независимость» эксперта) – он исследует и оценивает ее, но сам в ней не находится и, соответственно, не переживает тех чувств и мыслей, которые переживают люди в этой ситуации.

Во втором случае, когда основанием нормативной оценки становятся различные социальные представления, то структура оценочной деятельности существенно меняется. В первую оче-

редь надо отметить, что в этом случае субъектом оценивания является тот же индивид, который живет в данной конкретной ситуации. Но его оценка строится не на непосредственном переживании ситуации, а опосредуется социальными представлениями, носителями которых являются другие индивиды, живущие в этой же или в сходной ситуации.

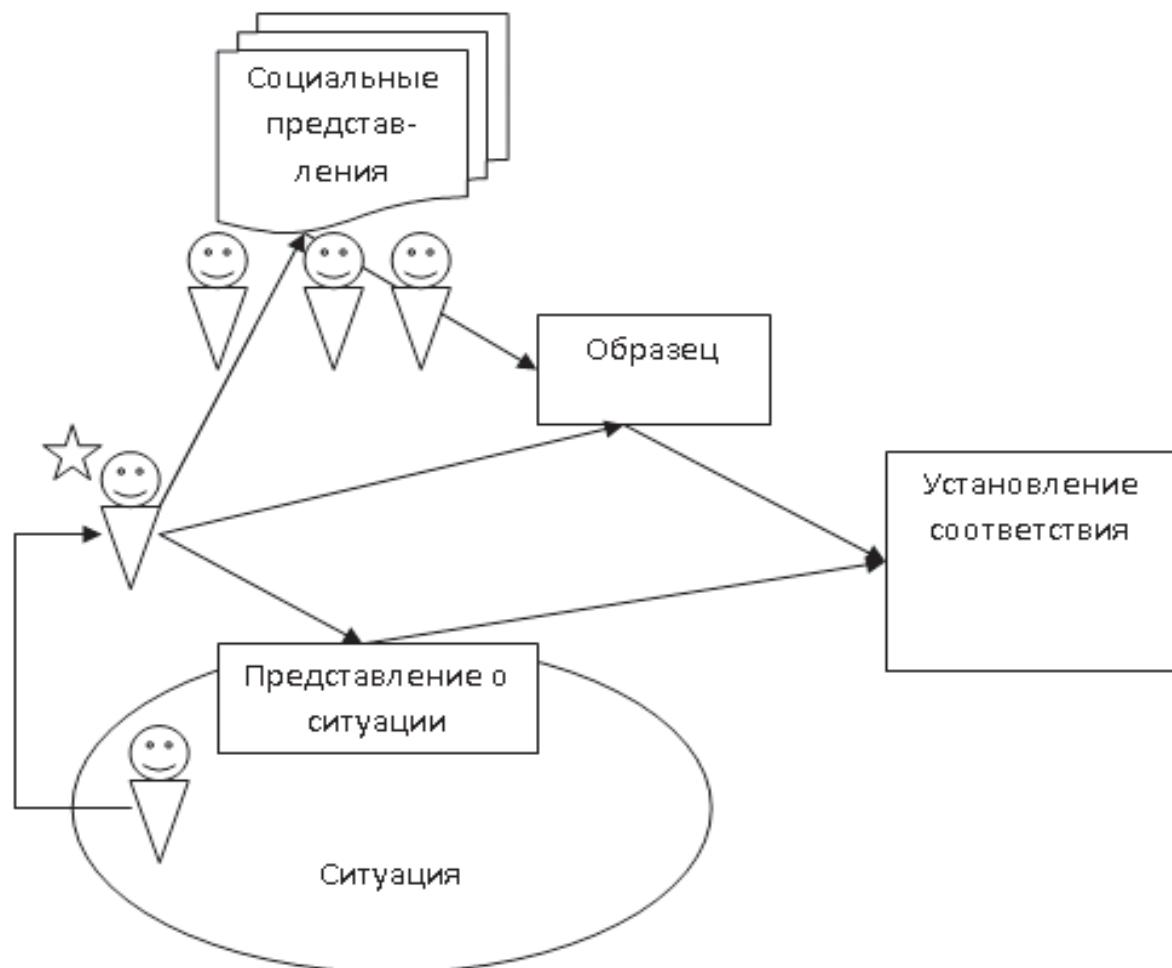

Рис. 4. Психологическая структура социально-нормативной оценки

По-видимому, социально-психологическими механизмами такого оценивания являются процессы идентификации и референции. По некоторым признакам индивид идентифицирует себя с некоей социальной группой и затем находит референтное социальное представление, отражающее мнение этой группы о том, какой должна быть данная ситуация. Такое представление в функциональном плане становится для индивида нормативным, а в содержательном – образцом того, как должна быть организована и структурирована сама ситуация. Обыденное представление индивида о собственной си-

туации сравнивается с выделенным образцом и на этом основании формируется субъективная оценка ситуации, которая по своей сути становится «социально-нормативной» (см. рис. 4).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что оценка ситуации как высшая психологическая функция сознания³⁰ опирается на непосредственное переживание и оформляется в мышлении и речи как оценочные мнения и суждения. За счет усиления рефлексивности мышления оценка может «обращаться» на самого субъекта жизнедеятельности, а может – на условия жизни. Различия в основаниях осуществляемых оценок и их предметной направленности определяют многообразие форм и видов оценочных отношений индивида как субъекта жизнедеятельности к миру (см. рис. 5).

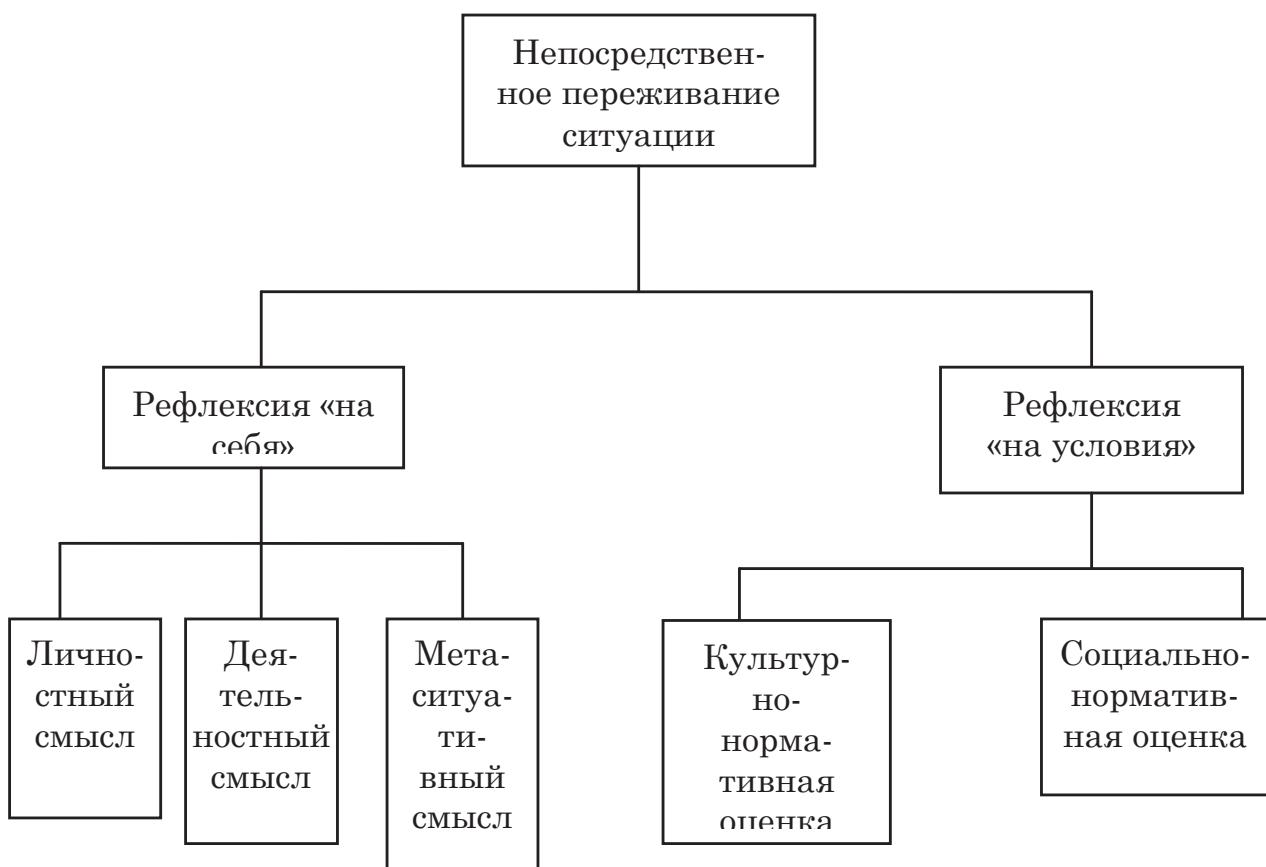

Рис. 5. Блок-схема видов оценки ситуации жизнедеятельности

Проведенный анализ позволяет предположить, что субъективная оценка качества жизни личности в обыденной жизни

³⁰ Еще раз подчеркнем, что мы рассматривали далеко не все виды и формы оценки. Так, мы не рассматривали в данном контексте оценку как структурный компонент деятельности.

строится как нерефлексивное обобщение всех указанных видов и форм оценки. В методологическом плане это означает, что при проведении научных исследований качества жизни мы не можем ограничиваться набором некоторых объективных параметров и показателей, характеризующих ситуацию жизнедеятельности индивида или социальной группы, а обязательно должны учитывать субъективный характер переживаний и вариативность рефлексивных оценок самих людей. Иными словами, исследования качества жизни исходно должно строиться как комплексное, соединяющее социальный, социально-психологический и собственно психологический аспекты оценочных отношений.

Системный характер исследования будет зависеть от того, какой из этих трех аспектов будет выбран в качестве системообразующего процесса.

Завершая анализ проблемы оценки жизни, укажем еще на два существенных момента. Во-первых, многие авторы при исследовании качества жизни используют понятия «ретроспективной» и «проспективной» («прогностической») оценки как базовых категорий. Нам представляется такой ход недостаточно обоснованным, так как в основе обоих этих типов оценки лежит неартикулированная оценка настоящей ситуации. За словами: «Раньше было лучше (хуже)», - лежит скрытая базовая оценка наличной ситуации и переживания своего состояния сегодня. Тоже самое относится и к прогностической оценке.

Во-вторых, понимание оценки как фиксированного переживания отношения определяет ее bipolarную структуру и позволяет классифицировать их по типам отношений. Так, эстетические отношения выражаются в оценочных суждениях с полюсами «нравится \\ не нравится», этические – «хорошо \\ плохо», практические – «полезно \\ вредно» и т.д. Это означает, что сложность переживаний и уровень их личностного развития определяют сложность и рафинированность самих оценок и показывает принципиальную неограниченность изменчивости оценок нашей жизни.

РОЗДІЛ 2. ПРОСТОРИ РОЗВИТКУ ЛЮДИНИ

2.1. Психологічні моделі соціалізації особистості¹

Постановка проблеми. Соціалізація вважається провідним процесом і механізмом становлення особистості як соціальної істоти. Саме через неї відбувається засвоєння індивідом соціальних цінностей, норм, правил та моделей поведінки і взаємодії. Мабуть, не існує жодної розвиненої психологічної теорії, де не було б запропоновано власне тлумачення поняття соціалізації, кожне з яких висвітлює певний аспект цього процесу. Проте всі згодні з тим, що у процесі соціалізації відбувається становлення і формування власне людських якостей індивіда, які «надстроюються» понад його вродженими та біологічними властивостями. Найбільш поширеним є розуміння соціалізації як процесу і результату засвоєння та активного відтворення індивідом соціального досвіду. Проте сама соціалізація розглядається чи у якості суто соціального процесу, чи у якості результатів виховних впливів як частини загального педагогічного процесу, а власне психологічна теорія соціалізації досі відсутня.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Соціалізація особистості постійно знаходиться у полі зору науковців. Так, тільки у 2014 році на сторінках збірника наукових праць «Актуальні проблеми психології» (Том VII «Екологічна психологія») розглядались такі аспекти соціалізації особистості: дослідження схильності до соціальної злагоди як складової

¹ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 38, 2015. – Стр. 503-517.

соціального розвитку особистості у ранній юності [1], інституалізація соціальних потреб [2], сучасні моделі соціальної політики [3] та інші.

Нами раніше також розглянуто психологічні засади соціогенези, описано механізм трансформації як механізм соціогенези, наголошено, що соціогенеза і соціодинаміка можуть і мають стати предметом соціально-психологічних досліджень і практик [9].

Мета цієї статті полягає у розкритті психологічних механізмів соціалізації як одного з базових процесів становлення індивіда як суб'єкта соціальних відносин та побудови на цій підставі періодизації соціального розвитку.

Виклад основного матеріалу дослідження. Поняття соціалізації було введено у соціальну психологію в середині ХХ ст. [6] та на сьогодні у світовій практиці найчастіше використовується три психологічні теорії соціалізації.

Перша - це теорія соціальної адаптації, яка склалася у рамках поведінкового підходу [10]. У її основі лежить уявлення, що кожен індивід приходить у світ, у якому вже існують усталені соціальні структури і відносини, представлені у діяльності різноманітних груп. Тому процес соціалізації полягає у послідовному пристосуванні (адаптації) індивіда до тих груп, які з певною закономірністю виникають на його життєвому шляху.

У цьому підході стверджується, що у кожній групі встановлюється певна структура відносин, яка фіксує груповий статус кожного члена групи, а у великих групах та у суспільстві в цілому – соціальний статус особи. У процесі групової взаємодії конвенційно встановлюються певні групові правила і норми, які регулюють як взаємини всередині групи, так і її взаємодії з оточуючим середовищем. Назовні це проявляється у тому, що всі члени групи відтворюють і демонструють одну модель поведінки, яка є обов'язковою для всіх. Група примушує індивідів дотримуватися встановлених правил через груповий тиск, а індивіди можуть підкорятися, демонструючи конформізм, чи протистояти цьому тиску, демонструючи нонконформізм. Носієм групових норм, правил і моделей поведінки є лідер, а боротьба за лідерство утворює процес групової динаміки.

Входження індивіда у групу полягає у прийнятті групових норм і правил й отриманні певного статусу. Якщо група прийняла індивіда, то у психологічному плані це визначається як

успішна адаптація, а якщо не прийняла - то як дезадаптація. У кожного конкретного індивіда процеси адаптації у різних групах на різних рівнях соціальної організації – від мікро – до макро-соціального - можуть відбуватися по-різному. В одній групі індивід може бути добре адаптованим, а в іншій - ні, в одній групі індивід може бути лідером, а в іншій - відкинутим, але якщо індивід не може пристосуватися до жодної групи, то він визначається як дезадаптант.

Високий рівень дезадаптованості може призводити до маргіналізації особистості, яка проявляється у тому, що індивід «виштовхується» з усіх соціально прийнятих груп, а його статус визначається як «поза суспільством». Маргінальні особи можуть утворювати свої власні угруповання та спільноти, що дає їм змогу виживати і якимось чином існувати на межі чи за межею суспільних відносин. Маргінальність, як правило, супроводжується втратою роботи, житла і сім'ї, високим рівнем алкоголізму та наркоманії, широким розповсюдженням інфекційних хвороб, почали таких, як туберкульоз, гонорея, сифіліс, СНІД тощо. При цьому треба враховувати, що вказані зміни можуть бути не тільки наслідками маргіналізації особистості, а й навпаки, виступати безпосередніми чинниками її виникнення.

У рамках цього, поведінкового, підходу здатність особистості до входження у соціальні групи, та протистояння негативним впливам визначається системою соціального научіння. Сукупність суб'єктів, які здійснюють таке научіння визначаються як агенти соціалізації особистості. Агентами соціалізації постають як соціальні інститути - сім'я, школа тощо, так й окремі індивіди – визнані суспільні лідери, молодіжні кумири тощо. Основним інструментом соціалізації стає формування поведінкових умінь та навичок.

Таким чином, поведінковий підхід та теорія адаптації постає як дієва методологічна основа розуміння процесу соціалізації та розробки технологій соціальної роботи з певними видами відхилень у соціальному розвитку особистості. Проте він має свої недоліки й обмеження, пов'язані з тим, що особистість розглядається як об'єкт соціальних впливів і перетворень у процесі соціалізації. Ігнорування суб'єктної природи соціалізації призводить до того, що в теоретичних моделях і практичних технологіях не враховуються особливості мислення і ре-

флексії індивіда, цінності і переконання особистості, тобто здатність особистості до самотворення і самоперетворення. У цілому можна сказати, що цей підхід добре працює на рівні буденної поведінки, але не дає змоги здійснювати соціальну і психологічну роботу на рівні особистості клієнта.

Друга загальна теорія - це теорія соціальних ролей, яка склалась у рамках психодінамічного підходу [4]. Соціальне життя представлено у цій теорії системою рольових відносин, де набір ролей задано у базовій міфології і транслюється від покоління до покоління через колективне несвідоме (за термінологією К.-Г. Юнга). Соціальна роль представляє собою едність певної функції у системі соціальної взаємодії і поведінкового патерну, тобто цілісної моделі поведінки. Так, наприклад, функція управління і прийняття рішення може бути задана у міфологічній формі через постать Зевса, чи через постать голови роду, чи батька у патріархальній сім'ї.

На буденному рівні ці міфи трансформуються у казки, билини, притчі, витвори мистецтва, художні твори, кіно- і мультфільми тощо. Це означає, що одна і та ж соціальна функція може висвітлюватися через різні персонажі, набір яких відповідає конкретним умовам і потребам життя суспільства. Так, наприклад, Геракл і Бетмен, як персонажі, мало чим схожі, проте обидва несуть на собі й утілюють соціальну роль «Героя».

Для того щоб певна функція чи роль здійснювалась, повинна існувати відповідна ситуація, яка у своїй динаміці утворює певний сценарій життедіяльності. Цей сценарій може бути різною мірою усвідомленим, проте саме він задає логіку розгортання самої ситуації й учинків діючих персонажів.

Стверджується, що у персонажі втілюється цілісна модель соціальної взаємодії, а соціалізація відбувається як процес послідовного засвоєння змісту цих ролей через механізм ідентифікації особи з певним персонажем. Суттєво, що через такі уявні постаті задаються і психологічні характеристики соціальної ролі. Тому виокремлюється також конструкт психологічних ролей, які задають простір індивідуально психологічних варіацій соціальних ролей.

Соціальна взаємодія має ще один аспект, дуже важливий для розуміння процесу соціалізації. Це - морально-етична сторона взаємодії. Будь-яка соціальна взаємодія імпліцитно містить у собі моральну дилему: добра і зла; обов'язку і бажання;

честі і підкорення тощо. Засвоєння індивідом тієї чи іншої ролі, згідно цієї теорії, призводить і до засвоєння відповідних еталонів моральності, які закріплюються як етичні цінності у свідомості індивіда та як морально-психологічні якості особистості.

У рамках рольового підходу розроблено багато різноманітних психологічних технік, які використовуються у консультивній, корекційній та терапевтичній практиках. Перша така технологія розроблена ще у середині 50-х років ХХ-го ст. Дж. Морено й отримала назву «психодрама». На сьогодні це величезна кількість різноманітних методів та методик, яка включає всі види драматизацій та рольових ігор.

Ці методи дуже активно використовуються у сучасній психологічній практиці та у соціальній роботі при вирішенні задач корекції соціального розвитку та формування систем взаємодії. У цілому слід відмітити, що найбільш позитивною стороною цього підходу є те, що він дає змогу у практиці соціальної роботи виходити на рівень особистості клієнта, його свідомості та індивідуально-психологічних якостей.

Усі методи роботи з клієнтом у цьому підході побудовано на матеріалі ігрової умовності, де людина може вільно змінювати свій образ, обирати будь-яку роль, будувати будь-які, навіть фантастичні, сценарії життя. Проте засвоєні нові рольові конструкти і поведінкові вміння все ж таки залишаються умовними й ігровими, їх перенесення у справжнє реальне життя залишається невирішеною проблемою самого клієнта.

Третя загальна теорія - це теорія діяльності, яка склалась у рамках культурно-історичного підходу [8]. Соціальне життя представлено як систему діяльностей і відносин, що регулюються культурними нормами. Суттєво, що самі діяльності і відносини є понад-індивідуальними утвореннями, а люди включаються у них на ті функціональні місця, які задані їх процесом і структурою. Становлення (розвиток) індивіда описується як послідовне оволодіння все більш складними формами діяльності і відносин. Саме «оволодіння» розглядається як процес інтеріоризації, коли культурна норма, за якою побудована ця діяльність, стає формою мислення, схематизмом свідомості самого індивіда, тобто коли вона стає здатністю індивіда до самостійного і вільного відтворення культурної норми у власній реальній діяльності. Такий же механізм розвит-

ку розглядається і щодо становлення систем соціальних відносин індивіда. Якщо розглядається діяльнісна сторона розвитку, то вводиться поняття суб'єкта, а якщо аспект відносин – то вводиться поняття особистості (за О.М. Леонтьевим).

Процесуальний характер соціалізації передбачає введення двох додаткових теоретичних конструктів, які фіксують динамічний характер розвитку і відносно статичний характер кожного окремо взятого моменту цього розвитку. Таким чином, з одного боку, це розподіл процесу на періоди чи етапи, а з другого - введення схеми опису кожного етапу як усталеної системи. Таким поняттям стало поняття соціальної ситуації розвитку, введене Л. С. Виготським.

Традиційно процес соціалізації розподіляється на три великі етапи. Перший - це первинна чи родинна, а точніше, родинно-шкільна соціалізація, де дитина розглядалась як відносно пасивний об'єкт соціалізуючих впливів батьків та вчителів. Цей період співпадав з дошкільним та шкільним віком і, відповідно, виховання і навчання розглядалися як провідні засоби соціалізації. Вважається, що саме у такий спосіб забезпечується засвоєння дитиною нормативної системи соціальних цінностей, основ суспільної моралі, необхідних соціальних знань та навичок громадської поведінки. Усілякі недоліки і відхилення у соціалізації пов'язувались, у першу чергу, з недоліками у сімейному вихованні, що фіксувалося у низці понять: «неповна сім'я»; «дисфункційна сім'я»; «бездоглядність»; «педагогічна занедбаність» тощо. Значна роль у виникненні відхилень також відводилася так званому «впливу вулиці», де вулиця чи двір розглядалися як джерело ненормативних, асоціальних і, навіть, антисоціальних впливів.

Другий етап - вторинна чи професійно-трудова соціалізація, основним змістом якої вважалось входження і закріплення індивіда у трудові колективи. У радянській педагогіці і соціальній психології, починаючи ще з робіт А. С. Макаренка, вважалося, що колектив має первинну силу відносно індивіда і саме через нього можуть здійснюватися не тільки виховні, а й перевиховні впливи на особистість. У 70-80-х р. р. ХХ-го ст. під керівництвом А. В. Петровського [7] було проведено численну кількість досліджень, де стверджувалось, що колектив є вищою формою розвитку групи й у ньому встановлюється соціально позитивна система цінностей. Ці цінності кожен член

колективу приймає як свої власні і готовий їх відстоювати самостійно, незалежно від групи. Ці дослідження обґрунтовували ідею, що вторинна соціалізація не вичерпується входженням у світ професійної діяльності, а її дійсним змістом є особистісне прийняття й утвердження суспільних цінностей і становлення ціннісно-смислової сфери особистості.

Третій етап - третинна чи пост-трудова соціалізація, яка співпадала з пенсійним та похилим віком життя людини. В основному цей етап описувався у «негативній» термінології, як поступова втрата особистістю професійних та особистісних зв'язків і сенсів існування. Проте чітко визначалася соціальна функція людей похилого віку - вони мали на суспільному рівні доповнювати виховний і педагогічний вплив на підростаючі покоління. Вважалося, що саме вони уособлювали героїчне минуле, яке мало ставати взірцем для молоді та утверджувати суспільні цінності. За рахунок цього суспільний вимір соціалізації отримував певну завершеність і набував ознак самовідтворюваної системи.

Ця соціально-діяльнісна модель досить успішно функціонувала на суспільному рівні, проте вона має і низку суттєвих недоліків. По-перше, вона виявляється ефективною тільки за умов стабільного, традиційно спрямованого суспільства і не діє в умовах швидких динамічних соціальних змін. По-друге, хоча теоретично стверджується ідея індивіда як соціального суб'єкта й особистості, проте жорстка система абсолютноного пріоритету суспільних цінностей над особистими позбавляє реального індивіда свободи вибору і дії, тобто позбавляє його суб'єктності та особистісного виміру життедіяльності. По-третє, ця система покладає надмірні очікування на педагогіку, а щодо всіх можливих відхилень змушені вводити дуже жорстку систему контролю і покарань, тобто вся система соціалізації стає педагогічною і репресивною водночас.

Проте ми вважаємо, що вказані недоліки пов'язані, переважним чином, з надмірним тиском соціальної ідеології, а не зі змістом психологічної теорії. Культурно-історична парадигма не вичерпала свій евристичний потенціал, якщо на перше місце дійсно поставити розвиток індивіда як особистості і суб'єкта власної життедіяльності.

Теоретичним підґрунтам подальшого розвитку діяльнісного підходу може стати концепція генези особистості С. Д. Макси-

менка [5]. Методологія моделювання генези особистості як суб'єкта соціальних відносин утверджує у якості провідного принципу розвитку принцип ускладнення простого висхідного цілого шляхом диференціації його структурно-функціональних елементів, що призводить до набуття нової якості всієї системи. Виникнення нової якості потребує розгортання особливого процесу її інтеграції, «вписування» в існуючу систему психологічної регуляції поведінки і діяльності. Таке встроювання призводить до зміни у загальній архітектоніці психологічної структури особистості, до виникнення нової інтегративної «точки збирання» окремих психологічних функцій у цілісну систему. Таким чином, розвиток особистості, у тому числі і її соціальний розвиток, можна представити як дію репрезентативного механізму диференціації та інтеграції психологічних функцій, які на індивідному рівні виявляються у формі набутих здатностей. Окрім того, можна стверджувати, що на різних етапах онтогенезу особистості превалують то механізми диференціації, то інтеграції, але у всякому випадку обидва є у наявності.

З точки зору теорії соціалізації таким висхідним цілим є соціально зумовлене ставлення до новонародженої дитини як до абсолютної цінності, а сама дитина включается у таку систему відносин, яка характеризується її абсолютною прийняттям. Проте таке абсолютне прийняття дитини притаманно тільки для віку немовля, а надалі соціальні відносини і міжособові стосунки значно ускладнюються, диференціюються й інтегруються у психологічну структуру особистості як її соціальні здатності. Це ускладнення має закономірний і нормативний характер, що й утворює соціокультурний зміст соціалізації індивіда.

Цей підхід дозволяє розглядати соціалізацію індивіда як процес набуття здатності до самостійної побудови і відтворення систем соціальних зв'язків і відносин. Іншими словами, у процесі соціалізації індивід поступово стає суб'єктом різних відносин, а якість цих відносин буде характеризувати його особистість.

Відповідно до принципу генези особистості ми можемо виокремити такі етапи соціалізації:

1. Етап первинного диференціювання взаємодій. Він розпочинається наприкінці віку немовля з освоєння дитиною перших

правил поведінки і взаємодії з різними членами родини. Соціалізація розпочинається з того, що дитина починає розуміти (хоча й не повністю на усвідомленому рівні) необхідність і можливість встановлення різних взаємодій з різними членами сім'ї - з татом і мамою, бабусею і дідусем, з братиком чи сестричкою і, навіть, з кішкою чи собакою - треба поводитися по-різному. Цей процес диференціювання стає провідним у перші 4-5 років життя дитини, а інтеграційний процес проявляється у становленні системи емоційної прив'язаності дитини до оточуючих.

Поступово він охоплює близьких, але сторонніх дорослих і дітей, потім - зовсім сторонніх дорослих і дітей. Наприкінці цього етапу (як правило, у 5-6 річному віці) дитина отримує перший досвід групової взаємодії. У цілому існує загальна закономірність: чим більш різноманітним є перший досвід взаємодій, тим успішніше відбувається соціалізація особистості на цьому етапі. При цьому слід враховувати, що кількість осіб в оточенні дитини і розмаїття взаємодій не є безпосередньо пов'язаними чинниками - людей може бути достатньо значна кількість, а модель поведінки і взаємодії може бути навіть одна. Це породжує надвисокий рівень стереотипізації взаємодій і така модель детермінує усталеність життевого стилю особистості, яка дуже важко піддається корекції. Проте можливий і зворотній варіант - коли кількість осіб в оточенні дитини може бути невеликою, а різноманітність стосунків - значною. Велике значення у формуванні розмаїття моделей взаємодії на цьому етапі соціалізації набуває можливість уведення дитини у світ казки і фантазії, де через творчу уяву для дитини «оживає» весь світ. Етап диференціювання формальних і неформальних стосунків. Його початок фактично співпадає зі вступом дитини до школи і закінчується орієнтовно в 11-12 років. Вступ до школи означає включення дитини у систему формальних інституційних відносин і нормованих взаємодій. Тому перше диференціювання полягає у необхідності розподілення родинних взаємодій, побудованих на любові і прийнятті особистості, і формальних відносин, на яких побудована взаємодія дитини з учителем та іншими учнями. Традиційно ця ситуація описувалась як уміння зайняти «позицію школяра». Проте соціальний розвиток цим не вичерpuється. Річ у тому, що у соціальній ситуації дитини з'являється ще два взаємопов'язаних чинника, які суттєво впливають на його життя. По-перше, це виник-

нення і встановлення неформальних міжособистісних стосунків з кимось із учнів класу. Це означає початок розрізнення формальних та особистісних відносин, інтеграція й усвідомлення яких завершується до 11-12 років установленням такої особистісної цінності, як дружба. Соціокультурні норми визначають, що системи формальних і дружніх відносин є протилежними, і тому саме на цьому етапі соціалізації вперше з'являються ситуації морального вибору і закладаються основи моральності особистості. По-друге, це виникнення у житті дитини зайнятого та вільного часу, тобто часу, детермінованого зовнішніми вимогами, і часу, детермінованого внутрішніми бажаннями та інтересами. Така ситуація вперше вимагає від дитини диференційованого ставлення до самої себе, яке проявляється у необхідності вирішення внутрішньої (особистісної) задачі на самоорганізацію.

2. Етап диференціювання самоставлення розпочинається з установлення підлітком власного простору життедіяльності, що передбачає усвідомлене диференціювання зовнішніх (батьківських чи вчительських) настановень щодо організації життєвого простору і власних інтересів. У підлітка з'являється його спортивна секція чи гурток, його кімната і двір, його навчальні чи позанавчальні інтереси тощо. Інтеграція оформлюється у відчуття «мого власного» життєвого простору як себе самого, як частини власної особистості, що відокремлює індивіда від навколишнього середовища, у тому числі і від соціального середовища. Фактично це перший крок у становленні самосвідомості як особливої психологічної інстанції, на відміну від усвідомлення себе і становлення «Я-образу», які виникають уже на 3-му році життя. Побудова власного життєвого середовища супроводжується освоєнням позанавчальних форм і типів діяльності, що призводить до значного розширення кола спілкування і принципового виходу підлітка за межі родинно-педагогічного контролю. Саме у цьому, зовнішньому, колі спілкування підлітки знаходять для себе нові орієнтири розвитку, взірці для відтворення, кумирів для обожнювання, референтні групи тощо. Вихід у зовнішнє коло спілкування часто супроводжується хворобливим розривом внутрішніх, родинних, стосунків, що і дає підстави називати підлітковий вік «важким». Диференціювання внутрішнього і зовнішнього відноситься не тільки до стосунків, але й до власної особистості,

що призводить до відокремлення інтимного внутрішнього світу особистості від зовнішнього світу спілкування. Як правило, таке відокремлення переживається як перше дійсне відчуття самотності, яке постає одним із найбільш потужних чинників виникнення суїцидів у підлітковому віці. Проте тільки через переживання власної відокремленості і самотності відбувається психологічна інтеграція розрізнених «Я-образів» у «Я-концепцію» особистості. У цілому цей етап соціалізації завершується самовизначенням особистості відносно власного майбутнього, тобто чітким розгалуженням «Я-реальне», «Я-ідеальне» і «Я-майбутнє». У психологічному просторі особистості це виявляється у побудові життєвих перспектив - планів, програм і проектів власного дорослого існування.

4. Етап соціальної інтеграції. У соціальному просторі переход до доросlostі визначається на законодавчому рівні через ствердження спроможності індивіда вступати у трудову діяльність і набуття повноти громадянських прав, проте вони не відображують психологічні ознаки доросlostі особистості. Становлення доросlostі як соціально-психологічної властивості особистості не має чітких вікових меж, а визначається, на нашу думку, зміною провідного механізму розвитку. Якщо на перших трьох етапах соціалізації переважаючим є механізм диференціювання, то доросlostь починається тоді, коли починають переважати інтегративні процеси розвитку. Якщо на попередніх етапах особливо цінується здатність набувати нових друзів, то доросlostь визначається усвідомленим утврдженням друга «на все життя» (старий друг краще нових двох), пошуком супутника життя «на все життя», самовизначенням у професійній сфері, знов таки ж, «на все життя». Однією з вершинних точок дорослої соціальної інтегрованості людини є усвідомлене бажання мати дітей і виховувати їх, що «стягує» в єдиний темпоральний вузол і власне минуле даної особистості і «можливе майбутнє» особистості. Процес диференціювання не зникає, але відступає на задній план й активно проявляється тільки у ситуаціях необхідності зміни усталеного способу життєдіяльності, як набута здатність до перепроектування та перебудови форм і способів організації життєвого простору, власного буття і, навіть, власної особистості.

5. Етап соціальної дезінтеграції пов'язаний з виникненням особливого психологічного феномену, який можна визначити

як «соціальна втомленість» індивіда. У суб'єктивному просторі індивіда вона виявляється у відчутті завершення і здійсненості власних соціальних функцій і зобов'язань. Такі відчуття можуть переживатися й артикулюватися у дуже широкому діапазоні від достатньо позитивного бажання «пожити для себе» до відверто негативного - «я нікому не потрібен». Проте соціальна дезінтеграція не означає дезінтеграцію особистості, а наспаки, є наслідком надмірної особистої інтегрованості, коли індивід усе розмаїття соціальних і міжособових зв'язків «згортає» виключно на себе. Зауважимо, що у соціальному плані певна діяльнісна дезінтегрованість може компенсуватися виникненням особливого феномену - мудрістю. Мудрість виявляється як особистісна здатність до нових соціальних диференціювань при високому рівні особистої інтегрованості і, як правило, спрямована на вирішення не стільки власних проблем індивіда, скільки на вирішення проблем оточуючих людей. Тобто мудрість має скоріше соціально-психологічний, ніж індивідуально-психологічний сенс.

Висновки. Процес соціалізації може бути представлений як один із базових процесів розвитку і становлення особистості за рахунок розгортання інтимно-психологічного механізму диференціації/інтеграції стосунків індивіда з оточуючим соціальним середовищем. За ознакою переважання однієї зі складових цього механізму можна виокремлювати етапи соціалізації, які мають власний соціально-психологічний сенс і лише частково співпадають з етапами загального психічного розвитку, зафіксованими у вікових періодизаціях розвитку, що відкриває можливість створення періодизації соціального розвитку особистості.

Список використаних джерел

1. Крюкова О. В. Дослідження склонності до соціальної злагоди як складової соціального розвитку особистості у ранній юності / О. В. Крюкова. - Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. - Житомир:«Вид-во ЖДУ ім.. І. Франка», 2014. - Том VII. Екологічна психологія. -Випуск 35.-С. 93-104.
2. Люта Л. П. Інституалізація соціальних потреб як передумова виникнення соціальної роботи / Л. П. Люта. - Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології

- імені Г. С. Костюка НАПН України. - Житомир: «Вид-во ЖДУ ім. . І. Франка», 2014. - ТомVII. Екологічна психологія. - Випуск 35. - С. 134-142.
3. Люта Л. П. Сучасні моделі соціальної політики як інструмент забезпечення екологічності суспільного буття / Л. П. Лютая. - Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. - Житомир: «Вид-во ЖДУ ім.. І. Франка», 2014. - Том VII. Екологічна психологія. - Випуск 36. - С. 242-251.
 4. Майерс Д. Социальная психология/ Д. Майерс. - М., 2004. - 460 с.
 5. Максименко С. Д. Генезис существования личности /С. Д. Максименко. - К.: Изд-во 000 «КММ», 2006. - 240 с.
 6. Парунова Ю. Д. Концепції соціалізації людини ХХ століття /Ю. Д. Парунова// Культура народів Причорномор'я. - 2005 . - № 61. -С. 119-123.
 7. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды/А. В. Петровский. - М. :Педагогика, 1984. - 272 с.
 8. Психологические механизмы регуляции социального поведения -М.: «Наука», 1979. - 335 с.
 9. Швалб Ю. М. Психологические основания социогенеза: община, наследование и сообщество как субъекты социальных отношений /Ю. М. Швалб. - Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. - Житомир: «Вид-во ЖДУ ім.. І. Франка», 2014. - Том VII. Екологічна психологія. - Випуск 35. - С. 317-329.
 10. Шибутани Т. Социальная психология: пер. с англ. / Т. Шибутани. -Ростов н/Д: «Феникс», 2002. - 544 с.

2.2. Пространство становления социальных способностей личности²

Проблеме развития социальных способностей посвящено, на удивление мало работ³. Фактически единственным капитальным исследованием этой проблемы является работа Е.И.Власовой, в которой проанализированы имеющиеся научные подходы от Аристотеля до наших дней⁴ и предложена авторская модель социальных способностей /1/. В первую очередь отметим, что Е.И.Власова отходит от традиционных представлений о способностях как индивидуально-психологическом свойстве и обсуждает их как прижизненное психологическое новообразование личности. В содержательном плане автор предлагает модель, в которой описывается четыре механизма развертывания социальных способностей в виде определенных потенциалов: перцептивный, когнитивный, конативный и языковой / там же с. 99/. При этом утверждается, что эти механизмы обеспечивают развертывание трех типов способностей, которые определяются по уровневому признаку: интраличностные, интерличностные и металичностные /там же с 101/. Кроме того, нам представляется весьма перспективным (и близким к нашей позиции) утверждение автора о необходимости рассмотрения индивида как субъекта социальной жизнедеятельности, а не просто как носителя неких способностей⁵.

² Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологічна психологія, выпуск 44, 2017. – Стор. 293-208.

³ Исключение составляют многочисленные исследования коммуникативных способностей, которые некоторыми авторами включаются в состав социальных способностей, а некоторыми рассматриваются как самостоятельный вид способностей.

⁴ Это позволяет нам не повторять проделанный анализ, а просто сослаться на ее работу.

⁵ Подход к индивиду как субъекту жизнедеятельности на сегодняшний день является одним из ведущих в отечественной психологии, который активно разрабатывается такими психологами, как Е. Донченко, В. Татенко, Т. Титаренко, Н. Чепелева и др.

Концепция социальных способностей, основанная на идее, что способности формируются как особый психологический «орган» индивида, обеспечивающий его становление как субъекта активного освоения и построения мира, предполагает функциональный способ описания условий и механизмов их формирования. В методологическом плане это означает необходимость использования генетико-моделирующего метода исследования, который позволяет вскрыть культурную обусловленность способностей и логику их становления в конкретных социокультурных условиях. Основы генетико-моделирующего метода были заложены Л.С.Выготским для исследования процессов становления высших психических функций, затем он активно использовался в работах В.В.Давыдова при исследовании возможностей формирования теоретического мышления как особой интеллектуальной способности и как инструмент формирования психологической структуры учебной деятельности. На сегодняшний день в работах С.Д.Максименко он активно используется для исследования и описания генезиса личности.

В сочетании с деятельностным (а, точнее, системо-мыследеяностным) подходом, генетико-моделирующий метод дает возможности не только описания процесса развития той или иной психологической функции в онтогенезе, но и моделирование тех социокультурных условий, которые являются необходимыми и достаточными для возникновения самой этой функции. Специфической особенностью этого подхода является то, что указанные условия должны быть представлены в виде системы жизненно значимых задач, в процессе решения которых и возникает данная функция как способность субъекта деятельности. Разработка такой модели сама по себе является нетривиальной теоретико-методологической задачей, так как от выбора способа моделирования непосредственно зависит ее объяснительный и эвристический потенциал.

Нам представляется, что систему социальных отношений и соответствующих задач наиболее продуктивно отображать в пространственной модели, построенной по базовым социально-психологическим параметрам. Психологические исследования «пространства» ведутся уже достаточно давно, по крайней мере, они имеют уже столетнюю историю, но в последние годы

интерес к этой проблематике резко возрос, о чем свидетельствует значительное количество публикаций на эту тему в самых разных отраслях психологии. Не вдаваясь в детальный исторический анализ (такого рода анализ проведен С. К. Нартовой-Бочавер /5/), укажем только, что с самого начала четко обозначились две линии исследований, а именно: исследования восприятия пространства как совокупности объектов в гештальт-психологии и исследования «психологического», «личностного» пространства как сферы идентичности индивида в аналитической психологии. «Психологическое пространство личности мы понимаем как субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Оно включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, личные предметы, социальные привязанности, установки)» /5/.

В конце 70-х г.г. в отечественной методологии была сделана попытка введения понятия сферы жизнедеятельности и сферно-фокусной организации жизнедеятельности. Введение принципа сферности означало следующее:

- во-первых, утверждение того, что пространство жизни не является простым множеством внешних предметностей, а представляет собой сложно организованную целостность;
- во-вторых, пространство жизни надо представить не как одну единую сферу (это допустимо только для идеи Бога), а как множество сфер, где способ их соорганизации и задает его системность;
- в-третьих, одни и те же предметности одновременно могут входить в структуру разных сфер (подсистем), в зависимости от точки фокусировки, то есть в зависимости от того, какой признак мы берем в качестве системообразующего для данной сферы в данный момент жизнедеятельности.

На протяжении двух десятков лет появилось значительное количество теоретико-методологических публикаций, в которых принцип сферности раскрывался на различном материале: культуры (Б. В. Сазонов, О. И. Генисаретский), образования (В. М. Розин), производства (Л. П. Щедровицкий), игры (И. Берлянд) и т.п. Однако оказалось, что этот подход хорошо работает только при анализе и описании «больших» систем, где люди «берутся» как абстрактные позиционеры в надинди-

видных процессах и структурах. Попытки психологизации идеи сферности, то есть попытки представить сферу как форму и способ индивидуальной организации пространства самим субъектом жизнедеятельности оказались, пока что, не очень продуктивными.

Существенным толчком к дальнейшей методологической разработке понятийной связки пространство – среда стало обсуждение информационных сетей, которые стали то ли пространством, то ли средой жизни личности. В отличие от других пространственно-средовых феноменов информационные сети возникли буквально у нас на глазах и, поэтому, динамика их развития стала предметом непосредственного наблюдения и изучения. Для нас принципиально важно то, что по отношению к пространственным и средовым характеристикам информационных сетей сразу же стали употребляться разные параметры описания и оценки. Пространственные характеристики, в основном, задавались через такие параметры, как доступность и глобальность, а средовые – через привлекательность, комфортность, полезность и т.п. Весьма существенно, что пространственные параметры отображают позиционные и интенциональные характеристики места индивида в информационных сетях, а средовые – эмоционально-оценочные характеристики отношения индивида к условиям функционирования в сетях.

Однако, несмотря на наличие многочисленных текстов, где употребляется пространственно//средовая терминология, в подавляющем большинстве из них понятийное различие просто отсутствует. Такая ситуация стала серьезным препятствием для дальнейших разработок во всех науках, которые так или иначе исследуют проблемы жизнедеятельности и образа жизни людей. Об этом свидетельствует и масштабная дискуссия, развернувшаяся в последние годы в мировой психологической литературе.

Обобщая имеющиеся подходы, мы можем констатировать, что пространство не является «естественно-натуральным» объектом, в который помещен индивид, как в некий «окружающий мир», а создается, структурируется самим субъектом в соответствии с некоторыми принципами или задачами жизнедеятельности. Понятие пространства надо понимать не в физикалистском смысле, как совокупность натуральных

объектов с установленным размерным соотношением⁶, а как совокупность идеализированных объектов, на которые направлен интенциональный вектор усилий личности. Пространство образуют не сами по себе объекты – для этого необходимо специфическое «наложение» вектора личностных или социальных отношений, которые и структурируют объекты относительно друг друга, то есть создают «пространство». Аналогичную идею высказывает П. Д. Волков: «В качестве рабочего определения будем считать, что пространство есть абстракция, порожденная измеримыми параметрами исследуемых объектов. ... пространство является совокупностью равнозначных по концепту параметров... Можно сказать, что пространство «отражает» систему (среду, объект исследования), «переводя» ее из реального мира в идеальный...» /2, с. 38-39/

Пространство, таким образом, это место приложения усилий человека, направленных на осмысленное и целевое изменение условий собственного существования. Иными словами, **пространство жизни является базовым психологическим конструктом определения структуры Мира, которое строится субъектом исходя из самоопределения своего места в этом Мире.**

Такое понимание пространства позволяет сформулировать некоторые признаки, которые будут задавать его общепсихологические понятийные характеристики.

1. Глобальными пространственными категориями сознания являются идеи «Мира» и «Жизни». Идея Мира фиксирует предметную наполненность Жизни, структурированную через механизмы этизации (добрый // злой) и эстетизации (прекрасный // безобразный), а идея Жизни фиксирует процессуальный характер Мира, который структурируется по параметрам темпоральности (быстрая // медленная) и хронологичности (прошлая // будущая). Целостность пространства жизни достигается за счет специфической «сшивки» предметной и процессуальной составляющих в единый конструкт «Жизнь Мира» (или «Мир Жизни⁷»), который строится по параметрам гно-

⁶Интересното, что с этой точки зрения понятие пространства задано совершенно одинаково и в геоцентрической модели Птолемея, и в гелиоцентрической модели Коперника.

⁷ В русском языке сочетание «Мир Жизни» используется очень редко, а в украинском языке - «Світ Буття» - вполне корректная формулировка.

стичности (познаваемый // таинственный) и субъектности (предзаданный // преобразуемый).

2. В индивидуальном сознании этот глобальный конструкт дополняется множеством частных, одновременно сосуществующих «пространств», соответствующих формам и видам самоопределения личности.

3. Каждое пространство позволяет индивиду, с одной стороны, зафиксировать свое положение в различных подсистемах Мира и, с другой стороны, структурировать предметность самого Мира.

4. Структурирование конкретной подсистемы Мира осуществляется индивидом на основании более или менее ясно осознаваемых жизненных интенций. По-видимому, можно выделить четыре вида ведущих интенций, это – потребности, интересы, ценности и мечты. Интенции, в процессе своей реализации, обеспечивают не только содержательное наполнение пространства, но и его осмысленность по отношению к жизнедеятельности в целом.

5. Преобладание в структуре личности того или иного вида интенций задает типологию личностных способов построения пространства жизнедеятельности. Так, например, топология пространства, построенная на основании вектора потребностей будет принципиально отличаться от топологии пространства, построенного на векторе интересов: в первом случае оно будет наполнено предметами утилитарно-прагматического свойства, а во втором – бесконечно изменчивой одной предметностью.

6. Каждая подсистема Мира, осмысленная индивидом как пространство его жизнедеятельности, функционально организована как сфера, где каждая точка предметности является одновременно и точкой личностного самоопределения.

7. Различные пространства, как сферы жизнедеятельности, соорганизованы в сознании индивида не по структурному принципу (линейно, иерархически или как-то еще), а по принципу актуальной фокусировки, то есть конструкт «жизненные пространства личности» является функциональным органом организации жизнедеятельности, а не константной структурой психического. Это означает, что актуально индивид может находиться только в одном подпространстве жизни и только в одной сфере жизнедеятельности. Переход из одной

сферы в другую осуществляется как специфический «скакок», то есть происходит путем остановки одного процесса и включения другого (аналогично механизму переключения внимания).

8. Универсумальное «пространство жизни» как конструкт сознания можно условно разделить на «внешнее» и «внутреннее». Условность такого разделения связана с тем, что «внешнее» пространство образовано не самими по себе предметными объектами, а их фиксацией в сознании индивида в качестве условий и обстоятельств жизнедеятельности⁸, а «внутреннее» пространство образовано формами фиксации в сознании собственных состояний и содержаний, то есть формами осознанности собственного психического.

Данная конструкция приложима не только к глобальному пространству отношения «Человек – Мир», но и к каждой конкретной сфере существования, в частности, к пространству социальной жизни индивида. Представление социальной жизни как пространства субъектной социальной активности индивида⁹ предполагает введение базовых параметров, которые и будут задавать искомое пространство. Наши многолетние исследования образа жизни показали, что сферы жизнедеятельности можно выделять по разным основаниям, но наиболее универсальным параметром их структурирования оказалась дилемма Искусственного и Естественного¹⁰.

С этой точки зрения мы можем утверждать, что наиболее общую «рамку» социальных отношений в структуре жизнедея-

⁸Еще раз подчеркнем, что «внешнее» и «внутреннее» берется именно по отношению к сознанию, а не к телу человека. Поэтому телесное и организическое может быть представлено в сознании как «внешнее» обстоятельство и условие жизнедеятельности, что характерно для современной европейской культуры, а не как «внутреннее», что характерно для некоторых восточных культур.

⁹В методологическом плане это позволяет уйти от натуралистического социологии, где социум изначально предзначен и противостоит индивиду, а в психологическом плане – уйти от столь же вульгарной теории социальной адаптации.

¹⁰ Понятия искусственного и естественного мы используем в том залоге, который был введен в системо-мыследеятельностной (СМД) методологии Г.П.Щедровицким: в Е-процессах механизм осуществления лежит внутри самого процесса, а И-процесс осуществляется только за счет целенаправленных действий, которые и являются механизмом его осуществления.

тельности человека будет образовывать оппозиция сферы институциональных социальных отношений, как максимально выраженная искусственная система и сферы межличностных отношений человека, как исходно естественной системы.

Полюс «Искусственного» в сфере социальных отношений образует система социальных институтов, основная функция которых заключается в нормировке социальных потребностей и способов их удовлетворения в конкретном обществе. Проблема социальных институтов является одной из центральных практически для всех социологических теорий, где фактически общепринятым является положение о том, что они возникают для решения задач нормирования форм организации деятельности, направленных на удовлетворение социально значимых потребностей. Кроме того, указывается, что социальные институты порождают и закрепляют систему социальных статусов, которая фиксирует место индивидов в позиционной структуре общества. В институциональных теориях утверждается, что именно эти две характеристики определяют и задают содержание процесса социализации индивидов. К сказанному следует добавить только одно – в психологическом плане социальные институты могут быть представлены как особого рода субъекты социальных отношений, предметом деятельности которых является порождение норм, регулирующих и регламентирующих конкретные виды социально значимых деятельности. При этом сам социальный институт является над-личностным субъектом, хотя его функционирование всегда персонифицировано, то есть оказывается возможной только благодаря активности и усилиям включенных в него конкретных людей.

Таким образом, в пространстве социальных отношений полюс «Искусственного» занимает конструкт «Социальные институты», заданный двумя базовыми параметрами – нормативность и социальный статус, – который вступает в социальные взаимодействия как над-личностный, но персонифицированный субъект деятельности. В этом плане жизнь человека развертывается как перманентный процесс социализации, то есть как процесс освоения индивидом все новых норм социального взаимодействия и последовательного включения в функционирование различных социальных институтов. При благоприятном развертывании этого процесса обще-

ство, через свои институции поощряет индивида, предоставляя ему различные блага и возможности существования. При неблагоприятном развертывании социализации общество может либо направить усилия на его восстановление, либо на пресечение деятельности, а в некоторых случаях и самой жизни индивида.

Противоположный конструкт – полюс «Естественного» – образует сфера межличностных отношений, которая строится на идее «родства» и выражена в стихийном процессе группообразования. Само по себе родство охватывает очень широкий круг явлений от кровного до духовного, но в любом случае оно опирается на некое нерасторжимое внутреннее чувство единства двух или более людей. Это переживание состояния единства достаточно хорошо описано как в общей, так и в социальной психологии. Можно считать установленным, что в его основании лежит механизм идентификации личности, а в социально-психологическом плане – механизм дифференцировки групп принадлежности и референтных групп. На ментальном уровне это чувство выступает в виде особого конструкта «Мысознание», которое позволяет индивиду осуществлять различие «своих» и «чужих», «мы» и «они».

Второе основание межличностных отношений составляют эмоции и переживания, которые плохо поддаются сознательному контролю и целенаправленной регуляции, а «работают» по принципу переживания симпатии – антипатии. Однако, надо понимать, что эти эмоции являются не столько психофизиологическими состояниями индивида, сколько его чувствами по отношению к другим людям. Набор таких чувств очень широк, но, во-первых, они все имеют социо-культурную природу и, во-вторых, согласно С. Л. Рубинштейну, они образуют целостный спектр от любви до ненависти. Наполненность жизни личности сильными эмоциями и устойчивыми межличностными отношениями, дает человеку переживание полноценности и осмысленности собственного существования.

Таким образом, в пространстве социальных отношений полюс «Естественного» занимает конструкт «межличностные отношения», заданный двумя базовыми параметрами – идентичность и чувство симпатии//антипатии, – в котором индивид вступает в социальные взаимодействия как уникальная индивидуальность и личность с другими индивидами как уни-

кальными индивидуальностями и личностями. В этом плане социализация человека развертывается как перманентный процесс нахождения и потери близких людей, как процесс освоения индивидом все новых форм межличностного взаимодействия и последовательного включения в жизнь различных людей. При благоприятном развертывании этого процесса индивид оказывается способным сохранять и создавать близкие, дружеские отношения на протяжении всей жизни, а при неблагоприятном – он постоянно попадает в ситуации группового остракизма и, в конечном итоге, всю жизнь переживает чувство отверженности и одиночества.

Сфера социальных и межличностных отношений не только противоположны по базовому системному признаку, но они также взаимодействуют и взаимопересекаются. Эти взаимосвязи возникают не прямо, а опосредованно, через две дополнительные сферы. С одной стороны, это сфера конкретных социальных организованностей, с другой стороны, это информационная система.

Сферу социальных организованностей составляют многочисленные организации, профессиональные группы и сообщества. Любая социальная организованность, – будь то семья, общеобразовательная школа, промышленное предприятие или клуб по интересам, – имеет ту или иную степень формализации, то есть мы можем зафиксировать ее структуру, и определенную степень институциализации¹¹, то есть мы можем зафиксировать нормы ее функционирования. Поэтому, конкретные индивиды, которые включаются в них как непосредственные участники, всегда занимают определенной место в их структуре для выполнения определенных функций. Различие структурно заданных мест задается различием содержания конкретных функциональных целей и ожидаемых результатов, что в психологическом плане фиксируется в понятии позиции¹² личности.

¹¹ В методологическом плане очень важно различать социальные институты и социальные организованности. Социальные институты производят нормы деятельности и формы их регуляции, а социальные организованности производят некий конкретный продукт, удовлетворяющий определенные потребности или интересы людей.

¹² В психологии для обозначения функциональных различий часто используется понятие социальной роли, хотя, на наш взгляд, такое расши-

Понятие позиции и позиционный способ анализа социальных организованностей позволяет, с одной стороны, строить достаточно хорошо формализованные структурно-функциональные модели деятельности организации в целом и конкретных индивидов, входящих в них, а с другой стороны, позволяет углубляться в психологическое содержание через понятия профессионального мышления и сознания, профессиональных ценностей и смыслов и т.п.

В то же время, наличие продуктивно ориентированного целевого конструкта в структуре деятельности социальной организованности и распределенный характер способа ее реализации приводят к возникновению еще одного важнейшего социально-психологического феномена – феномена коллективности и коллективно-распределенной деятельности. Феномен коллективности хорошо изучен в отечественной психологии, в первую очередь, благодаря работам А.В.Петровского и В. Шпалинского¹³, где было показано, что механизмы возникновения коллектива и закономерности его функционирования существенно отличаются от аналогичных процессов в стихийных малых группах. На феноменологическом уровне коллективность проявляется в процессах нормообразования, приоритетности коллективных целей, ценностно-ориентационном единстве и др. Существенно, что эти признаки характеризуют не только формальные коллективы (группы), но и неформальные сообщества, которые функционируют как социальные организованности. Коллективность, как социально-психологический феномен, возникает только за счет реального взаимодействия реальных людей, в которых устанавливаются неформальные, межличностные отношения, построенные на

рительное употребление понятия роли неправомерно и приводит к серьезным ошибкам, как в теоретических конструктах, так и в психологических практиках.

¹³ Коллективистский подход является традиционным для отечественной психологии. Достаточно вспомнить классическую работу В.М.Бехтерева «Коллективная рефлексология» 1921 года или знаменитые работы А.С.Макаренко конца 20-х начала 30-х годов XX-го в. В американскую и европейскую психологию идея коллективности пришла совсем недавно в связи с проблемами командообразования, группового принятия решений и сетевым принципом построения организаций, а также в связи с проблемами корпоративности – корпоративной преданности и лояльности, корпоративной культуры, этики и т.д..

основе взаимных симпатий – антипатий. Динамика межличностных отношений становится одним из наиболее значимых факторов эффективности деятельности социальных организованностей.

Таким образом, в пространстве социальных отношений можно выделить еще один полюс – полюс «Социальных организованностей». Он задан двумя базовыми параметрами (структурность и коллективность) и выполняет функцию опосредования межличностных и институциональных сфер жизни личности. Организации с равным успехом можно представить и как естественную систему через метафору «живого организма», и как искусственную систему через метафору «бездушной машины». Индивид включается в социальные организованности по нормативным основаниям как частичный функционер, но осуществляет деятельность как личность и вступает в сложную систему формальных и неформальных отношений и взаимодействий. В онтогенетическом плане сфера нормативной деятельности исходно является чем-то внешним и извне заданным для индивида, но по мере вхождения в нее происходит своеобразное «оестествление» и она становится сферой самоидентификации и самореализации личности (при благоприятном стечении обстоятельств и позитивном социогенезе).

В этом плане социализация человека развертывается как перманентный процесс принятия и построения групповых (организационных) норм и правил социального взаимодействия в организованностях. При благоприятном развертывании этого процесса индивид оказывается способным принимать социальные и организационные нормы как лично значимые и ценные и на этом основании строить (иницировать построение) новых социальных организованностей. На индивидном уровне социализация переживается как «правильно» организованная жизнь и выражается в общественном (групповом) признании и успехе. При неблагоприятном развертывании процесса социализации индивид попадает в невротизирующую дихотомию конформизма//нонконформизма, ситуации социального и профессионального неуспеха и отсутствия (не нахождения) своего места в жизни.

Как уже было сказано, вторым опосредующим фактором в системе «межличностные отношения – социальные институты» является информационное пространство. Информационное

пространство возникает в обществе за счет действия двух противоположно направленных социальных механизмов. С одной стороны, это процесс формализации межличностного общения и коммуникации, что обеспечивает массовость и доступность информации. В этом смысле информационная сфера является формой отчужденных межличностных отношений, где непосредственное общение замещается социальной значимостью его предметного наполнения. С другой – процесс артикулирования и обнародования социальных норм, зафиксированных социальными институтами, что должно обеспечивать включенность людей в нормативно-сообразные формы организации жизнедеятельности (юридическую, экономическую, профессиональную, образовательную и т.д.). В этом смысле информационная сфера является формой социальной деятельности, детерминированной целями осуществления социальных изменений.

Информационное пространство является чрезвычайно сложным популятивным объектом, состоящим из множества подсистем, которые связаны между собой далеко не очевидными связями. В качестве такого объекта информационное пространство имеет ряд уникальных характеристик, которые отличают его от других типов объектов. Укажем только на две из них.

Во-первых, информационное пространство имеет свою специфическую форму в виде информационных каналов, свою структуру в виде архитектоники информационных каналов, имеет свое содержание в виде информационных текстов, но не имеет своей предметности – оно живет за счет предметностей других сфер жизнедеятельности. Поэтому информационное пространство, как реальная предметность, возникает в каждый момент жизни, когда мы включаемся в него (со своим текстом или с восприятием чужих текстов) и тут же, мгновенно исчезает, когда мы выходим из него, оставаясь при этом чистой возможностью, сохраняя постоянную потенцию входа и выхода. В реальном социуме эта возможность всегда частична, что выражается в категории «доступности» информации. Именно ограниченная доступность информационного пространства породила один из современных мифов, который метафорически выражен в известном высказывании: «Кто владеет информаци-

ей – тот владеет миром» или, в упрощенном варианте: «Если тебя нет в фейсбуке – то ты не живешь».

Во-вторых, информационное пространство создается одновременными усилиями многих социальных субъектов. Каждый из них обладает не только своим субъективным взглядом на события, по поводу которых создается информация, но и своими целями и интересами в тех ситуациях, где происходят данные события. И если событийная информация, хотя и с большой натяжкой, еще может определяться в параметрах «объективности», то субъектная информация (по целям, мотивам, интересам, потребностям и т.д.) по этому параметру вообще не может рассматриваться. Субъектная информация предполагает осуществление особых процедур интерпретации и понимания, причем как со стороны тех, кто продуцирует информацию, так и со стороны тех, кто ее воспринимает. Механизмы восприятия, понимания и интерпретации разного рода текстов (научных, учебных, литературных, социально-политических и т.п.) изучены достаточно хорошо, и в исследованиях убедительно показано, что базовым параметром функционирования интерпретаций в сфере социальной информации является степень правдоподобия текста или, что то же самое, степень субъективного доверия к информации.

Таким образом, в пространстве социальных отношений можно выделить еще один полюс – полюс «Информационного пространства». Он задан двумя базовыми параметрами (формализация общения и артикулирование норм) и выполняет функцию опосредования межличностных и институциональных сфер жизни личности через продуцирование и распространение особого рода текстов – информационных сообщений. Индивид включается в информационное пространство и как субъект продуцирования, и как субъект восприятия информационных сообщений, то есть одновременно и как активный субъект действий, направленных на изменение социальных ситуаций, и как пассивный объект информационных воздействий.

В психологическом плане качество информационного пространства переживается и оценивается людьми по параметрам доступности и достоверности. Степень доступности отображает субъективную возможность продуцирования и получения информации, а степень достоверности – субъектив-

ные критерии оценки правдивости//ложности информации и ее носителей.

Социализация человека развертывается как перманентный процесс вхождения в различные информационные подсистемы и соответствующие интерпретативные схемы порождения текстов.

При благоприятном развертывании этого процесса индивид оказывается способным создавать нормативносообразные тексты и различать в них формальную и смысловую составляющие. На индивидном уровне социализация переживается как «понимание» и ситуаций, лежащих за информационным текстом, и субъектов, стоящих за изменениями в ситуациях, и за продуцируемыми ими текстами. При неблагоприятном развертывании процесса социализации индивид «попадает» в манипулятивные схемы информационных средств изменения социального поведения, становясь либо абсолютно циничным манипулятором, либо абсолютно доверчивым манипулируемым.

Таким образом, пространство социальной жизни индивида или, что то же самое, пространство социализации личности, может быть описано через четыре базовые сферы социальных отношений и взаимодействий. Это пространство структурируется по параметру «искусственное – естественное» и опосредующим механизмам. Используя сферно-фокусный способ схематизации, сказанное можно отобразить в соответствующей модели (см. рис.1).

Такой способ схематизации позволяет обсудить еще целый ряд психологических характеристик социального пространства жизни личности. Во-первых, все социальное пространство и каждая его сфера существуют только за счет усилий и активности конкретных людей. Во-вторых, каждый индивид может «входить» в любую сферу только из своей личностной позиции, то есть индивид не может одновременно находиться и функционировать в нескольких сферах, а должен осуществлять специфическую процедуру «выхода», «возвращения к себе» для последующего входа в другую сферу.

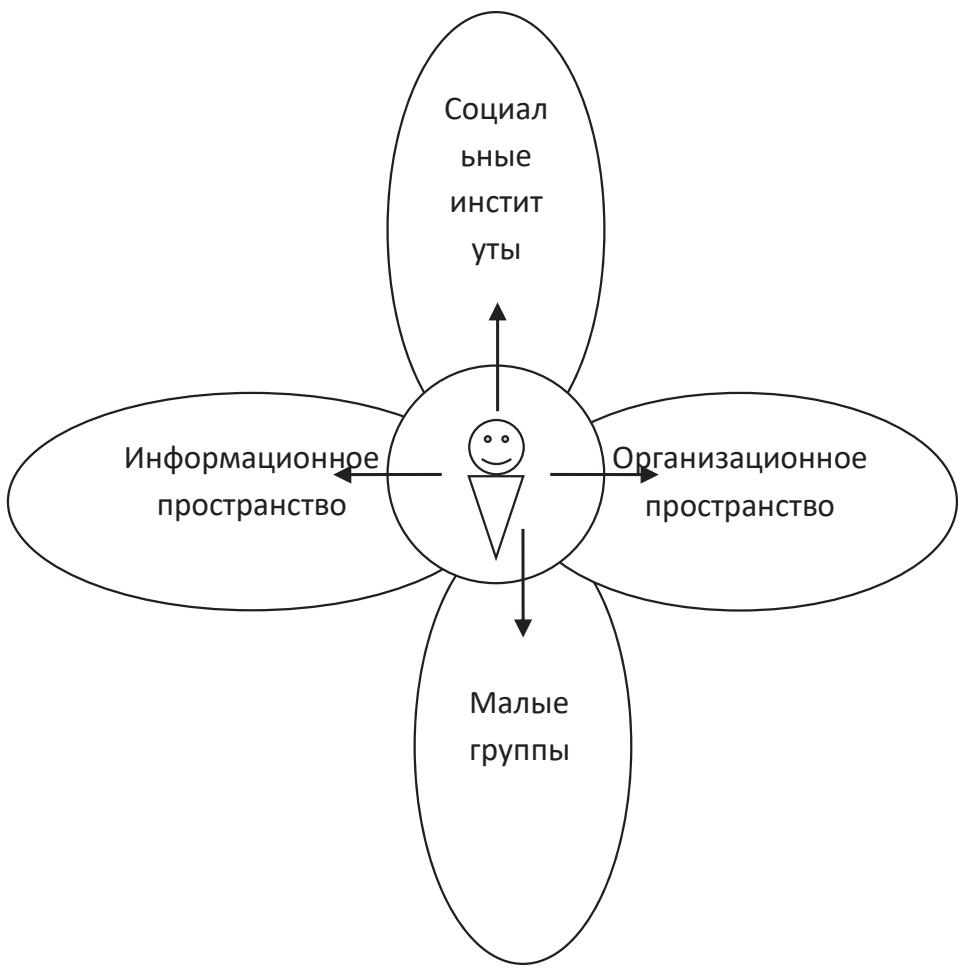

Рис.1. Сферно-фокусная модель социального пространства жизни личности

В-третьих, создание и удерживание психологической целостности социального пространства жизни, по-видимому, может осуществляться двумя путями: либо через рефлексивное осознавание социального пространства как сфер жизнедеятельности, либо через рефлексивное осознавание себя как социальной личности (социальная «Я-концепция» личности), то есть через самосознание. В-четвертых, взаимодействие индивида с социальными сферами может быть описано как в моделях пассивности индивида, через понятия «адаптации», «принятия», «освоения» и т.п., так и в моделях его активности, через понятия «построение», «создание», «установление» и т.п.

Нам представляется, что предложенный подход открывает новые возможности в построении психологических практик развития социальных способностей.

Література

1. Власова О.І. Психологія соціальних здібностей: структура, динаміка, чинники розвитку Монографія. – К. Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2005. -308 с.
2. Волков П.Д. Среда как контекст существования объекта научного исследования в рамках параметрического пространства. – ж. Мир психологии, № 4 (76), 2013, с. 35- 41
3. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. Изд. 2, доп. — М.: URSS, 2009. — С. 240.
4. Кунц, Г., О’Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управлеченческих функций; в 2 т. / Г. Кунц, С. О’Доннел. — М.: Прогресс, 1981. — Т. 2 — 512 с.
5. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности: Монография. — М.: Прометей, 2005. — 312 с.
6. Реймерс Н.Ф. Популярный биологический словарь – М., Наука, 1991, - 538 с.
7. Соціологія: короткий енциклопедичний словник – К.: Укр. Центр духовн. культури, 1998, - 736 с. – Ел. ресурс: <http://psychlib.ru/mgppu/NPr-2005/NPr-311.htm>

2.3. Культурно-психологічний (знаково-символічний) простір гри¹⁴

Базові підходи. Найбільш узагальненим і при цьому найбільш раннім підходом до визначення гри як такої є підхід, за якого гра розглядається як феномен культури. Такі погляди вбачали сутність гри у її загальному плані, виходячи за межі окремого індивіда та його найближчого оточення, у чому і полягає їх заслуга. Варто зазначити, що культурологічний підхід почав складатися ще у XVIII столітті. Одним з перших теоретиків цього підходу є Ф.Шиллер, теорія гри якого розкривається у «Листі про естетичне виховання» і має загально визнану назву теорії надлишку сил.

На думку Ф. Шиллера, предметом спонукання до гри є краса. Так, він зазначає: «...у приемному, у добрі, у досконалості людина виявляє тільки свою серйозність, з красою ж вона грає» /1, с. 12/. Саме тому спонукання до гри виявляється естетичним спонуканням. За такої думки Ф. Шиллер в деякому смислі виходить за межі окремого індивіда, дитини і розглядає гру саме як феномен культури, оскільки естетичне задоволення, здатність сприймати і розуміти красу, отримувати задоволення від того, що не є задоволенням суто біологічних потреб, притаманне лише людині і характеризує її як істоту культурну. З приводу цього Шиллер пише, що тільки в естетичному стані людина не зазнає ні фізичного, ні морального примусу, а отже тільки в цьому стані людина є справді свободною.

Інша справа, що за великим рахунком людина здатна сприймати красу і бути свободною лише тоді, коли задоволені всі інші, в першу чергу, фізіологічні потреби (у їжі, у безпеці тощо). Для задоволення цих потреб людина постійно змушенана виконувати певну діяльність і, отже, у неї залишається не так багато вільних сил для задоволення культурних, естетичних потреб. Але, на думку Шиллера, саме цей надмір сил, вільних від зовнішніх потреб, є умовою (однак, лише умовою) виник-

¹⁴ Статтю опубліковано у виданні «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологічна психологія, випуск 46, 2018. – Стор. 103-113.

нення естетичної насолоди, яка надається грою. Таким чином Шиллер ввів насолоду як констатуючу ознаку, спільну для естетичної діяльності та гри.

I. Берлянд, розглядаючи теорію Ф. Шиллера, порівнює гру й естетику, та зазначає, що “пов'язує гру й естетику... усвідомлення видимості, умовності. Побачивши твір мистецтва, ми усвідомлюємо, що це мистецтво; у той же час ми сприймаємо його так, ніби він є продуктом природи. Коли дитина, граючи, скаче на паличці, вона усвідомлює, що це паличка, але в той же час поводиться так, ніби це кінь; одночасність і розбіжність цих відносин і визначає особливість ігрової свідомості. Гра визначається саме тим усвідомленням умовності, подвійності, подвійного відношення (як якщо б). Якщо немає видимості, немає гри; якщо видимість не усвідомлюється (претендує на реальність), гри теж немає” /1, с. 13).

Піком розвитку теорій гри як феномену культури стала ґрунтовно розроблена у 30-х роках ХХ-го століття теорія Й.Хейзінгі, яка, відповідно, й отримала назву культурологічної концепції.

Й.Хейзінга виклав свої погляди на гру у своїй праці “ *Homo Ludens*”, яка набула великої популярності та визнання. Ця праця є відображенням цікавого дослідження та нового підходу до поняття та розкриття природи гри. Тому погляди Й.Хейзінги треба розгляднути більш докладно, спираючись при цьому безпосередньо на його працю.

Перш за все, ЙХейзінга окреслює свій погляд на співвідношення понять гри та культури, оскільки саме ці два поняття, що стає зрозумілим вже з самої назви концепції, він визнає основоположними у розумінні феномену гри. «Гра давніша за культуру, – пише Хейзінга, – тому що поняття культури, як би недосконало його не визначали, у будь-якому випадку має на увазі людське співтовариство, а тварини зовсім не чекали появу людини для того, щоб вона навчила їх грати. Так, можна з впевненістю заявiti, що людська цивілізація не додала жодної істотної ознаки загальному поняттю гри. Тварини грають точнісінько так само, як люди. Всі основні риси гри вже присутні в грі тварин» /10, с. 9-10/. Особливо цікавим в цьому положенні є те, що Й.Хейзінга робить ніби крок назад від ідеї (яка вже була викладена, наприклад, Ж.Шато) про те, що гра є суто людською формою діяльності або принаймні набуває якісно

нових рис при переході від тварин до людини. Цим він ніби приєднується до поглядів Грооса та його послідовників, не визнаючи переходу людської психіки на якісно новий по відношенню до тварин рівень та не беручи до уваги те, що людина є істотою соціальною, що знов-таки якраз і відрізняє її від тварин. Такий дешо біологізаторський підхід Й. Хейзінги можна побачити і в його характеристиці якості гри: «Інтенсивність гри не пояснити ніяким біологічним аналізом. І все-таки саме в цьому криється її споконвічна якість» /10, с. 11/.

Та як же співвідносяться гра та культура? Й. Хейзінга пише так: «Існування гри не прив'язано ані до визначеного ступеня культури, ані до визначеної форми світогляду» /10, с. 12/. Відповідь на це питання можна знайти в наступних його тезах: «Взаємопроникнення гри і культури... Гра як підстава і фактор культури в цілому» /10, с. 15/; «Гра як визначена якість діяльності, відмінної від «повсякденної» життя... Гра як форма діяльності, як змістовна форма, що несе зміст, і як соціальна функція... Гра як фактор культурного життя» /10, с. 13/; «У міфі і культі, однак, народжуються великі рушійні сили культурного життя: право і порядок, спілкування, підприємництво, ремесло і мистецтво, поезія, вченість і наука. Тому вони ідуть коренями в той же ґрунт ігрової дії» /10, с. 14/. З цього витікає, що гра розглядається як пронизуюча всю культуру найважливіша характеристика людини як культурної істоти. Можна було б навіть дійти висновку, ніби уся культура може розумітися як гра, але Й. Хейзінга зазначає, що це не зовсім вірно: вона не тільки так може бути зрозуміла, але дійсно багато сторін культури не можна зрозуміти без огляду на їх ігровий характер.

Й.Хейзінга задля розуміння суті гри виділяє її головні ознаки, серед яких такі:

- 1) “усяка гра є, в першу чергу, вільна діяльність. Гра за наказом вже більше не гра... Дитина і тварина грають, тому що зазнають задоволення від гри, і в цьому полягає їхня вільність...;
- 2) ...гра не є «повсякденне» життя і життя як таке. Вона, скоріше, вихід за межі цього життя в тимчасову сферу діяльності, яка має власну спрямованість. Навіть мале дитя прекрасно знає, що воно грає лише «начебто» насправді, що це все «понарошку»... Не будучи «повсякденним» життям, гра лежить за рамками безпосеред-

нього задоволення нестатків і пристрастей. Вона перериває цей процес... вона прикрашає життя, вона доповнює його і внаслідок цього є необхідною. Вона необхідна індивідууму як біологічна функція, і вона необхідна суспільству... як культурна функція...;

- 3) ізольованість: гра відокремлюється від «повсякденного» життя місцем дії та тривалістю. Вона «розігрується» у визначених межах простору і часу... Її плин і зміст укладені в ній самій;
- 4) ...гра починається їй у визначений момент закінчується;
- 5) ...повторюваність – характеризує не тільки гру в цілому, але і її внутрішню структуру;
- 6) ...просторове обмеження гри;
- 7) позитивна риса... вона творить порядок, вона є порядок;
- 8) має склонність бути красивою. Цей естетичний фактор, цілком ймовірно, тотожний прагненню діяти, що пожавлює гру у всіх її видах і втіленнях;
- 9) ...елемент напруги: напруга означає невпевненість, нестійкість, певний шанс чи можливість. У ньому є прагнення до розрядки, розслаблення. Аби щось «вдалося», потрібні зусилля... В азартній грі їй у спортивному змаганні вона досягає апогею;
- 10) у кожній грі свої правила. Варто порушити правила, і весь будинок гри негайно руйнується. Гра стає неможливою. Гра перестає існувати... Порушник, не визнаючи правил гри, оголює тим самим відносність і крихкість цього ігрового світу, у якому він на деякий час замкнувся разом з іншими партнерами. Він віднімає у гри ілюзію;
- 11) почуття, які об'єднують партнерів по грі, перебувають у деякому надзвичайному стані, разом роблять щось важливе, разом відокремлюються від інших, виходять за рамки загальних норм життя, – ці почуття зберігають свою чакунську силу далеко за межами ігрового часу” /10, с. 17-23/.

«Підсумовуючи ці спостереження з огляду форми, ми можемо тепер назвати гру, – продовжує Хейзінга, – свободною діяльністю, що усвідомлюється як «не насправді», і поза повсякденним життям виконуване заняття, однак, вона може

цілком опановувати гравцем, не переслідуючи при цьому жодного прямого матеріального інтересу, не шукає користі, – свободною діяльністю, яка відбувається усередині навмисно обмеженого простору і часу, протікає впорядковано, за визначеними правилами і викликає до життя суспільні угруповання (соціальні групи), які віддають перевагу оточувати себе таємницею або підкреслювати свою відмінність від іншого світу всіляким маскуванням» /10, с. 24/.

Таким чином ми бачимо, що, намагаючись знайти спільне між найрізноманітнішими діяльностями, які позначаються словом «гра», Й.Хейзінга дає у формі визначення поняття гри набір її окремих ознак. На думку І.Берлянд, ці ознаки не є пов'язаними між собою, а окрім цього деякі з них відносяться не до всіх видів ігор, а деякі в однаковій мірі відносяться і до гри, і до інших видів активності.

Продовжуючи розгляд праці Хейзінга, І.Берлянд вказує на те, що в цій роботі важливішим виступає проведений автором аналіз культурної функції гри, виявлення її значення як елемента культури, аналіз співвідношення гри з конfrontуючими її явищами (серйозністю, повсякденним життям) та із близькими явищами (з комічним, жартом, дурістю тощо). І виявляється, що саме у ставленні гри до цих явищ і криється її зміст для культури.

Слід додати, що Хейзінга не прагне пояснити гру з потреб серйозної діяльності або з цілей, пов'язаних із серйозною діяльністю. Він не прагне зробити і навпаки – вивести серйозну діяльність із гри. Ні, насправді виходить, що два полюси “гра – серйозність” звернені одне на інше і визначають себе відносно іншого. Саме на цій границі із не-грою й існує гра, як це показує Хейзінга.

Я не буду проводити більш детальний аналіз даної теорії в руслі аналізу форм гри, які виділяє автор. Просто це не входить в поставлену задачу. Однак в якості певного підсумку хотілося б додати, що культурологічний підхід до вивчення гри підійшов до розуміння важливих моментів, які в подальшому були використані для розробки нових теорій: такий підхід припускає усвідомленість гри (тобто «Ми граємо, і ми знаємо, що ми граємо» /10, с. 13/) та усвідомленість умовності ігрової ситуації (свідоме “як якщо б”).

Постановка проблеми. За останні декілька десятиліть відбулися значні зміни у ставленні психологічної спільноти до проблематики гри. З одного боку, майже зникли конкретні теоретичні та експериментальні психологічні дослідження (принаймні у публічному просторі), а з іншого боку, з'явилається величезна кількість різноманітних психологічних практик, технологій і методик, артикульованих як «ігрові». Ігрові форми застосовуються майже у всіх видах психологічних практик – від психотерапії і консультування до тренінгів і груп особистісного зростання. Також використовуються майже всі види ігрових дій – від «метафоричних карт» до «організаційно діяльнісних». Гра, фактично, перестала виступати предметом досліджень, а стала засобом здійснення психологічних практик. Такий зсув предмета на засіб означає визнання того, що гра є одним із універсальних механізмів розвитку на всіх рівнях існування людини – від малечі до старості та від конкретного індивіда до людства у цілому.

Проте, розгортання ігрових практик вочевидь вийшло за межі класичних теорій ігри і потребує побудови таких моделей, які б відповідали технологічним задачам, тобто побудови інструментальних моделей гри. Відсутність таких моделей значною мірою знижує ефективність і надійність застосування ігрових технологій у сучасних психологічних практиках.

Мета статті полягає у висвітленні результатів теоретико-експериментальної роботи з побудови інструментальної моделі гри як психологічного простору життедіяльності особистості.

Метод роботи - організаційно-діяльнісна гра. За темою було проведено дві 5-тиденні ОДГ. Учасники – психологи та соціальні працівники, які активно використовують ігрові методи у власній практичній діяльності, загальна кількість – 53 особи. Методологічне забезпечення ОДГ здійснював С.В.Дідковський.

Узагальнення отриманих результатів.

Соціокультурний вимір гри.

1. Гра існує як особливий соціальний і культурний простір життя. Соціальність означає, що гра здійснюється тільки в процесах взаємодії індивідів – індивідуальної гри не існує, хоча можуть існувати індивідуалізовані «усічені» види ігор. Культурність означає, що гра носить нормативний характер, тоб-

то форми ігор задані індивідові через норму її побудови й організації. Ці норми транслюються як організаційно-управлінські схеми розгортання ігрової діяльності. Як і норми будь-якої іншої діяльності вони є над-індивідуальними, але на відміну від інших видів діяльності, вони є конвенційними. Над-індивідуальний характер гри означає, що кожний індивід входить (його «втягають») у гру як носій часткових і конкретних її видів, і у цьому плані він є суб'єктом ігрової діяльності (активності), але закони гри він міняти не може. Конвенційність означає, що входження в гру відбувається як добровільний і узгоджений перехід індивіда в ігровий простір до встановлення будь-яких внутрішніх правил гри. Словеса: «Давайте пограємося», – виводять індивіда в новий, ігровий простір раніше ніж визначене «у що іграти» і «як іграти».

2. Зовнішня границя гри задається через її «умовність», яка передбачає:

- a) Усвідомлене й навмисне заміщення деяких фрагментів реальності знаково-символічними конструктами¹⁵, що дає можливість безмежної свавілля в маніпулюванні ними. Гра будується «по-приводу» певного фрагмента реальності, але поза цією реальністю. Власне зміст і процес гри й полягає в довільнім маніпулюванні знаково-символічними замісниками реальності¹⁶.
- b) Прийняття всіма учасниками гри даної умовності (даного заміщення) як основної умови здійснення ігрових дій – якщо хтось із учасників використовує інші замісники, то він грає в «іншу» гру.
- c) Умовність входу й виходу з ігрового простору, що означає вільність й відсутність зовнішньої детермінованості початку й завершення гри¹⁷.
- g) Домовленість про правила й порядок здійснення ігрових дій – гра завжди носить чітко договірний характер, а порушення домовленості приводить до розпаду ігрового простору. Руйнування ігрового простору внаслідок порушень

¹⁵ На відміну від міфу, де реальність не заміщується, а існує в знаково-символічній формі.

¹⁶ На відміну від науки, де цілі лежать не в сфері вільного манипулювання, а у побудові пізнавальних моделей.

¹⁷ В отличие от всех видов практической деятельности, где вход и выход жестко детерминированы отношением цель - результат.

ня домовленості повертає гравців у соціальну реальність, де порушника можуть очікувати дуже серйозні наслідки.

3. Гра не продукує знаково-символічні конструкти, а використовує вже наявні в культурі та представлениі як «вторинна» реальність. Але, якщо в культурі вони існують у вигляді різного роду текстів, то в грі вони «беруться» як певна предметність. Іншими словами, будь-яка міфологема або породжений мистецтвом образ-переживання для того, щоб бути включеною в гру, повинна пройти процедуру опредмечування в деякому реальному матеріалі, але при цьому ігровий матеріал, за принципом, не співпадає з матеріалом вихідної, первинної соціальної реальності. У грі первинна предметна реальність з'являється як «інша» предметність, як ігрова інопредметність. У силу того, що знаково-символічні конструкти, що існують у культурі, не є прямим відбиттям предметності первинної реальності, а самі ці конструкти в ігровому просторі можуть опредмечуватися практично в будь-якому матеріалі, те реальна предметність і ігрова інопредметність співвідносяться тільки умовно, за принципом подібності: «це» схоже на «це». Можна стверджувати, що ігрова інопредметність є особою (не-розумової) формою інтерпретації реальної предметності. Прийнята ігрова умовність, правила й предметність утворюють матеріал гри, але для того, щоб здійснилася ігрова дія необхідно весь цей матеріал «вписати» у деякі реальні обставини. Тому, ігровий простір не лежить десь взагалі за межами реального простору життя, але щораз перетинає його, утворюючи умовну перпендикулярну площину з лінією взаємного перетинання й взаємного переходу. Це означає, що в точці переходу реальні обставини задають можливість розгортання гри, а ігрові умови можуть ставати обставиною здійснення реальних дій. Сукупність ігрового матеріалу й реальних обставин утворюють ігрову ситуацію. Парадоксальність гри та її відмінність від інших «реальних» діяльностей, як раз і полягає в тому, що у ній використовуються ті ж самі культурні знаки (чи символи) та предметності, але вони переозначаються та набувають іншого значення. Тобто одна й та сама предметність у грі береться двічі – як реальна, в усталеній конотації, та як умовна, в ситуативно-ігровій конотації. Таке розуміння співвідношення ігрового та реального просторів дає змогу побудувати першу типологію ігор (див.табл.1).

Таблиця 1.

Типологічна матриця ігор
(за параметром співвідношення просторів)

Умовний ігровий простір	Реальний простір	
	Знакові системи	Предметні системи
Умовні познанчки	Семіотичні (умовно-знакові) ігри	Символічні ігри
Предмети-замісники	Демонстраційні ігри	Конструктивні ігри

Для пояснення наведемо декілька прикладів. Типовими семіотичними іграми є, наприклад, відома дидактична гра, коли з літер одного великого за слова треба утворити якомога більше слів, чи то карткові ігри, де кожна карта наділяється певною новою ознакою (наприклад: туз – це 11 очок тощо). Символічні ігри побудовані на механізмі переозначення певної предметної реальності з наданням їй символічній функції. Найбільш типовими символічними іграми є ті, де виникає магічний компонент, тобто предмети чи істоти наділені певними «зверх-можливостями». Демонстраційні ігри (назва суто умовна) побудовані на представленні певного знакового конструкту через предмети-замісники. Типовим і дуже розповсюдженим іграми такого типу є ігри на кшталт «Крокодил», де певне слово треба виразити жестами так, щоб його відзначали інші¹⁸. Конструктивні ігри охоплюють дуже широке коло конкретних видів ігор, які побудовані на відтворенні практичної дії з предметом-замісником.

4. Довільність маніпулювання знаково-символічними конструктами й предметностями означає відсутність раціональних цілей гри, але не означає відсутність внутрішніх, психологічних детермінант. Розгортання умовних дій «поприводу» деякого фрагмента реальності психологічно віправдане тільки при наявності жвавого інтересу індивіда безпосередньо до знаково-символічного конструкта. Цей інтерес переживається індивідом як питання: «Що із цим можна зробити?», а відповідь на нього – у вигляді якогось задуму дії.

¹⁸ Зауважимо, що в основі всіх ігор такого типу лежить суто психологічний механізм невербалної комунікації

Саме в задумі здійснюється вільна творча сутність гри. Процес гри припускає розгортання задуму в деякий сюжет, тобто послідовність ігрових дій (у даному контексті не ідеться про операційні компоненти самих ігрових дій), і в сценарій, який дозволяє зорганізувати учасників гри в даній ігровій ситуації.

5. Отже, внутрішня архітектоніка ігрового простору задається наступними структурними компонентами:

- наявність у культурному просторі індивіда знаково-символічних конструктів, що заміщають або задають деякі фрагменти первинної реальності;
- безпосередній живий інтерес до можливості вільного маніпулювання даними конструктами;
- ігровий задум, розгорнутий у сюжет і сценарій гри;
- установлення умовностей, як уведення зовнішніх і внутрішніх границь ігрового простору;
- організація ігрової ситуації як сукупності ігрових інопредметностей і реальних обставин;
- переживання можливості вільного входу й виходу з ігрової ситуації;
- переживання відтворюваності й нескінченної різноманітності однієї й тієї ж гри.

6. Соціокультурний зміст і призначення ігри полягають у створенні простору вільної діяльності, де сам простір заданий нормативно, а діяльність не нормована й не регламентована. Гра є унікальним соціальним інструментом формування особистісного інтересу до сфери культури, через освоєння індивідом нескінченного різноманіття можливостей маніпулювання знаково-символічним змістом самої культури. Гра не є одним способом прилучення й включення індивіда в ту або іншу культуру – цю функцію так само успішно виконують традиції, обряди, виховання й т.п. Але, там де немає гри, є нескінченне відтворення жорстко нормованих форм діяльності й взаємин. Гра є простір породження змістів, оформленіх у вигляді нових задумів, сюжетів і сценаріїв дії. Гра не копіює, а інтерпретує реальність і кожна нова інтерпретація (новий задум, сюжет, сценарій, ігрова дія) стає потенційною можливістю зміни самої первинної реальності. Тому гра є інструментом розвитку реальності, і в цьому її особистісний сенс – міняти реальність.

2.4. Становление механизмов целеполагания в дошкольном возрасте¹⁹

В русле теории Л.С.Выготского у нас в стране было проведено огромное количество исследований, посвященных проблеме развития высших психических функций, в том числе в раннем детстве и дошкольном возрасте. Большинство исследователей связывают возникновение целеполагания с моментом формирования самосознания личности ребенка на рубеже 3-х лет, которое выражается в известной формуле: «Я сам». Однако это утверждение является скорее гипотетическим или даже декларативным, так как ни экспериментальных, ни теоретических работ по этому вопросу просто нет. Широкая распространенность указанного мнения связана, по-видимому, с нерефлексивным переносом очевидной неразрывности целеполагания и самосознания у взрослых (наверное, можно даже говорить о том, что целеполагание есть форма реализации самосознания, а самосознание есть форма фиксации целей личности). В любом случае для нас важно то, что ранние, исходные формы целеполагания практически не изучены, а это препятствует построению модели его развития и дифференциации.

Поиск исходной формы может осуществляться двумя путями: искать либо первичную форму собственно целеполагания, либо первичную форму высшей психологической функции как таковой, а уже из нее выводить первичную форму целеполагания. Второй путь представляется нам более обоснованным методологически и более продуктивным в собственно психологическом плане.

Анализ литературы, посвященной психическому развитию младенцев обнаруживает один удивительный факт. В ситуации взаимодействия с родителями у детей уже в возрасте 7-8 месяцев появляются специфические жесты и другие коммуникативные действия, которые большинством автором одно-

¹⁹ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології. Том IV. Актуальні проблеми генези особистості в контексті навчання і виховання. – К.: Нора-прінт, 2001. – Стр. 177-180

значно интерпретируются как управляющие действия. Феномен управления заключается в том, что ребенок всеми доступными ему коммуникативными средствами направляет действия взрослого на интересующий его (ребенка) предмет. Существенно, что активность ребенка направлена на внешний предмет, а не является проявлением его психофизиологического или эмоционального состояния. Именно поэтому действия ребенка являются действительными управляющими²⁰.

Этот феномен в литературе описан достаточно подробно, однако мы не нашли сколько-нибудь удачных попыток его теоретического объяснения. Как правило, объяснения сводятся к развитию коммуникативных способностей или проявлению диалогизма, но они не выдерживают серьезной критики. Д.Б.Эльконин указывал, что отношение младенца к миру опосредуется взрослым. Именно здесь, как нам представляется, заложена возможность построения непротиворечивого объяснения данного феномена — когда ребенок начинает использовать взрослого в качестве опосредующего звена своей собственной активности, возникает функция управления. По всем выделенным категориальным характеристикам такое управление есть не что иное, как высшая психологическая функция. Два натуральных психических процесса — отношение ребенка к предметному миру и отношение ребенка к взрослому — соорганизуются так, что одно отношение «ребенок—взрослый» становится опосредующим звеном и фактически механизмом реализации другого отношения, отношения «ребенок—предмет».

Таким образом, управление оказывается онтогенетически первичной формой высших психологических функций и, следовательно, все другие функции должны быть выведены из этой «клеточки» как результат ее усложнения и дифференциации. Поэтому логично предположить, что исходные формы целеполагания надо искать не в том возрасте, где есть уже проявленное самосознание личности ребенка, а раньше. Оно должно быть первоначально вплетено в указанную функцию управления как его орган и новообразование.

²⁰ Само управление при этом понимается достаточно широко как воздействия, приводящие к использованию возможностей другого человека при достижении желаемого результата.

К сожалению, в возрастной психологии отсутствуют специальные исследования развития функции управления²¹ в детском возрасте. Однако существует очень большой фактологический материал, дающий развернутую картину феноменологии жизни ребенка от 1-го до 3-х лет²². В соответствии со сформулированной выше гипотезой мы в первую очередь искали те феномены, которые связаны с развитием функции управления. Остановимся более подробно на некоторых из них.

У детей в возрасте 1,5-2 лет появляются специфические «капризы». Так, например, мама одевает ребенка гулять и хочет одеть ему белые носочки. Вдруг ребенок говорит: «Хочу гулять в красных носочках!». Мама ему рассказывает, что белые носочки очень красивые, ему будет удобно и т.п. Но ребенок начинает упрямиться, хныкать и повторять, что хочет «свои красные носочки». Дальше ситуация может развиваться по нескольким возможным сценариям: а) мама может в конце концов уговорить ребенка идти гулять в тех носочках, которые она уже достала; б) мама может наказать ребенка «за капризы» и заставить его надеть то, что хочет она; в) ребенок может капризничать и требовать до тех пор, пока мама не найдет и не наденет ему то, что он хочет.

Еще один аналогичный пример. Мама чем-то занята на кухне. Ребенок приходит и просит пить. Мама наливает ему воды в чашку, но ребенок заявляет, что хочет пить из своей чашки «с гномиком». Мама отвечает: «Твоя чашка грязная, если хочешь пить, пей из этой». Ребенок начинает упрямиться и т.д. — ситуация развивается точно по аналогии с уже описанной.

Количество примеров можно увеличивать, но все они однотипны по структуре развертывающихся отношений. Во-первых, очевидно, что со стороны ребенка наблюдается явная попытка управления действиями взрослого. Во-вторых, действия взрослого при этом должны быть направлены на самого ребенка, то есть ребенок управляет действиями взрослого,

²¹ Исключение составляют некоторые исследования по развитию речи, где она рассматривается как функция в контексте управления.

²² Некоторые феномены мы описывали в исследовании, посвященном проблеме одиночества, в частности, проблеме уединения и отчуждения в детском возрасте.

направляя их на себя же. В-третьих, ситуация взаимодействия строится по поводу какого-либо внешнего объекта. Этот момент является чрезвычайно важным. Анализ ситуаций и наши наблюдения показывают, что такого типа взаимодействия строятся по отношению отнюдь не к любым предметам, с которыми сталкивается ребенок. В указанной функции выступают только те предметы, с которыми ребенок себя идентифицирует — он буквально «видит» себя в своих «красных носочках», он «видит» себя пьющим из своей «чашечки с гномиком» и т.д. Фактически представление о себе и представление о предмете оказываются «склеенными» в некий целостный образ. Такой образ структурно сходен с понятиями-синкетами, описанными Л.С.Выготским. Это сходство существенно, так как показывает параллельность развития интеллектуально-речевого и образного компонентов, по крайней мере на этом возрастном этапе жизни ребенка.

Самое важное в анализируемых примерах заключается в том, что взаимодействие ребенка со взрослым разворачивается по поводу будущего. Как мы показывали, первое управляемое воздействие, осуществляемое ребенком, связано с наличной ситуацией — объект находится в актуальном визуальном пространстве ребенка, но недосягаем для него. Но в описанных здесь примерах картина совершенно иная — ребенок уже никак не связан с актуальным визуальным пространством, он осуществляет воздействие на взрослого, исходя из образа будущего. Образ будущего, выполняющий функцию психологического механизма регуляции поведения, — это и есть цель.

Таким образом, в ходе анализа мы установили следующее:

1. Первичные формы целевой регуляции поведения возникают у ребенка в возрасте 1,5—2-х лет, что проявляется в ряде известных феноменов.

2. Цель как образ будущего в своих первичных формах является именно образом в собственно психологическом смысле, то есть в субъективном психическом пространстве ребенка возникает «картинка», на которой представлен он сам и тот предмет, с которым он на данный момент связан по ситуации. Это означает, что исходно цель относится не к предмету, а к самому ре-

бенку: будущее — это он сам в будущем. Предметность же задает определенность самому ребенку в этом образе²³.

3. Образ будущего не строится, не конструируется ребенком — образ «себя» спонтанно возникает и становится для ребенка образом его будущего. Этот образ ситуативен и исходно эмоционален. Причем эмоционален сам образ или, точнее, ребенок в образе. Именно поэтому он с самого начала является позитивной эмоцией. Эмоция существует только в материале самого образа, а не вне его (это не означает, конечно, что у ребенка эмоции существуют только в этом виде — его эмоциональный мир уже достаточно богат и разнообразен).

4. Отношение ребенка к миру расщепляется по линии различия форм регуляции поведения. С одной стороны, поведение регулируется непосредственно-эмоциональным отношением ребенка к актуально-наличным элементам ситуации, с другой стороны, появляется регуляция через эмоционально-привлекательное возможное. Будущее, таким образом, представлено ребенку как желаемое возможное, но сразу же только как возможность, потенция, как нечто неоднозначное. Хотя, конечно, ребенок не осознает этой вариативности как логического конструкта.

5. Цель возникает как структурный элемент психологической функции управления, существенно изменяя само управление. Взрослый продолжает выступать в роли средства реализации активности ребенка, но само отношение ребенка к взрослому становится опосредованным. Образ будущего «вплетен» в функцию управления, но не в роли ее цели, а в качестве особой формы представленности того предмета, по поводу которого развертывается отношение управления. Субъективный образ желаемого будущего как первичная и простейшая форма цели возникает раньше, чем складывается психологический механизм постановки цели, то есть раньше, чем возникает процесс целеполагания.

Образ будущего выступает в качестве цели только тогда, когда он начинает регулировать относительно целостные акты деятельности. Но для этого, очевидно, в психологическом про-

²³ Сразу же отметим, что определенность себя через предмет или самоопределение через предметную идентификацию ярко проявляется у детей старшего дошкольного возраста и может сохраняться всю жизнь, принимая у взрослых специфическую форму самосознания.

странстве личности должно произойти субъективное разделение, отчленение себя самого и предметного мира. До тех пор, пока эти компоненты «склеены» в целостном образе, говорить о целеполагании еще нельзя. В возрастной психологии считается твердо установленным, что вычленение предметного мира как отдельной реальности (в том числе и психологической реальности) происходит в процессе овладения ребенком предметно-манипулятивной деятельностью в возрасте от 1-го до 3-х лет (по терминологии и периодизации Д.Б.Эльконина).

Опираясь на приведенные выше факты, мы можем предположить, что в период между 2-мя и 3-мя годами у ребенка предметность начинает включаться в психологические механизмы регуляции деятельности. При этом мы считаем, что простой репрезентированности предметности в форме представлений недостаточно для такого преобразования функции.

Одной из существенных особенностей предметно-манипулятивной деятельности является то, что ребенок овладевает не только предметами как таковыми, но и способами действия с ними. Причем предмет и способ действия с ним исходно репрезентированы ребенку как нечто раздельное. Культурная функция предметно-манипулятивной деятельности как раз и состоит в овладении этой связкой, в усвоении соответствия «предмет — способ действия». Но и сама предметность начинает функционировать особым образом и играть самостоятельную роль в психической жизни ребенка.

Предметность как таковая все больше начинает входить в психологическое пространство «образа будущего», вытесняя оттуда склейку с представлением ребенка о себе самом. Примерно в возрасте 2,5 лет мы уже можем четко зафиксировать наличие чисто предметного образа будущего, выступающего в функции регуляции предметно-манипулятивной деятельности ребенка. Приведем описание такой ситуации. Представим себе, что мы научили ребенка правильно строить из кубиков башню, и длительное время ребенок с удовольствием строит ее только с вами. Но вот в какой-то момент, когда вы заняты своими делами, ребенок начинает строить такую же башню самостоятельно. Случайно обратив на него внимание, вы видите, что очередной кубик ребенок поставил неправильно и башня при дальнейшем строительстве рухнет. Какова ваша первая естественная реакция? Конечно же, помочь! Вы подходите и объясняете, как надо

ставить правильно и переставляет кубик. В ответ на это ребенок забирает этот кубик и ставит его на прежнее место. Вы еще раз указываете ребенку на его ошибку и еще раз переставляете кубик. После чего ребенок так же молча отталкивает вашу руку и опять ставит кубик на место. При третьей попытке «помочь» ребенку родители могут столкнуться с совершенно неожиданной для них реакцией: ребенок разрушает всю постройку, начинает кричать или плакать, а иногда просто впадает в истерику. Что же происходит в этой ситуации?

А произошло следующее: мы действительно научили ребенка строить из кубиков и сформировали при этом новую психологическую способность, которой раньше у него не было и которая проявилась только сейчас в этом, казалось бы, простом и хорошо усвоенном действии. У ребенка впервые появился замысел, образ того, что он действительно хочет сделать. И ребенок, как умеет, этот замысел начинает воплощать в жизнь. Но главное для него, в отличие от взрослого, ценным является не конечный результат сам по себе, а строгое соответствие действия замыслу. Так что же означает для ребенка поведение взрослого в этой ситуации? Взрослый напрочь разрушает соответствие действия замыслу, он препятствует реализации замысла. И не умев объяснить это взрослым словами, ребенок пытается сделать это всеми доступными ему средствами: от возврата кубика на свое место до истерики.

Отметим еще некоторые важные для нашей темы моменты. В описанном примере ребенок активно отказывается от помощи взрослого и психологически этот факт существенно отличается от имеющегося у ребенка опыта самостоятельных действий, которые носят в основном поисково-исследовательский или манипулятивный характер. Нам представляется, что в подобных ситуациях впервые возникает психологическая функция защиты, как противоположная функции управлению.

Как уже было сказано, действие ребенка регулируется замыслом. Существенно, что этот замысел, как образ будущего, во-первых, по своему содержанию является чисто предметным, то есть он уже «освобожден» от склейки с образом себя; во-вторых, он выполняет не только регулирующую, но и смыслобразующую функции; в-третьих, замысел как образ предмета (достаточно сложного), которого еще не было в опыте ребенка, обладает определенной подвижностью и текучестью. Сохраняя

признак «картиночности», замысел приобретает признак процессуальности — он не дан ребенку как одномоментно возникший образ, а имеет собственную временную развертку. Таким образом, мы впервые сталкиваемся с феноменом становления образа будущего как психологической функции регуляции поведения ребенка. Иными словами, это означает, что мы имеем дело с фактом целеполагания.

По своей психологической природе замысел есть продукт воображения. Это позволяет предположить, что воображение как психический процесс является одним из оснований целеполагания как такового. В отличие от развитых форм целеполагания, замысел не включает в себя средства реализации. Задавая в образе «картинку» желаемого будущего, он не открывает способы ее реализации в практической деятельности. Это создает специфический «разрыв» в деятельности ребенка. Замысел может не учитывать объективные характеристики материала, что приводит к его нереализуемости или к значительным трудностям при реализации. Принципиальная «разрывность» замысла и способа действия является, по-видимому, одной из существенных характеристик этой формы целеполагания.

Замысел как образ воображения не подлежит критерию истинности, то есть он не может быть оценен как «правильный» или «неправильный». К нему приложимы совсем иные критерии чисто субъективного характера: «красивый — некрасивый», «нравится — не нравится», «хочется — не хочется» и т.д. Поэтому, когда ребенок сталкивается с невозможностью его воплощения, то это приводит не к обесцениванию самого замысла²⁴, а к сомнениям относительно способа действия. Разрешение этого противоречия определяет дальнейшее развитие механизмов целеполагания и становление его различных форм.

Итак, замысел есть исходная форма целеполагания и в этом качестве он обладает рядом важных психологических особенностей:

1. Замысел есть становящийся образ воображения, репрезентирующий ребенку возможное будущее.

²⁴ Замысел теряет привлекательность совсем по другим причинам: ребенок, в силу импульсивности может отвлечься и переключиться на что-то другое; ребенок может потерять интерес к материалу, в котором он воплощает замысел; сама «картинка» может угаснуть в воображении и т.п.

2. Замысел сам по себе эмоционален и весь образ приобретает характеристику желаемого будущего.

3. Замысел по отношению к акту деятельности ребенка выполняет функции и регуляции (как образ конечного продукта), и смыслообразования (как центр эмоционально-мотивационного напряжения).

4. Замысел связан с материалом деятельности ребенка, но не содержит в себе средств реализации, поэтому по способу деятельности надо говорить скорее о воплощении замысла в материале, а не об операциональной реализации.

5. Замысел как исходная форма целеполагания есть высшая психологическая функция, знаменующая становление личности ребенка как субъекта собственной жизнедеятельности.

Однако, как мы уже показали, целеполагание на основе замысла содержит в себе существенное внутреннее противоречие, которое заключается в несоответствии привлекательности (желаемости) образа и возможности его воплощения в материале. Разрешение этого противоречия происходит двумя путями, определяя становление двух форм целеполагания и двух новых типов деятельности. Неадекватность способов действия может устраняться либо за счет овладения ребенком все новыми и новыми предметными средствами, либо за счет возникновения новых психологических средств. Рассмотрим оба варианта более подробно.

В первую очередь надо отметить, что неоперациональность деятельности, отсутствие в ней средств является для ребенка чем-то нормальным и обыденным. Сталкиваясь с деятельностью взрослых, ребенок 3-5 лет постоянно наблюдает только ее начало и конец. Мама идет на кухню и говорит: «Сейчас я сварю тебе вкусный суп», — и через короткий (для ребенка) промежуток времени перед ним появляется тарелка супа. Папа говорит: «Сейчас мы с тобой построим большой красивый дом», — и почти мгновенно из кубиков под его руками возникает этот дом. Таким образом, в сознании ребенка склейка «замысел—предметное воплощение» существует как нечто естественное — ребенок просто «не видит» всю операциональную часть деятельности взрослых.

Во-вторых, именно в этом возрасте ребенок сталкивается с миром волшебной сказки. Существует ряд капитальных исследований структуры и функции волшебной сказки, но для

нас важным является только один момент. Волшебство как раз и заключается в том, что за счет использования непредметных средств замысел (желание) мгновенно воплощается в материале. Таким образом, в волшебном действии операциональная часть предметно-практических действий не просто отсутствует, но и представлена как необязательная, которая может быть заменена другими средствами.

И, наконец, в-третьих, ребенок начинает включаться и активно осваивать сюжетно-ролевые игры, в которых элемент условности является их обязательным условием и компонентом. Эта условность есть не что иное, как символизм, позволяющий элиминировать невоспроизводимые в игре временные и операциональные характеристики деятельности. Символизм²⁵, таким образом, «работает» на ту же склейку «замысел—воплощение» за счет подмены предметных средств условными (психологическими).

Эти три условия определяют развитие замысла как психологической функции. Значительно усиливаются процессуальные характеристики замысла — он обретает большую временную развернутость, отдельные элементы становятся более подвижными. Однако более важными являются содержательные изменения. Замысел как образ будущего становится поликомпонентным. Он теперь включает в себя и образ «себя возможного», и предметные образы, и образы способов деятельности (но без операциональной развертки). Соединение этих элементов на временной основе определяет возникновение сюжетности самого замысла. Этот момент чрезвычайно важен, так как образ перестает быть просто «картинкой» желаемого будущего — он теперь подлежит сознательному контролю, им можно управлять, его можно изменять, но только по

²⁵ Возникающий символизм играет существенную роль в дальнейшем развитии психологических функций. В культуре сложилась одна универсальная форма речевой фиксации символа и образа воображения — это метафора (в этом отношении особый интерес представляет концепция А.Ф.Лосева). В коммуникативном плане возникает особая проблема понимания метафоры, так как она не обеспечивается механизмами мышления и рефлексии. Метафора принимается либо на уровне переживания, как это происходит при восприятии поэзии или музыки, либо за счет особых механизмов интерпретации, позволяющих «работать» со смыслом, заложенным в метафоре.

линии сюжета. И, наконец, самое главное — замысел как форма целеполагания обретает свои средства воплощения. Причем эти средства являются чисто психологическими. В роли таких средств выступают символизм и магия. Символизм позволяет воплотить замысел в условном пространстве, а магичность заставляет искать способы воплощения замысла за пределами наглядных предметных свойств материала.

Значимость этих новообразований для развития сознания и личности ребенка трудно переоценить. Символизм и условность порождают в сознании особый слой — слой вторичной реальности (по терминологии Дж. Толкиена), который функционирует по особым законам, не совпадающим с законами существования действительности. Вторичная реальность в сознании живет по законам возможного, где основным критерием выступает не истинность, а субъективное правдоподобие. Именно здесь становятся реальными миф, сказка, «фэнтези», волшебство, магия и т.д. Вторичная реальность — не отражение действительности в сознании, а порождение реальности сознанием. Возникновение двух «пространств» в сознании определяет важный сдвиг и в его функционировании. Их пересечение позволяет «видеть» мир, то есть определяет возможность миросозерцания. Можно предположить, что созерцание как психологическая функция и способность возникает (получает свое оформление) именно в процессе «раздвоения» сознания. Само созерцание, наряду с воображением, становится вторым основанием дальнейшего развития целеполагания.

Идея магии и магичности в отечественной психологии вообще не рассматривалась, так как она неправомерно интерпретировалась только как атрибутика волшебного. В наших исследованиях проблемы домашнего образования было показано, что магическое есть атрибут мастерства²⁶. Причем не идеи мастерства, а самого мастерства в его практическом,

²⁶ Мастерство как раз и заключается в том, что в любой продуктивной деятельности при вроде бы одинаковом составе операций человек производит уникальный продукт. Такой предмет всегда есть Произведение и он в этом качестве входит в культуру. Тот компонент деятельности, который определяет производство Произведения, а не просто ремесленной поделки, и есть магия мастерства, которая не воспроизводится в операционных схемах. Важность этого понятия четко прослеживается при анализе проблем «мастерского» обучения.

предметном, действенном воплощении. Именно за счет наличия идеи магического оказывается возможной трансляция от поколения к поколению тайны мастерства, а не только операционально-технической составляющей ремесленничества.

К концу дошкольного возраста складываются механизмы целеполагания, основанные на замысле. Замысел есть образ возможного будущего, обладающий эмоциональной притягательностью и выполняющий не только регулирующую, но и смыслообразующую функции. В деятельностном плане замысел предполагает осуществление процессов воплощения (а не реализации), то есть поиска адекватных форм и материала, что является неотъемлемым элементом творчества. Становление описанных механизмов целеполагания связано с развитием двух структурных компонентов сознания — воображения и созерцания, которые становятся основаниями функционирования соответствующих механизмов. В то же время в дошкольном возрасте складывается и иная линия становления механизмов целеполагания, связанная с развитием мышления.

Анализ этой второй линии развития целеполагания заставляет нас вернуться к ранним этапам жизни ребенка. Дело в том, что уже по отношению к младенцу взрослые осуществляют большое количество управляющих воздействий. На протяжении длительного времени эти управляющие воздействия имеют форму прямых (непосредственных) указаний.

Так, мама говорит ребенку: «Дай маме ручку; покажи пальчик; скажи «ма-ма»; возьми ложечку», — и т.д., и т.п. Эти воздействия имеют ряд важных психологических особенностей:

1. Введение каждого нового управляющего воздействия сопровождается демонстрацией (и неоднократной) нового действия.

2. По крайней мере до 3-х летнего возраста все указания взрослых относятся непосредственно к операциональным компонентам действий ребенка — дай, покажи, положи, возьми, надень, сними и т.д.

3. Выполнение указаний ребенком (особенно в младенческом возрасте и раннем детстве) взрослые оценивают в очень эмоциональной форме, распространяя положительную оценку на всего ребенка в целом.

4. Совокупность этих трех факторов определяет высокий обучающий эффект управленческих воздействий.

На определенном возрастном этапе (обычно после 2-х лет) управляемые и обучающие воздействия начинают расщепляться, и взрослые начинают осуществлять обучение как та-ковое. Однако обычно до четырехлетнего возраста это обучение носит предметно-манипулятивный характер. Примерно одновременно изменяется характер и управляемых, и обу-чающих воздействий взрослого.

В первую очередь необходимо отметить, что появляются управляемые воздействия, выходящие за рамки непосредственно-операциональных указаний. Они начинают охватывать целостные акты поведения и деятельности: «Пойди поиграй в куклы», «Помоги маме убрать» и т.д. Мы видим, что это уже фактически определенного рода задания, определяющие только сферу или направление деятельности ребенка. Очевидно, что, во-первых, такое задание должно быть понятным ребенку; во-вторых, оно должно быть принято ребенком; в-третьих, ребенок должен сам выделить промежуточные задачи и способы действий.

Описанные ситуации имеют еще одну важную психологическую особенность. Так как ребенок не владеет всей развертывающейся деятельностью, то у него отсутствуют и адекватные мотивы. Смыслообразующую функцию несет на себе само взаимодействие со взрослым. Именно здесь, как нам представляется, заложено функциональное расщепление мотивов и целей в деятельности, а также расщепление самих мотивов на смыслообразующие и побуждающие.

Таким образом, в рамках управляемых действий взрослого у ребенка последовательно складываются две формы целеполагания: 1) способность непосредственного выполнения указаний и распоряжений; 2) способность к выделению частной задачи в ситуации совместной деятельности. Обе эти формы очень важны для успешного включения детей в ситуацию школьного обучения. Не случайно они входят в большинство систем психологической диагностики готовности к школьному обучению. В то же время необходимо отметить, что в сюжетно-ролевых играх (по крайней мере, в их групповых формах) у некоторых детей начинают проявляться способности к постановке общих целей деятельности, что характерно для управляемской позиции. Однако в целом для детей этого возраста становление механизмов целеполагания, специфических для

организационно-управленческой деятельности не характерно — по-видимому, это приобретение более поздних этапов онтогенеза.

Эта линия развития тесно связана, как мы уже говорили, со становлением ситуации обучения. Обучению детей старшего дошкольного возраста посвящена обширная психолого-педагогическая литература, анализ которой показывает наличие двух фактов, важных с точки зрения проблемы становления механизмов целеполагания.

Во-первых, обучение направлено на овладение предметами (в самом широком смысле, включая сюда и понятия, и другие формы существования культурных объектов) в их опериональной определенности. Это означает, что ребенку раскрываются назначения предметов и способы действия с ними. Склейка назначения и способа действия определяет существование предмета как средства. В результате мир, окружающий ребенка (а точнее, система отношений «предмет—предмет», «человек—человек», «человек—мир»), предстает ему как целесообразный, а действия — как целенаправленные. В то же время «предмет—средство» не может выступать как объект усвоения изолированно от тех деятельности, в которые он включен в данном качестве. Именно поэтому ситуации обучения (учебной деятельности) крайне редко выделяются как самостоятельные, а усвоение в основном происходит внутри других деятельности — бытовой, игровой и т.д.

Во-вторых, обучение строится в основном как демонстрация и воспроизведение образца способа действия. Способность действовать по образцу является одним из обязательных компонентов в структуре учебных умений. Однако через образец передаются далеко не все способы действий. Усложнение способа действий может происходить не только за счет простого увеличения его оперионального состава, но и за счет усложнения структуры связей между операциями. Наиболее сложным является случай, когда отдельные операции теряют свое самостоятельное значение и включаются в другие операции, образуя специфическую «матрешечную» структуру. Ряд авторов полагает, что для овладения такими деятельностями необходим особый механизм переопосредования. В любом случае можно утверждать, что именно становление опериональных компонентов структуры деятельности ребенка определяет развитие его мышления.

Таким образом, обучение у дошкольников (как прямое, так и косвенное) расширяет их возможности взаимодействия с миром за счет установления связи «предмет — назначение — способ действия». Это обеспечивает возникновение целенаправленности и целесообразности в поведении и деятельности ребенка.

Таким образом, первичной формой целеполагания является «замысел», который представляет собой становящийся в воображении образ возможного будущего, имеющий собственную сильную положительную эмоциональную наполненность. В роли замысла выступает не любой образ воображения, а только такой, который для самого ребенка есть желаемое возможное будущее. Становление замысла есть не только формирование целевого образа, но и смыслообразование всей ситуации деятельности ребенка. Замысел предметен, то есть содержанием образа как «картинки» будущего всегда есть некий предмет, а в языке он фиксируется через имя существительное. На основании данной формы целеполагания деятельность ребенка развертывается как воплощение замысла. Воплотить замыслы — значит найти ту форму и материал, которые будут ему адекватны. Воплощение замысла всегда есть творческий акт, содержащий в себе элементы символизации и спонтанности.

Параллельно складывается второй механизм целеполагания, основанный на расширении возможностей ребенка за счет его включения в различные виды практических деятельности и начальных форм обучения. Возможности ребенка носят в основном операциональный характер, а их расширение осуществляется в ходе овладения культурообразной «склейкой» «предмет — назначение — способ действия». Целеполагание рационализируется, способы действия (средства) становятся его центральным компонентом. Цель становится действенной, то есть она задает будущее через указание способа действия с предметом, а в языке она фиксируется через глагол. В дошкольном детстве этот механизм целеполагания приобретает три основные формы: способность следовать указаниям (выполнять распоряжения); способность принимать практическое задание с самостоятельным выделением промежуточной задачи; способность воспроизводить образец способа действия. Указанный тип целеполагания условно можно назвать «задачным», а становление его механизмов выходит далеко за пределы дошкольного возраста.

2.5. Особистість у просторі безперервної освіти: від необхідності до потреби²⁷

Система освіти історично складалася як соціальний інститут, покликаний вирішувати дві основні задачі. З одного боку, це трансляція норм і зразків культури, без яких неможливий повноцінний розвиток особистості. З іншого боку, це формування певного набору знань, умінь і навичок, необхідних для відтворення соціальної структури суспільства й успішної адаптації індивіда до соціальних запитів.

Протягом століть змінювалися форми, методи і зміст освіти, але ці дві стратегічні задачі залишалися незмінними, при наймні, протягом останніх півтора сторіччя, коли виникла й отримала повсюдного поширення масова освіта. У цій, традиційній системі освіти конкретний індивід розглядався як об'єкт педагогічних впливів, а точніше, як матеріал, що підлягає обробці і зміні відповідно до задач освіти. Саме освіта виступає в ролі посередника, або, точніше, опосередкованої ланки, що забезпечує взаємозв'язок між виробничими потребами суспільства (політичними, ідеологічними, економічними, соціальними тощо) і можливостями розвитку індивіда. Осмислення системного характеру суспільних потреб призвело до створення освіти як цілісної системи.

Г.П.Щедровицький /5/ запропонував чудовий образ системи освіти як труби з різними бічними віконцями. Діти «втягуються» у вхідний отвір цієї труби і в міру їх «втягування» по ній хтось «виштовхується» у віконце неповної середньої освіти і попадає на некваліфіковані робочі місця, хтось добирається до віконця середньої спеціальної або вищої освіти і потрапляє на відповідне робоче місце і т.д. Очевидно, що при такій системі основні психологічні і педагогічні проблеми концентрувалися навколо принципово різних питань. Педагогічна проблематика переважно орієнтувалася на вирішення питань змісту освіти і методики викладання на кожному етапі навчання. Пси-

²⁷ Статья опубликована в издании «Дні науки // Зб. тез доповідей: В 3 т. /Гуманітарний університет “ЗІДМУ”, 27-28 жовтня 2005; – Запоріжжя: ГУ “ЗІДМУ”, 2005. – Т. 2. – Стр. 317-318.

хологічна ж проблематика концентрувалася навколо таких питань, як ефективність формуючих впливів, готовність до навчання, рівень здібностей до засвоєння (рівень навченості).

Системність освіти найтіснішим чином перепліталася з проблемами якості і рівня освіти. Але якщо питання рівня освіти вирішувалося в основному за рахунок формальних підстав, то питання якості завжди було і залишається одним з найбільш хворобливих і актуальних. Ми вважаємо, що саме в цьому питанні завжди існувала особлива точка «прориву», яка забезпечувала провідну роль навчання і стосовно розвитку особистості, і стосовно розвитку систем виробництва. «Гарною» завжди вважалася така освіта, яка дозволяла особистості вийти так чи інакше за рамки заданого стандарту. Фактично це означає здатність особистості вирішувати нестандартні задачі в тій чи іншій предметній чи професійній сфері діяльності (саме цим і визначалася «марка» або престиж школи і вузу).

Проведений аналіз показує, що для сформованої традиційної системи освіти безумовним пріоритетом був і залишається запит на рівень і якість освіти, що надходять від різних систем суспільного виробництва. Культурологічна складова відходить як би на другий план, виступаючи в ролі необхідного засобу трансляції і навчання.

До сказаного варто додати ще один істотний момент. Якщо розглянуті відносини розгорнути по тимчасовій осі, то стане зрозумілим, що функціонування всіх блоків є постійним, тобто відтворення будується не за циклічним принципом, а за принципом постійного рівнобіжного виробництва. Це означає, що фактично у всіх цих процесах беруть участь ті самі люди - індивіди, безумовно, міняються, але їх функціонування залишається незмінним і не залежним від їх індивідних якостей.

Таким чином, традиційна освіти будується і функціонує як система, прагматично орієнтована на систему суспільного виробництва, що є і джерелом замовлення на зміст освіти, і споживачем кінцевого продукту діяльності системи освіти.

Відповідно, у суспільній масовій свідомості склалося стійке уявлення, що освіти потрібна для того, щоб знайти певний соціальний статус і успішно адаптуватися в професійній сфері життедіяльності. Іншими словами, освіти потрібна для того, щоб згодом суб'єкт міг вирішувати свої життєво важливі задачі, що самі по собі вже ніяк не пов'язані із самою освіти. Це

означає, що освіти є утилітарним засобом вирішення прагматичних задач.

Така ситуація породила особливий тип мотивації навчання. Освіта усвідомлюється і переживається як необхідність, але як із зовні задана, а не породжена власними потребами особистості. Фактично ми можемо говорити про особливий феномен масового уявлення про освіту як змушену необхідність, що склалася і закріпилася в повсякденній свідомості внаслідок особливостей самої системи освіти.

Відсутність опори на власні потреби (вірніше, відсутність необхідності в такій опорі) і перевага мотивації повинності в психологічному плані призвело до того, що на індивідуальному рівні переважаючими стали не змістовні, а соціальні (у широкому змісті) мотиви навчання. Звичайно ж, в самих по собі соціальних мотивах немає нічого поганого, більше того, їх наявність є обов'язковим компонентом нормального процесу соціалізації особистості. Проблема полягає в тому, що широкі соціальні мотиви дуже швидко трансформуються у вузькі прагматичні й утилітарні мотиви пошуку вигоди. В рамках теорії діяльності А.Н.Леонтьєва можна говорити про перевагу мотивів-стимулів над смыслообразуючими мотивами. За даними численних психолого-педагогічних досліджень змістовна мотивація (учбово-пізнавальні мотиви) складалася тільки у 12% - 15% школярів, ще у 15% - 20% складається стійка просоціальна мотивація і майже у 70% складається стійка прагматична, вузька-утилітарна мотивація навчання. Постійний для традиційної системи освіти запитання школярів будь-якої вікової групи: «Для чого мені це треба вчити?» залишається без відповіді і є постійним кошмаром для вчителів і батьків²⁸.

Ситуація почала змінюватися в 70-і роки під впливом глобальної кризи традиційної системи освіти. Пошуки виходу з кризи породили величезну кількість освітніх інновацій самого різного рівня і якості. Ми вважаємо, що для нашої ситуації найбільш значимими були наступні моменти.

²⁸ Слід зазначити, що в прагматично та індивідуалістично зорієнтованих культурах з явно вираженою соціальною диференціацією та стратифікацією суспільства ця проблема стойть не так гостро та взагалі тривалий час не усвідомлювалася як проблема.

1. Розробка теорії навчальної діяльності (В.В.Давидова – Д.Б.Ельконіна) і впровадження в практику концепції розвиваючого навчання (В.В.Репкін, О.К.Дусавицький). Основна ідея даної концепції полягає в тому, що освіта є соціокультурною умовою розвитку особистості, а не утилітарним засобом. Центральним поняттям стає поняття навчальної задачі як задачі на самозміну самого суб'єкта навчальної діяльності (Д.Б.Ельконін). Навчання в даному контексті виступає як універсальна технологія формування вищих психологічних функцій (здібностей), які в інших умовах або взагалі не виникають, або виникають як випадкові і надзвичайно рідкі. Розвиваюче навчання (РО) у деякому смислі дійсно є єдиною, із всіх інноваційних розробок, альтернативою традиційному навчанню. Це пов'язано з тим, що РО вихідно і по своїй суті є психологічною, а не педагогічною технологією.

2. Прийняття ЮНЕСКО концепції інноваційної освіти, що на рівні світового співтовариства закріпила пріоритет принципів розвитку і відмовлення від традиційної освіти як передачі суми знань, умінь і навичок. В декларації ЮНЕСКО стверджується, що інноваційна освіта припускає не відмову від традиційних для даного суспільства соціальних і моральних цінностей, а пріоритет розвитку здатності особистості до вирішення і постановки нових задач. У цьому розумінні інноваційність стає здатністю і стилем мислення, а не змістом освіти. Сам зміст освіти, таким чином, зрушується з проблеми засвоєння на проблему формування психологічних здібностей.

3. Поширення принципів гуманізації і гуманітаризації на всю систему освіти, які затверджують неправомірність ставлення до учня як об'єкту педагогічних впливів і орієнтують на створення таких педагогічних технологій, які спрямовані на розвиток особистості учня. Величезна кількість досліджень, проведених за останнє десятиліття по цій темі, показало, що сам факт зміни ціннісних орієнтацій у учасників освітнього процесу (адміністрація, педагоги, батьки, учні) призводить до зміни характеру навчання і виховання навіть у традиційній школі. Крім того, ідеї гуманізації і гуманітаризації привели до розробки цілого ряду нових систем навчання, які успішно впроваджуються в практику.

4. Зміна орієнтації європейської системи освіти з навчанням знанням, умінням і навичкам на формування компетентнос-

тей як здатності особистості до вирішення класу задач. Ця ідея знаходить як своїх гарячих прихильників, так і не менш твердих опонентів, але для нашого аналізу істотним є те, що з часів становлення класичної педагогіки вперше для масової освіти запропонований варіант відходу від традиційної ідеї формування знань, умінь і навичок. Формування компетенцій як мети освіти припускає зміну не тільки змісту, але і форм, і методів навчання, тобто припускає розробку нової концепції освіти.

5. Повсюдне поширення ідеї безперервної освіти як системи соціальних умов, що відкривають для особистості можливість включення в освітній процес незалежно від віку, базового рівня освіти, професії тощо. Істотно, що державна система керування освітою намагається вмонтувати ідею безперервності в уже наявну конструкцію, через посилення вертикалі школа - вуз - післядипломна освіти. Але справжня безперервна освіта припускає наявність у кожного індивіда можливості вільного вибору форми і змісту отримання освіти. Можливість вільного вибору припускає наявність реальних альтернатив, що ітворюють простір можливостей. Очевидно, що уніфікована державна система освіти, якою б диференційованою вона не була, такого простору вільного вибору не створює.

Проведений аналіз показує, що сукупна дія зазначених факторів (і, напевно, багатьох інших) привело до того, що сформована державна система освіти перестала бути єдиним джерелом освіти для населення²⁹. Можна з упевненістю констатувати, що зараз склалася принципово нова освітня ситуація. У сфері освіти виникла значна кількість нових «гравців» як незалежних суб'єктів надання освітніх послуг.

До числа таких нових і незалежних освітніх інституцій, крім систем домашньої освіти і репетиторства, можна віднести такі, як:

- всілякі освітні центри, які реалізують навчальні програми, що не збігаються з програмами державних навчальних закладів;

²⁹ Загалом, вона ніколи не була дійсно єдиним джерелом, хоча й прагнула цього, використовуючи всю силу державного апарату. Але паралельно державній системі існували різноманітні неінституційні сфери освіти, такі, як домашня освіта або репетиторство, що виникло у 60-і роки. Однак їх наявність істотно не впливала на загальну освітню ситуацію в країні.

- культурні і етно-національні центри, які виконують освітню місію;
- довгострокові освітні програми, реалізовані різними громадськими організаціями або фондами (наприклад, освітні програми ЮНЕСКО, ООН і т.д.);
- численні навчально-тренінгові програми, які можуть мати як постійну, так і одноразову форму реалізації;
- внутрішньофірмові (створювані в організації) освітні системи для навчання і розвитку персоналу.

Найбільш значимим моментом є той факт, що ці нові освітні інституції (незалежно від ступеню їх реальної соціальної інституціоналізації) діють і існують по відмінним від системи державної освіти нормам і правилам. Основна відмінність полягає в тому, що нові освітні інституції орієнтуються і намагаються відповідати на запит окремих людей або організацій. Цей запит відбиває власні освітні потреби й інтереси конкретних людей, а не абстрактні інтереси систем суспільного виробництва. Іншими словами, система освіти почала виробляти риси особливої сфери послуг, що орієнтуються не на абстрактні уявлення про соціальну потребу або непотрібність тих чи інших знань, а на інтереси самих споживачів цих знань.

На сьогоднішній день можна констатувати, що сфера освіти вже не є цілісною системою, а являє собою неоднорідний конгломерат структурних одиниць і процесів різного ступеню соціальної інституціоналізованості. Очевидно, можна говорити про виникнення і розвиток особливого **освітнього простору життедіяльності особистості**. Звісно ж, поняття простору ми беремо не у фізікалістському смислі, а як сукупність ідеалізованих соціоприродних об'єктів, на які спрямований інтенціональний вектор зусиль особистості³⁰. Треба відзначити, що термін «простір» досить активно використовується й у сучасній соціології, як «соціальний простір», й в економіці, як «економічний простір» /4; С. 431-434/. Для нас важливим є те, що й у психологічних, й у соціологічних, і в економічних теоріях стверджується, що об'єкти, взяті самі по собі, простору не утворюють. Для цього необхідно специфічне «накладання» вектора

³⁰ Очевидно, що таке розуміння простору досить близько до поняття поля, введеного К.Левіним.

особистісних або соціальних відносин, що їй структурують об'єкти відносно один одного, тобто створюють «простір».

Простір, таким чином, це місце прикладання зусиль людини, спрямованих на осмислену і цільову зміну умов власного існування. Нам здається, що останні десятиліття ознаменовані широкомасштабною трансформацією загального людського підходу до навколошнього світу і до себе як особистості. Людина як особистість все більше стає сорозмірною всім основним соціоприродним процесам, вона не тільки залежить від них, але й прагне активно їх змінювати і трансформувати згідно своїм цілям і цінностям.

Сфера освіти все більше стає простором осмисленого вибору суб'ектом форм і змісту власної освіти, більше того, учень тільки тоді може ефективно включитися в систему освіти, коли він сам стає активним суб'ектом побудови і розвитку самої системи освіти. Тому змінюється і вся психолого-педагогічна проблематика, що починає концентруватися навколо питань розвитку і саморозвитку особистості, навчальних інтересів і навчального щілепокладання суб'єкта навчальної діяльності, особистісній рефлексії і здатності до відповідального вибору тощо.

Ідея безперервної освіти, зокрема, означає, що особистість повинна ставати не тільки суб'ектом власної навчальної діяльності, але й суб'ектом всієї системи освіти. Така трансформація може відбутися тільки в тому випадку, коли людина перестане відноситися до освіти як до змушеної необхідності і почне бачити в ній необхідну умова власного розвитку як особистісного зростання. Безперервна освіта створює можливості для формування потреби в освіті, але її повноцінне втілення стане можливим тільки тоді, коли така потреба стане переважним мотивом ставлення людей до освіти.

2.6. Складні життєві обставини як об'єкт

психологічних практик³¹

Постановка проблеми. Проблема існування людини у складних життєвих обставинах стала надзвичайно актуальною у нашому суспільстві в останні роки у зв'язку з низкою подій на соціальному, економічному та політичному просторі нашої життедіяльності. Ці події непередбачено і раптово змінили умови життя мільйонів українців і частина з них виявилася неспроможною пристосуватися до них та побудувати новий спосіб життя. На державному рівні визнання значущості цієї проблеми виявляється у прийнятому законі, де провідним показником наявності складних життєвих обставин (СЖО) постає неспроможність людини задовольняти свої базові життєві потреби власними зусиллями, а критерієм оцінки стає рівень доходу. Така система оцінювання є цілком виправданою для організації діяльності державних соціальних служб з надання людям соціальної допомоги і підтримки у вигляді певних соціальних пільг, субсидій, дотацій тощо. Очевидним є той факт, що за рахунок таких заходів ми тільки утримуємо людину на межі жебрацтва, але не даемо змоги самостійного виходу з цього стану і подальшого існування як самодостатнього суб'єкта життедіяльності. Проте, також відомим є той факт, що пільги та субсидії мають не тільки позитивний ефект, але й цілу низку негативних наслідків, серед яких провідне місце посідає викривлення соціально-психологічних установок особистості. Наша вітчизняна історія і досвід зарубіжних країн однозначно показує, що соціальна політика, яка побудована на принципах надання пільг та субсидій обов'язково призводить до виникнення так званих «рентних настанов» серед населення, які виражаються у втраті соціальної ініціативи та формуванні невиправданих очікувань щодо спроможності влади задовольняти актуальні потреби людей.

³¹ Статья опублікована в издании «Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Психологія. Педагогіка. Соціальна робота» – 2012. – Вип. 6. – Стр. 78-81.

Сучасний стан розробки. На сьогодні вже однозначно зрозуміло, що соціальна робота, а тим більш психологія не можуть обмежуватися тільки показниками фінансово-економічного стану людини, яка опинилася у складних життєвих обставинах. Ми маємо прийняти тезу, що складні життєві обставини є однією з форм життєвої кризи особистості, такою кризою, яка охоплює не тільки її внутрішнє «Я», але й соціальне буття особи. Ця теза має величезне методологічне значення, бо вона вказує на те, що криза СЖО лежить у соціально-психологічній площині і, відповідно, всі форми, методи і технології психологічної допомоги мають виходити у цю площину. Проблема полягає не тільки у тому, що всі класичні технології психологічної допомоги зорієнтовані на інтраособистісні процеси, а й у тому, що у теорії соціальної психології відсутні моделі, необхідні для розуміння особистості, яка опинилася у СЖО, та розробки відповідних технологій допомоги.

Достатньо очевидно, що поняття «обставини» фіксує те, що знаходиться за межами безпосередньо психічних функцій індивіда, але впливає на його поведінку чи діяльність. Це означає, що поняття обставин ми можемо розглядати або у середовищному підході як сукупність зовнішніх чинників (об'єктів), що впливають на перебіг життедіяльності індивіда, або у діяльнісному підході як сукупність усвідомлюваних умов життедіяльності, що детермінують вибір засобів і побудову операційної структури дії. Середовищний підхід переводить усю проблематику життєвих обставин у площину адаптаційних можливостей особистості, а діяльнісний дозволяє розглядати індивіда як активного суб'єкта, здатного цілеспрямовано змінювати наявні обставини як умови власної активності.

У діяльнісному підході «обставини» постають як певна частина життєвої ситуації індивіда, а «складні життєві обставини» – як особливий тип чи структура життєвої ситуації. Але у будь-якому випадку, розробка психологічної моделі СЖО передбачає наявність загальної моделі ситуації як висхідної одиниці аналізу життедіяльності особистості.

У рамках даної проблеми ми можемо виділити два аспекти, які, на наш погляд, є провідними. Перший – це категоріальне визначення самого поняття ситуації. Хоча останнім часом з'явився ряд робіт, присвячених цьому поняттю, і, більше того, досить активно розробляється ідея ситуаційного підходу й си-

туаційного аналізу, однак до розв'язку цієї проблеми ще дуже далеко. Другий аспект пов'язаний з категоріальною невизначеністю поняття «життя».

Майже за сто років психологічних досліджень проблеми ситуацій склалося два базових підходу, які умовно можна визначити як об'єктивістський та суб'єктивістський.

З точки зору зовнішнього спостереження, коли Ситуація береться як вихідна об'єктивна реальність, увесь зміст свідомості є ні що інше, як відображення (і, звичайно ж, узагальнення) сукупності життєвих ситуацій індивіда. У сучасній когнітивній психології проведено безліч досліджень стосовно сприйняття ситуації індивідом та наведено купу різноманітних класифікацій ситуацій, у які «потрапляє» людина протягом життя. Почасти у них показано, у тих випадках коли якісь ситуації не відображаються у свідомості індивіда, не входять у структуру його життевого досвіду, то не виникають і відповідні компоненти свідомості. В останні роки категорії життевого досвіду й життевого шляху усе більше стають предметом конкретно-психологічних досліджень, а пропоновані в них теоретичні моделі фіксують саме це відношення. Крім того, в них показане, що внутрішня організація свідомості безпосередньо залежить від характеру і структурних особливостей тих ситуацій, які проживає людина.

Проте, у сучасній психології стверджується і протилежна точка зору, згідно якої ситуація є ні що інше, як умови існування, структуровані відповідно до змісту уявлень свідомості. Організованості свідомості «накладаються» на елементи зовнішнього миру, структурують й організують їх у внутрішньо зв'язані й відносно цілісні ситуації, що мають свої часові (початок і кінець) і предметні рамки. Уся існуюча практика психологічного консультування (включаючи сюди психологічні тренінги, психологічну корекцію й психотерапію) явно або неявно виходить із цього положення й прагне до розширення можливостей людини до адекватного відбиття й структуруванню життєвих ситуацій у свідомості. Якщо у свідомості відсутні уявлення, адекватні певним фрагментам ситуації, то ці фрагменти або взагалі не сприймаються, або маркіруються як те, «чого не може бути ніколи».

Основний зміст. Вихідним положенням нашої роботи є теза, що ситуація існує не як суто об'єктивна реальність, а

виникає як дійсність усвідомлюваних умов діяльності і життя особистості. У цьому відношенні свідомість функціонує «на матеріалі» відображення, а її продуктом стає структурування фрагментів об'єктивної реальності, представлених як наявна ситуація. Таке взаємне визначення – ситуації через свідомість і свідомість через ситуацію – передбачає наявність загального закону або принципу їх будови. На наш погляд, таким принципом є **принцип організованості**, який припускає структурованість елементів, їх відносну внутрішню несуперечність, функціональну цілісність і просторово-часову обмеженість. Дві організованості можуть вступати у відносини взаємозалежності й взаємовідображення, тільки у тому випадку, якщо вони відповідають *критеріям взаємної конгруентності і адекватності*.

Адекватність означає, що, з одного боку, елементи об'єктивного миру утворюють деяку відносно стійку цілісність (це і є середовище), з іншого боку, комплекс психічних змістів, що відображають цю цілісність, утворює цілісний образ-гештальт (у самому широкому сенсі – життєвий досвід). Між цілісністю реального буття й психологічним конструктом установлюється відношення конгруентності, що й фіксується у понятті «ситуація».

У методологічному плані адекватність означає якісну характеристику відносини між двома системами – це завжди певний стан систем. Очевидно, можна стверджувати, що людина установлює відношення адекватності з навколошнім світом не тільки за рахунок активної зміни деяких елементів ситуації (миру), але й за рахунок активної зміни себе самого як суб'єкта життя й поведінки.

У той же час, необхідно враховувати, що ситуація, з одного боку, завжди «належить» конкретному індивіду, тобто завжди є «моєю ситуацією», а з іншого боку, вона не є чимось суто індивідуальним, а завжди є сукупним продуктом взаємодії людей. Взаємодії людей між собою і з предметами, власне, й створюють життєву ситуацію кожного: «Інші люди» утворюють ситуацію «для мене», а «Я» утворюю ситуації для «інших». Особистість через мову і дії постійно подає певні сигнали і знаки в простір ситуації, з надією на їх адекватне сприйняття, і сам має постійно «слухати голоси» інших людей, що утворюють ситуацію. Включення свого власного «голосу», тобто власної дії у

загальну ситуацію та слухання інших передбачає не тільки, а може й не стільки наявність здатності до аналізу інформації, скільки здатності до розуміння смислів діяльності і поведінки інших людей. Таким чином, принцип органіованості повинен бути доповнений **принципом комунікативності та діалогізму** будови ситуації.

Наведені ознаки дають змогу дати перше, найбільш загальне визначення поняття ситуації.

Ситуація – це суб'єктивна організована простору буття, що встановлюється індивідом у діалогічній взаємодії із соціо-предметним середовищем через розуміння значення його елементів.

Таке визначення дозволяє конкретизувати поняття як за психологічними параметрами, так і за об'єктивними параметрами середовища життедіяльності особистості.

У першу чергу, слід відмітити просторово-часову обмеженість будь-якої конкретної ситуації. Це означає, що кожна ситуація має свій початок і закінчення, а сукупність ситуацій не утворюють суцільний континуум, а постають як диференційована множина, де суб'єкт досить добре розрізняє одну від одної. За такого підходу неминуче виникає питання: а що знаходиться за межами конкретних ситуацій? Мабуть треба визнати, що за межами конкретних ситуацій знаходиться простір буденного життяожної людини, а кожна ситуація є тільки фрагментом цього життя. Буденне життя характеризується:

- усталеним способом життя;
- суб'єктивною узгодженістю мотиваційно-цільових установок і отримуваних результатів;
- впевненістю особистості, що все відбувається правильно і закономірно.

Будь-яка ситуація виникає у житті людини внаслідок порушення цієї закономірності і буденності, внаслідок виникнення певної події. Події як психологічному феномену присвячено достатньо велику кількість досліджень і є різні теорії, але майже загальноприйнятою є теза, що подія завжди є точкою зміни напрямку розгортання життевого шляху індивіда. Подія у житті людини означає виникнення таких нових обставин, які вимагають від особистості зміни у власних установках і способах діяльності. При цьому, події можуть бути як зовні-

шніми щодо особистості, так і внутрішніми, психологічними, але необхідність змінювання залишається незмінною (див. рис. 1).

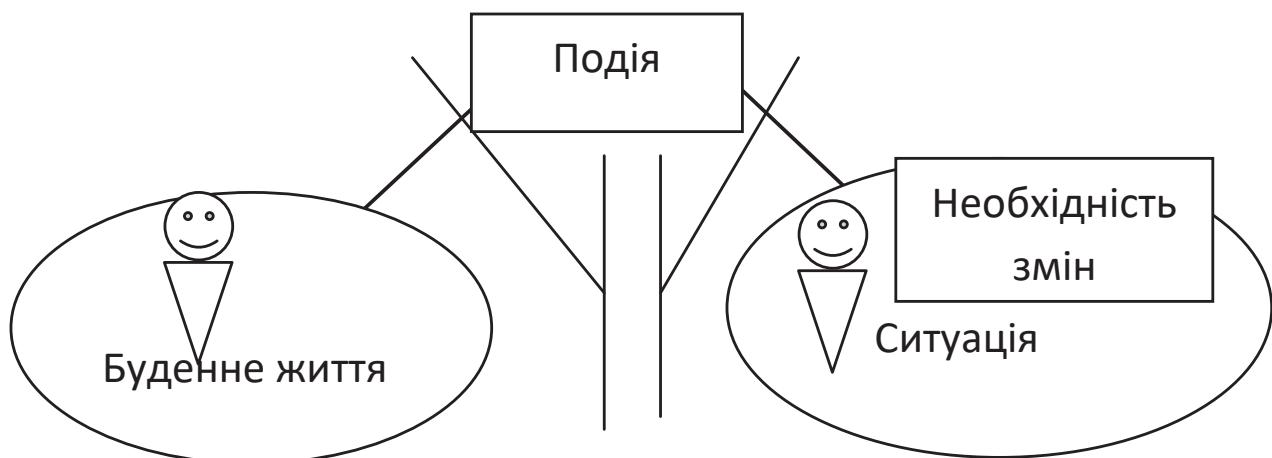

Рис. 1. Функціональна модель виникнення життєвої ситуації

Дуже важливим є те, що такі події об'єктивно можуть бути не тільки негативними стосовно життедіяльності, але й позитивними, не тільки руйнувати усталений спосіб життя, але й призводити до покращення якості життя. Наприклад, і випадкове травмування, що спричинило інвалідність особи, і несподівана закоханість, що привела до бажання одружитися та народити дитину, для життя особистості будуть подіями, які потребують значних змін, як у суто психологічному плані, так і у структурі способу життя. Тобто, незалежно від змісту події провідною психологічною проблемою індивіда постає його власна готовність до змінювання. У психологічних практиках ми зазвичай стикаємося з тими випадками, коли в індивіда ця готовність відсутня і тому сама необхідність змінювання постає як невирішена особистісна проблема.

Утворення життєвої ситуації об'єктивно розпочинається із певної події, а у суб'єктивному плані вона оформлюється через усвідомлення тієї **нової життєвої задачі, яку тепер треба вирішувати**. У часовому контексті оце «тепер» має дуже цікаві особливості. Річ у тому, що воно має виразну темпоральність, пролонгованість і тривалість, але не має звичного для нас часового виміру – «тепер» не можна виміряти, а ні годинником, а ні календарем. Для «тепер» є відносно чітка точка відліку – ми завжди можемо вказати

коли воно почалося і сказати чи триває воно зараз, але його завершення фіксується тільки тоді, коли індивід вважає, що дану життєву задачу вже вирішено, тобто постфактум, заднім числом. Незалежно від значущості і емоційного знаку, певна життєва задача може вирішуватися майже миттєво, а може розтягуватися на все життя особи. Наведемо два протилежних за своїм психологічним змістом приклади. Так, задача на подолання власної адикції (тютюнової, алкогольної, ігрової і будь-якої іншої залежності) може бути вирішеною суб'єктом миттєво, одномоментним вольовим актом, а може розтягуватися на довгі роки з невизначеним результатом. А задача на утворення шлюбу «на все життя» може дійсно вирішуватися подружжям протягом всього життя, а може й миттєво завершитися. Ці приклади показують, що ситуація залишається значущою для суб'єкта стільки часу, скільки є актуальною задача, що вирішується.

Таким чином, у вимірі життєвого шляху особистості кожна ситуація виникає і зникає як форма суб'єктивного структурування зміненого внаслідок події життєвого середовища через усвідомлення власної нової задачі життедіяльності у період усього терміну актуальності її вирішення. У цьому сенсі ми можемо представити життєвий шлях не просто як послідовність певних подій, а як змінювання значущих ситуацій у контексті буденого життя. За такого підходу ми отримуємо можливість розуміння особистості як активного суб'єкта побудови життєвого шляху через усвідомлене вирішення задач на змінювання власного життя.

Проте, одномірне уявлення про життєвий шлях як подієвий вектор від минулого у майбутнє є недостатнім для розуміння життєвих ситуацій особистості.

Річ у тому, що у кожний момент буття індивід є включеним в різні **сфери життедіяльності**, які співіснують паралельно, утворюючи загальну архітектоніку життєвого простору особистості. У сучасній психології існує багато варіантів структурування сфер (або середовищ) життедіяльності, але усі науковці сходяться на тому, що в кожний конкретний момент життя кожний індивід є включеним, принаймні, у три різних сфери, але їх може бути і значно більше. Це означає, що у кожній сфері

життедіяльності одночасно можуть виникати (і виникають) свої власні ситуації, які «нашаровуються» одна на одну. Така конструкція може бути відображеня у дводекторній моделі, де одна вісь задається вектором життевого шляху, а друга – вектором різноманіття сфер життедіяльності (див. рис. 2).

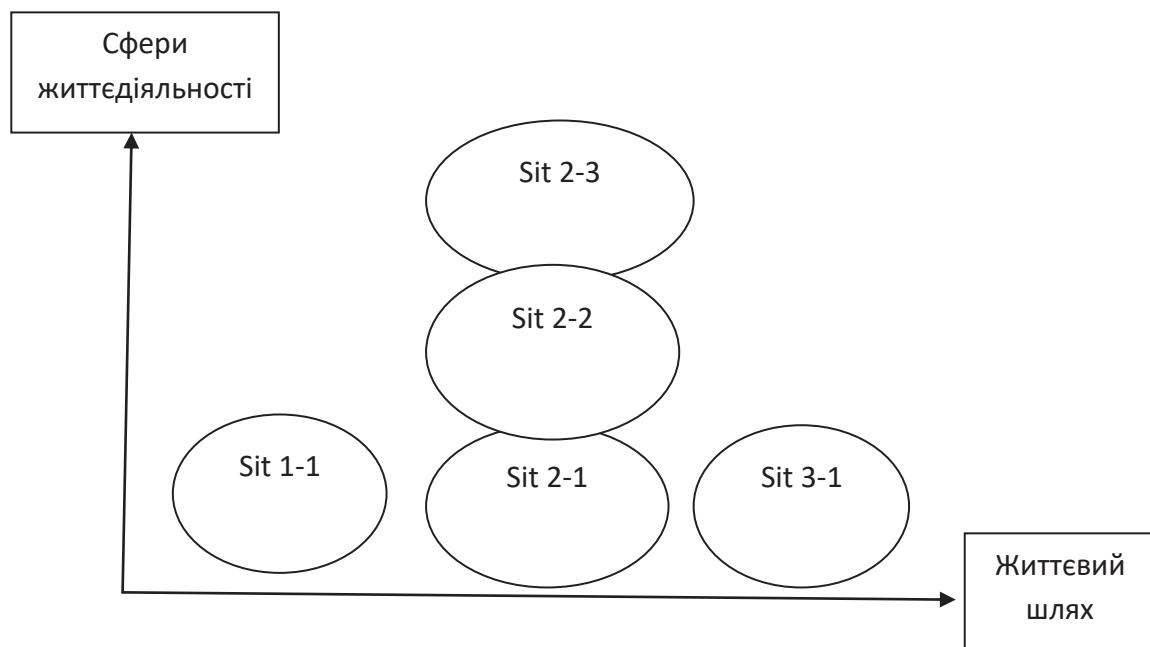

Рис. 2. Модель архітектоніки життєвих ситуацій.

Така багатошарова конструкція ситуацій, взагалі-то є нормальню для життедіяльності і у кожній людини в життевому досвіді формується провідна стратегія вирішення проблем і задач, що в них виникають. Сукупність конкретних ситуацій, які постійно виникають у різних сферах діяльності, утворює загальну **життєву ситуацію індивіда**. Дуже важливим є те, що ця сукупність зазвичай не носить системного характеру – кожна ситуація у конкретній сфері діяльності виникає за своїми причинами, має свою внутрішню логіку і будову, потребує свого вирішення. У повсякденному житті ми так з ними і вчиняємо – розносимо у просторі й часі і вирішуємо кожну окремо. У буденній свідомості це зафіксоване у висловах, типу: «Прийшов на роботу – залиш свої домашні проблеми вдома, а прийшов до дому – робочі проблеми залиш на роботі».

У сучасному способі життя, особливо у деяких видах професійної діяльності, часто-густо виникає така загальна ситуація, коли кількість конкретних питань, які потребують

нагального вирішення, починає перевищувати фізичні можливості індивіда – їх неможливо розвести (чи, навпаки, з'єднати) у просторі та часі. У людини з'являється відчуття, що вона «роздирається на шматки» і це стає її загальною проблемою. Мабуть першими цю проблему відчули управлінці, бо складність керованих систем досягла такого рівня, коли кількість і якість управлінських задач, які потрібно вирішувати одночасно і у різних місцях, перетнула межу індивідуальної спроможності. Тому саме в психології менеджменту з'явились перші теорії і технології організації діяльності в «полізадачних» ситуаціях. Серед найбільш вдалих психологічних розробок у цьому напрямку ми би виокремили три. По-перше, це зміна базової концепції управління, яка запроваджує переход від принципу одноосібного прийняття рішень і контролю до колегіальних форм прийняття рішень і делегування повноважень. Делегування повноважень передбачає визнання інших людей повноправними (і повносправними) суб'єктами діяльності у конкретних ситуаціях. По-друге, це розробка технологій «управління часом» (тайм менеджмент), в яких показана можливість системної організації мислення і діяльності у несистемному (хаотичному) просторі задач, які потребують вирішення. По-третє, це теорія і технологія групових методів вирішення проблем і прийняття рішень, в яких практично стверджується комунікативний принцип будови складних і проблемних ситуацій, а також діалогічна природа мислення по вирішенню цих проблем.

Таким чином, у психологічному плані **перший тип складних життєвих обставин утворює ситуація перевищення кількості конкретних задач, які потребують вирішення «тут і зараз», можливості індивіда по організації власної діяльності**. На суб'єктивному рівні ця проблема переживається як «тотальне невстигання», «втрата спроможності», «відчуття провини» тощо. У симптомокомплексі це виявляється у синдромах «вигоряння» та «хронічної втоми». На сьогодні таки ситуації вийшли далеко за межі професійної діяльності і набули масового розповсюдження, що потребує розробки відповідних технологій психологічної допомоги. Так, наприклад, мати з дитиною, яка в силу певних життєвих обставин залишилась без підтримки інших дорослих (чоловіка, своїх батьків тощо), але намагається повноцінно реалізовувати

усі необхідні сімейні функції, обов'язково потрапляє у цей тип складних життєвих обставин. Один з можливих варіантів швидкого просування у цьому напрямку – адаптування психологічних технологій, розроблених у галузі менеджменту, до інших ситуацій, у першу чергу, буденних життєвих обставин особистості.

Проте, загальна життєва ситуація може набувати системного характеру, коли виникає внутрішня сутнісна зв'язаність між конкретними ситуаціями, а зміни в одній викликають зміни й у всіх інших. Така системність може виникати або внаслідок дійсно глобальних об'єктивних змін у функціональній структурі життедіяльності соціуму, або внаслідок системної «наскрізної» дії самого суб'єкта життедіяльності. До другого варіанту ми повернемось трішки нижче, а зараз зупинимось на першому варіанті.

Таким чином, у психологічному плані **другий тип складних життєвих обставин утворює ситуація виникнення такого чинника, який змінює об'єктивні умови і характер протікання базових процесів життєвабезпечення і життереалізації (життєздійснення³²) особистості.** Проблемність таких змін для суб'єкта полягає в особливостях соціальної перцепції, бо ми не сприймаємо зміни самого процесу, а відображуємо тільки його предметні прояви. Але ж самі прояви не мають системного характеру, більш того, ми бачимо не всі з них, а тільки ті, що потрапляють у доступну нам інформаційну мережу. Більше того, інформаційна мережа заповнена не тільки істинними даними, але й завжди містить певні викривлення і відверту брехню. Наявний брак інформації призводить до неспроможності відрізняти істину від брехні, що утворює «інформаційний колапс», який робить неможливим прийняття будь-яких розумних і раціонально обґрунтованих рішень. Будь-яке рішення у такій ситуації може виявитися хибним і потенційно може призводити до погіршення особистісного і соціального стану людини.

Проведений аналіз дозволяє зробити певні **узагальнення і висновки.**

³² Різні автори використовують різний термінологічний апарат, але у даному випадку це не є принциповим питанням, тому ми не будемо на ньому зупинятися.

1. Динамічний характер життя як способу існування світу постійно призводить до змінювань в об'єктивних умовах життедіяльності людини. Ці зміни можуть по-різному впливати на структуру та зміст життедіяльності, що залежить від ступеню безпосередності чи опосередкованості їх значення для організації та здійснення конкретних діяльностей індивідом.

2. Однією з ознак життедіяльності людини є її спрямованість на стабілізацію умов існування з усталеними формами і способами життезабезпечення і життереалізації особистості. Ця усталеність виявляється у феномені буденного життя і буденної свідомості.

3. Ті зміни в умовах життедіяльності, які компенсиуються за рахунок поточної корекції у структурі засобів чи в операційній схемі конкретних актів діяльності ідентифікуються особистістю як «**нормальне життя**» і взагалі не сприймаються як зміни. Ті зміни, які викликають необхідність вирішення додаткових задач в організації та реалізації діяльностей ідентифікуються як **життєві «труднощі»**. Ті зміни, які вимагають від індивіда прийняття нових рішень ідентифікуються як **життєва « ситуація»**. Ті зміни, які стають перешкодою на шляху розгортання усталеного способу життя ідентифікуються як **«складні життєві обставини»**.

4. Провідною формою фіксації зв'язку зовнішніх умов життя і форм організації діяльності є поняття «**ситуації**». Суб'єктивне уявлення про ситуацію має двошарову будову. Нижній шар містить уявлення про елементи ситуації і їх зв'язках, а верхній шар містить уявлення про способи дій й поведінки стосовно елементів ситуації. Ця конструкція з'єднується й утримується на образі мети-предмета, який задає внутрішню усвідомленість усім її компонентам. Образ ситуації починає осмислюватися й переживатися, як «**моя ситуація**», а уявлення про способи дій перетворюється в план дій, в образ поведінкового акту. Якщо в уявленні суб'єкта ці два шари виявляються добре погодженими, то розгортається конкретна поведінка, але якщо в них виникають розриви або протиріччя, то розгортаються особливі процедури рефлексії та проблематизації.

Ці розриви можуть бути трьох типів:

- елементи образа ситуації не складаються в цілісний і внутрішньо несуперечливий образ, що фіксується на рівні свідомості як питання-тверждення: «**Я не розумію, що відбувається**»;

- відсутній образ-зразок якого-небудь значимого способу дії: «Я не знаю, що робити»;
- не знаходяться підстави для визначення доцільності: «Усе це зовсім безглаздо».

5. Складні життєві обставини переживаються індивідом як неможливість «жити за таких умов» та власна неспроможність змінити самі умови життя. Вони виявляються на двох рівнях: на рівні депривації можливості здійснення самостійного забезпечення життєвих потреб і на рівні депривації можливості самореалізації особистості.

6. Складні життєві обставини завжди виникають «раптово», як зміни що лежать поза зоною очікувань і прогнозування. Їх проблемність полягає у принциповій відсутності в індивіда **психологічної готовності** до утворення нових схем організації власної життедіяльності в умовах, що змінилися. Але утворення нових схем організації власної життедіяльності принципово неможливо в рамках усталеного «образу-Я» та «Я-концепції» індивіда, які склалися і забезпечували життєву ефективність у попередньому, же не актуальному і не адекватному способі життя.

7. Внутрішня неспроможність особистості **прийняти нові обставини як необхідність самозмінювання** постає провідною психологічною перепоною на шляху подолання складних життєвих обставин. Психологічні бар'єри щодо самозмінювання закладені у структурі стратегій життедіяльності, які нерефлексивно переживаються особистістю як правильні і ефективні.

8. Практика соціальної допомоги індивідові у складних життєвих обставинах у вигляді надання елементів життезабезпечення є необхідною, але тимчасовою мірою. У життєвій перспективі особистості така практика призводить тільки до подальшого погіршення ситуації і до деградації самої особистості.

9. Практика психологічної допомоги індивідові у складних життєвих обставинах має будуватися як фасилітація і розвиток особистісної спроможності до самозмінювання у мінливих умовах сучасного життя.

10. Складні життєві обставини розпочинається з події, а завершуються особистісним вчинком.

2.7. Ресоциализация личности как задача социально-психологической практики³³

Социальная задача ресоциализации возникает в ситуациях такого нарушения социальных взаимодействий личности, когда их результаты становятся очевидно негативными либо для окружающих людей, либо для самого индивида. Если у социального окружения не возникает ощущение потенциальной угрозы, то любые девиации воспринимаются как личное дело индивида и не становятся предметом специальных социальных действий.

Социум, в ответ на угрозу, действует, как правило, самыми простыми способами – ответной угрозой, наказанием или изоляцией (вплоть до уничтожения самого индивида). Однако, многовековая история показывает, что сама система наказаний далеко не всегда приводит к желаемым изменениям на стороне индивида и, более того зачастую приводит к прямо противоположному социальному результату – негативное поведение начинает закрепляться и воспроизводиться другими индивидами, то есть возникает эффект распространения девиации. В многочисленных работах по истории права, социологии права и философии права этот феномен неоднократно описывался и анализировался, поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе более детально. Укажем только на два момента, имеющих принципиальное значение для обсуждаемой темы.

Во-первых, наказание, основанное на юридических нормах права, часто вступает в противоречие с идеей справедливости, являющейся одной из основополагающих в структуре мировоззрения индивида и социума. Это противоречие связано с тем, что юридические нормы права базируются на постулате равенства всех перед законом, а норма справедливости требует учета индивидуальных особенностей личности и ситуации. Более того, в обыденном сознании большинства людей принцип справедливости занимает более высокое иерархическое

³³ Статья опубликована в издании «Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Психологія. Педагогіка. Соціальна робота» – 2012. – Вип. 6. – Стр. 78-81.

место в системе ценностей, в основаниях психологической оценки ситуации и структуре регуляции поведения, по сравнению с нормами права: сначала по справедливости, а уже потом по закону. Поэтому так же часто возникает эффект личностного неприятия закона, вплоть до отчуждения от него, пренебрежения им и противостояния ему. В крайних вариантах мы получаем отчуждение личности не только от норм юридического права, но и от всех других норм общественной жизни социума, что зафиксировано в понятии социальной аномии.

Во-вторых, социальная изоляция носит, как правило, индивидуально-групповой характер, то есть изолированные индивиды образуют особую социальную группу. Внутри этой группы складываются свои специфические нормы и правила, которые позволяют им достаточно эффективно выживать в условиях изоляции. Возникает психологический парадокс: в «нормальных» социальных условиях индивид оказывается неэффективным, а в «ненормальных» социальных условиях – наоборот – эффективным. Но страшна не сама по себе эта парадоксальность, а то, что возвращаясь в «нормальное» общество такой индивид начинает утверждать в нем те групповые нормы, которые делали его эффективным в «ненормальном» сообществе. Многие социологи, психологи и юристы, занимающиеся этой проблемой, указывают, что при определенном (точно не установлено) количестве в социуме людей-носителей этих групповых, по своей сути асоциальных норм, происходит деформация собственно социальных норм – становится «нормальным» осуществление противоправных действий и выживания в условиях изоляции. Иными словами деформируются исходные представления о нормальном процессе социализации личности³⁴. Таким образом, члены изолированный группы становятся референтными членами сообщества, что «запускает» машину трансляции и воспроизведения асоциальных

³⁴ Деформация норм социализации сопровождается возникновением культурных референтов этих деформированных норм, как в виде идеализации живых носителей, так и в виде культурных артефактов: в моду входит «бллатной» жаргон, «лагерный» шансон, эстетизируются телесные признаки (наколки, татуировки и т.п.), стилизуется одежда и т.д.

норм социализации личности и делает кризис социальности самовоспроизводящимся.

Еще раз подчеркнем, что описанные факты достаточно хорошо известны и неоднократно становились предметом исследований, но они практически не рассматривались с точки зрения проблем ресоциализации личности. Теория и практика ресоциализации должны опираться на два ведущих социально-психологических принципа.

1. Принцип восстановления чувства социальной справедливости. Это означает, что если у индивида не возникает чувство того, что при изменении его собственного социального положения установится или восстановится некая социальная справедливость, то он не будет предпринимать никаких шагов и усилий для осуществления таких изменений.

2. Принцип изменения референтности. Это означает, что если для индивида референтной группой, обеспечивающей ему переживание успешности и эффективности, будет оставаться та или иная асоциальная группа, то у него не возникнет мотивации перехода в иную социальную группу.

Однако эти два принципа задают только общую, социально-психологическую направленность ресоциализации индивида, но они еще не позволяют учесть индивидуально психологические и личностные характеристики человека. В начале доклада мы обсуждали необходимость в ресоциализации с общественной, социальной точки зрения. Но в данном случае надо учитывать принципиальное психологическое различие процессов социализации и ресоциализации. Это различие заключается в том, что в процессе социализации индивид, по преимуществу, выступает пассивным носителем изменений, а активность и субъектность, по-преимуществу, лежат на стороне так называемых агентов социализации. Сам индивид может становиться субъектом социализации только в некоторых случаях, например, на этапе вторичной социализации, но и то, в весьма ограниченных пределах. В ситуации ресоциализации, наоборот – абсолютным субъектом является сам индивид, а агенты могут выполнять только вспомогательную функцию. Ресоциализация осуществляется только как мотивированное и волевое действие самого индивида. Человека нельзя ресоциализировать «извне», ему можно только оказать социальную или психологическую помощь в его решении из-

менить свою жизнь. Ресоциализация осуществляется как процесс изменения индивидом своей собственной системы социальных установок, социальных связей и социальных взаимодействий. Такое изменение, безусловно, является чрезвычайно сложным в психологическом плане и столь же трудным в деятельностином плане.

Существует масса факторов, препятствующих принятию индивидом решения об изменении своей социальной жизни. К ним относятся как внешние обстоятельства, типа группового давления (со стороны групп принадлежности или референтных групп), так и внутренние факторы, типа обиды на жизнь и общество, жестких защитных механизмов, оправдывающих индивида в собственных глазах и т.д. /1/. Все эти факторы снижают или вообще блокируют мотивационную готовность индивида к принятию такого решения. В то же время существуют и объективные препятствия при реализации принятого решения, преодоление которых требует значительных волевых усилий, на которые индивид в сложной жизненной ситуации редко оказывается способным.

К числу таких факторов относится, в первую очередь, социальное отторжение девиантов в их ближайшем окружении: их перестают принимать и поддерживать родственники и близкие люди, им отказывают в помощи друзья и знакомые, их не берут на работу, их стараются выселить из квартиры и т.д. Такой феномен социального отторжения получил название «социальной стигматизации» и, по своей сути, он является социальным механизмом самозащиты социума от индивидов носителей девиаций и, соответственно, от разрушения ценностно-нормативной основы общественной жизни. Для индивида это означает полную потерю легитимных средств и способов существования, что ставит его на грань физического выживания. В этих жизненных обстоятельства индивид, как правило, либо окончательно маргинализируется, либо осуществляет суицид. Крайне редко у индивида оказывается достаточно мотивации и воли, чтобы преодолеть ситуацию социальной стигматизации и утвердить себя заново в обществе.

Поэтому психологическая помощь и социальная поддержка людей на пути ресоциализации должны осуществляться по двум основным направлениям.

Первое направление связано с формированием и поддержкой мотивации на изменение социального статуса личности. Обязательным условием возникновение такой мотивации является проблематизация³⁵ образа жизни личности. Только через проблематизацию можно «взломать» те психологические защиты и барьеры, которые не позволяют индивиду «увидеть» свое альтернативное будущее. Проблематизация разрушает установившуюся идентичность личности и заставляет индивида в себе самом искать новые основания для самоопределения. Поэтому проблематизация является крайне болезненной в психологическом плане процедурой и люди крайне редко пользуются этим инструментом, а люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства, как правило, не имеют ни достаточного опыта рефлексивного самоанализа, ни желания его приобретать. В таких обстоятельствах им легче признать свою вину и ошибку, чем найти в себе причины этой вины и ошибки. Более того, признание своей вины и ошибки носит, по преимуществу, внешний социальный характер, а не личностное переосмысление собственной жизни. Так, по различным данным от 60% до 75% осужденных принимают на себя ответственность за совершенное преступление, однако этот факт вовсе не означает их готовности к ресоциализации, то есть к изменению образа жизни. А если мы возьмем другие категории людей, нуждающихся в ресоциализации, то там картина будет еще более удручающей. Так, например, более 75% несовершеннолетних проституток считают свою жизнь совершенно нормальной и не переживают никакой внутренней необходимости и желания изменить свой образ жизни, а среди подростков-«детей улицы» этот показатель еще выше. Очевидно, что при таком высоком уровне принятия себя и своего образа жизни уровень мотивационной готовности к социальным изменениям катастрофично низок и приближается к нулю. Еще раз подчеркнем, что преодоление этого внутреннего барьера и возникновение стремления к изменениям возможно только через процедуру личностной проблематизации.

³⁵ Проблематизация является базовым механизмом возникновения жизненного опыта как особого конструкта сознания, в отличие от автоматизации, которая приводит к неосмысленному, хотя и вполне эффективному в определенных условиях, навыковому обучению.

На психотехническом уровне существует всего несколько методических разработок, позволяющих строить процедуру проблематизации личности. Так, например, технология организационно-деятельностных игр обязательно предполагает этап прохождения проблематизации участниками игры, но она оказывается практически плохо применимой в ситуации индивидуальной работы с клиентом, нуждающимся в ресоциализации, так же плохо применимым оказывается метод сократовского диалога. На сегодня наиболее эффективными методами проблематизации при работе с такого рода клиентами, являются психотехники, основанные на сценарном подходе /2/.

Второе направление связано с поддержкой индивида при реализации принятого решения. В психологическом плане обязательным условием успешности является сформированная у клиента убежденность в правильности этого решения. Именно убежденность является той энергетической базой, которая дает силу при преодолении различных внешних и внутренних препятствий, неизбежно возникающих при изменении образа жизни. Существенно, что эти препятствия являются абсолютно объективными факторами, независимо от того, имеют они социогенную или психогенную природу. Природа препятствий определяет тип необходимой поддержки: социальное и юридическое сопровождение в первом случае и психологическая помощь во втором.

В отличие от работы с мотивацией, работа по поддержке волевого ресурса личности разработана крайне слабо. Исключение составляют немногочисленные работы по психологии спорта и психологии деятельности в особых условиях, но там психологам приходится иметь дело с высоко мотивированным и хорошо подготовленным контингентом и в тех ситуациях, которые не требуют трансформации самой личности. Нам представляется, что разработка такого психотехнического инструментария является одной из наиболее актуальных задач современной практической психологии и социальной работы. Одним из возможных вариантов такой методики может быть составление клиентом своеобразной «поисковой карты», которая позволяет перевести ожидаемые трудности в наглядную форму ландшафтной карты жизненного пространства. На такой карте оказывается возможным прокладывание «маршрута» преодоления препятствий, создания и использования личностных и

предметных ресурсов при достижении поставленной цели. Существенно, что эта методика опирается не столько на вербально-логические компоненты мышления клиента, которые, как правило, развиты весьма слабо, сколько на образно-метафорические и символические компоненты его сознания, которые являются более привычными психологическими средствами ориентировки в социальном пространстве. Кроме того, она позволяет в игровой форме многократно, с различными вариациями проходить маршрут достижения жизненно важной цели, что существенно повышает психологическую готовность клиента к встрече реальных трудностей [1].

Однако, указанные принципы, направления и технологии работы являются только общими ориентирами, а конкретная программа помощи каждому клиенту должна учитывать его индивидуально-психологические особенности. Этот вопрос является, наверное, самым запутанным и сложным – какие особенности надо учитывать, а какими можно пренебречь?

Когда речь идет о ресоциализации личности, то основанием для разработки конкретных программ помощи необходимым становится понимание тех личностных причин, которые привели к нарушению нормального процесса социализации и, соответственно, к возникновению различных форм нарушения социальных взаимодействий.

Обычно социализация рассматривается как безусловно позитивный процесс, а все негативные проявления социального развития личности рассматриваются как отклонения от нормы. Однако, такая трактовка социализации становится мало пригодной в ситуациях, когда норма социального развития размывается, теряет свою определенность и четкую выраженность. Более того, во всем мире фиксируется факт распространения социальной аномии и таких форм социализации, которые приводят к массовому распространению очевидно социально негативных вариантов развития личности. Наиболее значимым здесь является тот факт, что негативные социальные формы жизни – алкоголизм, наркомания, проституция, преступность, семейное насилие и т.д. – становятся детско-подростковыми, то есть становятся фактом социализации подрастающих поколений. Приведем только один пример: по различным социологическим данным у нас в стране приблизительно пятая часть проституток – несовершеннолетние,

а каждая седьмая проститутка имеет 1-2 детей, которые живут и воспитываются в ситуации, где проституция считается социальной нормой. Некоторые юристы утверждают, что разрушение нормативной основы жизни общества приводит к тому, что процесс социализации разрушается и трансформируется в массовый процесс социопатизации /3/.

Мы считаем, что необходимо выделять те формы социализации, которые становятся массовидными и приводят к формированию негативных моделей социального поведения и деятельности. На сегодняшний день можно с уверенностью говорить, как минимум, о трех таких формах негативной социализации, сложившихся в нашем обществе.

Во-первых, это социализация при явном недостатке или полном отсутствии позитивно ориентированных агентов социализации. Такую форму можно определить как **дефицитарную социализацию**. Она охватывает широкий круг социальных явлений от педагогической запущенности до социального сиротства и детской беспризорности. Независимо от причин ее возникновения можно констатировать, что при сужении количества и снижении качества агентов социализации нарушается механизм трансляции социокультурных норм, что приводит к одичанию целого поколения детей. Руководители и сотрудники детприемников отмечают, что среди детей-беспрizорников 9-10-тилетнего возраста массовым явлением стало отсутствие элементарной грамотности на уровне неумения читать и писать. Основными агентами социализации становятся, в лучшем случае, телевизор, а в худшем – такая же детско-подростковая уличная группа, живущая по законам стаи.

Во-вторых, это социализация в условиях массового распространения и легализации различных маргинальных групп в обществе. Отсутствие социальных институтов организации свободного времени и деятельности детей и подростков и так называемая «социальная толерантность» привели к тому, что различные маргинальные группы со своими субкультурными нормами заняли практически все видимое пространство социальной жизни. Эти группы вовсе не обязательно являются асоциальными или антисоциальными, но сама маргинальность приводит к резкому сужению значимых социокультурных норм и их смешению на периферию жизни личности. Та-

кая маргинальная социализация приводит к тому, что принадлежность к маргинальной группе становится нормой и стилем социальной жизни подростка.

В-третьих, это социализация в условиях массового распространения всевозможных предметов и видов деятельности, вызывающих быстрое привыкание и личностную зависимость от их потребления. Резкое омоложение алкоголизма, наркомании, токсикомании, компьютерной и игровой зависимостей сделали **аддиктивную социализацию** безусловным фактом нашей жизни. Аддиктивная социализация приводит к тому, что вся жизнедеятельность индивида становится подчиненной процессу получения предмета зависимости, который теперь и является единственной ценностью. Аддиктивная социализация приводит не только к разрушению физического и психического здоровья, но и к полному распаду личности. Хотя, вполне возможно, сейчас уже надо говорить о феномене аддиктивной личности.

Завершая анализ дегенеративных форм социализации еще раз подчеркнем, что каждая из них задает не только психологические особенности личности, но и формирует у индивида целостные модели образа жизни. Преодоление этих моделей и открытие возможности построения жизни на основе других моделей и составляет основную задачу ресоциализации. Понимание психологом или социальным работником базовых оснований образа жизни, заложенных в процессе социализации, является обязательным инструментом построения личностно ориентированной программы социально-психологической реабилитации и ресоциализации индивида.

Список использованной литературы:

1. Максимова Н.Ю. Психологія аддиктивної поведінки. - К.: Київський університет, 2002. - 307с.
2. Кунцевская А.В. Казка як засіб рефлексії життєвого досвіду // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського: Збірник наукових праць. Серія “психологічні науки” / За ред. С.Д.Максименка, Н.О. Євдокимової.- Т.2 – Вип..4. – Миколаїв:ТОВ фірма “Іліон”, 2010. – 314 с.
3. Парунова Ю.Д. Концепции социализации человека XX века // Культура народов Причерноморья. - 2005.- №61. - С. 119-123.

РОЗДІЛ 3. ПРОСТОРИ САМОЗДІЙСНЕННЯ ЛЮДИНИ

3.1. Возвращаясь к забытой теме: проблема воли в психологии¹

1. Рефлексия ситуации

Проблема воли как-то незаметно исчезла из психологического дискурса и научных исследований, и осталась только разделом в учебниках по общей психологии. Тема, чрезвычайно острая и обсуждаемая в конце XIX-го века (Т. Рибо, Г. Эббингауз, В. Вундт, У. Джемс и т.д.) в XX-ом начала «сходить на нет», а с 50-х г.г. вообще практически перестала обсуждаться. В общей психологии она была замещена проблемой мотивации поведения, в психологии деятельности – проблемой произвольной регуляции, в психологии личности – проблемой качеств, в возрастной психологии – проблемой становления произвольности в дошкольном возрасте, а из педагогической психологии она и вовсе исчезла.

Заметим, что в понятийном аппарате теории деятельности А. Н. Леонтьева и в системо-мыследеятельностной концепции Г. П. Щедровицкого понятие воли вообще отсутствует. В наших многолетних исследованиях по проблеме целеполагания воля, к сожалению, также отсутствует.

Может быть, воля оказалась псевдо проблемой? Может быть, обращение к воле в нашей обыденной жизни и сознании является просто отголоском уже никому не нужных философских концепций? Может быть. Но что-то внутри моего собственного профессионального сознания не дает мне возможность так ответить на свои собственные вопросы.

¹ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 37, 2014. – Стр. 186-199

Для меня вхождение в проблематику воли началось лет 7-8 назад, когда я начал разрабатывать тему сознания и столкнулся с тем, что чрезвычайно почитаемые мною В. М. Бехтерев и О. И. Генисаретский рассматривают сознание в единстве с волей. В. М. Бехтерев прямо утверждает, что осознавание предполагает вление, что осознавание осуществляется в и через акт воления, а О. И. Генисаретский понятия сознания и воли употребляет как некое целостное единство «Сознание/Воля». Затем я аналогичные ходы обнаружил в работах Х. Ортеги-и-Гассета и Б. Ф. Лосева. Но достаточно долго эта связка оставалась для меня непонятным конструктом, который никак не связывался с реальными психологическими исследованиями.

Вторая ключевая точка – «прорыв» в тематику – произошел около двух лет назад, когда возникла задача обобщения накопленного большого количества эмпирического материала по социальному проектированию и развитию локальных сообществ. В ходе разработки модели социального проектирования возникла необходимость жесткого различения **административного произвола и управленческой воли**, как двух противоположных сил, столкновение которых и определяет специфику развертывания социальных инноваций. Управленческая воля прямо противостоит административному произволу и возникает она только в тот момент, когда руководитель выходит из чисто функциональной позиции, соответствующей занимаемой должности, и входит в позицию проектирования и развития сообщества.

Третья значимая точка связана с разработкой тематики социализации и ресоциализации личности, возникшей в рамках общей проблематики психологии социальной работы. В ходе многолетних теоретических и эмпирических исследований² было показано, что эффективность процесса социализации личности определяется, по-преимуществу, **мотивационными компонентами социальных отношений индивида**, а эффективность ресоциализации определяется исключительно **силой воли и степенью личностной решимости** индивида

² Под моим руководством по данной проблематике защищено три кандидатские диссертации (Л.Варава, Л.Тищенко, В.Шкуро) и ряд дипломных работ бакалаврского и магистерского уровня.

на изменение собственной жизни³. Сегодня мы можем однозначно утверждать, что независимо от причин десоциализации личности (инвалидизация, тяжелое заболевание, отбытие срока заключения в местах лишения свободы и т.д.) процесс ресоциализации осуществляется только как волевое действие самого субъекта.

Четвертый момент связан с проведением исследовательской организационно-деятельностной игры «Принятие решений» в феврале 2014 года в рамках нашей психологической школы «Психология современного образа жизни»⁴. В начале ОДИ все участники высказали свое твердое убеждение, что они по жизни постоянно принимают решения, в основе которых лежат те или иные их желания или потребности. Однако в ходе работы обнаружилось странное обстоятельство: участники легко и быстро формулируют некоторые решения, но в течение всех пяти дней ни одно из этих решений не было реализовано даже в условном, игровом пространстве. Противоречия в интересах участников и ориентация каждой рабочей группы только на реализацию своего решения стало непреодолимым препятствием в их взаимодействиях. Рефлексивный послеигровой анализ привел нас к парадоксальному выводу, что высокий уровень **мотивированности** участников привел к актуализации упрямства, ориентации только «на себя» и развертыванию «коммунальных» конфликтов и при этом блокировалась даже потенциальная возможность проявления **воли** в реализации решений.

2. Организация и метод исследования

Указанные четыре «точки» профессионального движения побудили нас организовать специальное обсуждение проблемы воли, которое было осуществлено в мае 2014 г. в форме научно-исследовательского семинара⁵. Работа семинара стро-

³ Обоснование и развертка этого тезиса содержатся в новом учебнике «Психология социальной работы», написанным коллективом нашей кафедры социальной работы КНУ имени Тараса Шевченко в 2013г.

⁴ В разработке и проведении ИОДИ принимали участие: руководитель игры – Ю.М.Швалб, методолог – С.В.Дидковский, игротехники – Е.В.Чуйко, В.С.Романова, А.И.Рудская, О.Г.Скляр.

⁵ В семинаре приняли участие: д.п.н. Горбань Г.А., д.п.н. Левочкина А.М., д.п.н. Максимова Н.Ю., к.п.н. Романова В.С., к.п.н. Яновская С.Г., к.с.н. Люта Л.П., Андрушак М. Ю., Дидковский С.В., Невойт Т.В., Тищенко Т.В.

илась в форме мини-ОДИ с обязательным соблюдением принципов позиционности, проблематизации, групповой мыследеятельности, рефлексивности и схематизации.

Высокий профессиональный уровень участников позволил снять «учебниковскую» часть обсуждения проблемы воли как общеизвестную, то есть избежать обсуждения исторически сложившихся концепций, а начать непосредственно с точек проблематизации. В качестве исходных вопросов для обсуждения участникам были предложены следующие тематизмы:

1. Самореализация личности как проявление воли;
2. Воля и произвол: границы личности;
3. Между волей и упрямством: грани силы
4. Хочу–Могу–Буду: от желания к волению

В ходе работы, конечно же, тематизмы как-то трансформировались – менялась их наполненность и возникали новые, но в данном контексте мы не будем подробно излагать ход игры, а остановимся только на некоторых результатах.

3. Результаты⁶

Первая значимая для меня понятийная связка возникла при обсуждении соотношения воли и мотивации. Традиционное представление, что воля осуществляет функцию поддержки мотивации при возникновении препятствий, оказалось несостоятельным. В ходе групповой работы нам не удалось показать ни одного факта, который подтверждал бы этот традиционный тезис. При анализе мотивационной структуры деятельности нами была построена модель, которая, с нашей точки зрения, достаточно полно отражает все возможные мотивационные основания, обеспечивающие движение индивида к необходимому результату, зафиксированному в его сознании в форме цели.

Нами были рассмотрены и сведены в единую схему (см. рис 1) следующие виды мотивации:

1. Потребностные состояния, выраженные в опредмеченных желаниях и хотениях, которые в субъективном плане отвечают вопросу «Почему?» индивид что-то будет делать;

⁶ Помимо общих результатов, зафиксированных на итоговом этапе, каждый участник получил и свои персональные результаты. Здесь я буду обсуждать только свои результаты.

2. Стратегические намерения, раскрывающие субъекту потенциальное значение ожидаемого результата для будущей жизнедеятельности, которые в субъективном плане отвечают вопросу «Зачем?» индивид что-то будет делать;
3. Игровая мотивация, направленная на получение удовольствия от самого процесса делания;
4. Непрагматические интересы к получению результата как такового, включая сюда все виды познавательной и научной мотивации;
5. Социальная мотивация, выраженная:
 - а) в форме групповых ожиданий и группового давления,
 - б) в форме усвоенных социальных установок и стереотипов.

Парадокс заключается в том, что наличие любого вида мотивации делает наличие воли не нужным и даже излишним – действие и так будет осуществлено. Более того, недостаток или ослабление мотивации одного вида может быть компенсировано только за счет усиления мотивации другого вида, но никак не за счет воли.

В ходе группового обсуждения мы пришли к выводу, что **необходимость в воле возникает только тогда, когда исчерпана вся мотивация к осуществлению действия**. Только в этом случае возникает особая необходимость самоутверждения индивидом самого себя как способного что-то сделать вне и помимо всяческих внешних или внутренних стимулов. Необходимость доказательства самому себе наличия собственной способности осуществления действия и есть исходная ситуация волевого акта действия.

Существенно то, что любая мотивация создает для индивида определенную целесообразность и рациональность осуществляемого действия. Именно поэтому, в обыденной жизни при отсутствии или исчерпании мотивации мы либо не начинаем, либо прекращаем действие⁷.

⁷ В данном контексте мы не рассматривали многочисленные варианты различных импульсивных или стереотипизированных действий.

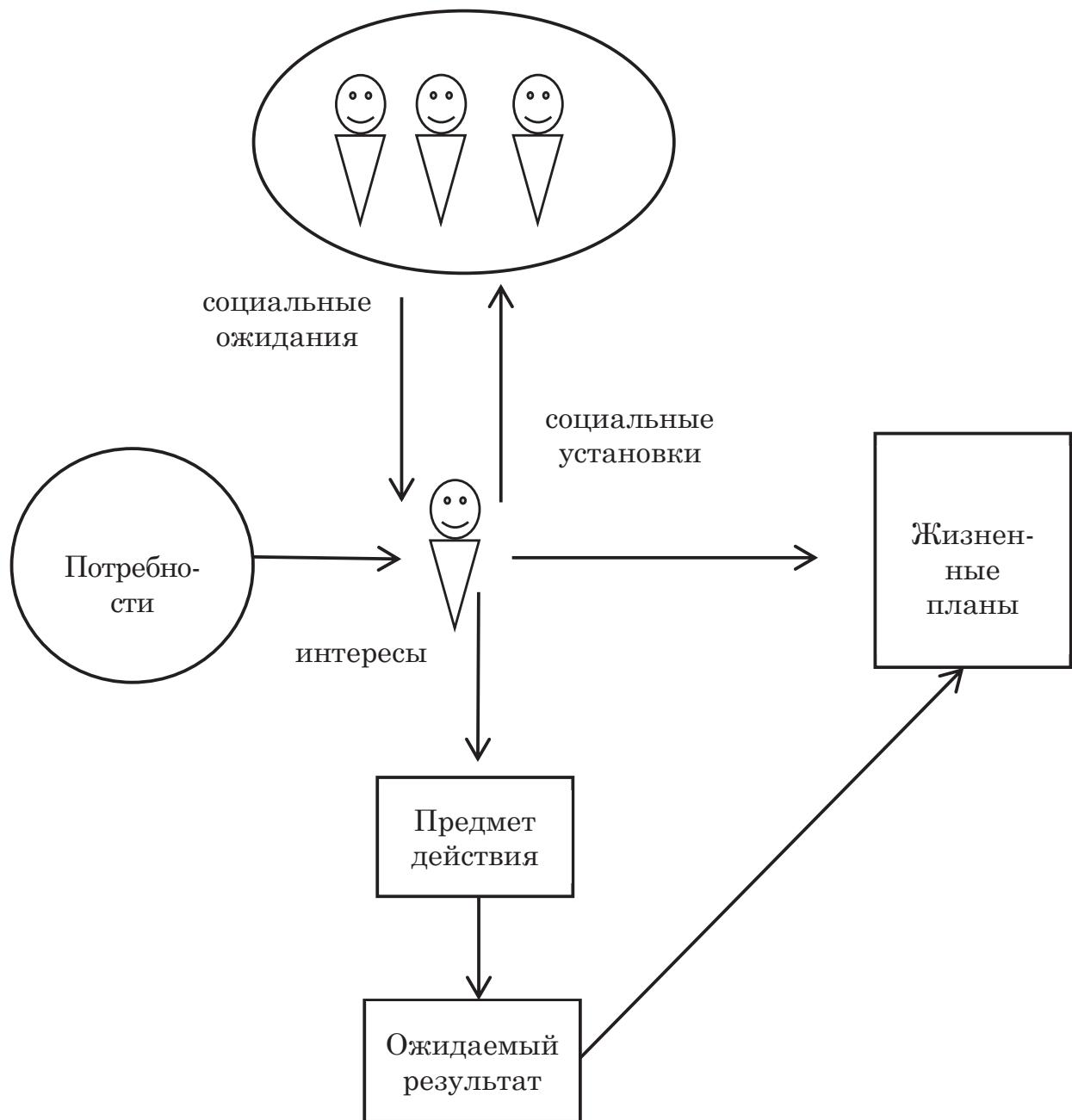

Рис. 1. Модель структуры мотивации

Воля, каким-то образом, «снимает» для индивида проблему принятия решений и выбора, и утверждает необходимость действия вне всякой целесообразности и рациональности, заставляя действовать вопреки «здравому смыслу» и «голосу разума». В волевом акте индивид полностью идентифицируется и сливается с самим действием и будущим результатом – личность «стягивается», концентрируется в точке осуществляемого действия, самоопределяясь этим действием. На уровне обыденного сознания эта ситуация очень точно отражается в формуле: «Я не Я буду, если это не сделаю».

Таким образом, в волевом акте вся сложность мотивационной структуры действия трансформируется и «сжимается» в конструкт самоутверждения и установления самоидентичности (см. рис.2).

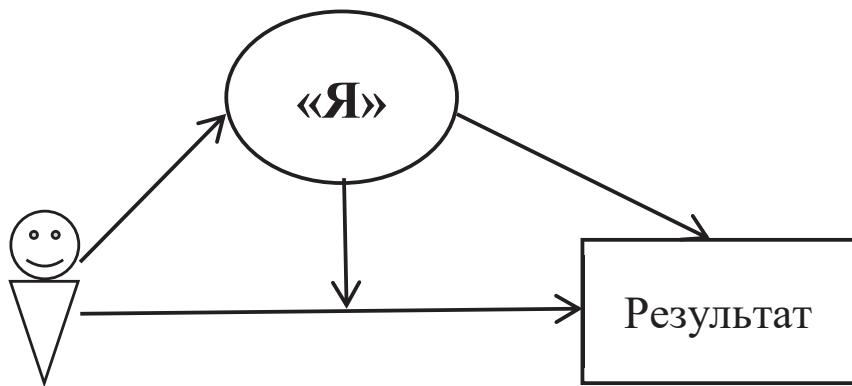

Рис. 2. Волевой акт как самоутверждение «Я»

Это позволяет сформулировать первое понятийное определение воли. **Воля – это психологический механизм утверждения своего «Я» в структуре самоидентичности личности.**

Вторая значимая понятийная связка возникла во время пленарного обсуждения результатов работы в группах. Оказалось, что волю можно и нужно обсуждать не только как феномен индивидуального действия, но и в принципиально иных контекстах, а именно в организационно-управленческом и коммуникативном.

В организационно-управленческом плане воля обсуждалась как особое состояние управления, когда возникает необходимость трансформации рабочих процессов. То есть в ситуациях внедрения таких инноваций, которые предполагают существенное изменение функционала рабочих мест и, соответственно, функционирования тех людей, которые занимают эти места. Теория и практика внедрения инноваций четко фиксируют тот факт, что в организациях любого типа и уровня такого рода инновации всегда встречают существенное сопротивление сотрудников, просто в силу того, что привычные и стандартизованные действия выполнять всегда легче, чем осваивать новые формы и способы деятельности. Управленческая воля проявляется в способности к преодолению этого сопротивления, в утверждении инновации как новой реальности

функционирования организации. Отсутствие воли превращает любую инновационную идею в пустую декларацию, в имитацию нововведений.

Таким образом, **необходимым условием и предпосылкой** проявления управленческой воли является наличие инновационного проекта на изменение функциональных систем и процессов в организации, а **формой** ее проявление становится способность управленца к преодолению естественного сопротивления организационной среды к нововведениям (см. рис. 2).

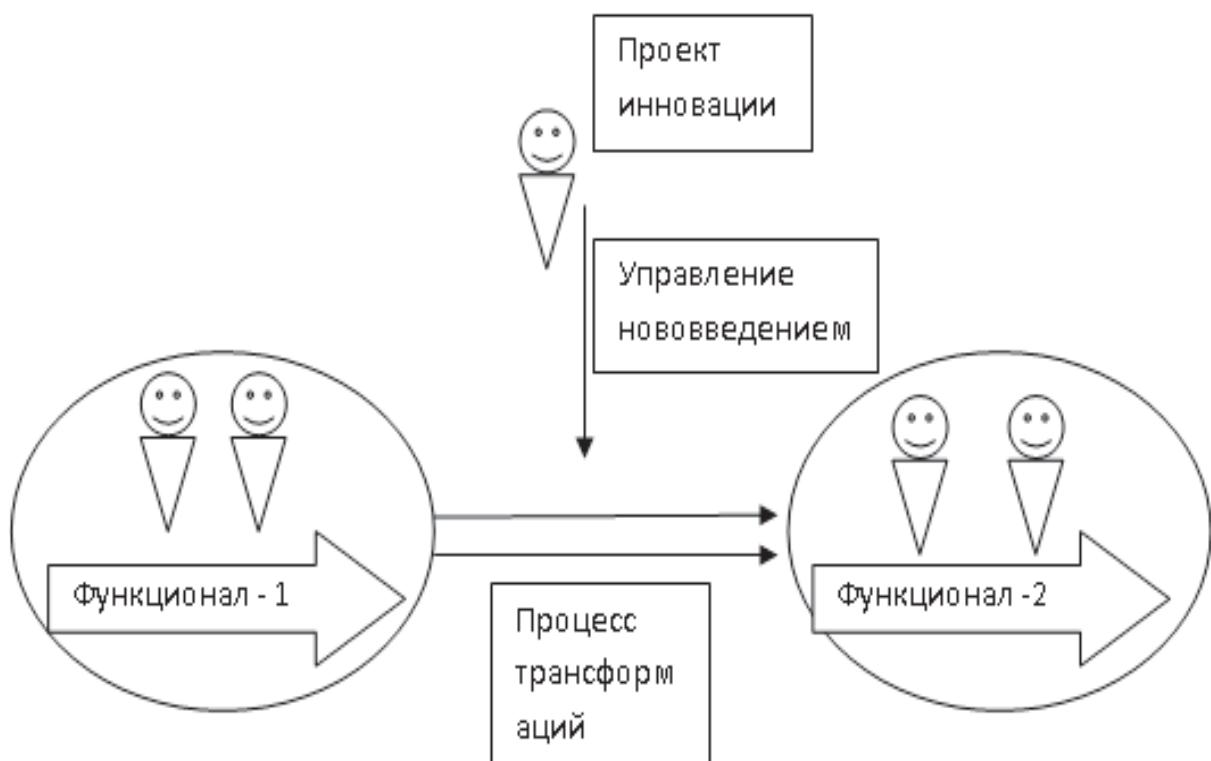

Рис. 2. Управленческая воля как утверждение нововведения

Если принять во внимание, что управление является необходимой психологической составляющей жизнедеятельности в целом, а не только компонентом институциональных организаций, то полученное понимание управленческой воли можно расширить на все системы деятельности человека. Это позволяет сформулировать второе понятийное определение воли. **Воля – это способность к утверждению необходимости**

изменения систем деятельности и образа жизни социальных групп, организаций и личности.

Третий значимый смысловой узел появился при обсуждении проблемы проявления воли в коммуникации и общении. Все участники семинара отметили, что на обыденном уровне воля наиболее ярко проявляется в межличностном общении, однако оказалось, что на теоретическом уровне имеющиеся модели коммуникации не позволяют «вписать» туда волевую компоненту. В традиционных моделях коммуникации и общения просто отсутствует такое структурно-функциональное место, которое могло бы быть заполнено понятием воли. Единственное исключение составляет модель рефлексивных игр в конфликтных взаимодействиях, предложенная В.Лефевром. В известной работе «Конфликтующие структуры» он показывает, что победа в конфликте достается не тому, кто «сильнее» по ресурсам, а тому, кто создает более объемлющую рефлексивную рамку пространства развертывания конфликта.

В ходе обсуждения проблемы воли в коммуникации мы пришли к выводу, что основным недостатком общепринятых на сегодняшний день моделей является их исходная установка на «равность» партнеров по коммуникации. Все модели общения фиксируют наличие двух коммуникантов, двух встречных потоков текста и двух рефлексивных отображений тех же коммуникантов, где сами коммуниканты вообще никак не отличаются один от другого (см. рис. 3).

Однако в психологических исследованиях давно показано, что эта «равность» коммуникантов в процессах общения в реальности просто не существует, а имеющиеся различия носят, в первую очередь, позиционный характер. У одного из коммуникантов всегда есть некая актуальная ситуация, требующая вступления в общение, выраженная в субъективной необходимости (нужде) и потребности в общении. Наличие такой потребности приводит к ряду принципиально важных последствий. Во-первых, носитель этой потребности должен быть зафиксирован как **инициатор** коммуникации. Во-вторых, в акте коммуникации инициатор всегда решает как минимум две задачи: первая – ситуационная (то, ради чего он вступает в коммуникацию), вторая – коммуникативная (то, что он хочет сказать партнеру). В-третьих, результатом коммуникации является не текст или понимание текста, а изменение ситуации инициатора за счет включения в нее другого человека (партнера).

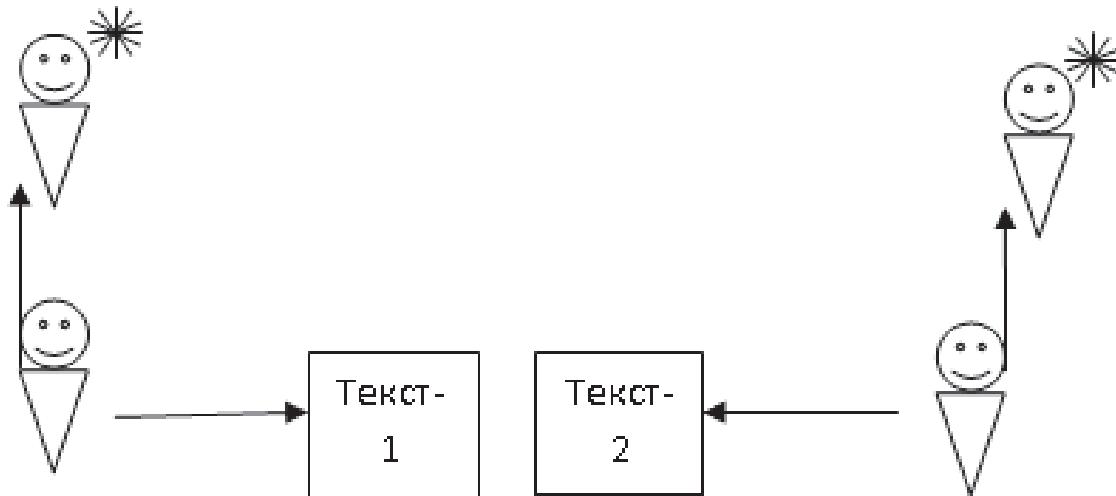

Рис. 3. Традиционная модель коммуникации

Партнер по коммуникации (позиционно – **отвечающий**) исходно решает для себя одну смысловую задачу («задачу на смысл» по терминологии А. Н. Леонтьева): включаться или нет в ситуацию инициатора. Но, так как исходно «картинки» будущего у инициатора и отвечающего разные, то всегда возникает проблема «втягивания», включения партнера по коммуникации в чуждую (чужую) для него ситуацию (см. рис. 4).

Предложенная модель коммуникации показывает, что необходимость в воле возникает только на рефлексивном уровне, где происходит столкновение представлений о желаемой будущей ситуации. Здесь, как нам представляется, лежит огромный пласт психологических проблем, связанных с соотношением форм проявления воли и используемыми коммуникативными средствами: воля и внушение; воля и манипулирование и т.д. эти вопросы обсуждались на семинаре, но скорее в режиме постановки, а не решения.

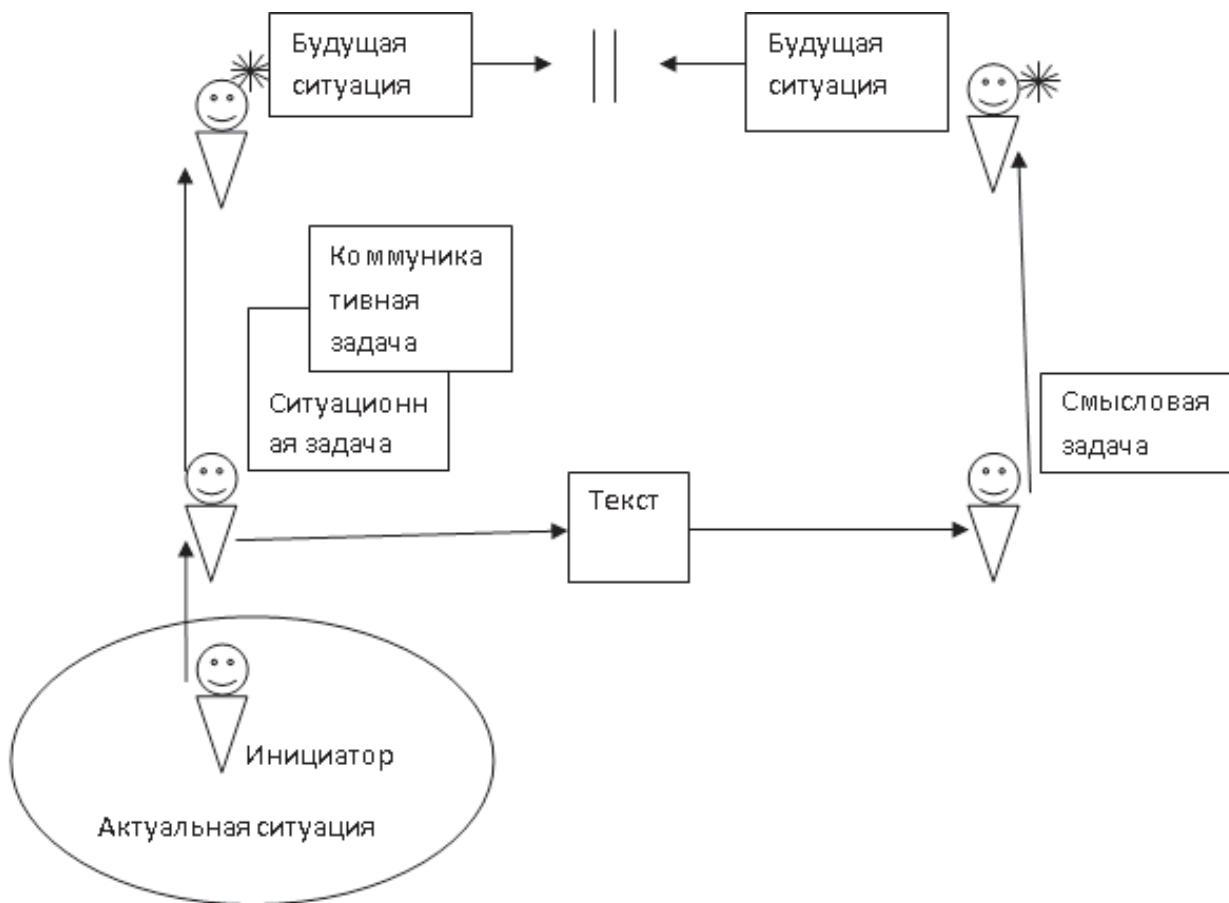

Рис. 4. Воля как включение коммуникативного партнера
в свою будущую ситуацию

Предложенная модель позволяет дать третье определение воли. **Воля – это способность включения других людей в субъективную модель решения жизненных задач.**

Четвертый смысловой узел появился при обсуждении соотношения воли и развития личности. Наиболее очевидный ход в обсуждении этого вопроса связан с психологопедагогическим аспектом, то есть с вопросом о воспитании волевых качеств личности. В классических английской и немецкой системах образования, построенных на концепции воспитания, а не обучения, тема воспитания воли считалась одной из основных⁸. На сегодняшний день идея обучения фактически полностью вытеснила идею воспитания и, соответственно,

⁸ Исторический анализ темы воспитания воли, безусловно, представляет значительный интерес, но в условиях семинара он был только обозначен.

тема воспитания воли исчезла и из педагогической практики, и из психолого-педагогического дискурса.

В ходе обсуждения вопрос был переведен в принципиально иную плоскость: функция воли в процессах самоизменения и саморазвития личности. Ключевой точкой обсуждения стала дискуссия о естественном или искусственном характере процессов самоизменения и саморазвития личности. Достаточно очевидно, что развитие как таковое в психологии может рассматриваться, и в большинстве теорий⁹ рассматривается, как естественный процесс, то есть как закономерный процесс смены стадий в соответствии с неким внутренним механизмом изменений. Весьма распространенным является также подход к саморазвитию как естественному процессу. Авторы при этом опираются на те варианты общесистемного подхода, где в качестве эталона берутся системы органического типа. Для органических систем обязательным признаком и условием их существования признается наличие способности к саморегуляции, самоизменению и саморазвитию, как части более общей способности к адаптации в изменяющихся условиях среды существования.

Однако, рассмотрение развития и саморазвития личности в методологии органических систем правомерно только в рамках биологического подхода. Если же мы все-таки признаем социальную и, тем более, культурную сущность личности, то биологическая рамка оказывается не более чем продуктивной метафорой, которая не дает полноценной возможности построения адекватных моделей развития. Человек, безусловно, является органической системой, но, столь же безусловно, что развитие и становление личности происходит по законам, далеко выходящим за рамки законов развития органического мира.

В качестве методологической альтернативы¹⁰ системно-биологическому подходу мы рассматривали системо-

⁹ Исключение составляет культурно-историческая концепция Л.С.Выготского и некоторые варианты ее развертывания, например, концепция формирования учебной деятельности В.В.Давыдова и В.В.Репкина.

¹⁰ Еще в 70-е г.г. ХХ-го в. в ходе широкой дискуссии, развернувшейся на страницах сборника «Системные исследования», было показано, что не существует единого системного подхода в науке, а есть некое системное движение, в рамках которого существует целый ряд подходов: структурный, функциональ-

деятельностный подход, а точнее, системо-мыследея-
тельностный подход, разрабатываемый в школе
Г.П.Щедровицкого. В этом подходе развитие личности прои-
сходит за счет механизмов трансляции и воспроизведения си-
стем социо-культурных норм и деятельности, то есть как ис-
кусственный процесс. В общеметодологическом плане
искусственный процесс (И-процесс) определяется как такой,
который не возникает и не существует сам по себе, а строится
и осуществляется как целенаправленная деятельность людей.
В самом сжатом виде искусственный процесс определяется как
процесс, механизм осуществления которого лежит за рамками
самого этого процесса (см. рис. 5).

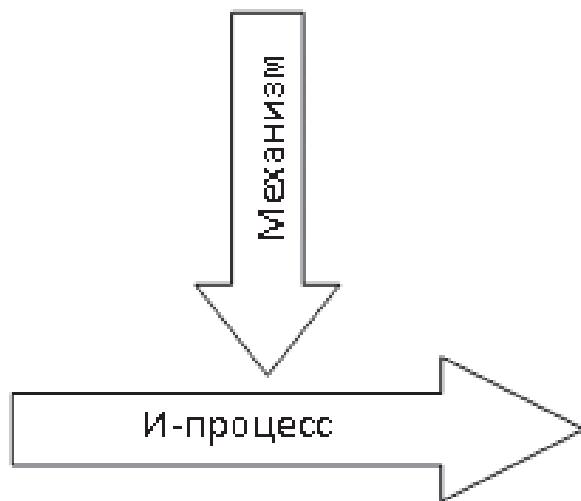

Рис.5. Обще-методологическая схема организации
искусственного процесса

Развёртка и детализация этой общей схемы показывает, что И-процесс исходно должен быть: замыслен и спроектирован; организован как совокупность функциональных мест и дея-
тельностей; обеспечен необходимыми ресурсами и средствами
деятельности (предметными, технологическими и человечес-
кими). Его осуществление предполагает наличие особой
функции управления и контроля, так как он не является са-
морегулируемым. Кроме того, И-процесс всегда замысливает-

ный, деятельностный, биологический, социальный, кибернетический, информационный и т.д. и т.п. Сами эти подходы не образуют какой-либо целостной системы, а являются разными вариантами развертывания некоей общей идеи системности Мира.

ся как целенаправленное действие, то есть его осуществление предполагает производство некоего результата в виде продукта деятельности. Данный продукт должен быть кем-то употреблен или использован, что и задает осмыслинность всему циклу разработки и осуществления И-процесса (см. рис. 6).

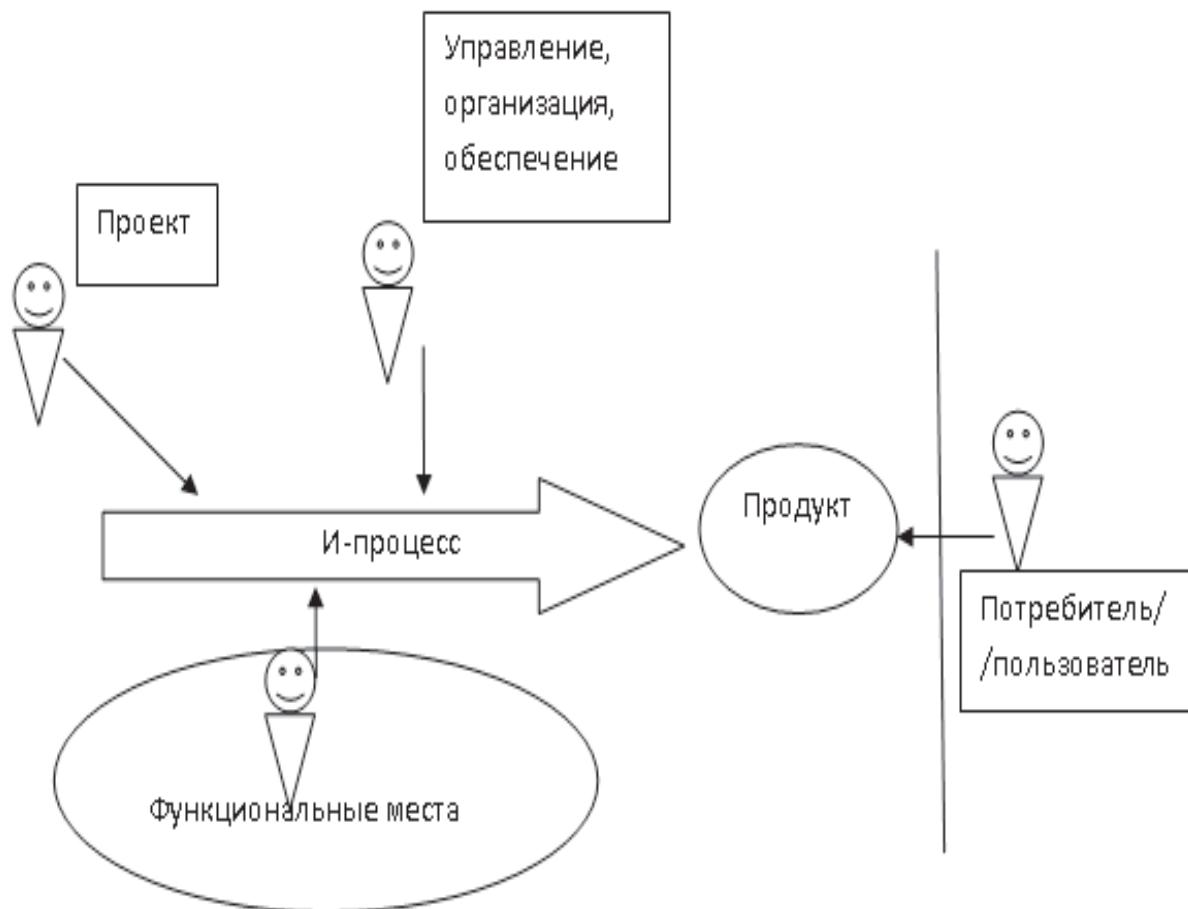

Рис. 6. Структурно-функциональная модель И-процесса как деятельностиной системы

Существенно, что в социальных и организационных системах все указанные структурно-функциональные места занимают разные люди, что и фиксируется в профессиональных, должностных и функциональных нормах. Но если представить себе, что все структурно-функциональные места занимает один и тот же индивид, то тогда эту схему можно трактовать как модель самоизменения и саморазвития личности. Это означает, что индивид должен:

- спроектировать некую свою новую способность (занять позицию самопроектирования);

- организовать внутренний процесс ее возникновения (занять позицию самоуправления и самоорганизации);
- своими собственными усилиями создать новую психологическую функцию или способность (занять функциональную позицию);
- идентифицировать себя с новой способностью как новым качеством собственной личности, самоутвердиться в новом качестве (занять позицию пользователя нового собственного качества).

Предложенная модель отражает принципиальную особенность процессов самоизменения – **самоизменение всегда осуществляется только как волевой и произвольный акт**, не зависящий ни от каких внешних обстоятельств жизнедеятельности индивида.

Теперь мы можем эту развернутую модель «свернуть» в схему воли к самоизменению личности (см. рис. 7).

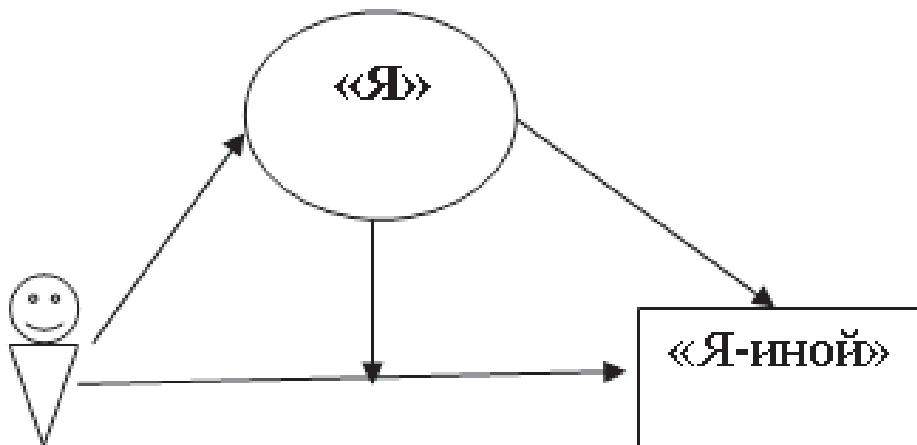

Рис.7. Волевой акт как утверждение самоизменения «Я»

Предложенная модель позволяет дать четвертое определение воли. **Воля – это психологический механизм утверждения своей личности как способной к самоизменению.**

4. Общие итоги.

1. Воля, на сегодняшний день, практически не исследованный пласт проблем, затрагивающих самые разные отрасли психологии – общую, социальную, возрастную психологию, психологию личности, организаций, управления и т.д.

2. По-видимому, мы можем утверждать, что воля является не качеством или свойством индивида, а атрибутом личности. Личность не может состояться и реализоваться без воли и волевых усилий.

3. Воля снимает и преодолевает внешние детерминанты и внутренние ограничения и выводит личность в сферу потенциальной свободы самореализации, самоизменения и саморазвития. Воля, по-видимому, является ключевым психологическим механизмом становления самости личности.

4. Только сейчас я, кажется, начал понимать подлинный смысл высказывания В. М. Бехтерева: «Нет ни одного, даже самого потаённого уголка нашей душевной жизни, который не мог бы стать предметом осознавания при достаточном волении к этому».

3.2. Функции воображения в пространстве жизни личности¹¹

Проблема воображения - это центральная проблема осмысленности, свободы и творчества в жизни личности. Именно в воображении как интимно-психологическом процессе, сплетаются воедино произвольность и интересы личности, эмоциональная напряженность и порождающий потенциал сознания.

Воображение существенно отличается от других когнитивных и перцептивных процессов. Во-первых, наши представления о реальности (в восприятии, воспоминаниях и т.п.) всегда однозначны, то есть у нас в сознании имеется только одна «картинка» некоторой конкретной ситуации или предмета реальности. Еще раз подчеркнем, что здесь речь идет именно о «картиноч-ных», образных компонентах сознания и не обсуждается вопрос о множественности мыслительных реконструкций или интерпретаций. В противоположность этому образы воображения всегда множественны, то есть в нашем сознании существует одновременно, в одном хронотопе, множество «картинок» воображения, возникающих по какому-то одному поводу. Причем существенно то, что количество этих «картинок» принципиально ничем не ограничено, кроме силы индивидуальных способностей. Тот предмет (ситуация), по поводу которого возникают образы воображения, выступает, как факт сознания, только поводом для возникновения образов воображения и точкой их «стяжки» в сознании. Это означает, что конкретная реальность значима для функционирования воображения, но не задает содержание образов-картинок.

Во-вторых, на феноменологическом уровне легко фиксируется субъективная неслиянность и отдифференцированность в индивидуальном сознании феноменов отражения реальности и образов воображения. Хорошо известные и описанные в детской психологии и психопатологии случаи их наложения и субъективной неразличимости чрезвычайно важны и инте-

¹¹ Статья опубликована в издании «Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В. О. Сухомлинського. Сер. : Психологічні науки. – 2013. – Т. 2, Вып. 10. – Стр. 330-334.

ресны, но они требуют специального рассмотрения.

Итак, на феноменологическом уровне анализа мы можем в общем поле сознания выделить условно две плоскости: плоскость отражения реальности и плоскость картин воображения, которые не совпадают, но пересекаются на некоем предметном материале.

Воображение опирается на отображаемую реальность только как на повод для развертывания своих собственных картин. Реальность есть всего-навсего исходный материал, и то явно не самодостаточный. В воображении свойства материала выступают как незначимые, так как сам материал может наделяться любыми свойствами. По-видимому, наиболее близкой аналогией этого свойства материала образов воображения являются известные пластилиновые анимационные фильмы и некоторые программы компьютерной графики. Они демонстрируют подлинную пластичность материала, обеспечивающую бесконечную текучесть формы. Иными словами, здесь материал трансформируется¹².

Таким образом, если в плоскости «отражения» в сознании фиксируются наличные и имманентно-вероятностные состояния предмета, то в плоскости изображения предмет представлен в фиксируемых, но неограниченных возможных состояниях. Еще раз подчеркнем, что образы возможных состояний непосредственно не связаны с естественно-стихийным, законосообразным изменением состояния предмета в реальности, образуя ортогональную плоскость по отношению к последнему. Поэтому само «возможное» существует в границах: «реально возможное - нереально возможное» или в парадоксальных терминах: от «возможно возможного» до «невозможно возможного», не теряя при этом своей качественной определенности.

Это позволяет зафиксировать еще одну очень важную особенность образов воображения - они открывают сферу «возможного» для всех форм временного отражения реальности. Это возможное прошлое, возможное настоящее и возможное будущее. Иными словами, именно в плоскости воображения

¹² В психологии хорошо описаны основные психологические способы таких трансформаций, поэтому мы не будем на них останавливаться. Нам важно подчеркнуть, что они подчиняются иной логике, чем логика действия. Но к этому вопросу мы еще вернемся. Каждая трансформация открывает сферу возможного, хотя и не обязательно реалистичного бытия предмета

возникает потенция множественности возможностей, не реализованных в реальности, а субъект, соответственно, становится способным выйти за рамки детерминизма и предзданности.

По-видимому, существуют два взаимосвязанных психологических механизма, обеспечивающих целостность и конечность «картин» воображения при неограниченности трансформаций каждого элемента.

Первый связан с тем, что любая ситуация в воображении строится субъектом по смысловому принципу. Это означает, что наиболее мощно и ярко представленный элемент начинает выполнять функцию смыслового центра, «стягивая» на себя всю ситуацию и определяя направление и характер трансформаций остальных элементов. Этот же механизм определяет известный феномен нерегулируемости метаморфоз образов воображения: любой элемент в результате трансформации может оказаться более «сильным», создавая новый смысловой центр. Таким образом, этот механизм действует по принципу «фигура - фон», обеспечивая центрированность образов и направление их метаморфоз при сохранении ассоциативной связности для последовательного ряда образов.

Второй механизм является дополнительным (собственно, они взаимодополняющие и вообще-то невозможно установить, какой из них первый, а какой второй) и обеспечивает внутреннюю связность всех частей образа в целостной «картинке». Этот механизм действует по принципу прегнантности, согласовывая отдельные элементы в систему, обладающую некоей внутренней достоверностью.

В первую очередь, опять обратимся к феноменологии. Хорошо известно, что образы воображения обладают одной особенностью, о которой мы еще пока не говорили, — они всегда четко эмоционально окрашены. Даже когда они не касаются нас лично или не относятся к нашим ситуациям, то и в этом случае они явственно эмоционально переживаются как позитивные или негативные. Причем мы говорим не о вторичных эмоциональных переживаниях или чувствах, которые возникают у человека по поводу тех или иных образов, а о том, что сами образы эмоционально «заряжены».

Этот факт чрезвычайно важен. Если учитывать, что образ воображения по содержанию является «возможностью» бытия

предмета (ситуации), то в сочетании с эмоциональной заряженностью мы получаем сферу «желаемого возможного и/или нежелательного возможного». Эта сфера, по существу, является особым психологическим пространством («местом»), где фиксируются и существуют интуитивные личностные ценности и смыслы. Именно в этом качестве образы воображения перестают быть эпифеноменом реальной практической жизни человека. Сила воображения и преобладание одного из полюсов (позитивного или негативного) определяют отношение индивида к миру, а точнее -систему отношений. Именно здесь, с нашей точки зрения, заключен тот глобальный личностный механизм, который задает либо обобщенно-интуитивный страх перед жизнью, постоянное ожидание чего-то плохого, и, соответственно, стремление к избеганию неудач, либо столь же обобщенно-интуитивное ощущение и ожидание радости, и, соответственно, стремление к достижению успеха¹³.

Теперь мы можем подвести некоторые предварительные итоги.

Во-первых, воображение не является отражением реальности. Это особая психическая функция, которая лишь пересекается с отражательными на некотором материале, хотя и имеет общее с ними свойство «картиночности».

Во-вторых, воображение опирается на отражение, используя его элементы только как материал для своего собственного функционирования. Более того, преобразования этого материала осуществляются не по логике действия (опирающейся на имманентные свойства материала), а по логике спонтанных трансформаций и метаморфоз. И в этой логике образы воображения бесконечны.

В-третьих, воображение «безразлично» к реальному «прошлому - настоящему - будущему», создавая по отношению к любому фрагменту множественность параллельных возможных, но нереализованных форм. Образ воображения -это абсолютная возможность, не зависящая от степени реализуемости или реалистичности.

В-четвертых, отдельные элементы складываются в целостный образ («картинку») за счет двух взаимодополняющих ме-

¹³ Предложенная модель открывает интересные перспективы проведения эмпирических исследований мотивации и атрибуции ответственности

ханизмов, обеспечивающих возникновение смысловых центров («стяжек») в процессе метаморфоз и прегнант-ность самого образа.

В-пятых, образ воображения исходно эмоционален и задает позитивную или негативную модальность переживания «возможного» как формы представленности Мира индивиду.

Тот факт, что воображение является недеятельностью, вовсе не означает, что оно никак не связано с деятельностью и практической жизнью человека. И сейчас мы попытаемся эту связку выявить и как-то описать ее с точки зрения того, какую роль играет воображение в жизни и деятельности человека.

1. Фокусировка образа воображения на предметной составляющей.

Для человека «возможное» - это всегда потенция, потенция существования в будущем того, что не произошло. Представление индивида, что это «возможное» вообще-то возможно в соединении с позитивной эмоциональной модальностью этой предметности, порождает «желаемое возможное», которое несет в себе прообраз того будущего, которое для личности приобретает статус должного, в отличие от того будущего, которое складывается естественно-стихийным путем и обладает статусом «неизбежного». По-видимому, «желаемое возможное» само по себе наступить вообще не может и его нельзя «получить», так как в естественно-стихийном бытии его просто не существует ни в прошлом, ни в будущем. Но зато его можно достичь, сделать, построить, а если говорить точнее, то реализовать. Таким образом, «желаемое возможное» выступает как основание и первопричина нашего активно-искусственного соотношения к миру и жизни. С этой точки зрения «картинка», возникшая в воображении, есть не иное, как проект реальности. Причем такой проект, который имманентно соединяет в себе предметно-образную и эмоционально-желаемую составляющие.

Предложенная модель позволяет по-новому подойти к решению одной из центральных философских проблем - проблемы целеполагания. В современных философских и психологических концепциях целеполагание рассматривается в самых разных аспектах и отношениях (мотив цель; цель - средство; цель - результат; средство - результат; идеальное - реальное и т.д. и т.п.), но все они наталкиваются на одну проблему: в акте

целеполагания исходно наличествует «образ желаемого будущего», который может конкретизироваться, уточняться, изменяться, даже отвергаться, но который всегда имеется с самого начала.

Воображение и есть та психологическая инстанция, которая создает исходно «склеенный» образ - образ-желание - до и независимо от целеполагания или любого акта конкретной деятельности. «Картина», продуцируемая воображением, сама является первичным основанием целеполагания, его сердцевиной, при этом не совпадающей с целью как таковой. С этой точки зрения целеполагание выступает как процесс перевода образа из вторичной реальности воображения в первичную реальность деятельности.

Сочетание ясно осознаваемой предметности и высокой степени интенсивности желаемости достижения этой предметности создает особое психологическое пространство жизни личности - пространство Мечты. Мечта, по-видимому, является высшей формой непосредственной представленности смысла жизни сознанию индивида. По своему содержанию мечты могут существенно различаться в зависимости от характера и типа предметности, которые ее конституируют - от мечты замерзшего человека о теплой комнате и чашке горячего чая, до мечты о светлом будущем человечества. В любом случае, превращение образа воображения в мечту предполагает, с одной стороны, идентификацию индивида с данной предметностью и, с другой стороны, мифологизацию самой этой предметности. По-видимому, самым простым будет разделение мечты на предметно-материальный и духовный типы. Если содержанием мечты является предметно-материальная предметность, то идентификация осуществляется на уровне «Я-образа» индивида, а мифологизация носит отчетливо бытовой характер. Если содержанием мечты является духовная предметность, то идентификация осуществляется на уровне «Я-концепции» личности, а мифологизация носит отчетливо культуральный характер. Предметно-материальный тип мечтаний создает пространство конкретно-деятельностных целей, а духовные мечтания определяют пространство смысложизненных проектов личности. Воображение как мечта - это создание личностного мифа, а целеполагание - это его «заземление» в деятельность. Образ воображения, возникшая по поводу какой-то

конкретной реальности, материализуется в создании новой реальности.

В этом контексте вполне корректным будет утверждение, что личность человека детерминирована его собственным будущим, представленным ему в виде его смысложизненной мечты. Если индивидное начало в человеке детерминировано его прошлым (жизненным опытом, памятью, рефлексивным осознанием произошедших событий и т.д.), а личностное начало будущим (смысложизненными мифами, мечтами, проектами), то пространство жизни можно представить как постоянное столкновение этих двух начал. Качество жизни человека и определяется их балансом в каждый конкретный момент существования человека. Переживание чувства реализуемости мечты приводит к высокой оценке качества жизни, а депривация мечты приводит к переживанию плохого качества жизни. Существенно, что в субъективном пространстве жизни личности оценка качества жизни практически не коррелирует с оценкой уровня жизни.

2. Фокусировка образа воображения на эмоциональной составляющей.

Наши исследования становления воображения в дошкольном возрасте показали, что переход от натуральных эмоциональных состояний к способности эмоционально насыщенного переживания ситуаций и событий происходит только при условии включения ребенка в особого рода тексты. Такими текстами являются сказки и стихи (это могут быть и рассказы, но обязательно имеющие сказочные структурные компоненты), которые характеризуются открытой и непосредственной связностью описываемой ситуации и эмоциональных состояний персонажей. «Перевод» текста в картинку воображения, где фиксируются не столько описанные события, сколько ожидаемые, порождает переживание эмоций в «чистом виде». Наиболее рафинированные и сильные переживания порождаются нашими ожиданиями будущего, зафиксированного в образе воображения, а не реально произошедшими событиями.

В исследованиях Дж.Родари, Д.Б.Эльконина и многих других показано, что соединение воображаемой ситуации и реального переживания порождает особое пространство - пространство Фантазии и Игры. Дж.Р.Толкиен совершенно

справедливо назвал мир фантазии вторичной реальностью. Фантазия, в отличие от мечты, фиксирует не предметную составляющую образа, а динамические изменения эмоциональных состояний и их переживания в соответствии с динамикой воображаемой ситуации. Именно в фантазии, во вторичной реальности, человек способен пережить всю гамму возможных чувств и переживаний в их максимально чистом виде и с максимальной интенсивностью³¹⁴.

Еще раз подчеркнем, что в мечте стабилизируется (по терминологии А.Ф.Лосева - гипостазируется) некоторая предметность жизни, а в фантазии жизнь «динамизируется», жизнь раз-игрываетяется, про-игрываетяется. Через изменчивость и текучесть воображаемых ситуаций индивид «продуцирует» динамику собственных эмоциональных состояний и переживаний.

3. Фокусировка образа воображения на образной составляющей.

Здесь мы опять возвращаемся к проблеме выразительности. Если образы воображения не могут быть «остановлены» личностью и выражены в культурной форме, то есть в такой форме, которая позволяет этот образ транслировать и вносить в жизнь как значимый элемент коммуникации, то он автоматически остается артефактом интимно-психологической жизни индивида. По-видимому, универсальной культурной формой фиксации и трансляции образа воображения является метафора в том понимании, которое сложилось у А.Ф.Лосева.

Основной методологический механизм действия метафоры - приравнивание одного другому, когда два предмета становятся различенно-одинаковыми. Приведем два примера:

- а) вода - чистая, как горный хрусталь // Хрусталь - как остановленная бесконечно текучая чистая вода = Вода-Хрусталь, которые становятся неразрывной связкой, где каждый предмет, хоть и отличим от другого, но в образе не передаваем без другого;
- б) на картине-деревья, солнце - как Живые, как Настоящие

³¹⁴ Мы не рассматриваем здесь ситуации, когда человек поставлен на грань выживания и существования - там сила и интенсивность эмоций может становиться вообще беспредельной, но в обыденной жизни такие ситуации встречаются довольно редко, а в жизни отдельного индивида вообще могут и не возникнуть.

// Реальный Закат – как нарисован, как на картине = Пейзаж - классический случай, когда оба предмета сливаются настолько, что даже определяются одним термином, хотя при этом в сознании остаются четко различаемыми.

В метафоре, таким образом, задаются не свойства предметов, а их связность. Постигаемая связность предметов и есть их обретаемый смысл.

Связность, смысл предметов передаются метафорой. Метафора - единица существования продуктивного воображения как феномена культуры. Метафора определяет цельность представлений, исходную внутреннюю связность разнородных явлений и предметов. Сила метафоры: а) крепость (устойчивость) связности; б) широта охвата компонентов Мира; в) интуитивная доступность связи выражаемого и выразительного компонентов.

Сила воображения, и в особенности сила творческого воображения, как раз и заключается не столько в неожиданных трансформациях отдельных элементов, сколько в способности построить такую «картинку», которая обладала бы внутренней реалистичностью и правдоподобием при самых фантастических элементах¹⁵.

Собственно, такая «картинка» является в полном смысле слова Произведением и дальнейшая проблема заключается только в поиске средств «опредмечивания», то есть в нахождении культурных средств ее оформления и трансляции. Но эта проблема, равно как и проблема бытия Произведения, лежит далеко за рамками темы данного исследования.

Выше мы уже говорили, что «картинка» воображения, наполненная внутренней силой и достоверностью, сама по себе является произведением. Теперь хотелось бы уточнить этот тезис: «картинка», образ воображения есть только прообраз, пра-Произведение. В зависимости от средств оформления и качественных характеристик материала, «картинка» реализуется либо в Произведение искусства, либо в саму жизнь человека, которая становится Произведением.

Таким образом, воображение как психическая функция в

¹⁵ На эту особенность указывает, например, Дж. Толкиен, анализируя волшебные сказки и «фэнтази»

своем развитии дифференцируется на три базовые формы, которые в психологическом плане формируется как индивидуальные способности, обеспечивающие полноценность жизни и существования личности. Они образуют особые пространства жизни личности. Во-первых, это пространство мечты как высшей формы представленности возможного будущего, как формы переживания единства ценностно-смыслового и предметного наполнения жизни. Во-вторых, это пространство фантазии как формы развертывания эмоций, чувств и переживаний, как единство ситуации и чувства. В-третьих, это пространство метафоры как культурной формы выразительности образов воображения, как единство индивидуально-личностного и коммуникативного начал в жизни личности.

Сегодня можно признать, что воображение является тем процессом, который позволяет личности выйти за рамки внешней детерминированности и наличных ситуаций. Это процесс, обеспечивающий порождающую функцию сознания.

3.3. Человек-манипулятор¹⁶

Очень значимая для человека потребность в профессиональном самоутверждении помогает ему сопротивляться отчужденности формального общения. Она становится тем стержнем, который, во-первых, обеспечивает превращение социальных отношений в социально-психологические, то есть объясняет необходимость установления межличностных контактов внутри социальных структур, и, во-вторых, порождает хотя и ущербную, но все же человеческую форму общения.

Решая личностно значимые, предметно-практические деятельностиные задачи, индивид осознает невозможность решения этих задач без участия других людей. Но другой человек выступает (пока еще) не в его собственных человеческих свойствах и качествах, а как позиционер, как очеловеченная функция. Очеловеченность функций заставляет индивида не просто производить информацию, а строить коммуникативный текст, который был бы понятен другому человеку и мог бы организовывать и управлять его деятельностью. Необходимость установления отношения понимания делает эту форму коммуникации человеческой, а отсутствие потребности учитывать личные свойства и качества крайне ущербной и частичной.

В социальной и общей психологии такой форме коммуникации посвящено множество исследований и указанная односторонность зафиксирована и терминологически. Здесь еще нет двух общающихся личностей, здесь есть индивид, производящий текст – коммуникатор, и индивид, воспринимающий и перерабатывающий информацию, реципиент. Таким образом, в этой форме общения индивид оказывается безразличным по своим личностным характеристикам для всех других людей, а сам принцип отношения к другому, как очеловеченной функции, создает сложную, противоречивую ситуацию отчужденности личности при наличии внешних контактов. Человеком это переживается как ощущение ненужности никому и в итоге как одиночество.

¹⁶ Параграф из монографии «Одиночество: социально-психологические проблемы». – К. : Изд-во «Україна», 1991. – Стр. 47-61, написанной в соавторстве с Данчевой О.В.

Первый из рассмотренных типов общения воспроизводит особенности бюрократической структуры и возникающих внутри ее отношений, для которых характерна обезличенность и безадресность актов коммуникации.

Второй тип отношений является отражением процессов функционирования любой относительно жестко заданной социально-экономической структуры, где каждый человек выступает только в своей одной единственной функции, а его индивидуально-психологические и личностные характеристики для этого функционирования оказываются безразличными. Предельно точным образом этой ситуации является всем известное определение человека как винтика в социальной машине.

Усложнение и дифференциация социальной жизни, возрастание свободы выбора во всех сферах жизнедеятельности в целом, расширение поля возможностей реализации личности и утверждение принципа активности, характерное для любого индустриального общества, порождают особый, третий по нашей классификации, тип отношений между людьми. Этот тип отношений строится на принципах максимального использования всех индивидуально-личностных свойств человека при достижении своих предметно-значимых деятельностных целей. Познание другого человека, понимание его особенностей оказывается необходимым условием эффективности моего взаимодействия с ним и, таким образом, включается в иерархию моих значимых целей. Очевидно, что познание в таком случае другого осмысливается мною не в его абсолютном значении, а лишь будучи соотнесенным с предметно-практическими целями. Заметим, что именно такой подход, такая логика развития системы деятельности во многом определила развитие самой психологической науки. Она начала выполнять социально-производительную функцию.

Так, в начале XX века, характеризующегося бурным развитием промышленной механизации, а следовательно, сокращением собственно физических затрат, начали обращать на себя внимание проблемы собственно человеческого фактора. На производстве такими проблемами были: простой, срывы, профессиональные болезни, конфликты между людьми, влекущие за собой снижение производительности труда и т.д. И вот в 20-е годы нашего столетия основоположник научной организации труда, инженер-изобретатель Фредерик Тейлор, наблю-

дая за людьми на производстве, начал проводить глубокие практические исследования и на их основе давал рекомендации по организации деятельности людей. ..Тейлор, исследуя отношения людей, собственно людьми не интересовался. Его целью было повышение производительности труда, но достичь этой цели невозможно без знания собственно человека. Наблюдая за рабочими, Тейлор приходит к мысли, что рабочий, предоставленный сам себе, по существу, оказывается вялым и ленивым. Объяснял такие особенности людей Тейлор двумя причинами: 1) инстинктом человека беречь себя; 2) межличностными отношениями. Для преодоления этих человеческих недостатков он и рекомендовал максимальное уплотнение рабочего дня. Таково, пожалуй, было начало исследований деятельности человека, по существу, не ради человека как такового. И если в работах Тейлора это улавливается сразу, то чем дальше, тем сложнее в отдельных психологических теориях увидеть подлинный их смысл.

Все вновь возникающие отрасли психологии, направленные на решение практических задач, такие, как инженерная психология, психология труда, психология торговли, рекламы, медицинская и другие, призваны обеспечить оптимизацию деятельности индивида в сложных социотехнических условиях. Даже возрастная и педагогическая психология не избежали этой участи. Достаточно обратиться к любому педагогу с вопросом: «Нужна ли ему психология?», чтобы получить исчерпывающий ответ: «Да, конечно, психология необходима для того, чтобы я лучше знал учеников и мог ими эффективно управлять!». По сути дела, в этом ответе сконцентрированы наиболее характерные особенности третьего типа общения – это, во-первых, общая активно-деятельностная позиция субъекта, выражающаяся в стремлении реализовать себя в продуктах предметно-практической деятельности; во-вторых, установка на определенный способ взаимодействия с другими людьми (человеком), выражаясь в терминах «управление» или «манипулирование», что предполагает обязательную оценку эффективности взаимодействия. И наконец, в-третьих, осознание необходимости как можно лучше знать все индивидуально-личностные особенности другого человека.

В последнее десятилетие у нас многие начали интересоваться проблемами общения с точки зрения установления хо-

роших отношений и контактов в деловой и личной жизни. Особой популярностью стала пользоваться книга Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей». Вот один пример из этой книги.

На протяжении двух лет в штате Колорадо не прекращались забастовки шахтеров, требовавших от контролированной Рокфеллером «Колорадо энд айрон Ко» повышения заработной платы. Дошло до того, что разгневанные бастующие выводили из строя оборудование. Вызванные войска открыли по ним огонь. Полилась кровь.

В разгар всеобщей ненависти Рокфеллер задумал заставить бастующих принять его точку зрения. И добился своего. Каким образом? Он обратился к представителям бастующих с блестящей речью -настоящим шедевром ораторского искусства, позволившей ему погасить опасную волну возмущений и приобрести массу сторонников. В ней он изложил факты так дружески, что бастующие возвратились на работу, и словом не обмолвившись о требованиях, за которые они отчаянно боролись...

«...Если вы хотите, чтобы вашу точку зрения принял кто-то другой, докажите ему, что вы ему искренний друг. Это та капля меда, которая привлекает всех. Это кратчайший и верный путь к людскому разуму» ^ – вот один из советов Д. Карнеги, который может помочь «манипулировать» людьми. Рокфеллер и не думал повышать заработную плату работникам компании, однако забастовки прекратились. Знание особенностей людей в данном случае помогло ему решить свои практические задачи, используя эти знания как средство для достижения своих целей.

Чешский социолог Иржи Томан отмечает, что выбор места и времени может иметь значительное влияние на ход разговора и его последствия. Поэтому необходимо всегда заранее подумать, правильно ли выбраны место и время для проведения запланированной беседы.

Еще раз подчеркиваем, что такой манипулятивный тип взаимодействия предполагает знание, но не личностное понимание партнера, то есть партнер не превращается в самоценность.

Американский психолог Майк Розенберг считает, что в наших представлениях о себе содержится несколько «Я»: это истинное «Я» (представление о личности, которой я мог бы

стать при условии принятия определенных моральных норм); будущее или возможное «Я» (представление о личности, которой я могу стать реально); это не обязательно положительный образ – человек может стремиться к идеалу героя, а в то же время чувствовать, что превращается в заурядного ловкача; идеализированное «Я» (каким мне приятно себя видеть); этот образ является комбинацией истинного идеального и будущего «Я»; наконец, множество «показных «Я» – личин, выставленных на всеобщее обозрение и имеющих цель скрыть отрицательные, болезненные либо глубоко интимные черты и склонности истинного «Я».

Многие, попробовав эти рекомендации в своей жизни или будучи стихийными сторонниками манипулятивного типа взаимодействия, обнаруживают, что они дают хорошие результаты в деловых контактах, однако, в межличностном общении не приносят удовлетворения. Многие из психологов предостерегают от таких навыков манипулирования людьми. Так, польский психолог Е. Мелибруда пишет: «...Если кто-то стремится усовершенствовать свои возможности воздействия на других людей, он должен прежде всего начать с самопознания, а не с поиска некой легкой и эффективной техники воздействия» ^ В этом плане в психологии существует даже определенный спор относительно практиков и теоретиков в науке. Очень образно об этом противоречии говорит специалист по западной психологии П. Н. Шихирев: «Теоретик тяго теет к открытию интересных и неочевидных факторов, высоко ценит теорию, способную предсказать ранее непредвиденное. Причем практическая ценность теоретического открытия может поначалу быть не очевидной. Для практика же именно эта сторона не имеет первостепенного значения, равно как и стоимость практического внедрения открытия.

В то время как для теоретика умение поддерживать хорошие отношения с людьми отходит на второй план, хотя и не теряет значения, для практика способность установить контакт (понравиться, произвести хорошее впечатление) с людьми, зачастую сильно отличающимися от него по своей подготовке, уровню образования, взглядам и т. п., выдвигается на первое место. Он должен уметь убеждать, «продавать свой товар». В отличие от теоретика практик должен разбираться в самом себе, своих мотивах, чувствах, поскольку они часто мо-

гут быть (так же как у психотерапевта, психолога-клинициста) индикатором той или иной проблемы в той сети социальных связей, в которую он включается при решении своих задач. Выполняя различные социальные роли, теоретик и практик часто вступают в конфликт».

Хотелось бы еще раз отметить, что анализируемый тип общения зачастую приводит к прекращению отношений. Ведь манипулирование, отношение использования всегда являются обоюдными. Человек смиряется с тем, что его используют, но переживание того, что его использовали и выбросили за ненадобностью, как выжатый лимон, является невероятно болезненным и часто об этом человек помнит долго, может быть, даже всю жизнь, становясь смертельным врагом тому, кто его использовал. Скорее всего такая способность «наживать врагов» формируется стихийно, так как психологические рекомендации всегда учитывают важность завершения контактов, то есть выход из них с наименьшими негативными последствиями для будущего.

Например, юноша С. Г. воспитывался в семье, где очень высоко ценился социальный статус человека. С детства стремясь чего-то добиться в жизни, он научился у родителей «использовать» людей для своих целей. Сначала это были знакомые родителей, помогавшие ему как «хорошему сыну» приятелей. Тогда это было безобидно для самого С. Г., для этих людей он не был равным и потому врагами или недругами они не могли быть, каким бы образом он себя ни вел по отношению к ним. Однако люди, которых он использовал, не могли не видеть, что, достигнув определенных целей: попасть в аспирантуру, напечатать свою первую статью, получить прописку в Киеве, устроиться на работу, приобрести квартиру и т. д." он переставал даже здороваться с помогавшими ему людьми. Причем делал это не из-за отсутствия «человеческой благодарности», как это многие понимают. С. Г. с удовольствием отплатил бы за всякую помощь, только бы не иметь с этими «помощниками» дела. Но он не может отплатить тем, чего от него ждут: дружбой, вниманием, хорошим отношением и др., так как для достижения новых целей эти люди-средства уже не подходят и обременяют его. Так же как молоток и зубило хороши для изготовления простых предметов из металла, а для создания космического корабля нужны другие инструменты.

ты, так и в использовании людей, на каждом этапе необходимость в них изменяется. В нашем случае горе этого человека в том, что он, хорошо освоив этот тип взаимодействия людей, не смог подняться на более высокий уровень.

Как это ни странно, но больше всего страдает от такого типа общения сам его субъект. Где бы он ни сталкивался с людьми, он обрастает невероятным количеством врагов, которые считают его подлецом и негодяем, а, не обладая достаточным уровнем рефлексии, объяснения этого он ищет, обвиняя в зависти, злорадстве, черствости других. Ощущение постоянно напряженного отношения людей к себе не может выдержать ни один человек. У С. Г. появилась бессонница, раздражительность, мысли о самоубийстве и, наконец, язва – что очень часто является результатом невротических состояний. Связать чисто социальные качества человека с его физическим состоянием, соматическими заболеваниями он не в состоянии и потому часто в его устах слышится обида: «Они меня довели...».

Ущербность личности, у которой преобладает такой тип общения, в первую очередь, проявляется в неумении видеть других. Еще А. А. Ухтомский, физиолог, создатель учения о доминанте, связывал счастье с возможностью людей воспитывать в себе «способность переключения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного как конкретного, ничем не заменимого в природе самобытного существа, одним словом, когда воспитывается в каждом из нас доминанта на лицо другого... Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице».

Еще один пример, в котором главный герой со всей острой ощутил себя средством в руках другого. Ситуация достаточно типичная для нашего времени.

Достаточно молодой, не лишенный способностей, ученый В. Д. занимает административный пост, открывающий широкие возможности как в научном отношении, так и в плане установления контактов со многими другими людьми. Именно на

этом втором поприще он достигает значительных успехов. Присущие ему чувство такта, личное обаяние, внимательное отношение к людям, относительная бескорыстность – все это обеспечивало В. Д. большую популярность. Он пользовался вполне заслуженным уважением и расположением коллег не только в своем научном институте, но и за его пределами, у людей, находящихся как ниже, так и выше на иерархической лестнице. Благодаря такому положению со временем к нему начали обращаться со многими и очень разнообразными просьбами и В. Д. действительно, в подавляющем большинстве случаев, помогал людям. Более того, ему нравилось помогать. Лично для него были более значимы отношения с другими людьми, чем те выгоды, которые он мог бы получить в результате своих действий. Хотя, конечно же, и результаты не замедлили сказаться. Ему способствовали во всем: в публикациях его работ и работ его сотрудников; в участии в интересных научных командировках. Безусловным было благоприятное отношение к его аспирантам и докторантам и т. п. вплоть до организации летнего отдыха,

Но по ряду причин В. Д. пришлось покинуть свой административный пост и опуститься на ступеньку ниже по служебной лестнице. Вполне естественно, что при этом резко сократились его возможности. Но люди продолжали обращаться к нему с различными просьбами, да и старых обязательств осталось достаточно много, так что у него еще имелась необходимость поддерживать хотя бы деловые отношения с очень широким кругом лиц. Весьма существенно то, что со всеми этими людьми у В. Д. были достаточно длительные, обоюдные, взаимозависимые отношения делового сотрудничества. Сам В. Д., учитывая длительность таких контактов, считал, что они давно перестали быть чисто деловыми, а стали дружескими. Хотя он и пользовался отдельными услугами, да и в целом отношениями для каких-то целей, но само использование не выступало для него главным.

Некоторое время, после ухода с должности эти контакты еще сохранялись. Но в течение одного двух лет В. Д. обнаружил, что многие люди, которых он считал друзьями, практически перестали с ним общаться и уж подавно перестали выполнять его просьбы, которые ранее не представляли для них никакой сложности. Круг «значимых других» сужался, что им

болезненно переживалось как отчуждение и предательство друзей. Наиболее существенным для нас является как раз тот факт, что деловые отношения, построенные на взаимной выгоде, рассматривались им как отношения личностные. И хотя с его стороны такое отношение к другим было достаточно искренним, но сама ситуация с неизбежной необходимостью приводит к глубокому психологическому конфликту, к чувству отчужденности и разочарованию в людях.

Эти примеры раскрывают еще одно важнейшее свойство такого типа взаимодействия, которое препятствует установлению подлинно человеческих взаимоотношений (дружбы, любви, товарищества), и каждый человек, осознает он это или нет, внутренне сопротивляется таким отношениям и пытается найти хоть где-то в жизни отношения, действительно человеческие. Эта тенденция характерным образом проявляется в системе социальных установок, ценностных ориентаций, в какой-то мере являясь отрицанием экономических отношений в индустриальном обществе.

Западные социологические типологии личности 50-60-х годов («человек организации» У. Уайта, «одномерный человек» Г. Маркузе и т. п.) рассматривали это явление с отрицательной стороны, подчеркивая утрату личной автономии, рост конформизма, ориентации не на внутренние, а на внешние ценности, идентификации с группой и устойчивыми социальными структурами. Особенно значительна в этом плане книга Д. Рисмена «Одинокая толпа». Рисмен утверждал, что в XIX веке преобладающим типом социального характера в США была личность, «ориентируемая изнутри». Содержанием ее стремлений могли быть и жажда обогащения, и желание сделать карьеру, и религиозный аскетизм, но она характеризовалась устойчивостью жизненных ориентаций и целеустремленностью. В современной Америке, по Рисмену, преобладает другой тип человека – личность, «ориентированная на других», которая не имеет устойчивых жизненных целей и идеалов, стремится прежде всего к «гармонии» с окружающими и старается любой ценой быть похожей на других. Этот человек-конформист не знает, в чем же в конце концов состоит его подлинное «Я». Если психологический механизм личности, «ориентируемой изнутри», можно сравнить с гороскопом, то

личность, «ориентируемая на других», как бы имеет внутри радар, чутко реагирующий на любые внешние сигналы .

Сейчас становится все более очевидным, что достижение человеческого взаимопонимания, подлинных межличностных отношений невозможно в рамках деятельностной социально-активной позиции личности. Более того, по-видимому, это невозможно в рамках традиционной европейской цивилизации. Необходима смена исходной установки, парадигмы мышления. С этой точки зрения, не случайны попытки поиска новых установок, через контакт с восточной цивилизацией, которая традиционно строится на иных основаниях.

Во многих тибетских, китайских, японских системах развития личности в качестве необходимого момента предполагается овладение особым типом отношения к другому человеку, общения с ним. Смысл этих отношений заключается в способности отказаться от своих сиюминутных желаний, интересов, целей, полностью отдавшись сопереживанию, пониманию другого, вплоть до растворения в нем. Эту особенность отношений отмечают все исследователи Востока, как одно из наиболее сильных, очевидных отличий наших культур. «Искусство духовного общения в Индии развито повсеместно. В индийском собеседнике... умение слушать – его отличительный дар. Удивительная чуткость, с которой он реагирует на любое движение вашей души. Замечательно отсутствие категоричности, нередкое в наших спорах, предельное внимание и уважение к вашим словам. Здесь исходят из убеждения, что разговор должен не идти на уровне слов, а выявить что-то, стоящее за словами, то, что на уровне сердца. Ясно, что в этой атмосфере беседа превращается как бы в совместную медитацию на ту или иную тему. Беседа такого рода на языке хинди называется «сатсангом». Ее самая характерная особенность – направленность в сторону высокого, вечного, беспредельного.

... Сама беседа, вне зависимости от ее конечного результата, считается наградой за то хорошее, что человек совершил в этой или прошлой жизни «так описывает эту особенность В. Сидоров в книге «Семь дней в Гималаях».

Одним из универсальных средств воспитания такого типа отношений является физическое единение при более или менее полной изоляции воспитуемого. В одной из японских систем воспитания уединение отягощается запретом говорить

даже с самим собой. Такое испытание («моритао») продолжается не меньше недели, и его длительность зависит от «запущенности» человека, от необходимости очищения. Психологически это один из самых трудных моментов, но европейских наблюдателей удивляет совсем не то, что прошедший испытание потом рад каждому контакту и переживает чувство благодарности за малейшее проявление внимания к нему, а то, что в нем возникает стремление и способность слушать других, сопереживать другим, понимать их.

В философских, социологических, психологических исследованиях все чаще встречаются представления о том, что подлинное общение осуществляется только при переходе от деятельностной позиции к созерцательной (С. Л. Рубинштейн, Н. Ф. Наумова и др.).

Но здесь сразу же возникает целый ряд вопросов, на которые необходимо дать ответ:

1. Что плохого для личности в манипулятивности типа общения? Что в ней при этом исчезает или не появляется?

2. Что дает личности «личностное» или подлинное общение? Зачем оно нужно человеку?

Действительно, ведь манипулятивный тип взаимодействия) основанный на взаимной выгоде, взаимном использовании предполагает высокий уровень развития способности понимания другого человека. Человек-манипулятор должен уметь понять другого человека, его действительные мотивы и интересы, склонности и предпочтения. Уметь проанализировать его личностные качества, определить возможности и т. д" то есть составить достаточно развернутую и, в то же время, целостную картину ^другого человека. Без этого манипулятивное взаимодействие невозможно. Но при таком подходе абсолютно все качества человека оказываются в одном ряду и ценностно неокрашенными, как говорят психологи, амбивалентными. Качества рассматриваются как нейтральные, но приобретающие положительную или негативную оценку только в рамках определенной ситуации, в рамках той задачи, которую я решаю, используя другого человека. Даже качества, которые, казалось бы, с самого начала имеют ярко выраженную ценностную направленность, теряют ее. При таком подходе доброта и честность могут превращаться в определенной ситуации в «плохие» качества, потому что препятствуют зада-

чам манипулирования человеком, а трусость и жадность, наоборот, становятся «хорошими».

Таким образом, сами качества теряют нравственно-окрашенные основы, заложенные в них. Они становятся «относительными». «Относительность» здесь употребляется в самом прямом его значении. Те или иные характеристики, свойства человека приобретают качественную определенность, только будучи соотнесеными, отнесенными к конкретной ситуации ». И оказывается, что уже нет хороших и плохих людей, нет честных и подлецов, справедливых и бесприципных. И когда такой подход становится преобладающим в социуме, можно говорить о размывании или даже утрате общественной морали. Общество начинает разлагаться и в нем торжествует предательство, доносительство, безвинные и ненаказуемые убийства.

Но на уровне ценностно-переживаемой определенности качеств это приводит к существенным последствиям в процессе становления личности. У человека не складывается (или деградирует) эмоционально-ценостное отношение к миру и к самому себе. Не умея пережить «хорошее» и «дурное» в других людях, в мире, человек оказывается неспособным оценить и себя.

О значении для личности самооценки, то есть знания себя и отношения к себе, в психологии спорят очень много. Так, экспериментально доказана связь самооценки с личностными качествами и формами поведения человека. Например, адекватная самооценка человека включает такие его личностные качества, как настойчивость, умение хорошо сотрудничать с другими людьми, доброжелательность и помочь окружающим. Этому типу людей свойственно оптимистическое отношение к жизни. Уровень трудности задач, на осуществление которых претендует человек с адекватной самооценкой, соответствует его возможностям и с каждым этапом повышается. Добившись успеха, он ищет более сложные задачи или, потерпев поражение, ставит перед собой достаточно реальные, выполнимые задания. Это явление в психологии носит название уровень притязания. Психологические исследования показывают, что только испытуемые, правильно оценивающие свои возможности, правильно реагировали на свои достижения и недостатки в работе. Если достижения человека значительно ниже того уровня, который он считает для себя доступным, то они не переживаются как успех. Он может оценить его как удачу, к примеру. Если же не-

удачно выполняется задача, которую человек считает выше своих сил, то это не переживается как неуспех.

Соответственно людям с заниженной самооценкой характерны такие черты, как неуверенность в своих силах, безынициативность, обидчивость, недоверчивость, замкнутость, неумение сотрудничать с другими людьми и постоять за себя. Уровень притязания чаще тоже занижен. Человек не пытается усложнять решаемые задачи, а часто даже наоборот ищет такие задания, которые явно ниже его возможностей, либо заранее ставит настолько невыполнимые задачи, что неуспех не вызывает сомнения, но все-таки он осуществляет попытку, дабы еще раз утвердиться в своей оценке: «Ну, я же знала, что у меня из этого ничего не получится». В психологии это называется «аффект неадекватности».

Подобный аффект неадекватности, но еще и с обидой на окружающих или обстоятельства (например: «Здесь в этой задаче что-то не так!», либо «Они же мне все время мешали» и т. д.) характерен и для людей с завышенной самооценкой. Хотя качества такой личности иные: несдержанность, высокомерие, эгоизм, жесткая категоричность, бесцеремонность, заносчивость и беспактность. Человек с завышенной самооценкой имеет устойчивую потребность слышать о себе лестное, что воспитывает леность и безответственность.

Таким образом, психологические исследования доказывают, что неадекватная самооценка нередко становится тормозом для развития личности, причиной личных несчастий, а также усложняет контакты, сотрудничество с другими людьми.

В процессе формирования человека ценностная сложность мира людей, себя тесно связана с тем типом общения, который является преобладающим. И то, что дети начинают усваивать сначала манипулятивный тип общения, вполне оправдано. Ведь сначала окружающие не являются для ребенка личностями, так как он еще сам не личность, а они выступают в своих функциях: помощника, опоры, средства и т. д. Но вот в дальнейшем закрепление лишь манипулятивного типа общения зависит и от того, как, на уровне какого типа общаются с ним. И наша школа, к сожалению, часто выступает образцом исключительно манипулятивного общения. Если к ребенку обращаются как к средству достижения целей учителей, то и у него складывается такой же тип отношений с учителями и в

дальнейшем переносится на других. В младшем школьном возрасте видно, к чему может вести преобладание такого типа взаимодействия.

В одной из киевских школ нами было проведено исследование учащихся вторых классов. Одним из заданий, включенных в программу этого исследования, было определение «хороших» и «плохих» качеств человека. С этой целью детям давались карточки с разными характеристиками личности (всего 48 определений) и их следовало разложить на три кучки: хорошие, плохие и те, без которых можно обойтись: не хорошие и не плохие. Результаты оказались неожиданными: 79 процентов учеников относят к положительным качествам «послушный», «прилежный», «исполнительный», а к отрицательным – «общительный» -48; «нежный», «ласковый» – 9; «любознательный» – 18; «умный» – 10 процентов.

При обсуждении с детьми их ответов они аргументировали следующим образом: «Умный – это плохо?» – Да, конечно. Ведь учительница говорит: «Не умничай! Слишком умный...». И общительный – «плохое качество: учительница всегда ругает, когда разговаривают много...». Здесь мы видим, чем чревато отношение к ребенку как к средству. Он и сам сначала к себе, а затем и к другим относится как к средству, и соответственно оценивает качества этого средства.

<...>

Неразличение хорошего и дурного приводит еще к одному крайне негативному последствию – к эмоциональной пустоте и, можно даже сказать, к эмоциональной тупости. Отсутствие внутренних критериев ведет к тому, что у ребенка не формируются высшие человеческие чувства. В эмоциональном плане такой человек становится полностью зависимым от конкретных обстоятельств, ситуации его сиюминутного существования. Источник оказывается не внутри его, а вовне.

Становление манипулятивного типа взаимодействия как ведущего типа отношения человека в окружающем мире с необходимостью приводит к возникновению этих негативных последствий. Казалось бы, стремление к манипулированию другими должно быть формой проявления неограниченной свободы человека, но на самом деле оно оборачивается его рабоцением, все большей зависимостью от власти условий. Цель и смысл взаимодействия

3.3. Социальная агрессия как предмет исследования в экологической психологии¹⁷

Данная статья появилась как результат моего участия в различных обсуждениях и «круглых столах», посвященных проблеме социальной агрессии и агрессии в СМИ, прошедших за последние пять лет. Однако, наибольшим толчком к осмыслению этой темы послужили два «круглых стола», проведенных лабораторией экологической психологии Института психологии им. Г.С.Костюка АПН Украины. Первый был проведен в 2004 году с участием крупнейшего современного специалиста по проблеме агрессии, американского ученого Леонарда Берковица. Именно тогда появилось первое осмысление того, что эколого-психологический подход дает существенно иной разворот проблемы и позволяет вывести ее обсуждение за индивидуально-психологические рамки. Второй «круглый стол» был проведен в 2005 году в рамках Первого конгресса Украинских психологов. К этому времени уже был сформулирован основной блок идей и произошло чрезвычайно жесткое и плодотворное столкновение с классическим психоаналитическим подходом, который отстаивала Н.Ф.Калина. После этих обсуждений окончательно сформировалась основная идея нашего подхода, которая заключается в том, что агрессивность является характеристикой образа жизни людей и как таковая является прямой противоположностью принципа экологичности образа жизни. Однако, в рамках данной статьи мы рассматриваем только первую половину данного тезиса, не останавливаясь на проблеме экологичности, исходя из необходимости максимально сконцентрироваться на описании разрабатываемой нами модели агрессии и агрессивности.

Исследования агрессии и агрессивности имеют давнюю традицию, хорошо разработанные теоретические модели и экспериментальные схемы. В этих традиционных рамках принято рассматривать агрессию либо как проявления свой-

¹⁷ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологическая психология, выпуск 6, 2005. – Стр. 408-415.

ства личности, то есть как агрессивность, либо как особенности поведения субъектов взаимодействия. В первом случае агрессия становится, по-преимуществу, предметом психологии личности, а во втором – поведенческой психологии или этологии.

Однако, в рамках эколого-психологической проблематики обе традиционные модели агрессии оказываются недостаточно эвристичными и не обладающими достаточным объяснительным или описательным потенциалом. Если рассматривать проблему агрессии с точки зрения взаимодействия в системе «человек – окружающая среда», то очевидно, что традиционные модели не дают понимания причин и механизмов агрессивности среды по отношению к человеку и агрессивности человека по отношению к среде. Нам представляется, что дело заключается в том, что агрессия в современном обществе вышла за рамки межличностного взаимодействия и даже за рамки взаимодействия тех или иных социальных групп и стала значащей характеристикой образа жизни людей.

Понятие образа жизни как устойчивой формы деятельности-ного отношения человека к окружающему миру, является, с нашей точки зрения, центральной категорией экологической психологии. Проведенные нами на протяжении почти двадцати лет исследования изменений образа жизни в кризисных постчернобыльских сообществах, позволяют утверждать, что специфическим содержанием понятия образа жизни выступают **формы организации жизнедеятельности индивида или групп людей**.

Существенным является то, что в культурно-историческом плане формы организации всегда существуют только как идеализированные объекты, то есть как организационные схемы, обеспечивающие развертывание конкретных процессов мышления (сознания) и деятельности. Поэтому, если некоторые организационные схемы остаются неизменными для того или иного периода времени, для определенного индивида или группы, то независимо от конкретного содержания мышления и деятельности, мы можем говорить о стабильности форм жизнедеятельности, об устойчивом образе жизни. Отсюда следует три важных методологических определений понятия образа жизни.

Во-первых, образ жизни является совокупностью устойчивых способов и форм организации социокультурной жизни

людей. Понятие образа жизни должно распространяться на все уровни социальности. Оно одинаково успешно должно применяться к индивиду, к стабильной малой группе типа семьи или коллектива, к организации или социальному институту, к большим социальным группам с явно выраженным субкультурными признаками, к этнической группе или к обществу в целом.

Во-вторых, в социокультурном плане образ жизни представляет собой объективную характеристику способов социального взаимодействия в наиболее значимых сферах жизни общества – в производстве, потреблении, управлении, обеспечении защиты и т.п. В психологическом плане образ жизни представляет собой набор ценностей и норм, которые детерминируют распространение и передачу от поколения к поколению определенных моделей поведения.

В-третьих, образ жизни представляет собой определенную целостную характеристику бытийности индивида и социума. Однако эта внутренне дифференцированная целостность, содержание которой определяется по линиям или параметрами основных отношений личности, в которых она получает возможность деятельностной реализации своего видения мира, и отношение к нему.

Поэтому, если агрессивность становится характеристикой образа жизни людей, то она становится характеристикой самых разных сред существования человека, включая сюда и непосредственно природную среду.

По отношению к среде существования понятие агрессии до сих пор практически не употреблялось. Исключения составляют немногочисленные работы, посвященные проблеме агрессии в СМИ, рекламе и т.п. Тем не менее, сейчас мы можем констатировать, что социальные проявления агрессии стали настолько разнообразными, что традиционные представления их уже просто не охватывают. Если принять предположение, что изменение форм и проявлений агрессии связано именно с усложнением среды существования человека, то логичным будет начать анализ проблемы с попытки хотя бы первичной типологизации сред существования. Очевидно, что таких типологий можно построить значительное количество и они будут зависеть только от содержания решаемой проблемы.

В рамках проблемы агрессии, за одну из исходных аксиом можно принять положение, что всякие проявления агрессии являются формами субъектных взаимодействий. Это означает, что, даже рассматривая различные среды существования человека, мы должны их представить как носителей той или иной субъектности в категориально-понятийном значении этого термина. С этой точки зрения все возможные виды сред можно объединить в шесть типов по признаку убывания степени субъектности, присущей каждому типу сред.

1. **Коммуникативная среда.** Ее образуют индивиды и малые группы с устойчивыми межличностными контактами. Агрессивность коммуникативных сред определяется особым **стилем общения**, который характеризуется преобладающей ориентацией каждого участника общения только на свои собственные интересы при полном игнорировании интересов других участников. Более того, каждый другой участник рассматривается индивидом как помеха на пути достижения собственных целей или предметов удовлетворения потребностей. С.Л.Рубинштейн определял любовь как признание другого человека самым существующим на свете, более существующим, чем я сам, а ненависть – как отказ в признании права другого человека на существование. Следуя этой логике мы можем определить **агрессию как не признание за другим права на собственную субъектность** – каждый участник взаимодействия рассматривает только самого себя как полноценного субъекта, лишая другого определения субъектности. Таким образом, агрессия является не способом (типов) взаимодействия, а способом отношения индивида к Миру, когда он принимает собственные цели и интересы за абсолютно приоритетные, не признавая ничьих других интересов и относясь к другим как к помехе на своем пути, которую необходимо устраниć. Именно этим, с нашей точки зрения, объясняется такое разнообразие проявлений агрессии – устранение помехи является действием исключительно функциональным и строится в зависимости от множества факторов, но сама агрессивность при этом становится стилевой характеристикой способа действия индивида, а не его индивидным качеством. Существенно, что это базовое определение агрессии и агрессивности сохраняется и на всех последующих уровнях средовых отно-

шений, получая специфическую качественную определенность, но не изменяясь по смыслу.

2. Организационная (социальная) среда. Ее образуют различные конкретные организации и информационные потоки, в которые непосредственно включен индивид в процессе своего социального функционирования¹⁸. Агрессивность организаций по отношению к включенному в нее индивиду определяется степенью отношения к нему как к исполнителю производственных заданий, как к «человеческому фактору» производительности организации. Организационная агрессивность проявляется в преобладающем стиле управления, основанном на признании абсолютного приоритета производства над индивидом и жестком иерархическом способе принятия решений, распределения функций и дозирования информации.

На стороне индивидов, включенных в организационную среду, складываются особые формы ответной агрессии. Нам представляется, что наиболее распространенными являются две формы антиорганизационной агрессии:

- более или менее явное противостояние администрации организации (от пассивной формы: «пусть скажут спасибо, что за такую зарплату я вообще прихожу на работу», до активной формы забастовочного движения);
- использование организации в корыстных целях (как говорил М.Жванецкий: «Что охраняю, то и имею»).

Существенно, что в отличие от коммуникативной среды, где формы агрессии потенциально равновесны, то есть потенциально могут в равной мере использоваться всеми субъектами, организационная среда порождает принципиально неравновесные формы агрессии. Агрессия приобретает явно выраженный позиционный и социально статусный характер. Позиционно-статусные формы агрессии переносятся из организационной среды в коммуникативную, преобразуясь там в специфические формы индивидуальных агрессивных способов действия.

3. Социогенная среда. Ее образуют совокупность социальных по происхождению инфраструктур, призванных регу-

¹⁸ В социологии и экономике этот уровень обычно определяется как средний, мезоуровень социальной институционализации.

лировать и обеспечивать социальные процессы, но обособившиеся в самостоятельно функционирующие социальные институции. Существенно, что за последние десятилетия во всем мире (конечно, в разное время и с разной скоростью) возник еще один глобальный социальный институт в виде СМИ, которые создают глобальную информационную сеть, что дало основание говорить о переходе к информационному обществу.

Отличительной особенностью социогенной среды является то, что конкретные индивиды не могут вступать в непосредственное взаимодействие с инфраструктурами – взаимодействие осуществляется через разного рода организации, представляющие эти инфраструктуры как органы социальной жизни. Так, например, индивид не может взаимодействовать с государством, но может обратиться к президенту, в кабинет министров и т.д. Но и инфраструктура вступает во взаимодействия с индивидами также опосредовано, через различные регулятивные акты (от конституции до негласных распоряжений) и создаваемые органы реализации этих регулятивных функций. Принципиальным является различие организационной среды как совокупности организаций, непосредственно производящих социально-экономические компоненты образа жизни людей, и организаций как органов инфраструктуры, направленных на регуляцию социальных процессов и отношений. (С этой точки зрения становится понятной, например, та напряженная ситуация, которая сложилась вокруг ЖЭКОв, которые создавались как контрольно-регулятивные органы, а население требует, чтобы они функционировали как производительные организации).

Через регулятивную систему социогенная среда включает в себя и организационную среду, и коммуникативную, и образ жизни каждого отдельного индивида. Однако, надо понимать, что это очень специфическое включение. Эти среды не являются компонентом социогенной среды (ни структурными, ни функциональными) – они «вложены» в нее по принципу матрешки, то есть каждая среда обладает собственной структурно-функциональной целостью и независимостью существования, но вместе они образуют новую целостность, не аддитивную сумме своих частей.

Нам представляется, что возникающие и существующие формы агрессии в социогенной среде определяются именно

опосредованным характером взаимодействия в ней. Основная форма агрессии со стороны социогенной среды заключается в **репрессивном способе регуляции**. Еще раз подчеркнем, именно в способе регуляции, а не в самих по себе регулятивных актах. Это означает, что агрессивной может быть только **регулятивная политика**, а не регулятивные механизмы или акты, хотя последние могут носить сколь угодно жесткий характер. Репрессивность означает, что для социогенной среды все остальные типы сред (организации, группы и индивиды) выступают только в качестве **материала** достижения целей сохранения или развития самой инфраструктуры или, в наихудшем варианте, в качестве препятствия на пути реализации этих целей.

В психологическом плане агрессивность социогенной среды основывается на **произволе** тех лиц, которые оказались включенными в процедуры определения и выбора регулятивной политики. Это означает отсутствие объективированных механизмов ограничения выбора – он ограничивается только ценностными ориентациями лиц, осуществляющих этот выбор (независимо от того, являются эти ценности декларативными или реальными).

Ответная агрессия индивидов, групп и организаций строится на том же психологическом постулате – обособившиеся инфраструктуры являются препятствием для их свободного существования. Агрессия приобретает протестные формы и проявляется в чрезвычайно широком спектре конкретных способов действия. Частично эти формы хорошо известны и описаны, частично они еще не стали предметом внимания и специального исследования. Так, протестные формы ответной агрессии населения против репрессивной политики государства давно получили свою научную, в том числе, и социологическую, и психологическую интерпретацию. Но, с этой точки зрения, совершенно в ином свете выступают, например, такие явления, как теневая экономика и всем известный «черный налог», которые, безусловно, являются формами ответной организационной и индивидуальной агрессии. Точно так же протестной агрессией населения против агрессивной рекламной политики СМИ является массовое выключение телевизоров (или переключение каналов) во время рекламы.

Различных примеров можно привести огромное количество, но нам важно подчеркнуть, что агрессивность становится обобщенной, охватывает все типы сред существования человека и, в потенции, может становиться тотальной. Здесь следует отметить еще один, чрезвычайно важный социально-психологический феномен. При росте агрессивности социогенной среды она сама начинает навязывать индивидам формы и образцы агрессивности как некую социальную норму. Классическими примерами навязывания агрессивности как нормы и эталона поведения могут служить многочисленные рекламные ролики, где по сюжету какой-нибудь молодой человек наносит окружающим травмы и телесные повреждения ради того, чтобы достать бутылочку любимого напитка или сладкий шоколадный батончик.

Завершая анализ агрессивности социогенной среды, необходимо отметить еще два момента.

Во-первых, чрезвычайно интересным и перспективным представляется анализ такого социального феномена как общественные организации и движения. С одной стороны, они возникают, как правило¹⁹, для защиты или поддержки чьих-либо прав и интересов, но, с другой стороны, действия таких организаций могут приобретать откровенно агрессивный характер. Причем эта агрессия может быть направлена как вовне, так и вовнутрь самой организации, то есть на самих членов организации (такие случаи хорошо известны и получили название «агрессивных» культов, сект и т.п., но реально это общая проблема всех общественных организаций, а не отдельных видов).

Во-вторых, по-видимому, не существует прямой связи между формой правления (типов государства) и степенью агрессивности социогенной среды. Агрессивность характеризует образ жизни социума, то есть основные способы организации деятельности и функционирования социальных структур, а не сами по себе структуры – и при абсолютной монархии, и при парламентской республике в равной мере могут складываться агрессивные социогенные среды существования человека.

¹⁹ Мы в данном контексте не рассматриваем ситуацию, характерную для теневой экономики, когда общественные организации фактически являются производственными, а создаются только для ухода от налогообложения.

Таким образом, мы пытались показать, что все формы социальной агрессии образуют системную характеристику образа жизни людей, который складывается на разных уровнях социальных взаимодействий. Чрезвычайно важным является то, что все формы агрессивности имеют существенное ограничение в рамках самого же образа жизни. Мы считаем, что таким ограничителем выступает идея **справедливости**, «**правильности**» форм организации жизнедеятельности, которая является социально-психологическим стержнем устойчивости, стабильности и воспроизведимости любого образа жизни. Агрессия, поэтому, не является объективным фактом нанесения того или иного ущерба, агрессия – это нарушение принципа справедливости, это действие, разрушающее хрупкое равновесие между человеком и средой его существования. Если агрессия становится характеристикой самого образа жизни, если сам образ жизни становится агрессивным, то происходит быстрое и катастрофичное разрушение всех сред существования человека, в чем легко убедиться, задумавшись, хоть на минуту, о действительных причинах тотального уничтожения природы и надвигающейся глобальной экологической катастрофы.

Литература

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: прайл-ЕВРОЗНАК, 2001. – 512 с.
2. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / В кн. Проблемы общей психологии. – М., «Педагогика», 1973. – 424 с.
3. Швалб Ю.М. Еколо-психологічні виміри способу життя //Актуальні проблеми психології: Зб. наук. праць Інституту психології імені Г.С.Костюка АПН України – К.: Мілленіум, 2005, т. 7, вип. 5, ч. 2. – С. 294-301

3.4. Переживание успеха и успешности в структуре образа жизни личности²⁰

Понятия успеха и успешности только совсем недавно стали предметом исследований в отечественной психологии, собственно, как и многие другие понятия, характеризующие повседневную жизнь и обыденное сознание людей. Работы, посвященные естественным человеческим состояниям и переживаниям – одиночеству и счастью, успеху и неудачам, радости и горю, любви и ненависти и т.д. – до сих пор остаются большой редкостью²¹. В то же время, становится все более очевидным, что без тщательной теоретической и экспериментальной разработки проблематики переживания, невозможно дальнейшее развитие психологических теорий и практик.

Среди причин слабой теоретической разработки проблемы переживаний в целом и проблемы успешности в частности, мы бы выделили две основные.

Во-первых, это рассмотрение проблемы переживаний исключительно в индивидуально психологическом, личностном плане. Казалось бы очевидная «прописка» переживаний в индивидуальном пространстве психической жизни личности, в исследованиях приводит к их крайней субъективизации и бесодержательному выводу, типа: «у каждого свое». Безусловно, большинство авторов совершенно справедливо рассматривают переживание как состояние сознания, но инкапсулирование переживаний в сознании делает их неотличимыми от других видов эмоциональных состояний и, соответственно, приводит к невозможности построения теории и конкретной методологии исследования²².

²⁰ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – экологическая психология, выпуск 30, 2012. – Стр. 414-427.

²¹ Мы имеем в виду научную литературу, а не развлекательную, типа «как стать счастливым уже сегодня» или «как добиться успеха у своего начальника» и т.п.

²² Исключение составляют известные работы Рисмена, который вводит проблематику переживания личиночества в социальный контекст.

Во-вторых, проблема переживаний, по-преимуществу, рассматривается в контексте психотерапевтически ориентированных психологических практик. Соответственно, основной упор делается на негативных переживаниях, приводящих к тяжелым состояниям личности, ставящих ее на экзистенциальную грань. Из-за этого само понятие переживания получило однобокую трактовку и наполнилось преимущественно негативным содержанием и смыслом. В современной психологии этот факт уже хорошо осмыслен, в частности в «позитивной психологии», однако новые модели разработаны еще крайне слабо.

Разрабатывая проблематику переживания, в частности, негативные и позитивные аспекты одиночества и уединения, мы постоянно сталкивались с фактами, что чувство одиночества и стремление к уединению являются феноменами образа жизни личности, которые осознаются и переживаются индивидом как собственные психологические состояния. Аналогично этому, приступая к исследованию проблемы успеха и успешности, мы исходили из двух методологических посылок.

Первая методологическая предпосылка заключается в утверждении, что переживание успеха и успешности является фактом обыденного сознания. Причем, акцент в этом утверждении ставится именно на обыденном, так как то, что переживание осознается и так всем известно. Обыденность подчеркивает то, что осознание осуществляется на нерефлексивном уровне, вне развернутого логического мышления или каких бы то ни было теоретизаций и вне рационализированного понимания. Иными словами это означает, что успех осознанно переживается личностью как факт жизни, но при этом не является когнитивным конструктом. Отсюда следует первая рабочая гипотеза исследования: для индивида успех всегда лежит в некоторой предметности, которая эмоционально насыщенно переживается им как свое собственное достижение. Эту же гипотезу можно переформулировать: для индивида переживание успеха возникает только тогда, когда достижение изменяет Я-образ индивида и становится основанием трансформации Я-концепции личности.

Вторая методологическая предпосылка заключается в утверждении, что переживание успеха и успешности становится фактом жизни индивида только в том случае, когда индивидуальное достижение признается социумом (некоторым сообще-

ством) как социально значимое. Такое признание становится возможным только при условии наличия необходимой культурно-нормативной базы для осуществления оценочной деятельности и тех социальных субъектов, за которыми признается право осуществлять эту деятельность. Отсюда следует вторая рабочая гипотеза исследования: для индивида успех всегда лежит в некоторой социальности, которая эмоционально насыщенно переживается им как групповое признание своего соответствия более высокому образцу в данном виде социокультурной деятельности. Эту же гипотезу можно переформулировать: для индивида переживание успеха возникает только тогда, когда достижение прямо связано с изменением его социального или группового статуса.

Проверка этих гипотез и их согласование составляют задачу данного исследования. Исследование проводилось методом группового фокусированного интервью с использованием встроенной техники незаконченных предложений. Группы комплектовались по двум критериям: 1) из представителей сходной сферы профессиональной деятельности – гуманитарии, а именно: психологи, социальные работники, социологи, филологи; 2) участники обсуждения отчетливо различаются по своему социальному статусу – студенты, практики, преподаватели, кандидаты наук и доктора наук. Полученные данные обрабатывались с использованием методов контент-анализа. Анализ на статистическую достоверность не проводился.

Процедура исследования строилась следующим образом. Гайд составляли пять блоков вопросов, каждый из которых последовательно был представлен для участников в виде вопроса или незаконченного предложения, которое они должны были индивидуально завершить не менее, чем пятью вариантами ответа. После этого, индивидуального этапа работы проводилось групповое обсуждение, направленное на уточнение, объяснение и аргументацию мнения каждого участника.

Первый вопрос для обсуждения был направлен на выявление содержательных характеристик представлений участников о том, что такое успех как категория и явление в жизни каждого человека. Анализ ответов показал следующее.

Среди наиболее значимых характеристик успеха называются следующие категории²³:

- достижение цели, целеустремленность, реализация желаний;
- любимое дело, труд, работа;
- реализация, самореализация, развитие, самооценка;
- смысл, смысл жизни;
- престиж, статус, карьера, широкие возможности, деньги, достаток, большие деньги;
- управление, контроль, сила.

Конечно же, представленная группировка в значительной мере произвольна, но она показывает достаточно отчетливые категориальные границы понятия успеха и успешности – все предложенные определения «растянуты» между условными полюсами индивидуальной деятельности и социального статуса. Очень интересные результаты получены при дифференцировке указанных категоризаций по профессиональному статусу участников²⁴. При определении профессионального статуса нами учитывались формальные и неформальные показатели, такие как: наличие профессионального образования, стаж работы, наличие ученой степени и звания, опыт работы, широта профессиональной деятельности, наличие собственной практики, наличие авторской профессиональной тематики, авторитетность в профессиональной среде и др. Наверное, профессиональный статус можно трактовать как интегральный показатель профессиональной компетентности личности и степени признания в профессиональной среде.

²³ Категории представлены в порядке убывания частоты упоминания

²⁴ Установление профессионального статуса участников является крайне сложной и слабо формализуемой задачей, так как предполагает учет не только формальных признаков, но и неформальных, типа авторитетности в профессиональной среде. Так, например, по показателю профессиональной авторитетности психолог-практик может занимать более высокое ранговое место, чем доктор наук, занимающийся только преподавательской деятельностью в вузе, хотя сам доктор наук может считать свое место значительно более высоким. Но формализация показателей профессионального статуса не входила в задачи нашего исследования, поэтому осуществленная нами дифференцировка строилась по полуинтуитивным-полурациональным критериям, а не как развернутая экспертная работа.

По этим показателям все участники нами были условно разделены на три группы и за счет повторного контент-анализа произведена группировка их высказываний (см. табл. 1).

Таблица 1
Распределение категоризаций по уровню профессионального статуса

Профессиональный статус	Категориальное пространство «успеха и успешности»
Низкий	смысл, смысл жизни, самореализация, престиж, статус, карьера, управление.
Средний	реализация, карьера, самореализация, развитие, самооценка, деньги, достаток, большие деньги, управление, контроль, сила.
Высокий	достижение цели, целеустремленность, реализация желаний, любимое дело, труд, работа, широкие возможности.

Данные таблицы показывают, что для участников с низким профессиональным статусом характерным является крайне абстрактное и идеализированное представление об успехе, причем, как в личностном, так и в социальном аспекте. В ходе обсуждения выяснилось, что они ничего взятного не могут сказать ни о том, как они видят смысл жизни в успехе (равно как и место успеха в смысле жизни), ни о том, какая им видится успешная карьера или, чем они будут успешно управлять. Такое представление, очевидно, связано с нерефлексивным принятием идеи ценности индивидуального успеха в структуре образа жизни, но слабо связано с представлениями о сферах собственной жизнедеятельности.

Для участников со средним уровнем профессионального статуса характерным является предельная развернутость успеха «на себя» как в личностном, так и в социальном аспекте. В их высказываниях успех неразрывно связан с «Я»: «Я реализуюсь», «Я смогу свободно развиваться», «Я сделаю карьеру», «У меня будут деньги», «Я буду управлять другими» и т.д. Такой тип представлений, условно, можно назвать эгоцентрическим и он, по-видимому, связан, с одной стороны, с существенной интер-

нализацией личности, а с другой – с переживанием того, что что-то сделано и достигнуто, но очень мало.

Для участников с высоким профессиональным статусом характерным является предельная ориентация на деятельность и ее продуктивный характер. При этом в высказываниях подчеркивается личностная пристрастность в выбранной сфере деятельности, как основное условие достижения значимых результатов. В связи с этим подчеркивается, что успех нельзя «получить», его нельзя «добиться», он «приходит» как признание от других людей. В личностном аспекте они указывают, что успех дает чувство реализации и возможности заниматься тем, что входит в сферу собственных профессиональных интересов. Фактически в высказываниях, в различных вариациях, повторяется известный тезис, что «успех – это 10% таланта и 90% труда. Интересным представляется и тот факт, что в этой группе снижается ориентация на непосредственное реагирование социального окружения, но возрастает ориентация на социальную значимость действия.

Таким образом, по первому блоку вопросов получены достаточно отчетливые группировки категорий по признаку профессионального статуса. Надо также отметить, что по таким признакам, как пол и возраст получить устойчивые группировки не удалось. По-видимому, можно предположить, что формальные социальные признаки индивида являются недостаточным основанием для понимания успеха и успешности как одного из базовых конструктов сознания и образа жизни людей.

Второй блок вопросов был связан с выявлением ассоциативных рядов, связанных с успехом и успешностью. При проведении этой части методики мы предполагали, что получим не когнитивный, а эмоциональный контекст переживания успеха.

Приведем перечень полученных ассоциаций²⁵: радость, счастье, улыбки, удача, победа, сила, гордость, на коне, на пьедестале, величие, медаль, публика, красная дорожка, весна, вершина, ветер, солнце, удовлетворение, комфорт, безопасность, гармония, открытость, сомнения, хаос, полосы, горечь утрат.

Как видно из приведенного перечня, общий эмоциональный фон чрезвычайно позитивный, можно сказать «высоко» пози-

²⁵ Из всего полученного списка мы исключили те слова-ассоциации, которые повторяли слова-категоризаций.

тивный (на коне, на пьедестале, величие, медаль, красная дорожка, вершина) и для нас самих было неожиданным получение ряда негативных эмоциональных составляющих успеха. Проведенные группировки ассоциаций по тем же группам респондентов показали следующее (см. табл. 2).

Таблица 2
Распределение категоризаций по уровню профессионального статуса

Проф. статус	Категории	Ассоциации
Низкий	смысл, смысл жизни, самореализация, престиж, статус, карьера, управление	на коне, на пьедестале, величие, медаль, публика, красная дорожка, ветер, вершина, солнце, счастье, радость, улыбки
Средний	реализация, карьера, самореализация, развитие, самооценка, деньги, достаток, большие деньги, управление, контроль, сила	радость, улыбки, удача, победа, сила, гордость, весна, вершина, удовлетворение, комфорт, безопасность
Высокий	достижение цели, реализация желаний, любимое дело, труд, работа, широкие возможности, целевая устремленность	гармония, открытость, удовлетворение, сомнения, хаос, полосы, горечь утрат

Приведенные данные показывают наличие существенных различий в качестве ассоциаций по группам респондентов.

Для участников с низким профессиональным статусом характерным является крайне возвышенное и эмоционально насыщенное переживание успеха. Причем, часть респондентов демонстрирует чисто социальный контекст эмоций, а часть – чисто личностный. В ходе обсуждения выяснилось, что одни «просто видят себя» на коне, на пьедестале и т.д., а другие «просто чувствуют» ветер солнце и т.п. Выявить факторы такого разделения нам не удалось, вполне возможно, что это связано с

какими-то более глубокими индивидуальными особенностями, например, с типом ведущей перцептивной системы или типом ориентации. В любом случае переживание успеха представляется как одно из вершинных переживаний, и не случайно именно в этой группе оно достаточно часто ассоциируется с понятием счастья, чего нет в других группах.

Для участников со средним уровнем профессионального статуса характерным является развернутость эмоций «на себя», на собственное «Я» – это моя «радость, победа, сила, гордость, удача», это мне «улыбки», это мои «удовлетворение, комфорт, безопасность». Отметим несколько интересных, на наш взгляд моментов.

Во-первых, в этой группе постоянно возникает понятие «удачи», которое выражает случайное, неконтролируемое и неуправляемое позитивное событие в жизни. В психологическом плане ориентация на удачу является показателем наличия мистических конструктов в сознании индивида, связанных с признанием наличия судьбы и предначертанности жизни, со снижением субъектности и возрастанием экстернальности личности. Это факт тем более важен, что он прямо противоречит нашему выводу о возрастании интернальности у респондентов этой группы при анализе категоризаций. Нам представляется, что для этой группы действительно характерным является внутренняя противоречивость базовых психологических конструктов: на когнитивном уровне возрастает интернальность, как осознанная установка на себя как субъекта деятельности, а на эмоциональном уровне возрастает экстернальность, как переживание собственной зависимости от других людей или обстоятельств, как неспособность реализовать собственные планы и амбиции. По-видимому, конструкт «удачи» и является тем психологическим инструментом, который позволяет примирить эти две противоположные психологические тенденции и сохранить внутреннее равновесие.

Во-вторых, социальный аспект успеха смещается в коммуникативную плоскость. Радость, улыбки и прочее – это праздничный, празднико, который пришел и ушел. В высказываниях респондентов этот ситуативно-коммуникативный характер успеха прослеживается очень четко – они описывают личностный характер этого праздника: «это – как день рождения».

В-третьих, в эмоциональной составляющей успеха появляются новые смыслы, связанные с отсутствием необходимости что-то делать и напрягаться в будущем. Успех выступает как некая предпосылка и гарантия спокойного, праздного будущего – «удовлетворение, комфорт, безопасность». Это хорошо соглашается с когнитивным слоем, где успех представлен через деньги, достаток и власть.

Для участников с высоким профессиональным статусом характерным является резкая bipolarность отношения к успеху. С одной стороны – это «гармония, открытость, удовлетворение», а с другой – «сомнения, хаос, полосы, горечь утрат». Принципиально важным является то, что это разделение проходит не между членами группы, а «внутри» каждого представителя группы. Иными словами, это не противоположность мнений, а bipolarность переживаний. Среди ответов участников группы мы не выявили ни одного, который бы свидетельствовал о феномене безразличия к успеху, но обнаружен факт переоценки значимости успеха в жизни личности. Успех из ценности и «счастья» превращается в «сомнения и горечь утрат». При обсуждении этих вопросов участники группы уточняют свою позицию, что успех раньше для них был особой ценностью, а сейчас они понимают, что просто ради успеха не стоит и напрягаться, что стремление к успеху всегда связано с невосполнимыми потерями в других сферах жизни, в первую очередь, в отношениях с близкими людьми. Если сопоставить категориальный и эмоциональный ряды высказываний членов этой группы, то обнаруживается очень высокая степень их согласованности при некотором обесценивании самого понятия успеха как феномена социальных отношений. В качестве предварительной объяснительной гипотезы, мы можем высказать предположение, что для людей с высоким (наверное, и для людей с очень высоким) профессиональным статусом ориентация на успех является «пройденным этапом» – он уже есть – а смысложизненные ориентиры надо искать в иных плоскостях жизнедеятельности. Иными словами, успех как чистая социальность обыденного сознания теряет свою ценность и смысл, и обнажается негативная сторона этой же социальности.

«Куда выходит королева, когда она выходит из себя?» - Л. Кэррол утверждал, что он это знает, а мы – нет. Поиск ответов на вопрос о том, в какие иные формы и плоскости сознания вы-

ходят люди с реальными высокими уровнями профессиональных достижений (а также что является причиной, а что – следствием) должен стать предметом специальных исследований, которые, возможно, станут основанием нового понимания природы сознания.

Анализ категориально-ассоциативных рядов был дополнен самоописаниями респондентов. Эта часть работы строилась с использованием метода незаконченных предложений. Участникам групп предлагалось индивидуально пять раз закончить предложение: «Когда я успешен, то я ...». Все ответы были разделены на три вида: описания возникающего настроения; описания устойчивых состояний; описания деятельной составляющей. Затем все описания распределены и проанализированы по группам респондентов (по показателю профессионального статуса). Нами были получены следующие результаты.

Во-первых, все респонденты переживают практически одинаковое настроение радостного веселья, которое они выражают в таких словах: «у меня хорошее настроение; радуюсь жизни; я чувствую удовлетворение; радуюсь; мне хорошо в психологическом плане; мне весело» и т.п.

Во-вторых, при описании состояний появляются существенные различия по группам. В группе с низким профессиональным статусом преобладающим видом состояний является состояние подъема собственного «Я»: «я счастлив; я победил; я молодец; я собой горжусь; чувствую силу, все могу; люблю себя; открыт, радостен и счастлив» и т.д. Существенно, что это переживание своего «Я» распространяется не только на себя, но и на других: «всем готова помогать; люблю всех окружающих; дарю; радую родных и близких; дарю больше позитива» и т.п.

В группе со средним профессиональным статусом, помимо переживаний собственного «Я» переживания собственных изменений: «жизнь обретает смысл; я получаю все что хочу; уверена в себе; это азарт» и т.п.

В группе с высоким профессиональным статусом описания состояний кардинально отличаются от описаний в других группах, причем, не только по содержанию, но и по общей модальности: « спокоен; свободен; интересен; расслаблен; жизнь сбалансированная; я в потоке, на волне; щедр; независим; не агрессивен; юмористичен» и т.п. Нам представляется, что здесь отчетливо сдвигается переживание с тех компонентов, которые

составляют основу «Я-образа» на те, которые входят в структуру «Я-концепции» личности. Можно предположить, что объективно незначительные достижения влияют на изменения «Я-образа» индивида, а более значительные и устойчивые достижения приводят к трансформации «Я-концепции» личности. Заметим также тот факт, что в самоотношении индивида эти изменения всегда позитивны (по крайней мере в нашем исследовании, мы не получили ни одного негативного определения изменений), хотя жизненный опыт подсказывает, что изменения «Я-концепции» могут носить и явно выраженный негативный характер. По-видимому, этот факт самым лучшим образом подтверждает нашу гипотезу о нерефлексивном характере осознанности переживания.

В-третьих, наибольшие различия были зафиксированы по деятельностному параметру, который условно можно еще определить как «отношение к будущему».

В группе с низким профессиональным статусом деятельная составляющая представлена абстрактным стремлением к еще большему будущему успеху: «хотеться добиваться, достигая новых целей; прокручиваю новые планы, выстраиваю задание покруче; хочется двигаться дальше; я буду еще больше наращивать успех» и т.п.

В группе со средним профессиональным статусом появляется существенная рационализация: «готова к более трудным задачам и проектам; много энергии для новых начинаний» и т.п. Хотя эта готовность, по-видимому, еще не наполнена сколько-нибудь осознанным содержанием, но сам факт перехода в субъективном пространстве переживания от желания к готовности является очень показательным и важным.

В группе с высоким профессиональным статусом содержательная сторона будущего становится абсолютно преобладающей: «возникают новые идеи; планирую; открываются новые перспективы; приобретаю ответственность» и т.п.

По-видимому, можно утверждать, что переживание успеха выполняет важную функцию ориентации индивида на дальнейшее продвижение и достижение все более значимых успехов. Успех является специфическим «самомотиватором», активирующим и направляющим деятельность индивида – успех порождает стремление к успеху, все более наполняясь содержанием и социальным смыслом.

Таким образом, анализ самоотношений людей к успеху показал наличие в нем, по крайней мере, трех структурных компонентов: настроение, состояние, интенция. Успех вызывает безусловно позитивное настроение, приводит к изменениям в «Я-образе» и «Я-концепции» личности и выполняет важную мотивирующую функцию, которая заключается в последовательной активации и осознаваемой интенциональности деятельности на следующий успех.

Однако, сама ситуация успеха, помимо самоотношения индивида, содержит в себе и социально-оценочную составляющую. Сложность этого, социально-оценочного отношения, заключается в том, что каждый индивид выступает не только как объект социального оценивания, но, будучи живой единицей социума, сам является субъектом и носителем социального оценивания. Можно предположить, что эта субъектно-объектная двойственность социальной позиции индивида выражается и в двойственности его оценочных отношений. Для проверки этой гипотезы мы использовали метод незаконченных предложений. Респондентам предлагалось по пять раз завершить фразы: «Когда я сталкиваюсь с чьим-то успехом, то я ...» и «Когда окружающие видят мой успех, то они ...». Первое высказывание прямо раскрывает отношение индивида к чужим успехам²⁶, второе – его ожидания по поводу отношения других людей.

Контент-анализ показал, что все ответы могут быть представлены в следующих категориях (см. табл. 3).

Таблица 3.

**Категоризация отношения к успеху
в ожиданиях и действиях индивида**

№	Ожидания	Действия
1	Вредят	
2	Завидуют	Завидую
3	Льстят,	
4	Лицемерят	
5	Используют	
6	Удивляются	
7	Нейтрально	Нейтрально

²⁶ Мы старались создать в группе ситуацию максимальной открытости и искренности, но в рамках данного метода исследования проверка степени искренности ответов невозможна.

8	Восхищаются	Восторгаюсь
9	Радуются	Радуюсь
10	Поздравляют	Хвалю
11	Дружба	
12	Сотрудничество	
13	Помогают	
14	Просят совет	
15	Принимают	
16	Хотят также	Хочу также
17	Анализируют	Анализирую, обсуждаю
18		Сравниваю
19		Понимаю
20		Активизируюсь, изменяюсь

Данные, приведенные в таблице, однозначно подтверждают нашу гипотезу о противоречивости и разрывности оценочных отношений, их нерефлексивном и нерационализированном характере. Как мы видим, респонденты приписывают окружающим весьма обширный арсенал негативных действий и реакций, а в себе признают только одно – зависть²⁷. Но и позитивная сторона отношений также является весьма не равновесной. Фактически полное совпадение наблюдается только в четырех пунктах: безразлично-нейтральном отношении; радости достижения; желании также добиться успеха и ориентации на анализ причин появления успеха.

Последующие группировки ответов показали, что оценочные ожидания и действия также весьма «чувствительны» к уровню профессионализма и реальных профессиональных достижений (см. табл. 4).

Таблица 4.
Распределение оценочных ожиданий и действий
по статусным группам

Проф. статус	Ожидания	Действия
Низкий	Завидуют, Удивляют- ся, Восхищаются, По- здравляют, Дружба	Завидую, Восторгаюсь, Хочу также, Активизи- руюсь,

²⁷ Надо отметить, что даже зависть себе чаще всего приписывается «белая», а другим – «черная».

Средний	Завидуют, Вредят, Ли- цемерят, Льстят, Ис- пользуют, Радуются, Анализируют, Хотят также	Завидую, Хвалю, Ана- лизирую, Сравниваю, Обсуждаю, Хочу также,
Высокий	Используют, Нейтрально, Сотруд- ничество, Помогают, Просят совет, Прини- мают	Нейтрально, Радуюсь, Обсуждаю, Понимаю, Активизируюсь, Изме- няюсь

Как видно из таблицы, в группе с низким профессиональным статусом абсолютно преобладающим основанием оценочным отношением является завистливо-восторженная конструкция²⁸. И содержательно, и по знаку направленности ожидания и действия вполне сбалансированы и позитивны.

Наименее сбалансированными и, соответственно, внутренне противоречивыми и напряженными являются конструкты оценочного ожидания и действия у респондентов со средним уровнем профессионального статуса. У них абсолютно преобладают негативные ожидания и позитивная рационализация собственных действий. Вполне возможно, что такой высокий уровень негативизма в социальных ожиданиях связан с имеющимися неудачным жизненным опытом, столкновением с трудностями социальных взаимодействия и, в конце, концов, с личностными страхами. Но этот вопрос должен стать предметом специальных исследований.

На высоком уровне профессионального статуса мы опять-таки наблюдаем хорошую сбалансированность ожиданий и действий, но совсем на иной основе, чем в первой группе. Во-первых возникает нейтральное отношение, которое свидетельствует не столько о безразличии к успеху, сколько об отношении к нему как чему-то совершенно нормальному и естественному. Во-вторых как нечто нормальное воспринимается то, что успешного человека другие люди используют, но это уравновешивается открывающимися перспективами дальнейшего со-

²⁸ Вполне возможно, что в этом случае значительную роль играет признак возраста, но для проверки этой гипотезы требуется получение статистически достоверных количественных данных.

трудничества, разработки и реализации новых проектов и т. п. в-третьих возникает рефлексивная установка на самоизменение и изменение других людей.

На этом мы закончим анализ эмпирических данных и подведем общие итоги.

1. Понятие успеха и успешности является одной из базовых категорий современного образа жизни и люди сориентированы на его достижение как ведущий социальный показатель благополучия и качества жизни.
2. В обыденном сознании успех и успешность представлены, по крайней мере, в трех аспектах: в категориально-ассоциативных конструктах; в эмоционально значимых состояниях и переживаниях; в системе социально оценочных отношений.
3. Содержательная сторона всех трех аспектов (и внутри каждого из них) может находиться в явном противоречии, которое индивидом не фиксируется и не рефлексируется. Противоречия не замечаются, игнорируются субъектом, что является показателем их существования исключительно в сфере обыденного сознания.
4. Содержания конструктов и степень их внутренней согласованности существенно зависят от уровня реальных достижений личности – по крайней мере, в сфере профессиональной деятельности прослеживается четкая зависимость от уровня профессионального статуса индивида в профессиональном сообществе.

3.5. Экономическая культура как проблема образа жизни²⁹

Экономика и экономические процессы вошли в нашу жизнь с политической переориентацией страны на рыночные отношения. До этого экономика существовала где-то в Госплане, а на уровне обыденной жизни – только в виде зарплаты, наличия (или отсутствия) продуктов и товаров в магазинах, постоянного дефицита и слухов о возможном изобилии. Сегодня ситуация уже стала иной и нам приходится на практике ориентироваться в тех явлениях и процессах, про которые мы раньше только слышали в курсе «Политэкономия капитализма». Кто-то адаптировался к изменениям быстро и успешно, кто-то – медленнее и с большими личностными трудностями, а кто-то так и не смог. Хотя экономическая психология возникла более ста лет тому назад, но в ней до сих пор, в основном, рассматриваются прикладные вопросы экономического сознания и поведения. Сегодня уже возникло ясное осознание того факта, что существующие (и грядущие) проблемы не решаются на уровне индивидуальной адаптивности – возникла необходимость системных изменений на уровне массового сознания.

Достаточно очевидно, что решение такой задачи возможно только на путях формирования экономической культуры целых поколений, что предполагает ее «перевод» в социально-психологический плоскость, в плоскость реального образа жизни различных социальных групп и сообществ. К сожалению, вопросы экономической культуры практически не затронуты ни в экономической, ни в организационной психологии. Единственный аспект, который достаточно хорошо проработан – это вопросы формирования и развития корпоративной культуры в организациях. Однако в этих работах само понятие культуры взято в очень узком понимании, предложенном еще В.Вундтом, где она рассматривается только как мифологический нарратив, сопровождающийся ритуальными действиями

²⁹ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологическая психология, выпуск 36, 2014. – Стр. 457-471.

и поддерживающейся традициями, что создает некий «дух» сообщества.

В мыследеятельностном подходе (Г.П. Щедровицкий) была предложена трактовка культуры как совокупности норм, детерминирующих развертывание и воспроизведение социальных систем деятельности. Такие нормы являются, по сути, схемами организации деятельностиных процессов, которые включают («втягивают») в себя конкретных индивидов на свои функциональные места, то есть в качестве функциональных органов. В этом подходе становление индивида как субъекта деятельности описывается через процесс присвоения (освоения) культурных норм как схем организации собственной деятельности. Освоенные нормы становятся схематизмами сознания (по терминологии О.И.Генисаретского), которые индивид может использовать по своему усмотрению. Индивид становится способным к самостоятельному развертыванию социокультурной деятельности – он становится особым субъектом деятельности. Еще одним важным аспектом этого подхода является положение о том, что те нормы, которые задают развертывание наиболее значимых для индивида форм деятельности, переживаются им как ценности. Таким образом, нормативная и ценностная составляющие культуры увязываются как два аспекта реального процесса жизнедеятельности – организационного и смыслового.

Данный подход был взят нами в качестве общей методологической рамки при разработке психологической концепции образа жизни как базовой категории экологической психологии. Образ жизни, в психологическом понимании, задается и структурируется ментальной схемой соорганизации пространства жизнедеятельности и форм осуществления жизнедеятельности³⁰. Пространство жизнедеятельности структурируется осознаваемыми условиями и обстоятельствами жизни, а формы – преобладающими целевыми установками и интенциями. Целостность образа жизни создается и поддерживается индивидом на трех психологических уровнях:

- на уровне сознания как идея смысла жизни;
- на уровне воли субъекта действия как идея должного в

³⁰ Понятие образа жизни в равной мере применимо и по отношению к индивиду, и к социальной группе, и к целостным сообществам

жизни;

- на уровне переживания личности как идея справедливости и «правильности» жизни.

Однако образ жизни нельзя рассматривать только в структурном плане – он всегда осуществляется и развертывается как процесс, а точнее, как совокупность процессов. В.М.Розин выделяет восемь базовых процессов, через которые осуществляется «производство и воспроизводство» жизни. Не обсуждая весь предложенный В.М.Розиным набор процессов укажем, что, безусловно, одним из них является процесс жизнеобеспечения.

Жизнеобеспечение является обыденной формой осуществления экономических процессов и отношений. Иными словами, в образе жизни людей, независимо от места индивида в социальной иерархии и структуре, от размера и формы собственности, все вынуждены самостоятельно решать задачу на обеспечение жизнедеятельности. Причем, в своих внешних проявлениях решение такой задачи всегда выглядит как борьба за жизненные ресурсы, за повышение уровня и качества жизни. Решение задачи на жизнеобеспечение составляет основу образа жизни населения.

Исходя из принятого нами психологического понимания культуры, мы можем сформулировать исходное определение понятия «экономическая культура». **Экономическая культура – это осознаваемые схемы организации процесса жизнеобеспечения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах.** Такое понимание экономической культуры позволяет выделять его формы или типы по характеру осуществляемых в процессе жизнеобеспечения деятельности.

По отношению к процессу жизнеобеспечения мы можем выделить два базовых параметра описания.

Во-первых, это параметр самодостаточности субъекта социальной жизни в производстве и воспроизводстве ресурсов и предметов жизнеобеспечения. По этому критерию мы можем четко выделить две полярные формы экономической культуры. На одном полюсе – это абсолютно «самодостаточный» и самообеспечивающийся тип, когда все необходимые ресурсы и предметы жизнеобеспечения производятся самим субъектом и у него есть все необходимые основания для устойчивого вос-

производства этого процесса. На другом полюсе – это тип экономической культуры, когда каждый отдельный субъект жизнедеятельности не может произвести ничего из необходимых предметов, а жизнеобеспечение осуществляется за счет удержания его зависимости от его же места в глобальной системе социально-экономического производства/воспроизведения. Такой тип экономической культуры можно обозначить как «зависимый».

Во-вторых, это параметр открытости субъекта социальной жизни к использованию «чужих» продуктов производства как желаемых, но не необходимых ресурсов и предметов жизнеобеспечения. По этому критерию мы также можем четко выделить две полярные формы экономической культуры. На одном полюсе – это абсолютно «закрытый» тип, когда все иное воспринимается и определяется как «чуждое» и не-нужное. На другом полюсе – это «открытый» тип экономической культуры, когда иное воспринимается как объект принятия, подражания, воспроизведения, как некий образец формы и способа действия.

Конечно же, абсолютная самодостаточность/зависимость и абсолютная открытость/закрытость являются некоторой научной условностью и абстракцией. Реальная жизнь субъектов жизнедеятельности представляет собой некоторую степень сочетания этих характеристик, что и создает возможность более дифференцированного шкалирования и типологизации культуры по степени их выраженности. Сочетание выделенных двух параметров дает достаточные основания для типологизации образа жизни людей (индивидуов, групп или сообществ) в сфере жизнеобеспечения или, что то же самое, в сфере экономической деятельности. Эта типология форм жизнеобеспечения может фиксироваться в табличном или графическом виде. Графический способ нам представляется более адекватным, так как он позволяет наглядно зафиксировать не только содержательную сторону параметров, но и степень их выраженности, интенсивности (см. рис.1).

Каждая типологическая форма образует достаточно устойчивый конструкт, который в этнологии и экономике часто обозначается как «уклад» жизни. По своему происхождению и способу функционирования они являются надиндивидуальными, то есть исходно носят коллективный ха-

рактер и, соответственно, в любом сообществе возникают социально-психологические механизмы их межпоколенной трансляции и воспроизведения. Эти механизмы основаны на принятии людьми (конкретными живыми индивидами) данных схем организации систем жизнеобеспечения как ценностей самой жизни. До тех пор, пока эти схемы воспринимаются как ценности, экономическая культура образа жизни сообщества остается неизменной, хотя его предметное наполнение может существенно трансформироваться.

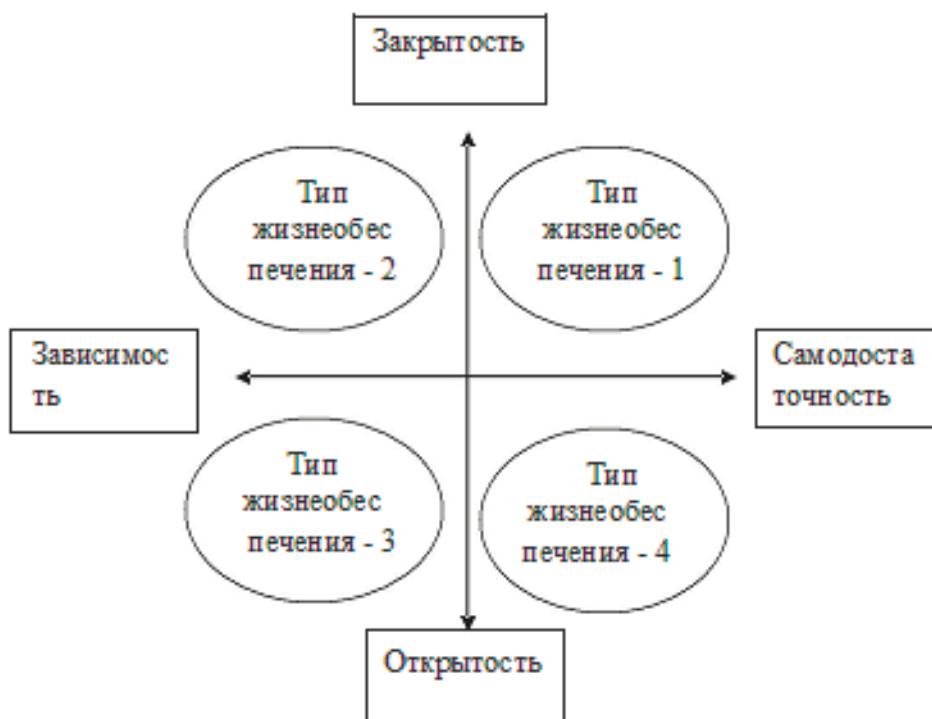

Рис. 1. Типология форм жизнеобеспечения по параметрам экономической культуры

В закрытых и самодостаточных экономических культурах все «свое» превозносится, «чужое» унижается, а носители «чужого» поддаются остроклизму.

В закрытых и зависимых экономических культурах все «свое» унижается, «чужое» превозносится, а носители «чужого» рассматриваются как вынужденное зло, которое нужно просто пережить, и все опять будет «как прежде». «Чужое» ассимилируется и со временем начинает выдаваться за «свое кровное».

В зависимых и открытых экономических культурах все «свое» становится предметом гордости и частично музеифици-

руется, а «чужое» воспринимается как необходимое, удобное и комфортное «иное». Носители «иного» становятся символами стиля жизни.

В открытых и самодостаточных экономических культурах все «свое» и «иное» перемешивается в либеральной эклектике, создающей сегодняшнюю уникальность образа жизни сообщества. Носители «своего иного» становятся образцом креативного потенциала развития.

Проведенный анализ позволяет уточнить исходное определение экономической культуры и утверждать, что **экономическая культура сообщества осуществляется в конкретных типологических формах организации процесса жизнеобеспечения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах**.

Самым древним и эффективным механизмом трансляции является мифо-поэтическая форма фиксации базовых оснований экономической культуры. Так, например, в закрытых и самодостаточных культурах славян и скандинавов в пантеоне богов вообще не было бога торговли, а в открытых и зависимых культурах греков и финикийцев таковой был и пользовался большой популярностью. С одной стороны, в сказках А. С. Пушкина показано, что русскую знать из всего зарубежного интересовала только какая-нибудь «невидаль», чтобы было о чем поговорить, а реальная жизнь строилась на внутренних самодостаточных действиях: наткать полотна, приготовить поесть и родить богатыря. В описании хуторской Украины Н. В. Гоголь показывает, что высшим «шиком» жизни является ситуация, когда галушки сами прыгают в сметану и, затем, в рот – их остается только проглотить. Н. В. Гоголь показывает, что этот персонаж пользуется огромным авторитетом и уважением среди односельчан, а слава о нем разносится далеко вокруг. Если взять сегодняшнюю ситуацию, то для примера можно привести талантливую мультипликационную версию «Трех богатырей», которую с удовольствием смотрят и взрослые, и дети, где единственным действительно отрицательным персонажем является купец Колыван. Все остальные персонажи, вплоть до татарского хана, наделены хоть какими-то позитивными чертами (а Змей-Горыныч – вообще, лапочка-птичка).

С другой стороны, утверждается, что торговля – двигатель прогресса, а реклама – двигатель торговли. Возникает огром-

ный слой художественной литературы, где сюжетную основу героических поступков составляет поиск торговых путей, промышленно-торговый шпионаж, разработка новых технологий и борьба за патент.

Количество примеров можно умножать до бесконечности, но нам важно было показать сам факт наличия таких механизмов трансляции и воспроизведения именно экономической культуры сообществ.

Однако понятно, что если мы понимаем экономическую культуру как ментальную схему организации процесса жизнеобеспечения, то она не может существовать только в мифо-поэтических формах. Эти формы, на наш взгляд, составляют только часть механизмов трансляции, формируя в массовом и индивидуальном сознании базовые установки³¹ людей по отношению к реальным экономическим процессам. Экономическая культура как реальный феномен должна «работать» на уровне реальной повседневной жизнедеятельности людей, то есть быть функциональным органом этой жизнедеятельности.

Для того чтобы сделать следующий шаг анализа, нам надо ответить на вопрос: как экономика представлена в жизнедеятельности людей? Не в системах экономических знаний, а в реальных жизненных процессах и ситуациях. Достаточно очевидно, что в повседневной жизни и в обыденном сознании она представлена чрезвычайно фрагментарно и в каких-то частных проявлениях³². Теоретически такая представлена может осуществляться в двух видах. Во-первых, как некий набор предметностей, который может связываться в какую-то структуру³³. Во-вторых, как некий процесс, который происходит во внешней жизни и к которому индивид должен как-то приспо-

³¹ Хотя мы и говорим о сознании, но такого рода установки, как правило, плохо осознаются и представлены, скорее в виде отношения-переживания, а не рефлексивного понимания. Именно этот характер существования неосознанности переживания в самом сознании, на наш взгляд и зафиксирован К.-Г. Юнгом в известной концепции коллективного бессознательного

³² Вообще-то, даже на уровне рафинированного научного знания экономика представлена не как целостность, а как система дифференцированных и не всегда хорошо согласованных знаний, типа макроэкономики и микроэкономики, экономики производственной и непроизводственной сферы и т.д.

³³ В самом простом случае: «Вот завод, на котором я работаю, вот зарплата, которую я получил, вот магазин, где я ее потрачу».

собиться³⁴. Но и в одном, и в другом случае экономика представлена как некое пространство жизнедеятельности, в котором что-то происходит и по отношению к которому надо выстраивать целенаправленные действия.

Предложенное понимание представленности экономического пространства в жизнедеятельности индивида позволяет сделать третий шаг в конкретизации понятия экономической культуры. **Схемы организации целенаправленных действий в ментальном экономическом пространстве жизнедеятельности составляют содержание экономической культуры поведения индивида.**

Если, все-таки, экономику (экономическое пространство) рассматривать как процесс, то схемы организации целенаправленных действий достаточно хорошо описываются в метафоре потока³⁵. Человек, попадая в поток, обладает вполне счетным и ограниченным количеством возможных стратегий собственной активности, которые различаются принципом организации действий, а не их силой или интенсивностью (то есть, в данном случае не важно, с какой силой человек гребет, а важно куда и зачем он гребет).

Если эту метафору перевести на методологический язык, то мы получаем типологию экономического поведения по признаку соотношения субъектности функционального места в структуре деятельности:

1. Конкретный индивид воспринимает себя только частичкой этого процесса, наделенной, в лучшем случае только возможностью текущего контроля своего состояния в этом процессе, лишенной какой-либо возможности управления процессом. Фактически Субъектом выступает сам процесс, а индивид является только материалом для процесса с минимальной степенью субъектности, ограниченной пространством его собственной поведенческой активности. Исторически такая форма абсолютной бессубъектности участника экономических процессов была зафиксирована в позиции раба. На сегодня,

³⁴ В сознании процессы, по преимуществу, представлены как изменения предметности: «Тенденции производства...» или «Колебания курса валют» и тд.

³⁵ Как известно, в психологии метафору потока первым ввел У.Джемс для описания свойств сознания, которая показала свой высокий эвристический потенциал

конечно же, она в чистом виде практически не встречается, но в массовом сознании она четко артикулируется как одна из базовых метафор образа жизни. Классическая социально-экономическая позиция наемного рабочего отличается только минимальной возможностью самоопределения индивида относительно сферы деятельности (профессиональное самоопределение индивида) и конкретного места приложения трудовых усилий (трудоустройство).

2. Индивид воспринимает экономические процессы как конкретные условия и обстоятельства его жизнедеятельности, к которым надо приспособиться и в которых надо выстраивать собственную жизнь. Индивид становится Субъектом жизнедеятельности в определенных экономических обстоятельствах жизни. У индивида появляется возможность и необходимость осуществления процедур анализа, оценки и контроля изменений внешних экономических условий жизни. Эти ментальные процедуры создают психологическое пространство свободы выбора места, формы и способов приложения своих усилий по жизнеобеспечению в системе жестко заданных альтернатив. Такую позицию индивида условно можно обозначить как «сознательный участник свободного рынка труда».

3. Индивид воспринимает экономические процессы как конкретные средства и ресурсы, которые надо использовать в собственном процессе жизнеобеспечения. Индивид становится Субъектом жизнеобеспечения собственной жизни, использующим экономические инструменты (организация). Такая форма экономического самоопределения возникла только в конце XIX-го века в мире искусства и виде крайне редких форм «частных практик» в адвокатуре и медицине. Если в начале XX-го века выражение «свободный художник» точно отражало род занятий и социальное положение индивида, то сейчас оно стало метафорой, выражающей отношение индивида к жизни и формальным социальным структурам. В последние 50 лет такая форма экономического самоопределения развивается очень быстрыми темпами, охватывая самые разные сферы деятельности и профессии. Это сфера так называемых «свободных профессий». Свободный профессионал (фрилансер) в своем жизнеобеспечении выходит за пределы формальных структур и существует за счет механизмов личной востребованности.

4. Индивид воспринимает экономические процессы как условно «свободное пространство», где он может реализовывать собственные экономические цели и интересы. Индивид активно ищет эти «пустые места» и заполняет их своими экономическими ориентированными проектами и проектной деятельностью. Индивид становится Субъектом построения новых экономических «площадок», субъектом экономических инноваций. Такая форма экономического самоопределения зафиксирована в понятии предпринимательства, и она активно поддерживается и культивируется во всем мире, в частности, в виде концепции «креативной экономики». В психологическом плане предпринимательство характеризуется проектным мышлением, индивидуальной инициативностью и принятием рисковости собственных действий.

5. Индивид воспринимает экономические процессы как искусственные, как пространство «игры», столкновения и взаимодействия разнонаправленных сил, интересов и потребностей людей. Индивид сам становится (самоопределяется) активным «игроком», который определяет и решает, в какую сторону «направить мяч». Экономические процессы становятся предметом его собственной деятельности, материалом изменений и трансформаций. Индивид становится Субъектом управления экономическими системами деятельности. Долгое время считалось, что в такую позицию могут выходить только крупные собственники бизнеса или чиновники самого высокого ранга, то есть те, кто определяет экономическую политику. Но сегодня все более становится понятным, что позиция управления определяется не должностью и не размером капитала, а наличием осознаваемых целей изменения функционирования системы, независимо от уровня и масштаба этой системы. Сегодня мы можем четко утверждать: управляет тот, у кого есть цели, а не тот, у кого есть формальное право издавать распоряжения и приказы.

Таким образом, в социально-психологическом плане экономическая культура может быть представлена как многоуровневая (как минимум – трехуровневая) система ментальных схем организации процессов жизнеобеспечения сообществ, социальных групп и индивидов. Максимально общая рамка задается типом направленности экономической культуры (открытость/закрытость, зависимость/самодостаточность),

средний слой задается организационными формами деятельности по жизнеобеспечению, а внутренний – механизмами самоопределения индивидов в экономическом пространстве жизнедеятельности.

Завершая анализ форм и видов экономической культуры, еще раз вернемся к нашему тезису, что она является составной частью целостного образа жизни людей. Образ жизни представляет собой полностью замкнутый цикл, где использование внешних (природных) ресурсов соотнесено с процессами их естественного существования. Это означает что некоторое человеческое сообщество (антропоценоз) и природные условия (биоценоз) образуют целостную устойчивую экосистему, а степень их сбалансированности показывает степень и характер экологичности нашей экономической деятельности (см. рис.2).

Рис. 2. Модель сбалансированной антропо-природной экосистемы

До тех пор, пока этот баланс как-то сохранялся и вычерпывание жизненного материала из биоценозов восстанавливалось за счет естественных механизмов, существование антропоценозов было достаточно устойчивым. Но сегодня этот баланс разрушен и естественное воспроизведение биоценозов становится все более проблематичным. И дело не только в том,

что мы стали невосполнимо много ресурсов вычерпывать из природы, но и в том, что антропоценозы стали производить такие отходы, которые биоценозы не могут ассимилировать в качестве своих ресурсов питания, роста и размножения. То, что не может быть ассимилировано не просто «загрязняет» среду существования – оно ее меняет и делает непригодным для существования биоценозов, что по закону негативной петли обратной связи автоматически приводит к катастрофическому снижению наших возможностей вычерпывать жизненные ресурсы.

Нарушение баланса образа жизни сегодня осознается как глобальная экологическая катастрофа, причина которой лежит в кардинальном изменении форм и средств жизнеобеспечения, то есть в типе экономической культуры нашей жизнедеятельности.

Поэтому сегодня мы обязаны ставить вопрос, что экономическая культура должна рассматриваться не только по параметрам организации нашей деятельности по жизнеобеспечению, сколько по параметрам ее совместимости с естественно-природными процессами жизни биоценозов. Иными словами мы должны сместить акцент анализа и понимания с внутренних процессов производства и воспроизводства предметов удовлетворения наших потребностей на их совместимость с процессами жизни, роста и воспроизводства естественно-природных систем.

Именно в этом направлении происходят основные изменения в мировой системе экономической деятельности, что и создает новый тип экономической культуры. К таким изменениям можно отнести:

1. Введение механизмов контроля потребления и выброса неассимилируемых отходов;
2. Разработка и внедрение технологий использования материалов «космического» масштаба (так называемые «неистощаемые» энергоресурсы) вместо ресурсов биоценозов;
3. Разработка и внедрение технологий переработки и утилизации неассимилируемых отходов;
4. Разработка и внедрение технологий культивирования

естественно-природных и биологических материалов³⁶;

5. Разработка и внедрение технологий создания и культивирования (развития) естественно-природных и биологических экосистем и биоценозов.

Эти изменения означают, что мы уже фактически живем в новой системе жизнеобеспечения, где прямая связь антропоценоза и биоценоза ослабляется, появляются новые, опосредующие звенья и, что самое главное, появляются новые виды деятельности, обеспечивающие эти изменения (см. рис. 3).

Предложенная модель позволяет выстраивать категорию экономической культуры в эколого-психологическом залоге. В этом плане базовым будет различие сбалансированных и несбалансированных типов жизнеобеспечения. Сбалансированные культуры характеризуются потреблением за счет восстановляемых природных ресурсов и полной природной ассимиляцией отходов жизнедеятельности. Несбалансированные культуры – потреблением невосстанавливаемых (по качеству, количеству и времени) ресурсов и производством неассимилируемых отходов. Несбалансированные культуры ведут к разрушению экосистемности антропо- и биоценозов, что запускает механизм их разрушения и самоуничтожения.

Развитие экономической культуры движется по пути осознания искусственно-естественной сущности антропо-природных экосистем и разработки технологий, снижающих антропоническое давление естественно-природные системы. По способам снижения давления мы можем выделить виды экономической культуры:

- «контролирующие-регулятивные», в которых преобладают схемы контроля потребительского и «замусоревающего» поведения и деятельности;
- «поддерживающие», в которых упор делается на технологиях искусственного «выращивания» природных материалов, замещающих потребление естественных материалов и технологиях уничтожения или утилизации отходов, при сохранении имеющихся биоценозов за счет их музеификации³⁷;

³⁶ От «выращивания» алмазов до промышленного выращивания грибов, рыбы и т.д.

³⁷ В основном через создание системы заповедников, заказников и т.п.

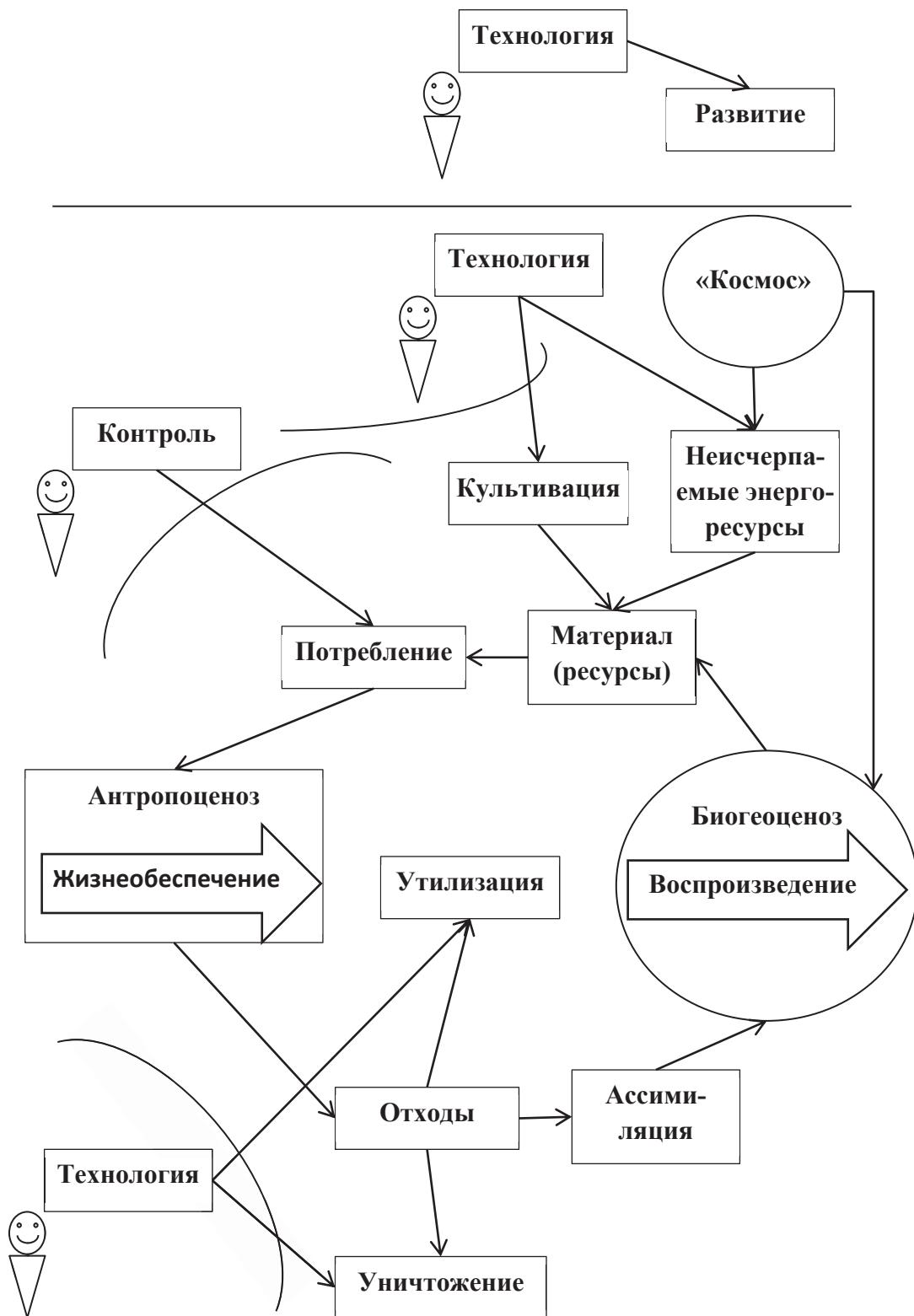

Рис. 3. Модель технологически опосредованной антропо-природной экосистемы

- «альтернативные», в которых основная роль отводится источникам энергии и материалов, лежащим вне наличной экосистемы, в так называемых «неисчерпаемых», «космических» сферах³⁸;
- «развивающие», в которых преобладает установка на воссоздание или создание новых биоценозов органично включенных в жизнедеятельность антропоценоза, через проектно-созидательную экономическую деятельность³⁹.

Принципиально важно, что эти характеристики экономической культуры непосредственно приложимы и к глобальному уровню существования Человека на Земле, и к макросоциальному уровню социально-экономических политик государств, и к мезоуровню предпринимательской и бизнес-деятельности, и к микросоциальному уровню моделей группового поведения, и, в конце-концов, к жизнедеятельности и поведению каждого конкретного индивида.

Принцип экологичности задает базовую интенцию для экономической культуры: **только через развитие окружающей среды мы создаем полноценные условия собственного существования и развития.**

³⁸ На сегодня это реализуется, в первую очередь, в сфере энергетики, а другие сферы, пока что, находятся в области фантастики

³⁹ Примером может служить освоение пустыни в Израиле

3.6. Психологические основания социогенеза: община, население и сообщество как субъекты социальных отношений⁴⁰

Социальная работа все чаще сталкивается с проблемами организации разных форм групповой работы, которые выходят далеко за пределы традиционных социально-психологических представлений о группах. В прямом и в переносном смысле современная социальная работа «вышла на улицу» и «пошла в народ». Сегодня социальному работнику постоянно приходится иметь дело с сельской общиной, с населением городского микрорайона или многоквартирного жилого дома, с различными молодежными группировками или субкультурными сообществами.

Это привело к возникновению новых практик, которые никак не подкреплены соответствующими теориями. Более того, можно с уверенностью утверждать, что отсутствие социально-психологических моделей этих групп и теорий, описывающих особенности их возникновения и развития становится существенным тормозом на пути становления самих практик. Данная работа является попыткой, хотя бы в общих чертах описать социально-психологические характеристики таких, вполне реальных социальных групп, как община, население и сообщество. Сразу же оговоримся, что эти группы не поддаются описанию в традиционной для социальной психологии классификационной схеме – их невозможно описать по признакам «малая – большая» и «формальная – неформальная». Кроме того, их невозможно описать и в понятиях теории становлении групп – они не имеют явно выраженной этапной динамики становления и развития.

Тем не менее, мы можем выделить некоторые общие базовые основания рассмотрения и анализа этих групп. Во-первых, эти три вида социальных групп являются **реальны-**

⁴⁰ Статья опубликована в издании «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологическая психология, выпуск 35, 2014. – Стр. 309-316.

ми общностями, которые складываются в некотором реальном общем **пространстве жизнедеятельности** /1/. Во-вторых, эти общности характеризуются единством форм организации жизнедеятельности, которые фиксируются в единстве **образа жизни** людей /2/, составляющих конкретную общность. В-третьих, в каждой конкретной общности складываются свои уникальные способы жизнедеятельности, которые выражаются в единстве **стиля поведения, деятельности и общения** /3/.

Общинность является базовой и одной из первых форм организации социальности людей. Однако с течением времени она стала уступать другим формам организации и к середине 19-го века в социальных науках и политических практиках ее стали считать «архаизмом», который надо «изживать». В этнографии, социологии и психологии конца 19-го начала 20-го веков общинность описывалась только как характеристика так называемых «примитивных» народов, как то, что препятствует прогрессу и цивилизационному развитию. Но уже через сто лет ситуация кардинально изменилась: в административно-управленческих и политических практиках принцип общинности становится ведущим в организации социальной жизни.

Каковы же основные признаки общины как социально-психологической группы? Во-первых, это наличие некоторой **общинной собственности**. В культурно-историческом плане такой первой собственностью, по-видимому, являлась территория проживания, независимо от того, вела ли данная группа кочевой или оседлый образ жизни⁴¹. Не случайно именно территориальность всегда выделялась как первый признак общинности во всех социономических науках.

Наличие территории как собственности повлекло за собой возникновение двух принципиально важных социально-психологических феноменов. С одной стороны, этой собственностью надо управлять – использовать, распределять, защищать, расширять и т.д. Поэтому **общинный способ управления** становится вторым признаком существования общины. С другой стороны, наличие собственности предполагает

⁴¹ Мы здесь не рассматриваем особенности возникновения и функционирования религиозных общин, хотя они, безусловно, имеют колossalное значение в жизни общества и отдельного человека.

утверждения права на собственность. Такое право может устанавливаться разным способом, но, в том же культурно-историческом плане, исходной социально-психологической формой установления права является миф, а точнее **миф неотъемлемости и нерасторжимого единства людей и территории.** На уровне общины и каждого ее члена такой миф выражается через идею «малой родины», которая сходна, но не тождественна идее «Родины» на уровне этноса или народа⁴².

Еще одним общепризнанным этнологическим признаком общинности принято считать наличие единого языка, общих традиций, обрядов и ритуалов /5/. Однако на уровне конкретной общины скорее надо говорить о наличии специфических стилей **организации действий** по соблюдению традиций, обрядов и ритуалов. По предметному наполнению в качестве ведущих можно выделять такиестили, как: **общения; воспитания; принятия решений, разрешения конфликтов и проведения свободного времени.**

Таким образом, мы можем утверждать, что община как социально-психологическая группа определяется:

1) общим пространством жизнедеятельности, которое структурируется наличием общинной собственности и осознанно артикулированным правом на владение этой собственностью, а его граница определяется сферой самоуправления;

2) единством целостного образа жизни, который структурируется формами (схемами) организации управления собственностью и самоуправления общины (см. рис. 1);

3) единством стиля жизни, который структурируется устойчивыми особенностями способов осуществления общинных типов деятельности.

Распад общинности как формы организации социальной жизни, как известно, непосредственно связан с трансформацией общей собственности в частную, хотя традиции общинности сохранились на многие века. Однако, было бы не правильным искать причины социальных изменений

⁴² Очень интересный и глубокий психологический анализ идеи малой родины содержится в работе Н.Н.Носова «Виртуальная психология» /4/, поэтому здесь мы не будем детализировать этот тезис.

исключительно в экономических факторах. На наш взгляд, не менее значимые причины изменений лежат в самих социальных процессах. Среди них мы в первую очередь назвали бы процесс институционализации системы управления. Именно в тот момент, когда произошла формализация института управления, и произошел распад общины как социально-психологической группы.

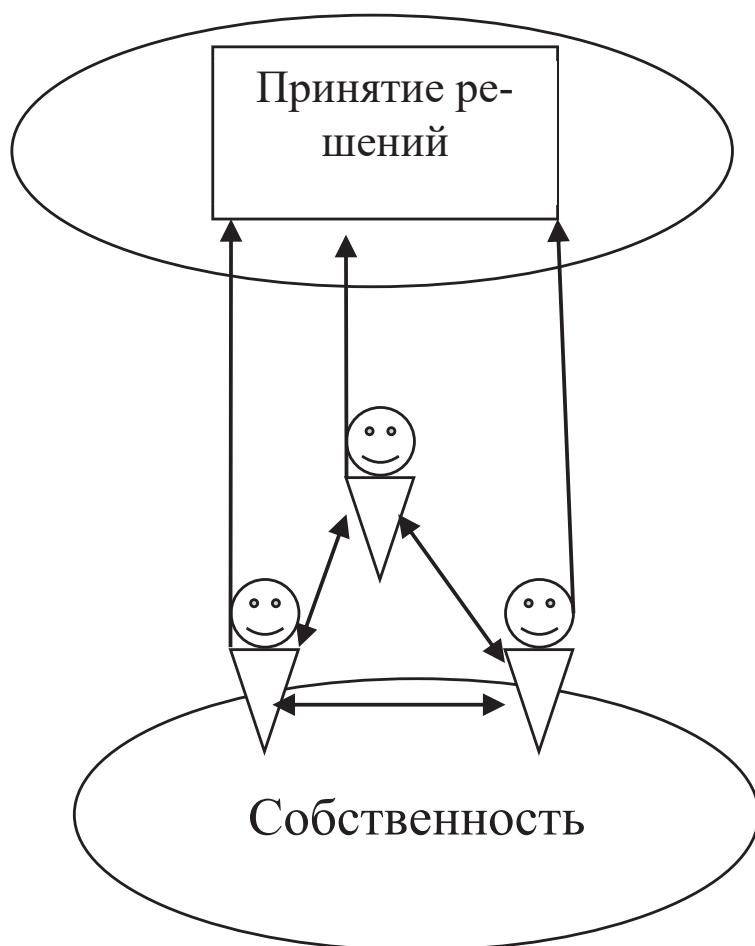

Рис. 1. Общинный способ управления

Дело в том, что **общинный** способ принятия решений, разрешения конфликтов и управления строится как конвенциальная процедура с опорой на принцип справедливости, а формализованный институт управления строится как соответствие абстрактной норме с опорой на делегированные полномочия, представленные как власть. Идея справедливой

договоренности замещается идеей властной нормативности (см. рис. 2).

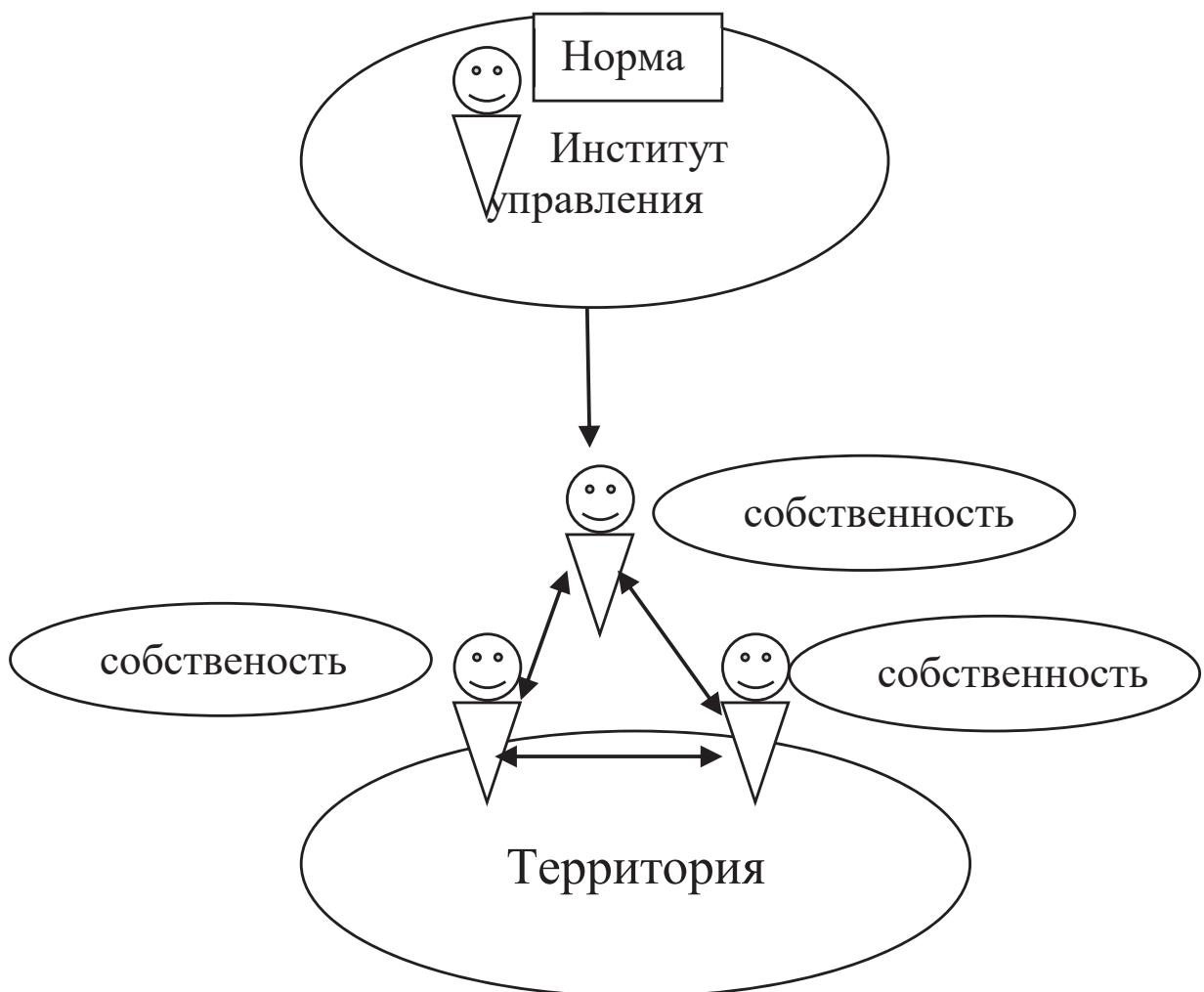

Рис. 2. Институциональный способ управления

Формализованный институт управления, помимо своей прямой функции, обязательно начинает решать еще одну задачу – задачу на воспроизведение самого института и своего места в нем. Община распадается и по экономическому признаку, и по социальному, а люди, проживающие на определенной территории, объединяются по формальному **административно-территориальному** признаку. В соответствии с возникающими дифференциальными признаками появляется и множество типов групп, в частности, люди, входящие в социальные институты управления, составляют особую социально-профессиональную группу, а остальные люди, проживающие на территории, на которую распространяется действия данных

институтов управления, образуют особую социально-психологическую группу, которую можно обозначить как «население»⁴³. Причем, эти группы оказываются связанными отношением иерархической зависимости, которая закрепляется и поддерживается через специальные институты власти.

Традиционно населения исследуется в демографии, социологии или политологии, а в социальной психологии – нет, хотя оно обладает существенными признаками общности и группы. В первую очередь, необходимо отметить наличие общего пространства жизнедеятельности для каждой административной единицы группы населения. Но, если в общине территории закрепляется за людьми, то здесь – наоборот – люди закрепляются за территорией⁴⁴.

Таким образом, для населения как социально-психологической группы **общее пространство жизнедеятельности структурируется извне заданными границами и искусственными⁴⁵ регулятивными нормами⁴⁶**. Это порождает особую проблемность социального и психологического обоснования их осмысленности, личностного принятия и межпоколенной трансляции.

Возникновение внешних искусственных рамок организации пространства жизнедеятельности и трансформация (распад) общинной формы собственности привели к становлению принципиально нового образа жизни. Парадокс заключается в том, что все формы собственности, кроме общинной, не являются самодостаточными для жизнеобеспечения людей. Неза-

⁴³ Длительное время остаточные формы общинности сохранялись в форме ремесленных цехов, которые были фактически разрушены промышленной революцией XIX-го века.

⁴⁴ Такое закрепление может осуществляться в очень жестких формах, вплоть до полной потери мобильности, то есть возможности быть субъектами собственных перемещений. Но даже тогда, когда внешние формы закрепления оказались снятыми, проблема мобильности осталась и, более того, с каждым годом она становится все более актуальной для всего мира.

⁴⁵ В данном контексте понятие «искусственного» используется в методологическом смысле, как противоположность «естественному».

⁴⁶ Социально-психологические механизмы возникновения и функционирования таких норм достаточно хорошо описаны в работах Г.П.Щедровицкого, О.И.Генисаретского, В.М.Розина и др. по исследованию структур деятельности /6, 7, 8/.

висимо от места индивида в социальной иерархии и структуре, от размера и формы собственности все люди вынуждены самостоятельно решать задачу на обеспечение жизнедеятельности⁴⁷. Причем, в своих внешних проявлениях решение такой задачи всегда выглядит как борьба за жизненные ресурсы, за повышение уровня и качества жизни. **Решение задачи на жизнеобеспечение составляет основу образа жизни населения как особой социально-психологической группы.** Внешняя нормативная заданность пространства жизни и напряженность решаемой задачи создают «разрыв» между действительным и желаемым, создают идею «идеального» как «места жизни подлинного и настоящего». Эта идея воплощается в разных формах, таких, как: концепция «утяжинного рая», «социальные утопии», идеал «свободы» и т.д.

Идеал свободы стал движущей силой всех социальных трансформаций и революций за последние 500 лет. Повидимому, он является одним из наиболее значимых психологических феноменов, определяющих **стилевые особенности реализации образа жизни населения как социально-психологической группы.** Все наиболее известные в психологии типологии стилей (авторитарный, демократический и либеральный; открытый и закрытый; консервативный и инновационный; и т.д. и т.п.) с разных точек зрения описывают один и тот же феномен – степень свободы в структуре нормативно организованного мира. К. Маркс утверждал, что богатство общества оценивается «количеством свободного времени» его членов /9/, так как уже двести лет назад стало понятно, что в социально-экономическом феномене свободного времени потенциально соединяется свобода «от чего» и свобода «для чего». На сегодняшний день концепт свободы является обязательной составной частью оценки качества жизни людей.

В то же время, надо отметить и кардинальные изменения в способе объединения людей в группы. Если в общине способ объединения базировался на единстве крови, языка, веры, обычая и традиций, то население группируется по иным ос-

⁴⁷ Можно быть каким угодно богатым, но нужен кто-то, кто произведет продукты питания так, чтобы их можно было купить, можно произвести любое количество продуктов, но нужны деньги, чтобы купить одежду или инструменты и т.д., и т.п. до бесконечности.

нованиям. К таким основаниям можно отнести идею «соседства⁴⁸» и «дружбы». Дружба становится универсальным основанием возникновения «неформальных» групп. Если соседи становятся друзьями, то мы говорим, что нам «повезло по жизни», В.Высоцкий очень точно отметил, что соседи «это больше, чем родня», а наличие хотя бы одного друга делает человека «не одиноким» на всю жизнь.

Таким образом, для таких социально-психологических групп населения как соседство и дружба характерным является общее пространство **переживаний и воспоминаний**, которые и образуют слой **неотъемлемой психологической собственности**. В этих группах складываются поддерживающий и альтруистичный стили взаимодействия, а между группами – конкурентный.

Как мы уже отмечали в начале статьи, этот «индивидуалистически-групповой» образ жизни в последнее время стал терять свою ценность и ведущее значение. В последние 50 лет все более отчетливо проявляется новый тип общности, который постепенно начинает занимать ведущее место в структуре социально-психологических групп и отношений, который мы условно назвали **«сообщества»⁴⁹**.

На глобальном уровне это проявляется в утверждении идеалов «гражданского общества» и «партнерства», которые стали предметом не только мышления и исследования, но и политической реализации. На уровне социальных практик – в идее социальных инициатив и технологиях социальной мобилизации.

⁴⁸ В общинном сознании «соседи» - это всегда «чужие», всегда «они» (достаточно вспомнить «Песнь о венчем Олеге»), а «мы» - это те, кто живут **вместе**. Поэтому в общине рядом живет не сосед как таковой, а брат, кум, сват, крестный и т.д. вплоть до «троюродный плетень нашему забору», типа «дочка жены брата моего кума».

⁴⁹ Конечно же, различные сообщества появились не сейчас, а являются исторически очень давней формой общности. По-видимому, одной из первых форм сообществ являются «братства». Братства возникают как особый вид общности, основанный на совместном проживании жизненных испытаний. Типичными являются такие братства, как религиозные, военные, «подпольные», преступные, тюремные и т.д., для которых характер испытаний по содержанию может быть совершенно разным, а факт взаимной поддержки и выручки, обеспечивающей прохождение этих испытаний и выживание, остается неизменным.

ции и социального проектирования. На уровне социально-психологических практик – в идеях коллективных субъектов управления и коллективной мыследеятельности, в технологиях командообразования, группового анализа ситуаций и принятия решений.

Анализ социогенеза сообществ показывает, что они возникают и развиваются на основе уже существующих некоторых социальных практик, но обязательно задают определенный «выход» за наличные рамки. Они всегда существуют как бы «за гранью» наличных норм деятельности и культуры, изменяя или «раздвигая» их. В этом смысле сообщества создают такие организованности, которые оказываются не включенными в сферу административно-нормативной регуляции. Основанием для такого выхода всегда является некоторая **новая идея**, которая создает вокруг себя особое **коммуникативное поле** и сдвигает практику в не-нормативное русло. Новое пространство жизнедеятельности возникает как соединение идеи и коммуникативного поля, которые «втягивают» в свою орбиту конкретных людей как «со-общников»⁵⁰. Такого рода новые идеи, по своей сущности, являются **проектными** и их практическое воплощение направлено не на удовлетворение той или иной потребности, а на реализацию определенного **интереса** группы людей.

Таким образом, сообщества проектно создают новые пространства жизнедеятельности, которые отвечают их интересам и лежат за границами нормативных видов деятельности. В социокультурном плане это означает, что сообщества создают устойчивые **субкультуры**, которые и образуют пространство их жизнедеятельности, а сама проектная идея, в совокупности с возможными формами ее опредмечивания, образуют **неотъемлемую собственность** сообщества.

В историческом плане сообщества особенно активно начали формироваться в XX-ом веке, в первую очередь, в сфере искусства. По-видимому, это связано с тем, что сфера искусств всегда была наименее нормированной, и преодоление канонов

⁵⁰ Так, например, почтовые марки были изобретены как знак осуществления оплаты услуг почтового ведомства, и вдруг появляется идея «собирания» марок, которая нашла отклик у многих людей, что и привело к возникновению особого сообщества «филателистов» с их особым способом деятельности и особым пространством взаимодействия.

классицизма буквально «вырвалось» наружу через декларацию и утверждение новых идей и направлений во всех видах искусства – живописи, литературе, поэзии, музыке, архитектуре.

Однако очень быстро принципы организации сообществ начали проявляться и в других сферах жизнедеятельности. Нам представляется, что это связано с разрушением жестких организационных форм деятельности и широким распространением так называемых «свободных профессий», а точнее, «свободных профессионалов»⁵¹. В сферах свободных профессий складывается особый **образ жизни**, основу которого составляет **признание ценности проектной идеи и ее определенного воплощения (реализации)**. Изменение ценностных оснований образа жизни привело к ряду кардинальных последствий.

Во-первых, возникает новый идеал деятельности. Если в профессиональных группах населения идеалом является идея «профессионализма», то в профессиональных сообществах ведущее место занимает идея «мастерства». Сегодняшняя идея мастерства в чем-то похожа на мастерский подход в ремесленном производстве, но имеет и существенные отличия, которые хорошо показаны в работе Г. Иванченко «Идея совершенства в психологии и культуре». Укажем только, что ремесленное мастерство строилось как уникальность продукта при фиксированном предмете деятельности. Магию мастерства всегда искали в тайнах технологии производства. Сегодняшняя идея мастерства сдвинула проблематику в сферу самореализации и самоактуализации личности, в сферу таинства порождения замысла, в сферу целеполагания. Поэтому сегодняшняя идея мастерства реализуется на принципах уникальности, индиви-

⁵¹ В Советском союзе была сделана попытка формализации жизни всех сообществ: для всех искусств были созданы «союзы» (художников, писателей и т.д.), а для субкультурных увлечений – «клубы» и «кружки». Но эта попытка фактически провалилась и привела к выхолащиванию и фактическому умиранию деятельности в этих формализованных структурах. Тут же появилось «подполье» (андерграунд), где декларировалась и осуществлялась подлинная жизнь сообществ. В этом смысле чрезвычайно показательным было парадоксальное явление, возникшее еще в середине 50-х г.г., когда интеллигенция активно начала самостоятельно изучать труды К.Маркса, а государство начало их преследовать за атисоветскую пропаганду.

дуальности и признания⁵², которые становятся **стилевыми** характеристиками образа жизни сообщества.

Во-вторых, описанный выше принцип «проектной сдвигки» приводит к парадоксальному следствию, когда действие, выполненное строго по правилам, перестает считаться правильным. Оценка сдвигается со способа выполнения действия на его результат и, соответственно, изменяются и критерии оценки самого результата⁵³.

В-третьих, оказалось, что одна и та же деятельность может строиться по разным основаниям, и то, что в нормативной системе рассматривалось как недопустимая эклектика, в сообществах рассматривается как продуктивная креативность. Это означает, что если при нормативно организованном образе жизни мы, в лучшем случае, можем обсуждать только проблему множественности культур и этно-культурной толерантности, то в образе жизни сообщества мы должны обсуждать проблему **поликультурности** самих систем деятельности и **толерантности как способа и стиля жизни сообществ**.

В-четвертых, это принципиальное изменение формы организации управления. Управленец перестает рассматриваться как носитель власти, и к нему выдвигаются требования как к носителю административных услуг. Иными словами, разрушается прежняя базовая идея единства управления и власти. Сообщества, как социально-психологическая группа, живут не по законам управленческой власти, а по законам самоорганизующихся систем. Это означает, что управление «принадлежит» не какому-то структурному органу, а является функцией системы, которая реализуется через инициативные проекты, которые выдвигаются и реализуются самими членами этой системы. За счет этого механизма сообщества обретают способность к саморазвитию и саморегуляции собственных состояний (см. рис. 3).

⁵² Принцип признания означает открытость деятельности, ее субъекта и ее продуктов для всех видов внешней оценки, в отличие от профессионализма, где оценка строится по степени соответствия деятельности отнормированному образцу.

⁵³ Общеизвестным на сегодня является тот факт, что критерии оценки проекта деятельности принципиально отличны от критериев оценки плана выполнения работ.

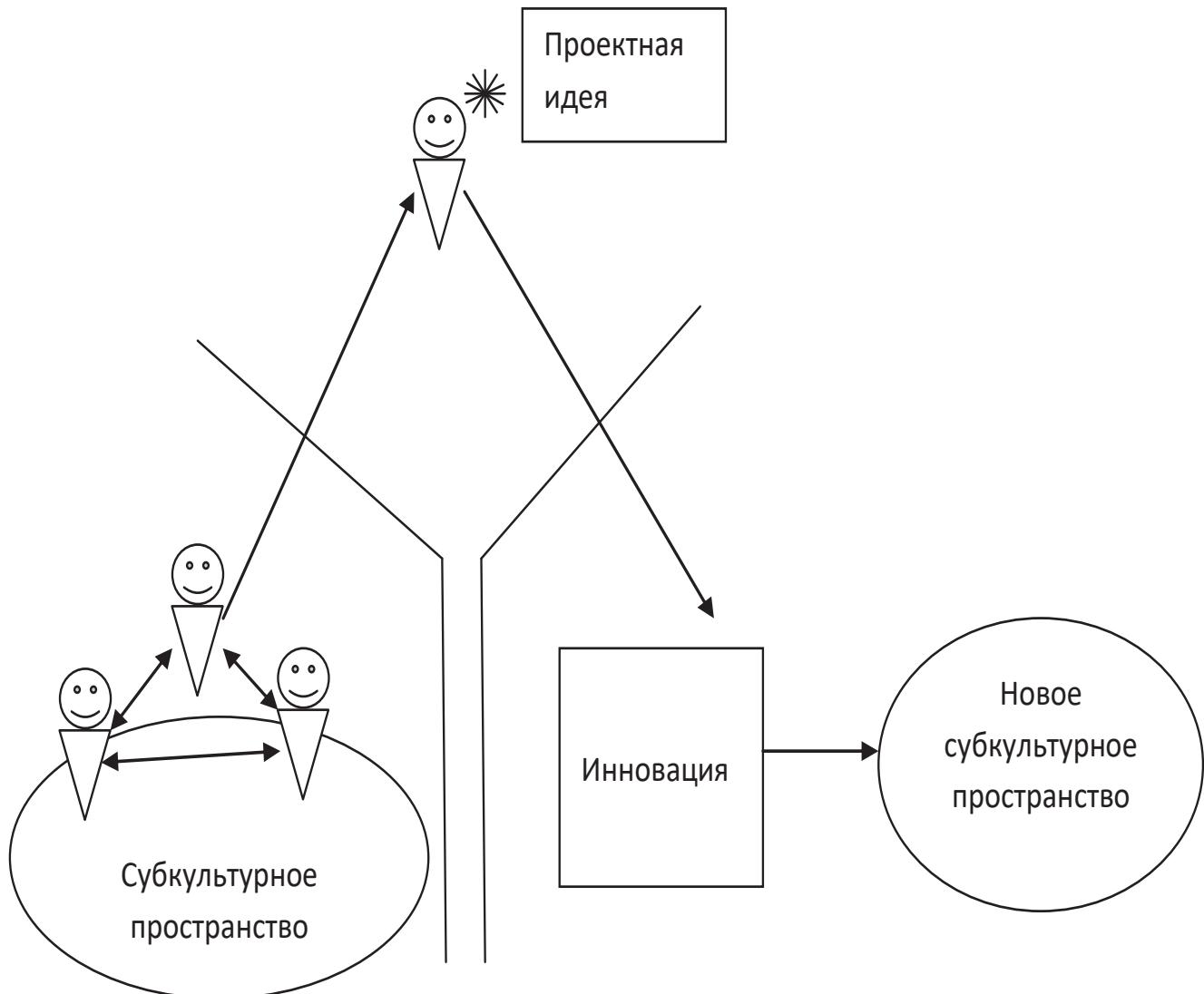

Рис. 3. Проектный способ управления

Приведенные в анализе описания и характеристики общин, населения и сообщества как особых видов социально-психологических групп, можно обобщить и в свернутом виде представить в табличной форме (см. табл. 1).

Завершая анализ социально-психологических общин, укажем еще на два, с нашей точки зрения, принципиально важных момента.

1. В каждом виде группрабатываются свои специфические механизмы, обеспечивающие их существование в большом историческом времени, механизмы воспроизведения и трансляции всех базовых характеристик. Но в самих этих механизмах заложены и условия, при которых они перестают

работать, что приводит к распаду и исчезновению тех или иных конкретных общностей. Собственно, этот механизм трансформации и является механизмом социогенеза.

Таблица 1.

Базовые социально-психологические характеристики групп

Виды групп	Параметры		
	Пространство жизнедеятельности	Образ жизни	Стиль поведения деятельности и общения
Община	Общинная предметная собственность и осознанно артикулированное право на владение этой собственностью	Формы и схемы организации управления собственностью и самоуправления общины	Устойчивые особенности способов осуществления общенных типов деятельности
Население	Заданные границы и искусственные регулятивные нормы; единство переживаний и воспоминаний	Решение задачи на жизнеобеспечение	Индивидуалистически-групповой: взаимная поддержка и конкурентность
Сообщество	Субкультурные идеи в общем коммуникативном поле	Проектные идеи и их определенное воплощение (реализация)	Поликультурность, толерантность, уникальность, индивидуальность, открытость

2. В сегодняшних условиях жизни отчетливо проявляется наличие социально-психологических механизмов «внутренней» трансформации групп, их социодинамики. Мы пока не можем его описать в форме научной модели, но факты показывают, что такие трансформации абсолютно реальны. Так община может, по каким-то причинам, вдруг доверить свою жизнь одному лидеру, который установит для всех остальных «правильные законы» и, тем самым, прекратить свое общин-

ное существование и превратиться в население. Население «вдруг» может вспомнить о своем праве на собственность и стать общиной или увлечься проектной идеей и стать сообществом. Члены сообщества могут потерять свое общее коммуникативное поле и стать просто «любителями марок» – братья Стругацкие в романе «Второе пришествие марсиан» грустно шутили по этому поводу устами главного героя: «Ах, вы марочки мои, марочушки, только вы меня никогда не подводите». А могут обзавестись свое реальной общей собственностью и стать общиной.

Пока что мы можем утверждать только одно: социогенез и социодинамика могут и должны стать предметом социально-психологических исследований и практик.

Литература

1. Швалб Ю.М. К определению понятий среды и пространства в жизнедеятельности человека 2004, Т2 с 183 -
2. Эколого-психологические факторы современного образа жизни : Монография / Под ред. Ю. М. Швалба. - 2-е изд., пере-раб. и доп.- Житомир: Изд-во ЖДУ им. И. Франко, 2009. - 458 с.
3. Бевзенко Л. Стили жизни переходного общества. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2008. — 144 с.
4. Носов Н.Н. Виртуальная психология
5. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. С.-П.; Изд. дом «П.Э.Т.», 1996. – 155 с.
6. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов – ж. Вопросы методологии, 1991, № 2, с. 3 – 11.
7. Генисаретский О. И. Опыт конструирования общественных систем // В кн.: Моделирование социальных процессов – М., 1970. С. 28 – 42.
8. Розин В.М. Личность как основатель и менеджер “себя” и субъект культуры //Человек как субъект культуры. – М.: Наука, 2002. - С. 42-112.
9. Маркс К. Критика полит. экономии / Карл Маркс; Предисл. Ф. Энгельса, Т. 1, кн. 1 : Процесс производства капитала. - М. : Политиздат, 1988. - 891 с.
10. Иванченко Г. Идея совершенства в психологии и культуре. – М.: Смысл, 2007. -255 с.

3.7. Проблема суб'єктивного благополуччя особистості у просторах розвитку і самоздійснення⁵⁴

1. Благополуччя як ідея та принцип організації життедіяльності

Постановка проблеми. В останні роки проблема благополуччя набула надзвичайної популярності, хоча її психологічні дослідження мають достатньо давню історію. У світовій психології⁵⁵ склалося декілька провідних підходів, які акцентують увагу або на переживанні благополуччя як стану особистості, або на почутті благополуччя як суб'єктивного показнику якості життя. У першому підході увага акцентується на гедоністичних показниках, а у другому – на соціальному порівнянні. Але ці підходи мають і певні спільні риси, серед яких провідною є розуміння благополуччя як оцінної категорії. Це означає, що благополуччя розглядається як особливий вид оцінного ставлення індивіда до умов існування. У теоретичному плані провідною підставою для формування такого ставлення постають різноманітні потреби особистості, а ступінь їх задоволення виступає провідним емпіричним показником суб'єктивного благополуччя.

Проте у багатьох дослідженнях було переконливо доведено, що ступінь задоволеності потреб індивіда слабо корелює з суб'єктивним почуттям задоволення життям, почуттям благополуччя та щастя. Ці дослідження фактично ставлять під сумнів вихідну теоретичну модель прямого зв'язку благопо-

⁵⁴ Текст даного параграфу опублікований у двох статтях видання «Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАН України», том 7 – екологічна психологія: (1) «Психологічні засади соціального благополуччя особистості в зрілому віці» (випуск 47, 2019. – С. 314-331), (2) «Благополуччя як ідея та принцип організації життедіяльності» (випуск 48, 2019. – С. 257-269).

⁵⁵ Одразу треба відмітити, що за радянські часи в науковій літературі ця проблема взагалі не розглядалась.

луччя та стану задоволеності потреб особистості. Виходячи з цього можна припустити, що переживання благополуччя не можна зводити до емоційно-оцінного стану індивіда, а потрібно розглядати цей феномен у більш широкому контексті культурно-психологічних конструктів особистості.

Основний матеріал. В першу чергу слід відмітити, що у культурологічному вимірі поняття благополуччя (чи благополучності) застосовується у достатньо широкому контексті, який охоплює не тільки стан конкретної особи, але й співвідноситься з певними життєвими обставинами і навіть життям у цілому. Так відомо, що у первинному тлумаченні благополуччя визначалося як «хороший випадок, судьба (доля)», тобто відносилося до позитивного вирішення певної ризикованої ситуації, де значне місце посідає «випадок», який взагалі не залежить від даної особи. Таке розуміння благополуччя зберігалося до наших часів, але з психологічної точки зору тут важливими є два моменти.

По-перше, у цьому тлумаченні благополуччя розглядається як дія зовнішніх сил (судьби, богів, героїв тощо), а не як наслідок активної дії самого індивіда. Тобто індивід тільки переживає цей щасливий випадок, але не створює ці події, не виступає її суб'єктом, у сучасному розумінні. При цьому сама подія (випадок) як «дарунок» може наповнюватися будь-яким змістом – від уникнення смерті до виграшу у карти (лотерею) чи знахідки будь-якого омріянного предмету. Важливим є не зміст, а визнання того, що є певний над-індивідний суб'єкт, який і «подарував» це благо. Таким чином, само поняття благополуччя не є простим відображенням життєвого стану індивіда, а є певною міфологемою, яка задає функціональну структуру і спосіб розуміння індивідом життєвих подій. У якості міфологеми поняття благополуччя поєднує, «стягує в єдиний вузол» такі конструкти, як

- Судьба (доля) чи інший над-індивідний суб'єкт, який спричиняє розгортання подій;
- Щастя, як найвищий стан перебування індивіда у цьому світі;
- Удача, як можливість отримання чогось бажаного і омріянного чи уникнення жахливих наслідків ситуації, вірогідність чого дуже й дуже низька, майже неймовірна.

Узагальнено міфологічну складову благополуччя можна визначити наступним чином: Благополуччя – це усвідомлене переживання того, що судьба подарувала дещо бажане і омріянє як щастя, і цей дарунок є рідкісною удачею. Взаємозв'язок базових категорій можна відобразити у наступній схемі (рис.1).

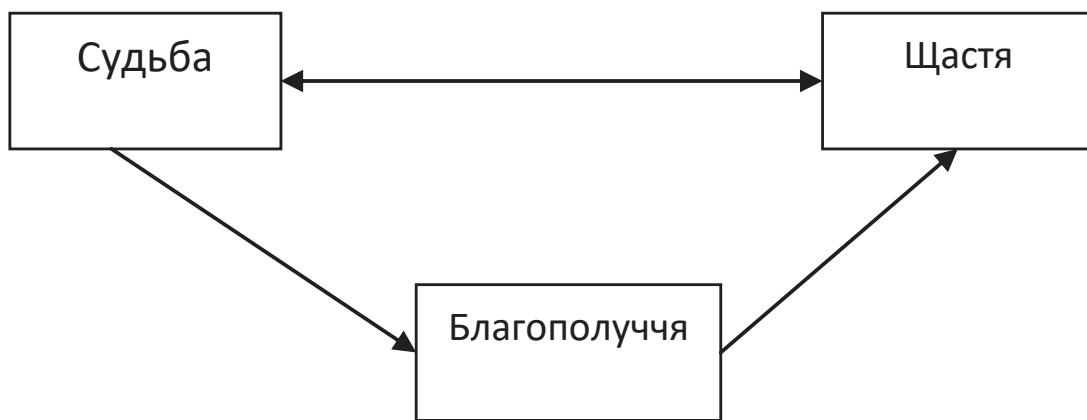

Рис.1. Благополуччя в системі базових категорій життя

По-друге, така конструкція міфу передбачає здійснення певних дій у відповідь на утворене благо. Такою дією постає «принесення вдячності», у якій має бути чітко визначено кому, за що і у якій формі приноситься ця вдячність. Суттєво, що вдячність – це суро символічна дія, тобто ритуалізована частина того ж самого міфу і, відповідно до нього, вона ще має бути прийнятою. Проблемність вдячності полягає в тому, що вона має бути максимально широю, бо судьбу не можна обдурити, в силу її над-людської сутності, а будь-яка спроба обману приведе до того, що вона «відвернеться» від індивіда чи того гірше – почне мститися. Якщо удача покине людину, то вона вже ніколи не стане благополучною і щастя їй більше у житті не побачить. Така жорстка вимога на ритуально-symbolічну частину дії передбачає виникнення і розвиток вдячності як психологічного конструкту, як почуття, як особистості здатності до такого почуття.

Таким чином, благополуччя – це не просто стан або почуття особистості, а складний міфологічно-психологічний конструкт, який має власну позиційну структуру і специфіку темпорального розгортання. У позиційному плані благополуччя виникає як наслідок взаємодії двох суб'єктів: один суб'єкт – це індивід

який опинився в ситуації, яку він не в змозі позитивно вирішити, а другий – той у кого є спроможність такого вирішення (над-індивідний суб'єкт), яке надається як «дарунок».

Але на цьому взаємодія не завершується: індивід-отримувач дарунка має визначити персону суб'єкта-дарувальника і виявити ширу вдячність за отриманий дарунок. Ця подяка закриває один темпоральний цикл благополуччя, та відкриває перспективу для нових циклів.

Якщо спростити цю конструкцію до базових подієвих елементів, то її можна зафіксувати у достатньо простій і наочній схемі (рис. 2).

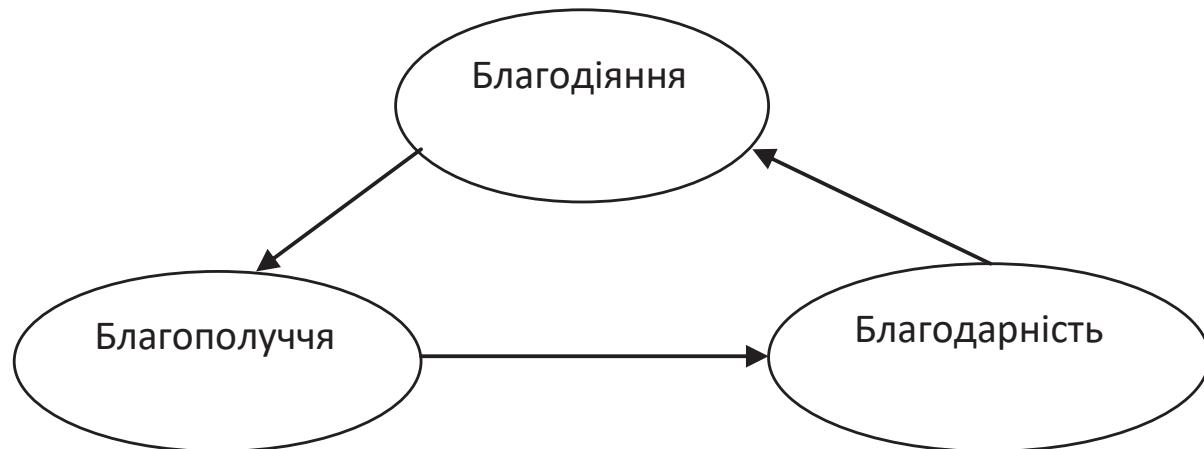

Рис. 2. Цикл утворення благополуччя

До цього слід додати, що ця перспектива у культурно-психологічному плані виокремлюється як усвідомлений конструкт «надії», надії на краще майбутнє, надії на щастя.

Проведений аналіз показує, що у своїй міфологічній формі благополуччя набуває певних психологічних ознак і характеристик. Благополуччя, в першу чергу, це не стан, а особливе переживання індивідом певного фрагменту чи ситуації власного життя. Це переживання майже неймовірного випадку як «удачі» і «щасливої миті», що наповнює це переживання дуже сильними та позитивними емоціями, навіть, якщо сама подія була наповнена жахами і страхом смерті. При цьому, сама удача як дія приписується не собі і не обставинам, а певній персоніфікованій силі як дійсному суб'єкту подій. Такий

спосіб каузальної атрибуції⁵⁶ передбачає наявність беззаперечної віри в існування і могутність над-індивідних (надлюдських) суб'єктів управління життедіяльністю людини і подіями що відбуваються. Таке вірування постає психологічною передумовою прийняття самої події як благополуччя. І, як ми вже вказували, переживання благополуччя як дарунка від над-індивідного суб'єкта, передбачає наявність здатності до відчуття і вираження щирої вдячності за подію. Ця вдячність утворює суб'єктивний простір надії на те, що благополуччя і щастя не покинуть людину. Фактично надія є проханням про продовження такої взаємодії, «співпраці» у майбутньому і, водночас, підкріплює вихідне вірування. В такий спосіб психологічна функціональна структура «замикається» і стає самодостатньою і само відтворюваною, тобто цілісним конструктом особистості. Такий конструкт можна відобразити через кругову схему (рис.3).

Рис.3. Психологічна будова конструкту благополуччя в міфологічній свідомості

⁵⁶ Відмітимо, що у класичній теорії каузальної атрибуції Г.Келлі така форма взагалі не розглядалася.

Дана функціональна будова ідеї благополуччя, на наш погляд, значною мірою збереглася до сьогодення переважно у людей з розвинutoю релігійною свідомістю, хоча там є певні особливості, а також у вигляді не рефлексивної ментальності, де всі ці конструкти представлено у своїх часткових та буденних формах. Проте, слід зазначити, що запропонована модель має не тільки, і не стільки історико-пізнавальний сенс, скільки постає теоретичним підґрунтям для побудови психологічних практик допомоги людям у скрутних життєвих ситуаціях. Річ у тому, що в тих ситуаціях де людина втрачає суб'єктивну спроможність управління перебігом подій, втрачає відчуття власної суб'єктності і почуває себе «тріскою в бурхливому океані», там дуже швидко актуалізується саме ця модель переживання. В наших дослідженнях психологічних наслідків Чорнобильської катастрофи, у численних дослідженнях ПТСР та багатьох інших однозначно доведено, що стійка актуалізація даної моделі в сучасних умовах життя призводить до руйнування суб'єктності особистості, до викривлення атрибуції відповідальності та формування негативних соціально-психологічних установок, типу «рентних», та таке інше. Наявність такої моделі дозволяє більш ефективно будувати процес психологічної допомоги (консультування, психотерапії тощо) людям після психотравмуючих подій.

Але, повернемося до поняття благополуччя. Цікавим є те, що описана вище модель, почала руйнуватися у межах тієї же релігійної свідомості, а саме через протестантську етику. Там стверджується, що земне благополуччя людина має будувати самостійно, створювати його власним зусиллям, а Б-г тільки дає благословення на ці зусилля, якщо людина йде праведним шляхом і здійснює правильний спосіб життя. Це призводить до кардинальної зміни змістового наповнення ідеї благополуччя, яке тепер трактується через поняття «правильне життя» і «достаток».

Поняття правильного життя відображує етичну сторону життедіяльності особистості і передбачає, почасти, необхідність і обов'язковість надання допомоги іншим людям, які потрапили у скрутне становище. Тобто надання допомоги іншому постає тепер не як «дарунок долі», не як риса особистості, не як «доброта душевна», а як людський обов'язок і повинність. Саме звідси виросли такі форми доброчинності, як воло-

нтерство, гуманітарна допомога тощо. Головне полягає у принциповій зміні суб'єкта переживання благополуччя. Благополуччю тепер становиться не той, хто отримує якесь благо, а той хто може безкорисливо надавати благо іншому⁵⁷, нужденному індивіду. Відповідно до цього змінюється і функціональне місце «вдячності» – вдячним має бути не отримувач допомоги, а її надавач. Людина, яка надає допомогу іншому, «вчиняє добро» чи «надає добро» має бути вдячною Б-гові і Ділі за саму можливість вчинити такі дії (рис. 4).

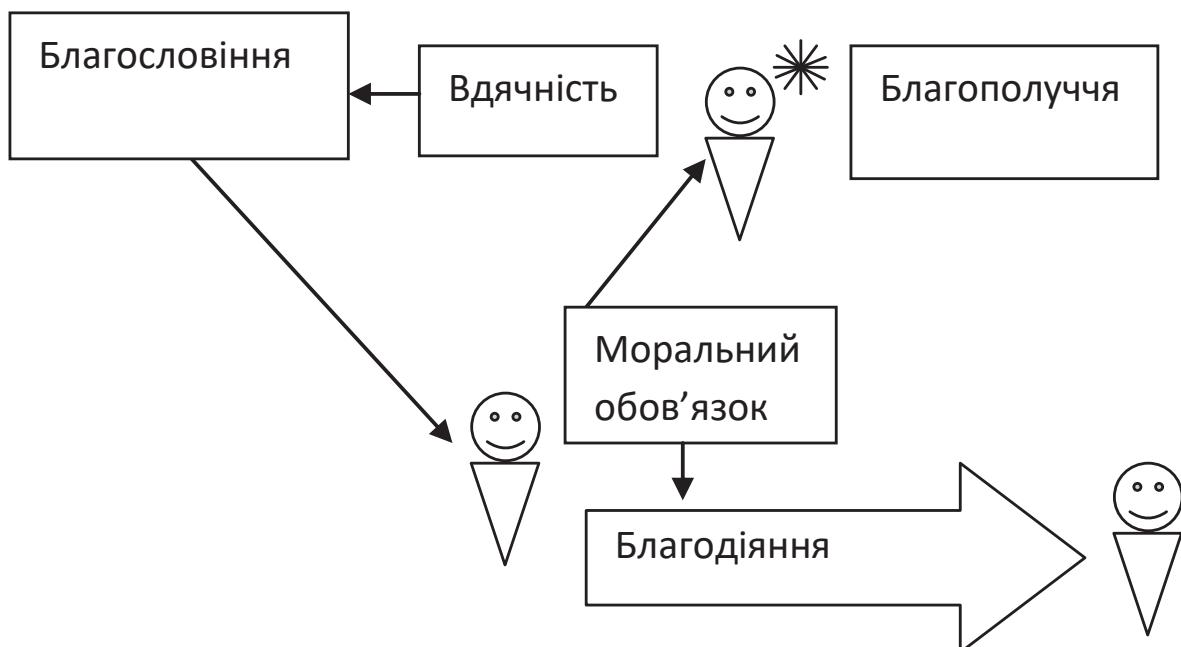

Рис. 4. Етична модель благодіяності

Етизація самої ідеї благодіяності і її розгортання у простір життедіяльності конкретної особистості привело й до суттєвої зміни в ставленні до матеріальної сторони життя, яка взагалі відсутня у міфологічному конструкті. Щоб надавати допомогу іншому людина має бути спроможною на це, тим більше, що благодіяння не може створюватися на шкоду собі⁵⁸. Замість традиційної дихотомії «багатство – бідність» вводиться

⁵⁷ В багатьох мовах, зокрема в українській, закріпилася особлива шаноблива форма звернення до іншої людини – «добродій».

⁵⁸ У цьому сенсі благодіяння не можна розглядати як жертвіність, чи здатність «зняти з себе останню рубаху і віддати її іншому».

поняття «достатку» як відповідності статків матеріальним потребам індивіда з наявністю незначного надлишку. В соціально-економічному плані ідея достатку призвела до формування так званого «середнього класу», який при ліберально-демократичному устрою вважається найбільш продуктивним і прогресивним прошарком населення. У психологічному плані ідея достатку означає рефлексивне співставлення розміру доходів з реальними потребами при усвідомленому обмеженні як гонитви за прибутками, так і власних потреб. В соціально-му плані саме наявність достатку стає підґрунтям для надання благодійної допомоги нужденним.

Таким чином, зсув ідеї благополуччя із простору міфологічного бачення світу у простір етики та моральності міжлюдських стосунків суттєво змінює всю конфігурацію благополуччя як психологічного конструкту. Провідним чинником виникнення переживання благополуччя становиться почуття виконаного морального зобов'язання перед Б-гом, Світом, людьми та, головне, перед самим собою. Моральне задоволення від власної благодійності і стає провідною формою переживання благополуччя. Рефлексивне усвідомлення моральних причин і наслідків власних дій стає підставою для оцінного ствердження власного життя як «правильного», тобто відповідного установленим Б-гом і людьми законом життя. Така оцінка замикає весь конструкт у кільцеву структуру, породжуючи особливу форму мотивації благодійних вчинків – форму самомотивації, коли усвідомлена цінність морального вчинку стає достатнім мотивом для його здійснення, незалежно а ні від наявних потреб індивіда, а ні від тиску ситуативних обставин життедіяльності (рис. 5).

До сказаного слід додати ще одну, на наш погляд, дуже важливу річ. Як ми вже вказували, у міфологічній свідомості поняття благополуччя зв'язується із базовим конструктом Судьби/Долі і здійснюється як її виявлення. В етично орієнтованій свідомості ця зв'язка розпадається і ідея благополуччя тепер виступає як частина зовсім іншого базового конструкту, а саме конструкту «Справедливості». Ідея справедливості постає провідною, такою що детермінує людську відповідальність і обов'язок по її втіленню у земне життя. Інакше кажучи, в етично орієнтованій свідомості стверджується, що людське благополуччя неможливе при відсутності справедливості і, навпаки,

людське благополуччя можливе тільки як затвердження і здійснення справедливості.

У цьому конструкті індивід постає як повноцінний суб'єкт життедіяльності і подальша трансформація ідеї благополуччя йшла саме по цій лінії, хоча й у двох різних напрямках.

Рис.5. Психологічна будова конструкту благополуччя в етичній свідомості

З одного боку, посилювалась соціальна сторона життедіяльності де ідея благополуччя набуvalа соціально-порівняльного і оцінного характеру. Провідним засобом оцінки благополуччя стає міра накопичених ресурсів і найближчим спорідненим поняттям стає поняття «добробуту». Добробут має не тільки відносно чітку соціально-нормативну базу, але й предметне вираження, що робить процедуру соціального порівняння й оцінки достатньо простою і доступною для вимірювання. Окрім того, така модель дозволяє виокремлювати різноманітні види благополуччя, розділяючи його на «соціальне»,

«економічне», «професійне» тощо, в залежності від типу ресурсів за сферами життєдіяльності. Проте, при такому «об'ективістському» підході неминуче відбувається деперсоналізація самого поняття благополуччя – воно втрачає смисл особистісного переживання, а набуває статусу об'ективного показника стану будь-якого соціального суб'єкта – індивіда, сім'ї, спільноти, етнічної групи, підприємства, соціуму, держави тощо. Інакше кажучи, поняття благополуччя втрачає частину свого психологічного змісту через виключення переживань та набуває більшого соціологічного (соціально-економічного) сенсу за рахунок розширення категорії суб'єктів та введення показників порівняльної оцінки. У цьому життєвому контексті поняття благополуччя pragmatизується, а в соціології з'являється низка теорій «обміну», де благополуччя розглядається як наслідок рівноцінного (справедливого) обміну одного блага, яке надається одним соціальним суб'єктом іншому і отримує від останнього щось рівноцінне у будь-який еквівалентній системі. Але, ще раз підкреслимо, що на відміну від простої торговельної угоди, яка відбувається за схемою відповідності якості і ціни товару потребам і можливостям покупця, тут йдеться про реалізацію ідеї справедливості і збереженні почуття вдячності щодо діючого суб'єкта (див. рис. 6).

Проте, ця модель (а точніше, ті відносини, які в ній зафіксовано) містить низку дуже складних протиріч, які руйнують зовнішню простоту і гармонійність моделі. Навіть якщо не торкатися проблеми «що таке справедливість», то у складних соціальних системах завжди відкритим залишається центральне питання: «Хто кому надає благо?»⁵⁹ і, відповідно, «Хто кому повинен?». Робітник на підприємстві повинен роботодавцю, який надав йому робоче місце і зарплатню й на додаток вимагає «корпоративної лояльності», як прояв вдячності? Чи підприємець повинен робітнику, який своїм розумом і працею забезпечив прибутки і тепер вимагає частину цих прибутків, як прояв вдячності? Це протиріччя виявляється у різних формах – від прямих соціальних конфліктів до вироблення нових соціально орієнтованих програм, але ця проблема виходить далеко за межі обговорюваної теми і ми далі не будемо її торкатися.

⁵⁹ На метафоричному рівні це питання дитячої пісочниці: «Хто перший почав?».

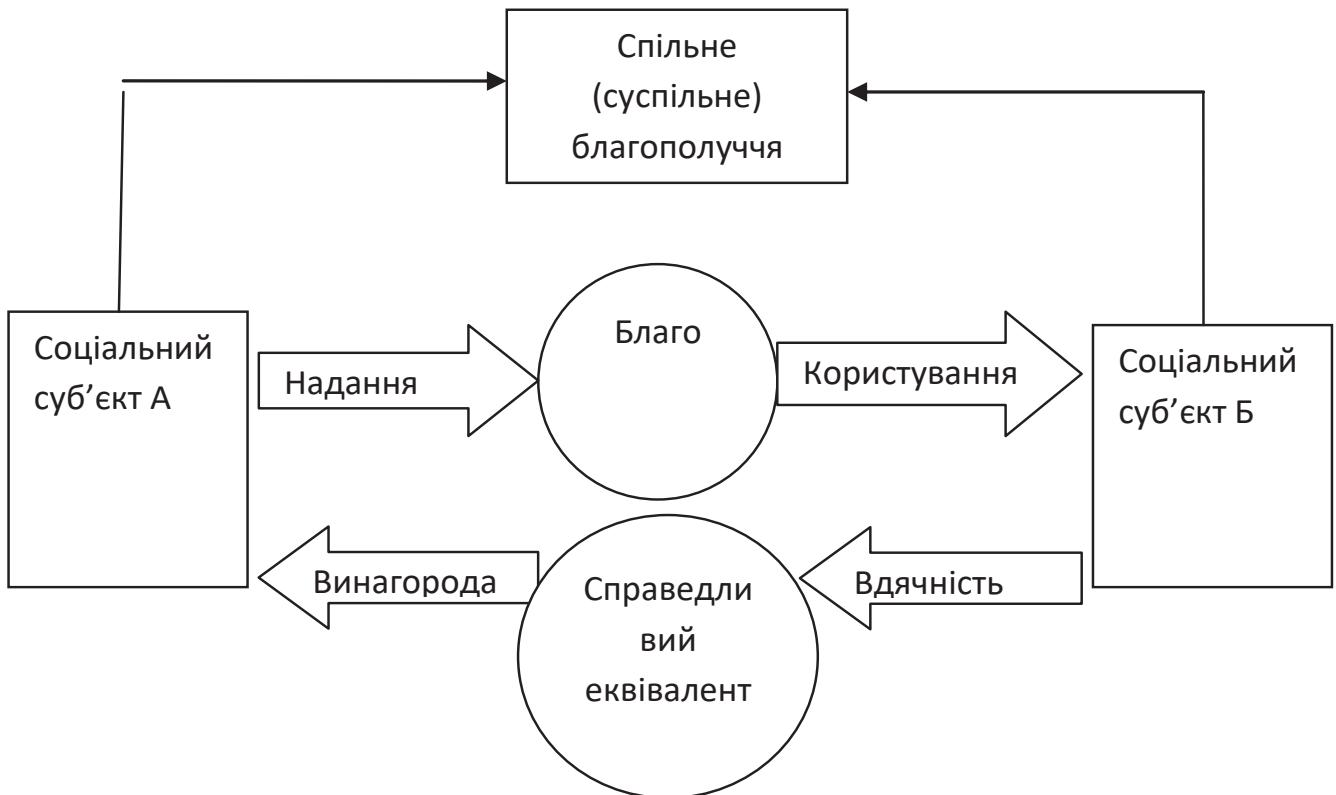

Рис. 6. Соціологічна модель благополуччя

З іншого боку, на противагу соціогізму, стверджується ідея благополуччя як суто суб'єктивного феномену індивідуально-особистісного переживання якості життя. В цій картині світу благополуччя набуває особливих рис.

По-перше, воно стало співвідноситься з поняттям життя у цілому. Тобто, благополуччю є не тільки певна особа, а її життя, не окремий випадок чи ситуація, а у цілому, як рефлексивна оцінка його якості. Дуже важливим є поєднання суб'єкта і життя у певну нерозривну конструкцію «життя людини» – благополучче життя і благополучна людина⁶⁰ стають майже синонімами.

По-друге, стверджується уявлення, що життя має бути благополуччним. Тобто, благополуччя постає як цінність і мета, якої треба досягти у власному житті. Ніхто не може людині надати благополуччя, чи зробити її благополуччною. Людина стає дійсним суб'єктом утворення власного благополуччя. На ціннісному рівні свідомості ідея благопо-

⁶⁰ У цьому сенсі поняття благополуччя може розповсюджуватися й на родину.

луччя пов'язується з концептом щастя, хоча і не співпадає з ним, а виступає тільки як його буденне втілення. А на цільовому рівні воно пов'язується з досягненням певного особистісного стану – стану «душевної» рівноваги, комфорту, здоров'я, задоволеності тощо.

По-третє, такі особистісні стани не можна а ні «надати» комусь, а ні «взяти» собі, бо вони суто суб'ективні і мають тільки часткову предметну вираженість. Так, чудово обставлена квартира для когось може бути комфортою, а для когось – ні, і самі по собі шпалери чи меблі є тільки матеріальною умовою комфорту, а не самим почуттям комфорту. Тому мету досягнення благополуччя не можливо реалізувати у формі звичної предметно-цільової дії, хоча така мета має бути наповненої певними предметизованими «реперними точками», які вказують індивіду на його просування до благополуччя, але самі не складають особистісного благополуччя. Таким чином, благополуччя як мета (цільовий конструкт) набуває специфічної форми «життєвої інтенції», «спрямованості» чи «орієнтації», яка задає тільки певні предметні орієнтири просування, але не має форми кінцевого результату. Усвідомлення благополуччя як мети може здійснюватися у трьох провідних інтенціях:

- як спрямованість на переживання «тут і зараз» певного психоемоційного стану, який суб'ективно пов'язаний із переживанням благополуччя і виражається формулою: «Я почую себе ...»;

- як спрямованість на переживання якості життя через рефлексивну оцінку подій на життєвому шляху і умов життедіяльності, і виражається формулою: «Життя вдалося»;

- як спрямованість на рефлексивну самоідентичність через категорію благополуччя і виражається формулою: «Я благополучна людина».

По-четверте, незалежно від змістового наповнення цільового конструкту, для його досягнення треба здійснювати якісь дії – у цій концепції благополуччя само не приходить – індивід повинен стати повноцінним суб'ектом власного благополуччя. Індивід повинен мати певні вміння для його створення: «Я вмію ... отримувати задоволення від життя ... створювати себе комфорт ... завжди бути збалансованим ...» і таке інше, в залежності від конкретики суб'ективних ознак благополуччя. Всі ці вміння, на наш погляд, знаходяться в одній дієвій пло-

щині – це різноманітні форми прояву «турботи». Це не невротична «стурбованість», а позитивна спроможність виявляти турботливе ставлення до власних почуттів, до оточення, до власного «Я».

По-п'яте, спроможність зробити, побудувати власне благополуччя кардинально зміщує і точку вдячності – вона інтерналізується і зосереджується у самому індивідові. На буденному й метафоричному рівні ця позиція фіксується через твердження: «Мое благополуччя є справою моїх рук». При цьому, в залежності від загального світогляду, частка вдячності у вигляді особливої пошани, може віддаватися і іншим суб'єктам – Б-гу, батькам, державі, друзям тощо. Але це вже «вторинна» вдячність – не за отримане благополуччя, а за власну здатність його створювати – за «надання сил, таланту, здібностей, характеру тощо». Така вторинна вдячність є дуже важливою складовою почуття благополуччя, бо утримує людину від нескінченного самозвеличування, бо надмірна зарозумілість та пихатість, через механізми негативної петлі зворотного зв'язку, знищують саме благополуччя людини.

Таким чином, у цьому суб'єктно-особистісному підході, благополуччя, як психологічний феномен, вибудовується в особливий психологічний конструкт:

- Самовизначення стосовно ідеї благополуччя: чи є вона для нього життєвою цінністю що наближає до щастя, чи в нього актуальними є інші ідеї і уявлення про щастя. Хоча таких альтернативних ідей і не дуже багато, але їх достатня кількість і вони є достатньо розповсюдженими у сучасному соціумі. Такими можуть бути ідеї успіху, багатства, служіння, влади тощо.

- Рефлексивне розрізnenня благополуччя як власний ситуативний психологічний стан (як наявне переживання) чи як бажану якість власного існування, що призводить до побудови когнітивного конструкту самого поняття «благополуччя».

- Усвідомлення необхідності щось робити для отримання благополуччя, тобто переформулювання когнітивного уявлення в форму життєво значущої мети з виокремленням суб'єктивних показників (реперних точок) його досягнення у конкретних ситуаціях життедіяльності.

- Побудова внутрішньої «програми дій» з отримання і утримання психологічного стану благополуччя як прояв турботливого ставлення до себе і оточуючого світу.

- Усвідомлення себе як суб'єкта і творця власного благополуччя з відрефлексованою вдячністю собі та тим «Іншим», хто надав спроможність і здатність діяти.

Даний конструкт можна відобразити у схемі (рис. 7).

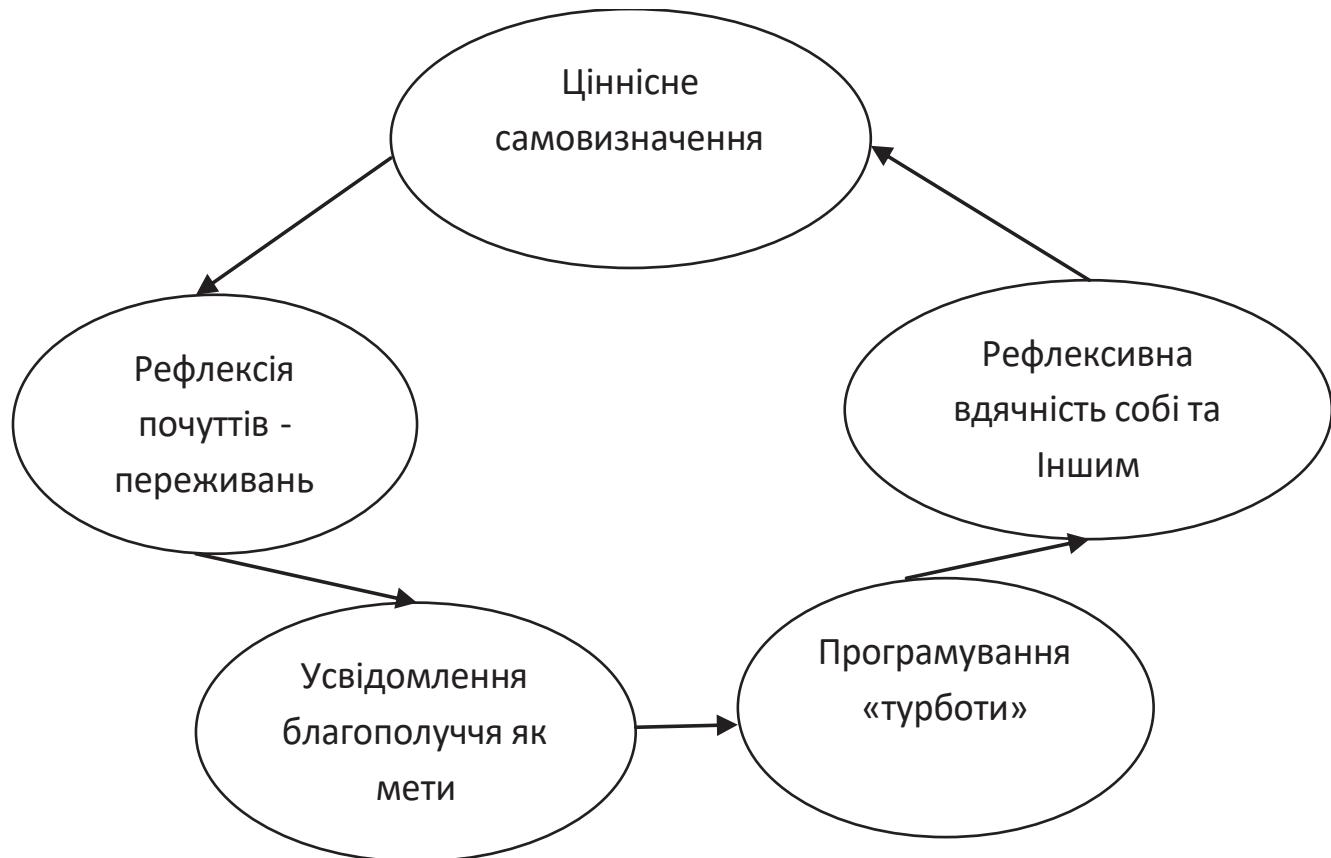

Рис. 7. Суб'єктно-особистісна модель благополуччя

До всього сказаного хотілося б додати ще два міркування. По-перше, в буденній свідомості ці моделі представлено не у такому рафінованому вигляді, а, скоріш, як певна суміш поглядів та почуттів, де ми можемо виявляти тільки переважання того чи іншого підходу. По-друге, на нашу думку ці моделі можуть слугувати гарним підґрунтям для побудови різноманітних психологічних практик від розробки психодіагностичного інструментарію до технологій особистісного зростання.

Загальні висновки.

1. Благополуччя є складним культурно-психологічним феноменом, де сама ідея благополуччя завжди вписана і від-

повідає певним загальнокультурним уявленням про смисл і цінність життя, а форми його переживання набувають різного змісту і зв'язків з іншими почуттями.

2. Різні культурно-психологічні моделі, не дивлячись на наявні розбіжності, у своїй основі будуються на єдиній схемі функціонального зв'язку структурних елементів, що робить сам феномен благополуччя впізнаваним, незалежно від конкретних форм його прояву у переживаннях.

3. Прийняття ідеї благополуччя як життєво значущої та як цінності існування, перетворюють його психологічний зміст від форми простого почуття у форму іцьової тенденції та принципу організації життедіяльності особистості.

2. Психологічні засади соціального благополуччя особистості в зрілому віці

Постановка проблеми. Благополуччя особистості раптово стало одним з найпопулярніших об'єктів гуманітарних досліджень. То й виникає питання: це просто чергова модна тема, чи воно стало реальною соціально-психологічною проблемою буття людей? А якщо це дійсна проблема, то у чому, власне, полягає сама проблемність: нам його катастрофічно не вистачає, чи ми прагнемо, щоб його було все більше і для всіх?

У контексті психологічної концепції образу життя, яка розробляється в рамках екологічної психології, ці питання можна «згорнути» до одного, ключового, на наш погляд. Це питання про функціональне місце феномену благополуччя у структурі життедіяльності особистості. Для пошуку відповіді на це питання нами було проведено цикл теоретико-експериментальних досліджень, яких охоплював три провідних аспекти організації життедіяльності особистості. Це, по-перше, діяльнісний аспект, пов'язаний з власною життєвою активністю індивіда, по-друге, комунікативний аспект, пов'язаний з особливостями міжособистісних відносин індивіда, по-третє, середовищний аспект, пов'язаний з особливостями сприйняття й оцінки загальної ситуації життедіяльності.

Загальна архітектоніка дослідження будувалась за віковим принципом, тобто на кожному віковому етапі розвитку особистості ми досліджували всі три аспекти, виявляючи специфіку

їх соорганізації та змістового наповнення. Виявилось, що проблема благополуччя постає особливо актуальною для осіб середнього віку (36 -50 років), тому у даній статті ми зупиняємося саме на цій категорії людей.

Основний матеріал.

Аналіз отриманих даних показує наявність трьох провідних факторів, які визначають суттєве зростання особистісної значущості благополуччя в структурі образу життя осіб середнього віку.

Перший фактор – це виникаюча до середнього віку задоволеність наявним життєвим положенням, як у соціально-статусному, так і в професійному аспектах життєдіяльності. Життєва суeta, зв'язана із прагненням до досягнень і успіху переміняється прагненням до стабільності й упорядкованості життя. Так, за нашим даними⁶¹, серед молоді у віці від 23 до 35 років, що має вищу освіту й добре працевлаштована, приблизно 80% орієнтовані на подальші життєві зміни. Орієнтація на зміни може приймати найрізноманітніші форми й охоплювати самі різні сфери життя, але для цієї групи респондентів характерним є фактична відмова від обговорення теми життєвого благополуччя. Сама тема життєвого благополуччя для них зводиться або до того ж досягненню успіху, або до одержання різних задоволень від життя. Близько 15% респондентів (жінки) бачать бажані зміни в напрямку досягнення життєвої стабільності й благополуччя. Для цієї групи майбутнє представлене або у вигляді знаходження сімейного благополуччя (найбільш частими є висловлення, типу: «добре вийти заміж і більше ні про що не турбуватися»), або досягнення стабільності в професійній сфері (найбільш частими є висловлення, типу: « знайти гарну роботу, щоб хоч щось робити

⁶¹ Дослідження проводилося в період 2016 – 2018 р.г., у ньому взяли участь 125 дорослих респондентів із середнім рівнем доходів, з них 61 людей у віці 23 – 35 років і 64 людини у віці 36 -50 років. У дослідженні використовувався комплекс якісних методів: стандартизоване інтерв'ю, опитування й групове обговорення. Результати були оброблені за допомогою методів контент-аналізу й наступної статистичної обробки даних.

й одержувати гарну зарплату»)⁶². І тільки 5% молодих людей взагалі не орієнтовані на які-небудь життєві зміни.

Зовсім інша, прямо протилежна картина спостерігається у віковій групі від 36 до 50 років. Життєві зміни починають обговорюватися не в контексті розвитку, а в контексті життєвих труднощів і необхідності їх подолання. Сама ідея й необхідність змін викликають опір, а в деяких випадках і відвертий страх. Основна причина такого опору й страху – невідомість і непередбачуваність наслідків зміни, тобто майбутнього.

Майже 75% людей цієї вікової категорії зорієнтовані на збереження устояного способу життя, навіть якщо в ньому чітко видні вже усталені негативні аспекти. Для них будь-які зміни несуть у собі погрозу вже усталеному, хоч якомусь, але благополуччю. Обговорюючи можливе майбутнє, можливі зміни воно вибудовують переважно негативний прогноз розвитку подій і підкреслюють, що їх «життя вже навчило». Іншими словами, для цієї групи респондентів характерний перехід від позитивних очікувань життєвих подій до пессимістичних прогнозів щодо можливих змін. Метафорично виражаючись, радісні очікування молодості зміняються пессимістичними прогнозами зрілості. Однак більш детальний аналіз показує, що реальним мотивом опору змінам є аж ніяк не страх перед майбутнім (принаймні, у нашій вибірці він був відзначений тільки в 4% респондентів), а бажання зберегти той рівень суб'ективного благополуччя, який уже досягнуто. Особливо яскраво це виявилося при доборі метафор, які з погляду учасників обговорення, найбільше точно відображають їхню життєву ситуацію. Зазвичай учасники використовували різні народні прислів'я й приказки, які інтерпретуються ними як: «народна мудрість говорити». По частоті згадувань найбільш використовуваними (майже 65% усіх метафор) виявилися три прислів'я: «від добра добра не шукають», «краще ворог гарного» і «краще синиця в руках, чим журавель у небі». Ще 13% склали прислів'я, типу «не буди лиха, поки воно тихо» і згадування китайсь-

⁶²Цікаво, що аналогічні життєві установки ми виявили при дослідженні життєвих перспектив в 90% студентів з обмеженими функціональними можливостями (докладніше див. Швалб Ю.М., Тищенко Л.В. Майбутнє і сьогодення студентів з обмеженими функціональними можливостями: психологічні аспекти. Монографія. - К. Основа. 2015 -240 с.).

кого прокльону «щоб тобі жити в епоху змін». Інші 22% склали різні метафори, які за змістом збігалися з наведеними вище, але мали яскраво виражений особистісний зміст. Серед них були й досить поетичні, типу: «Метелик не знає, у що він перетвориться, тому краще як можна довше залишатися метеликом». До сказаного слід додати, що в цій підгрупі жоден з учасників жодного разу не згадав ні одного прислів'я протилежного змісту (типу: «під лежачий камінь і вода не тече»). Цей факт нам представляється досить важливим, тому що він показує, що дана метафорична форма є вираженням стійкої соціальної установки, яка реально направляє й організує соціальну поведінку індивідів.

Така життєва стратегія, що спрямована на досягнення й збереження суб'єктивного благополуччя виявляється досить ефективної за умови відносної стабільноті соціальних умов життя. Але якщо зовнішні обставини змінюються так, що зберегти усталений спосіб життя вже неможливо, то індивід переживає свою ситуацію як життєву катастрофу. Як правило, ще виражається в «залипанні» у власнім минулому – воно ідеалізується й представляється як «найкращий час у моєму житті», при цьому майбутнє прогнозується тільки в негативних змінах, а сьогодення переживається як безвихідне й безглузде.

Однак у цій же віковій групі (36-50 років) досить чітко прослідковується наявність ще двох позицій щодо питання про співвідношення орієнтації на зміни або стабільність. Невелика частина респондентів (блізько 10%) утверджують саму ідею необхідності змін, але тільки як вимушенну умову збереження життєвого благополуччя. Психологічна позиція людей цієї підгрупи може бути виражена в такий спосіб: «Життя, на жаль,увесь час змінюється, і щоб зберегти благополуччя треба бути готовим до цих змін». На відміну від попередньої підгрупи, ці респонденти вважають, що спрогнозувати зміни в сучасному динамічному світі неможливо й, тому, треба бути готовими до будь-яких змін. Така гнучка, пластична й адаптивна позиція є, очевидно, досить конструктивної. Самі респонденти описують її як здатність «прийняття» будь-яких змін, як уміння жити «тут і зараз». Ця здатність затверджується ними як головна підставка досягнення особистісного благополуччя. Але така «реалістичність» імпліцитно містить у собі одне досить істотне обмеження, пов'язане з тим, що неможливо бути готовим до

будь-яких змін. Тому що зміни настають раптово й непередбачене, то завжди виникає момент руйнування особистісного благополуччя й виникає необхідність прийняття (розуміння й осмислення) цих змін і відповідної перебудови способу життя для відновлення благополуччя. Приведемо тільки один, цілком типовий приклад з розповіді матері (46 років) про свою ситуацію взаємодії з дочкою (25 років): « Через рік, після того як вона закінчила університет, вона раптом вирішила їхати працювати закордон. Я дуже страждала, що її тепер немає поруч із мною, тому що вона була дуже близькою мені людиною. Але потім я із цим упокорилася, навіть поміняла роботу й стала більше заробляти, і тепер я можу кожні півроку їздити до неї в гості на цілий тиждень. Ми тепер знову щасливі».

Таку життеву стратегію можна умовно визначити як «готувність до змін заради відновлення життєвого благополуччя». Як ми вже говорили, вона є досить конструктивної, але часто приводить до виникнення й переживання того, що в сучасній психотерапії прийнято називати екзистенціальною кризою. Внутрішня здатність подолання цих кризових станів і визначає рівень особистісного благополуччя індивіда.

Третю групу цієї вікової категорії склали близько 15% учасників, які зв'язували благополуччя винятково із власною життєвою активністю. Їхня основна теза може бути сформульована в такий спосіб: «Людина може бути благополучною тільки тоді, коли в неї є можливість реалізувати власні інтереси». Аналіз висловлень показує, що ідея особистого благополуччя пов'язана із двома предикаціями:

- можливості як особистісний показник ступеня суб'єктивної волі;
- інтереси, які протиставляються потребам і зовнішній необхідності.

Усі респонденти цієї підгрупи підкреслюють, що можливості лежать не в просторі об'єктивних характеристик ситуації, а в просторі усвідомлення свого власного потенціалу й обмежень. Поняття інтересу вони використовують для фіксації найбільш особистісне значимих смисложиттєвих відносин. З'єднання цих частин у цілісний конструкт показує, що для цієї підгрупи благополуччя – це результат вільної реалізації особистісного потенціалу в значимих смисложиттєвих відносинах. У такому розумінні саме переживання благополуччя

відривається від наявного соціального або ситуативного контексту життя й переноситься у внутрішній, суб'єктний план як показник самореалізованості особистості й свідомості життя.

Досить примітним є ставлення респондентів до проблеми змін і майбутнього. У рамках їх базової установки цілком логічним і обґрунтованим представляється твердження, що, вони самі є джерелом і носієм життєво значимих змін. Причому, у психологічному плані це не зашквалювана інтернальність, а високий рівень усвідомлювання своїх власних дій і їх наслідків. При цьому, зміни й сила зовнішніх обставин зовсім не відкидається, а розглядається як нормальний, природній стан середовища, як зміна умов реалізації власних інтересів, які просто треба враховувати для корекції програм діяльності. Майбутнє, у цьому конструкті, представле не стільки через прогнозування зовнішніх змін, скільки через проектування змісту й форм керування власними діяльностями.

Саме благополуччя в цій стратегії стає природнім наслідком процесів самоактуалізації особистості, а суб'єктивний рівень благополуччя фактично оцінюється індивідом по ступеню реалізованості різних життєвих проектів.

Таким чином, у діяльнісному плані, тобто в просторі соціальної активності індивіда, чітко проявляється зрушення у ціннісно-значенневих підставах організації життедіяльності. Це зрушення полягає в тому, що ідея успішності й, відповідно, прагнення до успіху за всяку ціну, починає заміщатися ідеєю благополуччя й прагненням до стабільності, життєвої рівноваги й комфорту. Зміна ціннісно-значенневих орієнтирів приводить до зміни форм організації й життедіяльності в цілому, і конкретних форм цілепокладання. Коли ідея цілеспрямованості заміщається ідеєю доцільності, то механізми цілепокладання заміщаються механізмами цілеутворення. Доцільність, як загальний принцип організації й управління діяльністю, виникає в таких ситуаціях вибору, коли наявні умови представлені суб'єкту у вигляді обмеженого набору альтернатив. Принцип доцільності організації життя полягає в співвіднесені значимості мети й ціни витрат на її досягнення. Причому, альтернативними можуть бути будь-які компоненти акту діяльності при розв'язку задач – і цільові конструкти, і засоби, і способи, і матеріал, і значимі умови, і очікуваний результат діяльності. Цілеутворення – це завжди питання доцільності, і

поки людина приймає цей принцип як системотвірний, віна постійно перебуває в певної ціннісно-значеннєвій «вилці». З одного боку, усі здійснювані дії раціональні, правильні й відповідні життєвим цілям, але, з іншого боку, завжди залишається думка, що ціна, заплачена за досягнення цілей, виявилася значно вищою за вартість отриманих результатів.

Психологічна фіксація на цьому розриві приводить до істотного знецінювання будь-яких отриманих у житті результатів, стає джерелом невротизації, в остаточному підсумку, підставою того, що в психології прийнято визначати як «криза середнього віку». Іншими словами, перехід до базової життєвої ідеї благополуччя, незважаючи на все її позитивне звучання, містить у собі зародок глибокої життєвої кризи й внутрішньособистісного конфлікту.

Другим фактором благополуччя є зміни в системі міжособистісних відносин індивіда. Ці зміни мають цілком об'єктивну біо-соціальну природу й пов'язані із природними змінами у віковій структурі родини – власні діти ростуть, а власні батьки старіють. Діти, як правило, уже вступають у підлітково-юнацький вік, а батьки – у передпенсійний. Обоє ці процеси вимагають істотної перебудови всієї системи взаємодії особистості, у першу чергу, у напрямку посилення турботи й про тих, і про інших.

Чому саме турботи, і про яку турботу ми тут говоримо?

Почнемо із взаємодій з підростаючими дітьми. Звичайно ж, батьки опікуються про дітей усе їхнє життя – народна мудрість говорить, що головне завдання батьків – це довести дітей до пенсії. Але в цьому напів-смутному, напів-жартівливому вислові закладена базова соціокультурна установка на сталість і нескінченність батьківського ставлення до дітей, незалежно від їхнього віку. Більше того, та ж народна мудрість затверджує, що «маленькі дітки – маленькі бідки, а великі дітки – великі бідки», підкреслюючи, що з віком проблеми дітей не зменшуються, а хвилюють і турбують батьків усе більше й більше.

У той же час, саме поняття турботи в психології, напрочуд, слабко розроблене (очевидно, через його оманну повсякденну зрозумілість)⁶³.

Ми виходимо з того, що турбота є цілеспрямованою дією⁶⁴, тобто в психологічному описі вона повинна характеризуватися по всіх базових параметрах конкретного акту діяльності (мотив, усвідомлювана мета, уявлення про спосіб і засоби, розуміння матеріалу й умов, прогнозований результат тощо⁶⁵). Турбота як дія завжди спрямована на іншу людину, а всі форми турботи про себе (може, можна сказати «аутозабота»?) є її інтеріоризованими формами, тобто здійснюється по формулі: «Я опікуюся про себе як ... мати рідна, ... про найдорожчий і улюбленій тощо».

Турбота як акт діяльності є культурним феноменом по своєму походженню й соціальним по формах реалізації, тобто у свідомості людей вона представлена як деяка культурна ідея й принцип взаємодії й має певні для кожного конкретного соціуму стандарти й норми реалізації. Для всіх форм її прояву загальним є одне – турбота здійснюється в таких взаємодіях, де один суб'єкт взаємодії усвідомлено й добровільно дає іншому суб'єкту більше, ніж того потрібно безпосередньо по комунікативній ситуації. При обов'язковій умові, що суб'єкт дії сам розглядає свою дію (або опредмечену частину результату дії), як благо для іншого суб'єкта. Іншими словами, турбота виражається в непрагматичному добровільному акті дарування іншому понад-нормативного блага.

Турбота може приймати відчужені форми у вигляді професійної діяльності або змушених форм взаємодії, але у власне психологічному плані вона є конструктом свідомості доросlostі, одним з його психологічних новоутворень і проявляється як

⁶³ Не вступаючи тут у дискусії з різними авторами й трактуваннями, укажемо тільки на те, що нам ближче всього підхід Н.І.Козлова, який безпосередньо зв'язує поняття турботи з поняттям благополуччя.

⁶⁴ Ми вважаємо, що обговорювати турботу як прояв інстинкту – це неприпустиме біологізаторство. Більше того, проявом турботи у тварин можна вважати тільки ті поведінкові акти, які виходять за межі інстинктивної поведінки і є прямим показником інтелектуальної й розумної основи в поведінці тварин.

⁶⁵ Набір параметрів, природно, може варіюватися залежно від прийнятої схеми опису акту діяльності.

особистісна спрямованість і здатність до турботи про інших⁶⁶. Провідним мотивом турботи є ціннісне ставлення до іншого, засноване на почутті любові або емоційної прихильності. Основною метою турботи є доставляння задоволення й радості життя іншому (зробити приемне). Основні засоби й способи турботи лежать у просторі забезпечення або поліпшення функціональних станів іншого, але при цьому вони завжди мають і знаково-символічну природу вираження ціннісно-символічного змісту відносини суб'єкта турботи⁶⁷. Турбота як соціально-психологічна взаємодія припускає одержання двох результатів: на стороні суб'єкта здійснення турботи – це почуття актуалізованості й реалізованості свого ціннісно-символічного ставлення до іншого, а на стороні суб'єкта одержання турботи – почуття непрагматичної вдячності за виявлену турботу.

У динаміці сімейних взаємодій можна виділити щілий ряд нормативних типів, що послідовно переміняються, прояву турботи. Тому, турбота є дбайливість дорослого по відношенню:

- до малюка й маленької дитині полягає, не в забезпеченні й задоволенні вітальних потреб і потреб (це – нормативна частина батьківських дій), а в понад-нормативній взаємодії, у якім усіма доступними для дорослого формами комунікації виражається любов і цінність дитину (Турбота про емоційну прихильність).

- до дитини дошкільного віку – у створенні максимально сприятливих умов психічного розвитку й підтримки в зонах найближчого розвитку (Турбота про переживання радості й щастя).

- до дитини на етапі шкільної соціалізації – у допомозі в освоєнні різних форм соціальної взаємодії в широкій соціальній ситуації розвитку (Турбота про соціальну адаптивність).

⁶⁶ У великих родинах при високій зайнятості батьків завжди існувала соціальна норма здійснення турботи старшими дітьми стосовно молодших або турботи про немічного члена родини. Ця традиція широко поширена й зараз, але вона свідчить не про те, що турбота властива дитинству, а про форми й механізми дорослішання, прийнятих у тому або іншому соціумі.

⁶⁷ Утрата ценностно-символической функции как раз и определяет отчужденные формы заботы.

- до підлітка – у підтримці реалізації особистісних інтересів у формах соціально прийнятної активності (Турбота про безпеку).

- до юнацтва – в особистіснім прийнятті ініціатив і життєвих устремлінь (Турбота про самостійність).

- до молодості – у діючій підтримці життєвих проектів (Турбота про успішність).

- до доросlostі – у підтримці й утвердженні правильності прийнятих життєвих рішень і зроблених виборів (Турбота про благополуччя).

- до літніх – у демонстрації збереження й посилення значимості їх ролі в сімейнім житті (Турбота про забезпеченість).

- до старих – у підтримці почуття осмисленості прожитого життя (Турбота про спокій і умиротворення).

Таким чином, ми стверджуємо, що турбота про інших стає не тільки соціально-психологічним новоутворенням доросlostі, але й тим значущим центром, який стягує на собі базові підстави переживання благополуччя в зрілості. Функціональне місце благополуччя в структурі акту життєвої комунікації можна відобразити в наступній схемі, яка, по суті, є розгорненням схеми акту соціальної взаємодії (рис.8).

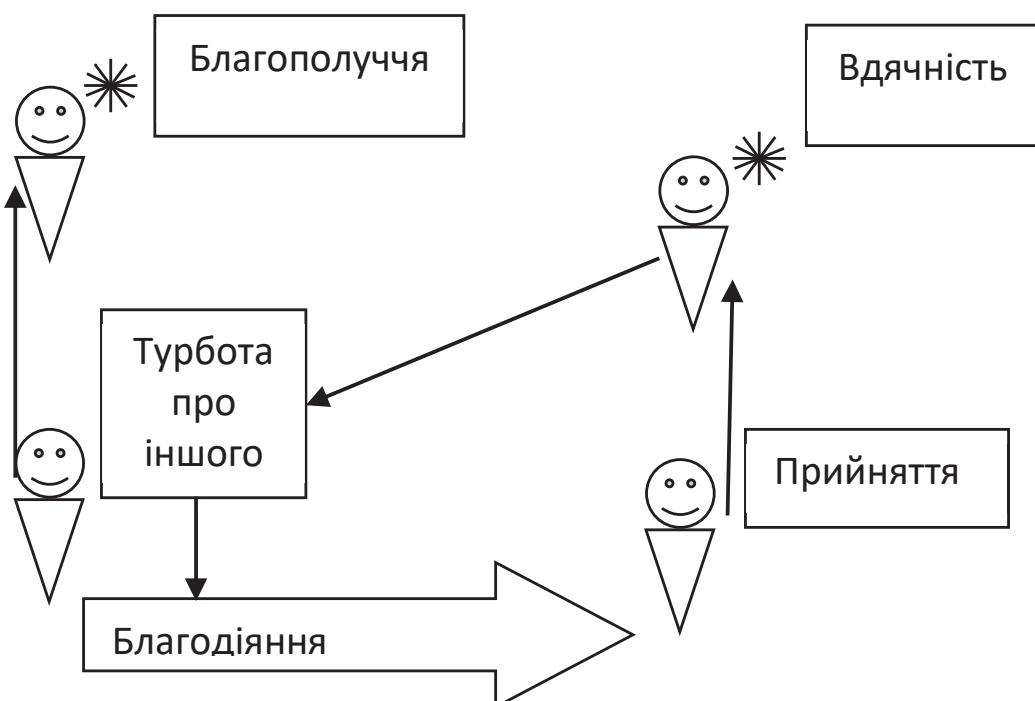

Рис. 8. Функціональне місце благополуччя в структурі акту життєвої комунікації

Дана схема наочно показує, що переживання благополуччя не зв'язане ні з матеріально-фінансовим станом індивіда (його добробутом), ні із предметними умовами його життя, а є функцією особливого соціокультурного типу взаємодії. Крім того, тут треба відзначити, що, хоча ми розглядали даний аспект життевого благополуччя через призму індивідуальних взаємодій у сімейних системах, але на наш погляд, ця модель добре описує благополуччя як функцію взаємодії будь-яких соціальних суб'єктів, від мікро до макрорівнів.

Аналіз благополуччя соціальних суб'єктів ніяк не входить у тему нашої роботи, тому ми не будемо далі зупинятися на цьому питанні. Але те, що психологічне благополуччя особистості тісно пов'язане із соціальною ситуацією його життя – не викликає сумнівів.

Третій фактор благополуччя особистості – сприйняття й оцінка загальної ситуації життедіяльності (середовищний аспект). У першу чергу відзначимо, що в даному контексті ми будемо розглядати відношення до середовища існування як фактору благополуччя особистості, тобто в екopsихологічному, а не в соціо-біологічному підході. У соціологічній, особливо, у біологічних теоріях поняття середовища береться в надзвичайно розширювальнім тлумаченні, як сукупність усіх зовнішніх факторів, що впливають на життедіяльність і поведінку конкретного індивіда (організму), що приводить до неможливості операціонізації поняття навколишнього середовища, і превалюванні в дослідженнях самого непродуктивного виду емпіризму.

У наших дослідженнях ми пропонуємо використовувати поняття середовища в більш вузькому й більш психологічнім значенні. Навколишнє середовище – це сукупність усвідомлюваних зовнішніх обставин життедіяльності, які безпосередньо включаються індивідом у систему керування діяльностями (поведінкою) і регуляції суб'єктивних станів. Із цього визначення випливає ряд кардинальних наслідків. По-перше, це означає, що в психологічне поняття навколишнього середовища не можна включати ті фактори, які, хоча й мають об'єктивну природу, але не усвідомлюються індивідом як реально існуючі й, навпаки, необхідно включати ті, які можуть не мати об'єктивної підстави існування, але сприймаються як дійсність

життя. Так, наприклад, наявність і ступінь інтенсивності сонячної радіації, хоча і є об'єктивним чинником, але не сприймається й не усвідомлюється індивідом, а наявність підступної магії в сусідки-ведьмачки, хоча й не має об'єктивних підстав, але може сприйматися й усвідомлюватися як абсолютна середовищна реальність. По-друге, не можна плутати абстрактне знання з усвідомленням – у повсякденному житті наші дії будується на підставі уявлень про реальність, на відміну від більшості професійних практик, які будується на підставі тих або інших видів наукового знання, тобто навколоішнє середовище представлене у свідомості індивідів, переважно через уявлення, а не через знання. По-третє, у структуру середовищних факторів необхідно включати тільки ті, на які індивід орієнтується безпосередньо при побудові власної дії, незалежно від довжини використованого логічного ланцюжка опосередкувань при побудові комунікативного обґрунтування цієї дії. Так, наприклад, якщо в наукових теоріях і дослідженнях ми цілком можемо обговорювати «ефект метелика», то в середовищному підході ми змушені обмежуватися тільки прямими причинно-наслідковими зв'язками.

Крім того, запропонований підхід дозволяє більш змістово структурировати поняття навколоішнього середовища «по вертикалі», тобто по рівнях мікро-, мезо- і макросередовища. Так мікросередовище може бути представлена як сукупність ситуативних обставин, що детермінують побудову конкретних дій і станів індивіда. Мезосереда – як сукупність умов, що утворюють організаційну інфраструктуру розгортання значимих видів діяльностей. Макросередовище – як представлений соціоприродний Світ, що задає закони розгортання життя й побудови життедіяльності.

Тому ми беремо поняття ситуації життедіяльності, яке ширше поняття «соціальна ситуація» і поняття й поняття життєвого благополуччя, яке ширше поняття соціального благополуччя.

У контексті ж нашої роботи важливо те, що в певний період доросlostі стійко спостерігається зміна психологічних підстав суб'єктивних оцінок і відносин до навколоішнього середовища. Ідея правильності життя трансформується й набуває ознак, які прямо пов'язані з переживанням життєвого благополуччя.

У мікросередовищі, яке охоплює коло людей і предметностей, з якими індивід вступає в безпосередню й повсякденну взаємодію, провідним стає відношення, засноване на ідеї комфорту. Якщо успіх визначає місце індивіда в соціальних структурах і відносинах, то комфорт і благополуччя визначає якість організованості суб'ективної, внутрішньої складової цьому життя. Ідеї комфорту й благополуччя дозволяють індивідові як би «вийти» із соціальних взаємодій і «обернутися» на власне існування, метафорично виражаючись «залишившися наодинці зі своєю власною тілесністю». Добре відомо, що психологічні границі тілесності лежать у рамках тієї предметності, яку індивід ідентифікує як винятково «свою»⁶⁸. Однак, питання границь фіксує тільки предметну сторону проблеми тілесності, а відношення індивіда до цієї предметності фіксується через категорію комфорту.

Ідея комфорту як особистісне переживання фіксує ті способи організації свого тілесного існування, які індивід оцінює як максимально сприятливі. Ідея комфорту, таким чином, фіксує суб'ективну оцінку якості організації тілесної сторони соціальному життя індивіда. Переживання комфортності, звичайно ж, не вичерpuється чисто тілесним відчуттям зручності в наявних предметних умовах життя, але містить у собі й цілком рефлексивну оцінку самих зовнішніх обставин життя. Ця рефлексивність пов'язана з тим, що оцінка обставин будується по суб'ективно певних критеріях віднесеності конкретних обставин до певної задачі життедіяльності, яка є актуальною для індивіда в цей момент. Тому почуття комфорту, по-перше, завжди прив'язане до конкретного типу задач (комфортно для роботи, відпочинку, або, навіть, життя) і, по-друге, задає цілісність переживання індивідом і свого положення в ситуації, і якості самої ситуації. Почуття комфорту, таким чином, стає одним із психологічних інструментів суб'ективизації ситуації й життевого простору, перетворюючи їх в «мою ситуацію» і «мій простір».

До сказаного додамо, що на мікросередовищному рівні істотним фактором переживання комфорту й благополуччя стає

⁶⁸ Развёрнутый анализ психоаналитических подходов содержится в работах Нартовой-Бочавер. В экопсихологическом подходе особый интерес представляют работы по структуре экологического сознания (см. напр. работы А.Верника, И. Кряж, А.Левочкиной, В.Скребца и др.).

стан здоров'я індивіда. Причому, йдеться не стільки про медичні показники здоров'я, скільки про внутрішнє, психологічнім переживанні індивідом себе як здорової//хворої людини. Переживання власного стану здоров'я стає одним із значимих факторів, що опосередковують ставлення індивіда до всіх інших складових життєдіяльності.

На рівні мезосередовища кількість і якість факторів, що впливають на переживання благополуччя, значно міняється, у першу чергу, у зв'язку з високим ступенем його структурної складності. У той же час, у численних соціологічних дослідженнях показане, що рівень життя (або соціально-економічна якість життя) досить слабко корелює з переживанням життєвого благополуччя, а в деяких випадках, взагалі з'являється негативний кореляційний зв'язок⁶⁹. Цей факт, на наш погляд, означає, що наповненість мезосереди доступними предметами споживання є недостатнім чинником для виникнення почуття життєвого благополуччя.

Якщо прийняти, запропоноване нами розуміння мезосереди як організаційної інфраструктури розгортання значимих видів діяльностей, то й саме поняття благополуччя знаходить цілком доступні для огляду параметри.

По-перше, усі елементи мезосереди як інфраструктури повинні виконувати **функцію сприяння** розгортанню життєво значимих діяльностей індивіда. Певний життєвий парадокс полягає в тому, що інфраструктурні компоненти мезосереди розглядаються індивідами як діючі суб'екти, які повинні нести якусь користь і благо, а самих себе індивіди розглядають як одержувачів цих благ.

По-друге, усі елементи мезосереди повинні бути **доступними** для використання й відкритими для обігу як до суб'ектів соціальних взаємодій.

По-третє, усі елементи мезосереди повинні бути **толерантними** до неминуче виникаючої в житті людей тієї або інший інаковості конкретних індивідів.

По-четверте, усі елементи мезосереди повинні бути спрямовані на **мінімізацію ризиків**, що несуть загрозу життю або здоров'ю індивідів.

⁶⁹ Границним показником такого неспівпадіння є достатньо розповсюджений феномен високого рівня суїцидів при високому показнику рівня життя.

В-п'ятих, усі елементи мезосереди повинні відповідати певним нормам **історичності й естетичності**, тобто давати почуття безперервності життя і її краси.

До цього треба додати, що в останні роки, особливо серед молоді, усе частіше звучить ще одна вимога до мезосередовища – воно повинне давати можливість **творчого прояву й самореалізації особистості**. Дійсно, сьогодні ми можемо затверджувати наявність виразної світової тенденції до росту значимості креативності не тільки на рівні життя конкретних індивідів, але й на рівні життя цілісних громад і соціальних спільнот.

Наведені п'ять мезосередовищних факторів життєвого благополуччя⁷⁰ фактично можуть розглядатися як базові показники екологічності життєвого середовища особистості. Сама ідея екологічності довгий час залишалася тільки в рамках біологічних наук, але на сьогодні вона впевнено узвичайлася не тільки в системі всього соціо-гуманітарного знання, але й у повсякденній свідомості людей. Ми тепер із упевненістю говоримо, наприклад, про екологічність психологічних практик і екологічності системи освіти, про екологічність сімейних відносин і психологічного клімату в організації, і так далі, і таке інше. Але при цьому саме поняття екологічності пророблене вкрай слабко. У нашій лабораторії екологічної психології Інституту психології ім. Г.С.Костюка НАН України було запропоновано наступне розуміння принципу екологічності життедіяльності: «Екологічними (ековідповідними) є усвідомлені дії індивідів, спрямовані на якісне поліпшення навколошнього середовища як базової умови зростання якості власного життя». У ракурсі процесів розвитку особистості ця теза переформулюється так: «Цілеспрямовані зусилля індивіда по розвитку якості життя навколошнього середовища є базовою умовою саморозвитку особистості». У ракурсі переживання благополуччя особистості ця теза переформулюється так: «Усвідомлена спрямованість на забезпечення благополуччя навколошніх є базовою умовою виникнення стійкого почуття благополуччя особистості».

⁷⁰ В данном контексте мы не рассматривали негативные факторы мезо-среды, так как они, по-преимуществу, являются обратными, по отношению к перечисленным позитивным факторам.

На рівні макросередовища основним фактором переживання благополуччя є ціннісно-оцінне відношення індивіда до сприйманих змін базових соціо-природних умов життедіяльності. Як ми вже говорили, особливість макросередовища полягає в тому, що всі її елементи існують тільки у вигляді певних абстракцій – життедайна природа, світовий океан, соціум, людська натура і т.д., і т.п. Кожний елемент може бути представлений у взаємодії тільки через якийсь свій частковий прояв, але не як цілісність (ця цілісність і є справжня метафізика). У нашій взаємодії з миром ми виходимо на цей рівень цілісності тільки опосередковано, через певний набір онтологочних ідей. Ці ідеї виступають як базові принципи розуміння (сприйняття світу) і організаційних принципів побудови взаємодії й миром.

Набір цих ідей цілком обмежений, хоча він і не є абсолютною догмою, тобто може суттєво варіювати в різних сферах життедіяльності й у різних культурах. Так, наприклад, у науці ствердилися деякі основні принципи (методологія науки), які одночасно задають і базові онтології, і способи побудови досліджень. У повсякденнім житті так само існує набір аналогічних принципів, які можуть бути виражені як метафорично (що посіеш, то й пожнеш), так і цілком раціонально (вчиняй з іншими так, як ти прагнув би, щоб вчиняли стосовно тебе).

Єдність людини й макросередовища (Людина-в-Світі й, однаково, Світ-в-Людині) фіксується через ряд граничних категорій, кожна з яких відображає певний аспект цієї онтології. Ми не беремося дати їхній повний перелік і аналіз, але в рамках розглянутого питання життевого благополуччя особистості, нам представляються найбільш значимими три категорії: «Справедливість», «Щастя» і «Доля». Кожна з них є певної онтологемою (по термінології О.Ф.Лосєва), тобто формою й способом розуміння життя.

Ідея справедливості відображає базове розуміння динаміки життевого процесу як постійного порушення // відновлення (або, навпаки, установлення // порушення) рівноваги й балансу життєвих сил. Залежно від культурного типу свідомості, справедливість може приписуватися різним суб'єктам-носіям – Богу, Природі, Життю, Іншим людям, Особистості і т.д., або міститися в різні просторово-часові топоси. Але, незалежно від цього, сама ідея справедливості розглядається як Закон Жит-

тя, а для індивіда вона стає принципом організації напрямку його власної системи дій і взаємодій.

Ідея щастя відображає вершинний стан буття Людини й Світу в цілому. Знову таки, незалежно від культурних відмінностей у розумінні щастя, воно виступає як гранична форма переживання гармонії Життя. Щастя є абсолютним сенсом людського буття у Світі. Треба відзначити, що останнім часом у якості такої абсолютної смыслової одиниці життя все частіше розглядається категорія любові. На наш погляд вони нерозривно зв'язані між собою, тому що любов є обов'язковою умовою виникнення щастя, а переживання щастя є єдиним надійним індикатором справжньої любові.

Ідея долі є найменш розробленою у світовій психології, що зв'язане, очевидно, із прагненням затвердити людину як суб'єкта власної життедіяльності. Але якщо брати контекст цілісного життя індивіда, то без ідеї долі обйтися дуже важко. Приведемо тут тільки короткий опис ідеї долі, дане у Вікіпедії: «Доля — одна із ключових і універсальних категорій культури людства, міфологема (Горан), онтологема (О.Лосєв), що описує фундаментальні відносини Людини й Світу. У ній виражені багатовіковий досвід «всенародного осмислення свободи і необхідності», спроба назвати ті «сили, які управляють світовим порядком і людською поведінкою»¹¹. Три найголовніші характеристики долі: тотальність, непізнаваність і незалежність від людської волі. По вираженню О.Ф.Лосєва, «доля є щось таке, що рухає всім і в той же час непізнаване». З одного боку, «доля ні з ким і ні із чим не рахується», з іншого, «долі, при всім гранічному відчуженні від тих, хто перебуває під її впливом, є справа до кожного». Тим самим доля — це зовнішня сила, яка зводить людську особистість до загального безособового вироку» [/https://ru.wikipedia.org/wiki/](https://ru.wikipedia.org/wiki/).

До цього ми додамо тільки одне: доля — це усвідомлюване, але непостигаєме обмеження людської суб'єктності. Якщо справедливість обмежує людське свавілля, то доля обмежує людські можливості, нагадуючи нам, що кожен з нас лише маленька часточка в загальному потоці Життя. Долі немає тільки в Б-га.

Але повернемося до теми переживання благополуччя дорослості. Ми намагалися показати, що благополуччя дорослості

на макрорівні життя (макросередовища) детерміновано трьома психологічними факторами:

- здатністю брати на себе відповідальність за встановлення й утвердження справедливості;
- збереженням віри в щастя й активного прагнення до нього як сенсу життя;
- наявністю значимих проектів життєвих змін, при прийнятті себе й свого минулого/сьогодення/майбутнього як факту, що постійно здійснюється.

Загальний висновок. Перехід від ідеї життєвої концепції соціальної успішності до ідеї життевого благополуччя передбачає істотну перебудову базових ціннісних орієнтирів і трансформацію систем соціальних взаємодій особистості. Трішки перебільшуточі, ми можемо сказати, що цей крок соціалізації дорослості зв'язаний зі зміною основної життєвої інтенції – основним вектором напрямку особистісних зусиль стає **турбота про життя**. Турбота не в значенні «заклопотаності» як невротизованого стану тривоги із приводу якихось справ і проблем, а в значенні «дбайливості» як особливого типу ставлення особистості до оточуючих людей, до світу й до самого себе. Очевидно, можна говорити про наявність чотирьох, найбільш значимих об'єктів такої турботи. Це – турбота про благополуччя близьких людей; турбота про власний тілесний комфорт; турбота про екологічність життєвого середовища й турбота про «правильність» протікання життя як такого. І якщо ця виявлена турбота знаходить вдячний відгук, то ми отримуємо реальну можливість переживання справжнього життєвого благополуччя.

ПРО АВТОРА

Юрій Михайлович Швалб розпочав свою трудову діяльність в Інституті психології імені Г.С. Костюка НАПН України (тоді - НДІ психології МО України) в 1977 році і з незначними перервами працює в ньому до цих пір. Саме тут він навчався в аспірантурі і докторантурі, успішно захистивши кандидатську (1984) і докторську (1998) дисертації за спеціальністю 19.00.07 - педагогічна та вікова психологія; удостоївся звань старшого наукового співробітника і професора за тією ж спеціальністю.

Юрій Михайлович є визнаним вченим, чий праці в дослідному полі загальної, вікової і педагогічної психології відомі далеко за межами України. Автор концепції визначення мети в навчальній діяльності, яка знайшла втілення в монографії «Психологічні моделі цілепокладання», відзначеною першою премією НАПН України в конкурсі наукових монографій (1999).

Він знаходиться в постійному науковому пошуку, захоплюючи за собою багатьох учнів і послідовників. Саме ця новаторська концепція стала надійною основою для подальших наукових кроків – розробки оригінальної теорії цілепокладання свідомості і становлення сучасного способу життя особистості.

С 2000 року і до цього часу Ю.М. Швалб керує лабораторією екологічної психології. Проблематика екологічної психоло-

гії є надзвичайно затребуваною, а завдяки ідеям керівника і його вмінню організувати і надихнути на науковий пошук, стає все більш актуальну: за 20 років роботи колективу співробітників отримують визнання не тільки в Україні, але й за її межами – в США, Канаді, Німеччині, Польщі, Казахстані, Арmenії, Грузії, Росії, Білорусі.

У лабораторії видається збірник наукових праць «Актуальні проблеми психології», том 7, з проблематики екологічної психології. Побачила світ перша і поки єдина на просторі Східної Європи хрестоматія з екологічної психології, видано аналогічну хрестоматію вітчизняних авторів, видано п'ять колективних монографій з еколого-психологічних проблем способу і якості життя, становлення екологічно-орієнтованого способу життя, життедільності особистості, ряд навчальних посібників з екологічної психології, які широко використовуються в закладах вищої освіти України.

Більш ніж 30 років Ю.М. Швалб веде активну педагогічну діяльність, з 2001 до 2015 рік очолював кафедру соціальної роботи на факультеті психології Київського національного університету імені Тараса Шевченка. За цей час ним було створено цілісну систему професійної підготовки соціальних працівників, яка ґрунтується на впровадженні новітніх психолого-педагогічних технологій в процес навчання студентів. Під його керівництвом і редакцією на кафедрі підготовлено та видано перший в Україні підручник «Психологія соціальної роботи». З 2015 року й по теперішній час – професор кафедри соціальної роботи факультету психології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Понад 15 років Ю.М. Швалб з однодумцями впроваджує власні ідеї професійної психологічної освіти в авторській «Психологічній школі», яка організовується двічі на рік влітку й взимку в різних місцях України і світу.

Ю.М. Швалб є автором понад 200 наукових публікацій в Україні та за кордоном. Під його керівництвом захищено більше 30 кандидатських дисертацій. Він є науковим консультантом більше 9 захищених докторських дисертацій.

Швалб Ю. М. є одноосібним автором 5-х наукових монографій, співавтором 6-х колективних монографій, співавтором 2-х навчальних посібників і 1-го підручника, які мають гриф МОН України

Ю.М.Швалб активно і плідно працює в прикладних галузях психології. Він є одним з провідних в Україні фахівців у галузі психолого-педагогічної та еколо-психологічної експертизи, експертом вищої кваліфікації МОН України, діючим експертом Швейцарсько-Українського проекту «Підримка децентралізації в Україні», членом правління Громадських організацій «Товариство незалежних експертів» та «Асоціації організаційних психологів».

За свою професійну діяльність відзначений різними нагородами, зокрема: Грамотою Академії педагогічних наук України (1997); Дипломом І ступеня Академії педагогічних наук України (1998); Почесною грамотою Київського національного університету імені Тараса Шевченка (2005); Почесною грамотою НАПН України (2005, 2015), Медаллю МОН України імені К.Д. Ушинського (2016).

ПІСЛЯМОВА

Ідея створення даної книги прийшла нам достатньо давно. В яку б тему – нову чи класичну – кожен з нас не занурювався, так чи інакше, але в публікаціях Юрія Михайловича Швалба «зажди є що прочитати з цього приводу». Одна проблема, «зберігати під рукою» ту кількість видань, в яких вони опубліковані, практично неможливо, а деякі з його публікацій «домережевої епохи» взагалі залишаються бібліографічною рідкістю. Тому ми й наважилися на цей досить ризикований крок – структурувати публікації Шефа різних років.

Лейтмотивом його творчості, та й усього способу життя, з нашої точки зору, є ідея розбудови власного «хорошого» життєвого простору, власного «Ейкосу» – Дому. Це і комфорт, і безпека, і успішність, і благополуччя, і дружба, і любов, і наставництво, і саморозвиток, і самоздійснення й багато іншого. Людина сама відповідальний за Світ навколо себе. У цьому власноруч збудованому Домі і постає особистість.

Дане видання є другим, доповненим й переробленим. За п'ять років, що минули від першого нашого досвіду, відбулося багато змін: в наукових інтересах Юрія Михайловича, в суспільному житті. Перше дозволило нам доповнити дане видання однією з найактуальніших тем сьогодення – публікаціями щодо благополуччя особистості, друге – використати ідею «спільнокоштів» для друку достатньої кількості екземплярів.

Тож, завершуючи, наводимо список тих «співучасників» даного проекту, без чиєї участі він не був би реалізований.

З повагою і любов’ю,
співробітники лабораторії екологічної психології

**Висловлюємо найщирішу вдячність усім тим,
завдяки кому ця книга стала можливою**

*Андрющак Максим Юрійович
Вагабова Анастасія Олегівна
Варава Людмила Анатоліївна
Вовчик-Блакитна Олена Олександрівна
Волинець Наталія Валентинівна
Гарнець Оксана Миколаївна
Горбань Галина Олександрівна
Данчева Ольга Вадимівна
Денисова Ганна Олександрівна
Дідковський Сергій Володимирович
Кирпенко Тетяна Михайлівна
Корнієнко Інокентій Олексійович
Львочкіна Антоніна Михайлівна
Матвієнко Оксана Володимирівна
Мельник Юлія Вікторівна
Онищенко Галина Іванівна
Опанасенко Людмила Анатоліївна
Павленко Оксана Володимирівна
Паламарчук Ольга Миколаївна
Партенадзе Оксана Віталіївна
Пінчук Олена Валентинівна
Рудоміно-Дусятська Олена Володимирівна
Супріган Анастасія Олександрівна
Тищенко Лілія Валеріївна
Царук Інна Василівна
Яковенко Сергій Іванович
Яновська Світлана Германівна*

Інститут психології імені Г.С. Костюка НАПН України
Лабораторія екологічної психології

ЕКОЛОГІЯ ЖИТТЄВОГО ПРОСТОРУ ЛЮДИНИ

*вибрані праці Ю. М. Швалба
(до 65-річчя від дня народження)*

Укладачі:

*Рудоміно-Дусятська О.В., Вернік О.Л., Вовчик-Блакитна О.О.,
Кирпенко Т.М., Павленко О.В.*

Верстка і оформлення обкладинки:
Вернік О.Л.

Підписано до друку 07.07.20. Формат 60x84¹/16.

Папір офсетний. Друк офсетний.

Гарнітура Century Schoolbook.

Умовно др. а. 17,34. Фізично др. а. 18,73

Замовлення № 165. Тираж 100 екз.

Вид-во: поліграфічний центр «Київогбуд»
Київ, вул. М.Омеляновича-Павленка, 4/6